ДЕНЬ и НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №6 | 2017

Сергей Карбушев | Сухие подсолнухи | 50 × 90 | 2004

Сергей Карбушев | Косогор | 60 × 80 | 2014

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения № 6 | 2017

В номере

ДиН память

Борис Петров
3 Вот он я, Господи…

Вячеслав Назаров
29 Мы—свободные птицы

библиотека современного рассказа

Рена Яловецкая
21 Из книги «Сибирские палестины»

Александр Щербаков
27 Наша взяла

Сергей Кузнечихин
75 Капризы памяти

Елена Граменицкая
83 Песок и скамейка

Юлия Нифонтова
86 Давай просыпайся!

Олеся Стасевич
91 Оськин локомобиль

Екатерина Сергеева
103 Non capisco, signora…

Тамара Хведченя
106 Исповедь

ДиН ревю

Эльдар Ахадов
26 Бытие

Татьяна Ягодинцева
85 Изоляция
160 Дверь в ловушку

Мария Теплякова
179 Письма звонаря

ДиН краеведение

Виктор Аференко
30 Енисейский уезд—валютный цех страны

мосты над облаками

Марина Саввиных
49 Заповедник времён, или Тайна Земли Постникова

ДиН стихи

Константин Иванов
59 Перед последним единеньем

Виталий Молчанов
62 Посох тяжкий

Александр Орлов
65 Лето между строк

Игорь Колыма
66 В городе Эм

Геннадий Кацов
125 По законам гравитации

Оксана Горошкина
128 Никто не умер

Николай Вдовин
182 Цвет календулы

ДиН диалог

Юрий Беликов, Борис Миронов
68 Хрустальная люстра единства

ДиН пародия

Евгений Минин

74 Пародисту памятник в Москве

127 В нирване вдохновенья…

ДиН эссе

Владимир Берязев

108 Сумасбродные мысли о выборе веры

ДиН роман

Вячеслав Миронов

130 Отрицательное пространство

ДиН публицистика

Виктор Буланичев

161 Крестьянский поэт Спиридон Дрожжин

Евсей Цейтлин

164 Один из сюжетов возвращения

Клуб читателей

Владимир Яранцев

171 На разнице потенциалов

Нина Ягодинцева

180 Рассказать историю

Синяя тетрадь

183 По страницам Красноярской городской газеты «Детский район»

185 Из архива «Синей тетради»

186 Турнир сочинителей

187 «За всё благодарите! Всему радуйтесь!»

194 ДиН авторы

1932–2011

Борис Петров

Вот он я, Господи…

Главы из книги «Жизнь — житуха — житие»

Авто-Биография

Теперь у нас много граждан, для которых автомобиль составляет чуть ли не главную цель жизни, её радость и половину интереса. Марка, мощность, какой мост ведущий, правый или левый руль, коробка-автомат, а если ещё и кондиционер, и бортовой компьютер! Эти технические свойства для нынешних автовладельцев — музыка, поэзия, предметы гордости, зависти и мечты.

Я к подобным фанатам престижа и комфорта никогда не относился. Разные колёса сопровождали меня всю самую активную часть жизни, то есть полвека, но никогда не обладали свойствами самоценности — служили исключительно средством исполнения практических желаний, прежде всего рыбацких и охотничьих. И тем не менее, оглядываясь теперь, с удивлением вижу, что мои транспортные средства совершенно точно отражали мой возраст, служебный рост, социальный статус и даже уровень постижения смысла жизни. Презренные колёса, какая-то техника, в конце концов, просто железяки — и смысл жизни? Не перехватил ли я лишку? Пожалуй, что нет. Восстанавливают же археологи по глиняным черепкам и каменным кладкам характер давно исчезнувшего общества, его культуру и верования. Так что не только железо мои машины, а в некотором роде и колёса судьбы.

В начале было Слово… Первым стал ковровский мотоцикл К-175 с одной выхлопной трубой, но с плоским сиденьем на двоих, в просторечии «Кашка». Я жил в сибирском селе, на охоту и рыбалку можно было ходить пешком, а в сухую пору ездить на велосипеде. Но на мотоцикле-то и быстрее и дальше! А дальше, малому ребёнку известно, всегда дичи больше и рыба крупнее. И как раз сложилось, что меня перевели на новую работу в райцентр, а вместо отпуска выплатили компенсацию. Вместо отпуска и появился в моей жизни этот ковровец.

Поначалу железный друг вызывал в душе только пьянящее чувство ликования, будто я взлетел вольной птицей и увидел просторы широко и заманчиво. Круг моих охотничьих похождений сразу расширился неизмеримо, запредельные дали стали доступными (в пределах районного масштаба). Или можно вечером после работы вывести Кашку за рога из его сарайчика и сгонять на утиную вечорку, вернувшись в темноте с мощной фарой. Да мало ли!

Как это прекрасно — лететь над землёй, встречая мир открытой грудью, радостно весь его принимая в себя. Бывало, едешь летними сумерками, за день запахи на лугах в знойном воздухе настоятся и вечером плавают над землёй колышущимися облаками. Когда гонишь на мотоцикле, то грудью разрываешь эти ароматные облака, и от быстрой смены — скорость обостряет восприятие! — запахи усиливаются во много раз. Каким же душистым был мир моей молодости! И беспредельным.

Довольно скоро я сообразил приспособить на заднюю часть сиденья вместительный ящик — салон для молодого охотничьего пса, и умница Ярик сразу в нём освоился. Правда, несколько раз случалось: вдруг где-нибудь на луговой дороге озорной Кашка возьмёт да взбрыкнёт задком на пружинах рессор. И мой Ярик, будто из древней камнемётной машины, вылетал из своего салона и, совершив дугу над моей головой, падал впереди наземь. Приземлялся он, словно опытный десантник, — никаких серьёзных последствий, отряхнётся и весело бросится вдогонку.

У новой техники первое время своего характера нет, в руки тебе попадает просто механизм. Но постепенно начинают определяться своеобразие и особенности механического друга. Что-то он любит, чего-то терпеть не может. Скажем, пересосал в карбюратор — начинает кашлять туберкулёзным поросёнком. Та-ак, учтём… Постепенно бездушный механизм всё больше оживает, и ты с ним сходишься привычками и поведением. Но у него вдруг могут появиться и вовсе причуды. Тороплюсь к вечеру на озеро, солнце на закате, по-хорошему надо бы уже стоять с ружьём в камышах, но Кашка, паразит, капризничает, чихает, не тянет, на каждом малом пригорке появляется одышка. Вот же подлый карбюратор, опять засорился. Ну, я его! Только бы сегодня успеть, а вернусь — весь переберу! И бензопровод заодно продую. Ну, давай, давай, вези, едрёный корень, недалеко осталось!

А после вечорки неторопливо возвращаюсь домой и... нормально работает движок, прочихался, что ли? Прямо будто тебе ленивый мерин — из дому его нахлёстываешь, никак не раскочегаришь, а домой сам бежит весело, как молоденький. Раз, другой, третий повторилась эта история, удивляя меня (не может же, в самом деле, механизм вести себя, как живая коняга!), пока не стукнула в лоб догадка: «Ха! Причём тут мотоцикл? Это ж проявляется мой, мой собственный характер! На охоту — нетерпеливо, в предвкушении, в азарте, вот и кажется, будто он на ходу засыпает. А с охоты совсем другое настроение. Так что зря ты на него бочку катишь, нечестно, брат, так вести себя с друзьями». Ага, стыдно стало. И я, въехав уже в полной темноте на двор, дружески погладил приятеля по тёплой фаре. «Спасибо, друг. Извини, маленько погорячился, случается...»

В общем, гонял я на своём ковровском мустанге с ковбойской лихостью, но всё заметнее стали выступать и другие его качества, которых я раньше не замечал, разные объективно-технические недостатки. Например, чуть пробрызнет дождик — под переднее крыло Кашки забивается грязь, да так, что становится совершенно невпроворот. А дожди в охотничью пору в Сибири то и дело. Однажды до того развезло полевой просёлок через пашню, до того намучился — сил не осталось тащить этот сплошной ком грязи, затолкал в первый попавшийся придорожный куст и бросил, пришёл домой пеши. Через несколько дней дороги подвяли — сходил и пригнал, словно заблудшего телка, во двор.

Но и на тракте: скользко становится в дождь на двух колёсах. Юзит, вдруг сам развернётся, чуть не сбросив тебя в кювет. На трёх бы с коляской — совсем иное дело! да и мощей у ижа — не сравнить с Кашкой. Можно жену посадить на заднее седло, сына с Яриком в коляску, рюкзак на багажник — всем радость, а не только мне. Однако удовольствие это дорогое.

Мечта приобрести ижа с коляской овладела мной. Валюша меня поддерживала. Но где взять деньги? И случилось очередное совпадение ступеней моей моторизации с событиями в биографии. О мотоциклетных приключениях я взял и написал... ну, скажем так, почти рассказ, юмористический — весёлую охотничью байку. А её взяли да напечатали в районной газете. Мотоциклистов в деревнях было много, народу незамысловатые, но с каждым случавшиеся приключения понравились. Тем более простая житейская тема посреди обычных сводок по надою и вспашке зяби. Редакция получила множество откликов. Я, разумеется, был доволен, однако далеко идущих выводов не предполагал. Зато наша мама Валя быстро по-женски практически сообразила: ты, говорит, пиши в газетку больше, а весь гонорар — на мотоцикл, я на эти левые заработки не претендую. Гонорары были копеечными, однако заранее не планируемыми, а газетно-писательский зуд у меня давно свербел, где ему свербеть положено, да всё как-то не до того было. Но тут появилась конкретная реальная цель: не славы для, а ижа с коляской ради!

Так я стал писателем.

А во дворе у нас в один прекрасный день появился красавец иж-56 с боковым прицепом. Вышедшая встречать за ворота молодая жена воскликнула:

— Какой синий! Словно василёк...

У женщин это вообще первый, будто ничего важнее нет, вопрос о новой машине: «Какого цвета?» Из того её впечатления как-то само собой родилось имя нового трёхколёсного члена нашей семьи — Васёк.

Этот никогда не подводил, был товарищ верный, безотказный трудяга. Да и я уже в мототехнике поднаторел. Из крупного приведу лишь один эпизод. Ехал на охоту, и что-то движок стал тянуть плохо, но я, как всегда, торопился и только нетерпеливо погонял: знаю, мол, знаю, в чём секрет! А выяснилось, в конце концов, что погонял... на спущенном колесе. До того спущенном, что изжевал не только камеру, но и покрышку. Стыдно сейчас признаваться в подобной безалаберности, но — молодой был, порой совсем «безбашенный». Однако я бы не стал и рассказывать о том позорном случае, кабы не его продолжение, по нынешним временам почти неправдоподобное.

Запаски на иже нет — что было делать? Как хотя бы вернуться домой? Я дотянул до ближайшей деревни, зашёл в первый двор и спрашиваю: «У вас мотоцикл есть?» — «Ну...» (по-сибирски значит, вроде бы как «да»). — «Не иж ли?» — «иж...» — «Со мной вот такое дело приключилось. Дайте, пожалуйста, колесо доехать до дому. Я через два дня достану новое и ваше привезу». — «Ну...» И ведь дал незнакомый мужик своё колесо! Вошёл в положение, поверил. Такой был народ сибиряки — добрый, старались всё по совести. Раньше даже изб никто на замки не запирал, совсем, понимаешь ли, варвары. Но это давно было. А теперь нас всё пихают-приучают к цивилизации: думай только о себе, другие пусть сами, кто как выкрутится — это «их проблемы»... М-да, собирался рассказать о мотоцикле, да всё как-то заносит в стороны, то о себе, то о времени.

Нет, на трёх колёсах с коляской — совсем другая жизнь! Погрузились, багажом всё забили — палатка, одеяла, посуда, провизия, снасти — покатили в отпуск. Это уж на Волге, куда мы вернулись из Тюмени. (Васёк тоже переселился в контейнере по железной дороге.)

Отправились мы на речку Самарку, километров за 70 от Куйбышева. А в пути — туча, аж синяя от натуги, ка-ак поддаст! Естественно, все сразу — до нитки. Но дождь июльский, тёплый. Дорогу

сразу расквасило, но грунт был — глина с песочком, из стороны в сторону таскает, но не вязнем, только лужи из-под колёс разлетаются фонтанами, добрались до намеченного берега, сходим на землю, глянули друг на друга — и в хохот! До того все покрыты жидкой грязью — словно индейцы в боевой раскраске. Смеху-то, смеху! Ну, Васёк, ну распотешил… Что значит молодость. Прокати меня сейчас под ливнем да по грязи, не знаю, ржал бы? Скорее всего, иные выражал эмоции. Меняется с годами мировосприятие, меняется.

Так что естественным ходом развития событий пришла мечта приобрести настоящий автомобиль. Впрочем, ума тут особенного не требовалось, кому из парней в тридцать лет такого не хочется? Другое дело — реальные возможности. В те годы это понятие включало не только деньги, но и социальное положение, которое позволяло автомобиль *получить*. Получить право, добиться. Потому как их в коллективах распределяли строго по очереди, за особые заслуги, под контролем дирекции, парткома и завкома. Так вот достигнутый мною в служебном росте уровень позволял претендовать. Допустим, не на «Волгу» — признак элитной принадлежности владельца, даже не на «Москвича» (ВАЗ в Тольятти только ещё строили), а вот до «Запорожца» дорос. И стоил тогда этот агрегат 1800 рэ (а если в «экспортном» исполнении, то есть с белым рулевым колесом и белыми ручками, — 2200).

Выход на подобную сумму был определён проверенный: гонорары. В газете они измерялись пятёрками-десятками, процесс накопления грозил затянуться, но нетерпеливое желание иметь автомобиль подгоняло творческую активность. Мама Валя выступала в этой истории музой-вдохновительницей, и поэтической, и финансовой. Я брался за любую литературную подёнщину: составлял заказные служебно-пропагандистские сборники, писал рецензии, тискал во все доступные издания свои лирические миниатюры о природе. И всё — по рублику, по копеечке — туда, на запорожский спецсчёт. Как говорится, трудом, кровавыми мозолями. А заодно, надо сказать, и приобретая опыт литературного ремесла.

Когда сумма стала приближаться к заветной цифре, моё нетерпение раскалилось до того, что вдруг проснёшься среди ночи и долго лежишь с открытыми глазами — представляя, будто *он* уже стоит у подъезда, нетерпеливо ждёт тебя, бьёт копытом, сказочно сияющий радугой конёк-горбунок. И вот наконец пришла открытка из магазина. Мама Валя напутствовала: «Ты там смотри!.. И чтоб цвет был красивый». Как будто мне дадут выбирать. Цвет достался какой-то бледно-жёлтенький, что дало основание сыну заявить: «У нас теперь банановый „Пежо“». Как только это чудо советского автопрома в народе не обзывали! «Горбатый», «консервная банка», «Запор», почему-то — «еврейский броневичок», с украинским акцентом — «жопализец», по-русски грубовато — «жопорожец» (двигатель-то сзади), да потешитесь вы себе на здоровье! Конечно, с «Волгой» и «москвичом» не сравнить, но у вас и такого нет, от зависти зубоскалите. А машинёшка уютная, в эксплуатации дешёвая и пролазистая. Теперь-то любой ливень нам не угроза, имели мы в виду все мрачные тучи! А если застряли — впряглись втроём в верёвку и вытащили. Но самое главное — автомобиль, настоящий.

Имя нашему новому другу нашлось сразу само собой — Малыш. Вскоре определился и характер — лёгкий, я бы даже сказал легкомысленный. Этакий шустряк-бегунок, петушок гонористый и задорный не по хлипкому телосложению, заправлялся самым дешёвым «самосвальным» бензином, на дороге любил, когда ему подкидывают газку. Потому как, если перед подъёмом хорошенько не разгонишься, придётся переключать передачи всё ниже, и на гору вылезешь со старческой одышкой. Обороты ему требовались, побольше оборотов. Сын уже стал кое-что понимать в этой технике и продолжал острить: «Малыш — это авто больших скоростей!»

Зато наши возможности расширились почти до беспредельных расстояний. Я стал гонять на охоту в самые дальние края, даже в соседние области. На речку Черемшан в Ульяновскую, на волжские займища в Саратовской, добирался аж до степных казахстанских озёр, по нынешним временам в заграницу. Там мы и гусей видывали, и дудаков, но главной добычей было тяжёлое осеннее кряковьё. Транспорт в руках солидный, и охота — почти сафари.

Главным техническим преимуществом нашего малыша было воздушное охлаждение. ТОСОЛОВ в то время ещё не знали, антифриз имелся лишь у военных да северных геологов, а с водой на подлёдной рыбалке или зимней охоте столько хлопот! Правда, в кабине с этим воздушным иногда было… прохладно. Формально на «Запорожце» имелась бензиновая печка, однако невероятно мудрёная и капризная. Без преувеличения, самый сложный агрегат во всём автомобиле. Но нас не напугаешь, сибиряков-мотоциклистов, — видал цыган мороза! И на Малыше я решил проблему просто: шуба осталась от ИЖа, окна салона настежь, чтобы стёкла не потели, и — «от винта!..».

И вот как подумаешь, нынешних молодых даже «Жигули» стали не устраивать, комфорта им мало. Совсем разбаловался народ. А ему лишь дай самое малое послабленьице, тут же на голову сядут. Позволила власть поблажку — завозить старые японки, вот и приходится теперь вводить всякие таможенные пошлины, препираться

с недовольными. Сама виновата — обленивила народ, распустила, комфорта им, понимаешь ли, захотелось, аристократам.

Не знаю, сколько бы я катал на том малыше (опыт показал, что век у них был коротким), да обстоятельства сложились так, что пришлось нам снова переселяться с Волги в Сибирь, на этот раз на Енисей. Ясное дело, с собой такую ценность не повезёшь, тем более переезжал я с повышением по должности, на которой была положена служебная машина. И стал я ездить на уазе — отказавшись от «Волги»: на ней бы престижнее, да по лесамполям ненадёжно.

О, это тебе не «горбатый» и даже не «Жигуль», которые к этой поре стали стремительно, словно мушки-дрозофилы, размножаться по всей стране. уаз — товарищ военный, почти танк и по мощности, и по проходимости. И по основательности, почти угрюмости характера. А поскольку и цветом соответствовал, то получил прозвище Крокодил Гена. За его рулём я стал хозяином дорог и тайги.

Едешь по тракту — впереди «москвичонок», старается во все колёса. Нет, ради принципа я не обгоняю — это обычай задорной молодости. У меня принцип есть, но другой: не спортивные гонки — «Как я тебя сделал!», «Знай наших…», а «еду со своей скоростью». С той, которая меня устраивает. Не мешаешь — пожалуйста, а коли мешаешь — извини, братец, закон тракта: обгони и пыли в глаза другому. Обычно это происходило на подъёмах. На ровном-то шустрых много, а подъёмов мой Гена как бы не понимал, шёл себе, как по ровному, оставляя позади пыхтящие грузовые и всякую легковую мелочь. Основательный был механизм.

В тайге я на своём крокодиле через брёвна переваливал. И до того стал самоуверенным, что несколько раз попадал просто в аховые положения. В конце ноября полез вброд через таёжную речку. Я, правда, знал, что дно тут твёрдое, галечное, но уже шла шуга! Опасность подстерегала меня у самого берега: по кромке течения намёрзли отвесные ледяные приступки. Со своего берега мой друган спрыгнул, а у противоположного в такой же ледяной порог упёрся. Никак не могу на него влезть! Попытался вернуться задним ходом на свой берег — та же история. Стою посреди речки, вокруг плывёт морозное крошево, прямо тебе «Челюскин» во льдах. И выбраться из кабины нельзя: сапоги на мне короткие, а глубины вокруг по колена. Но не зимовать же здесь. Вылез, сапоги залил, полчаса скалывал ледяной порог топором. Выкарабкался. Переобулся в запасные сухие портянки, мокрые брючины натянул поверх голенищ. И ведь даже не простудился. Здоровый ещё был… дурень.

А Крокодил Гена был надёжным автомобилем. Но когда возник вопрос о приобретении собственного, в связи с тем что от должности я отказался, а стало быть, пришлось расстаться и со служебной машиной, то я, прежде всего, опять же думал о возможностях езды на рыбалку и охоту, но в дело, казалось бы, и не совсем её, снова вмешалась мама Валя. Я её к автомобильным делам старался не допускать, повторяя: «Жена должна украшать мне машину своим видом на первом сиденье! А больше от тебя ничего не требуется». Однако она полагала иначе: автомобиль — член семьи, стало быть, и её голос должен звучать с полным правом. А для неё главным достоинством семейного автомобиля были не мощь и проходимость, а совсем другие качества: удобство, престижность марки. Но и мои интересы она понимала и учитывала, поэтому её выбор остановился на только что появившейся тогда в производстве новой вазовской полноприводной модели. Но и я ведь не совсем был колун, некоторые её оценки меня вполне устраивали. Да и выбор был не богат. Решение оказалось мудрым: двадцать пять лет новая машина служила нам верой и правдой. Только имени собственного ей как-то не досталось — вроде бы уже на заводе было присвоено: «Нива».

Что теперь сказать о ней? Марка популярная, массовая. Не знаю, как у других, а у нашей подруги в характере было что-то женское. Очень любила, чтобы за ней ухаживали, отзывалась на всякую ласку. А уж я старался, все предписанные в сервисной книжке техуходы выполнял в срок и безукоризненно. И она отвечала благодарным поведением, не капризничала, жили душа в душу. Это уж была у нас не безрассудная юношеская страсть, а зрелое супружеское понимание друг друга и взаимное уважение. Только так и доживают до золотой свадьбы. Я, правда, с «Нивой» до неё не дотянул, но в том ни моей, ни её вины не было.

А уж по удобству не с чем было её и сравнивать. Соберёмся на отдых — груз из квартиры в машину таскаю в три ходки: спальники, примусы, сковородки, палатки, лодки, матрацы, пляжные шезлонги, целую библиотеку журналов для чтения, чего только не наберётся. Иногда задумывался: как же я когда-то уходил на неделю с одним рюкзаком и молодым лосем ломил по тайгам? Всё на себе, и хватало. Да и когда на Кашке ездил. А теперь ни мышцам потрудиться, ни помёрзнуть ночью у потухшего костра под лёгкой курткой, вот ведь жизнь наступила… И где тот молодой лось? Обрюзг, отяжелел, стал рыхл.

С этой ностальгической грусти начались у меня сомнения. Другой повод для них то и дело давали друзья, напарники по охоте. О семье не говорю, ей я обязан создавать на отдыхе условия самые благостные. Но друзья! Шофёр, говорят, дурак: всех развезёт, а сам домой пешком возвращается. Такая

всё чаше стала получаться хренотень—настроение охоты или рыбалки определялось не самой охотой, а её четырёхколёсным участником, машина не тем голову занимала, лишая беззаботной радости.

Приехали, например, на таёжную речку Баджей, речка харюзовая, и как раз должен быть самый ход рыбы. Но спуск к воде плохой, километр крутика с горы, колея разбитая и скользкая. Вниз-то скатились, кое-где даже юзом, а как назад на подъём? Да если ещё дождишко смочит? Скатились, отаборились на берегу, спутники мои разбежались искать харюзов. А у меня на душе маята: как будем выкарабкиваться назад? Они беззаботно радуются—речка красивая, хариусы слёту хапают обманки, а я всё поглядываю на небо, сердце щемит. Настроение словно в тюрьме—могут выпустить, а могут не выпустить. Вот и радуйся тут рыбалке.

И стал я задумываться. А это дело опасное, не известно, куда тебя заведёт. Собрались за грибами. Приезжаем на верное место—Бог ты мой, сколько машин облепило знакомую опушку, как осы сладкое блюдце! Всех цветов, марок и размеров, приткнуться негде, будто на парковочной площадке перед супермаркетом. И ведь каждый на что-то рассчитывает. Какие же тут грибы? Выход один—ехать дальше. Многие так себя и ведут—всё дальше и дальше, будто успех в грибной охоте пропорционален накрученным на спидометр километрам. Будто доедешь до какого-то заповедного места, вылезешь и коси грузди косой. Ан, не тут-то было, сюда уже прикатили встречные. Не бывает так, братцы, чтобы где-то тебя уже не опередили, расстоянием нынче никого не удивишь. Гриб, он требует другого—раздумчивости, неторопливости, тихого самочувственного хода… До чего всё в мире на моих глазах изменилось, какой тип народа взял силу—«автолюбители природы».

На грибной охоте мне особенно наглядно стало видно, что автомобиль, великое достижение научно-технического прогресса, исчерпал все преимущества, которые он раньше предоставлял своему владельцу по сравнению с охотниками и рыбаками «безлошадными». Езжу быстро, зато сколькими оброс заботами, стрессами и расходами! Етточно, задумываться в жизни опасно. И к чему пришёл?

Взял и отдал свою верную «Ниву» взрослому сыну. Ему-то пока в охотку. Разумеется, он её, пожилую тётку, быстренько продал и купил «Мицубиси». Машина у него прекрасная, слов нет, но это уже другая история. Соберёмся на природу вместе—он с удовольствием свозит, а когда я один, то… Снова стал пешочком, пешочком.

Понятное дело, от железнодорожного полустанка, платформы электрички или автостанции, с этим нынче проблем нет. И, Господи, как же хорошо, как вольно и благостно снова стало на душе! Освобождение—великое чувство, не каждому даётся пережить полноту его счастья. Долой железные вериги и брякающие цепи с ног! Вечные угрозы конфликтов с ГАИ, налоги, техосмотры, бензин дорожает—сколько забот с души свалилось.

Но как же теперь охота? А знаете, появились новые возможности. Например, пеши проникнуть туда, куда машинникам никакими усилиями не пробиться (а покидать кабины они отвыкли). В Сибири таких углов ещё достаточно, мне хватает: заболотья, зарастающие лесосеки и гари, сколько появилось заброшенных полей, одичавших сельхозугодий. На них не сеют, не косят, соответственно и прежние рабочие дорожки заглохли. Удивительно быстро, за два-три года затягивает их дурниной и лесной моложей. Дичает земля, чуть в сторону от оживлённых автотрасс. Радоваться этому нечего и просто грешно, но воспользоваться можно. И—пешочком, смиренным пешим ходом, тихими стопами. Почти как в светлые времена наивной молодости.

Ещё один круг развития в моей жизни замкнулся.

Покатились. С ярмарки

В Шумихе мои санки весело сбежали с горы на лёд Красноярского водохранилища. Даже пытались меня самого обогнать, пару раз игриво ткнули сзади под коленки. «Но-о, балуй мне!»—притворно-строго тоном настоящего возницы пробасил я. И сам просторный Шумихинский залив мы пересекли довольно споро. Вторые сутки валил снег—надо ж было ему подгадать к моему походу!—дорогу по льду подзасыпало, но до Хмельников, посёлочка на берегу сразу за Шумихой, то и дело взад-вперёд шастает народ, натоптали прилично. Хотя и переметёнка местами уже перехватила тропу, ветерок постарался, который тут всегда стекает с гор по распадку. Не любят санки эти жёсткие надувы, врезаясь, сердито взвизгивают полозьями и теряют накат. Но валенки шмыг-шмыг себе по снегу, и санки снова принимаются трудолюбиво поскрипывать сзади на длинной постромке, накинутой на оба плеча, как у заправского лямщика. Дойдём, куда она денется эта Лиственка. Я так долго мечтал о сегодняшней поездке, так тщательно всё продумал.

Замыслено было на этот раз убрести по льду километров на 15 или больше. Поблизости всё уже избурено и обловлено, а там, в заливе Лиственка, рыбы! «Аж воду на себе носит»,—как говорили старые сибиряки. Но далеко, обыдёнкой не обернёшься, только с ночевой. На машинах по льду ещё не ездят, и если пешим порядком со своим ночлегом—ого, буду один царствовать! Вариант такой: палатка на льду и в ней примус «Шмель».

Правда, груз получился великоват: кроме палатки, спальник, рюкзак со снастями и сухой одеждой, без котелка и термоса тоже не обойтись,

поверх всего на возу — ледобур. Да, груза набралось прилично. Но на саночках-салазочках — не на себе! Поскрипывают вон за спиной. Только что снегу поднавалило не ко времени, этого в моих планах не предполагалось.

А он тупо валит и валит, и тропа всё хуже. За Хмельниками сначала шёл по следу «Бурана», да что-то и его стало почти не видно, всё медленнее мой ход. Даже валенки шмыгать перестали, с трудом гребу в рыхлом. Убродной стала ходьба, спина уже в испарине, на плечах телогрейки тает. А самое хреновое — санки. Вообще-то я знал, что характер у них каверзный. По гладкой дороге скользят с удовольствием, но чуть взгорок — начинают упираться. Или вот дружки закадычные, а чуть стало трудно, сразу предали. Словно назло мне упираются всё ожесточённее, гребут перед собой вал снега, что тебе бульдозер. На такую работу я не нанимался… Уже и след снегохода сохраняю под ногами только ощупью, но он такой ненадёжный! Вдруг один полоз саней натыкается на твёрдое, и воз мой кувыркается, заваливаясь набок, постромка напрягается, груз зарылся глухо. Остановка, переворачиваю поклажу обратно на полозья. Но ненадолго. Нет, это не ходьба, надо что-то придумывать.

Упыхавшись капитально, делаю перекур, усаживаюсь на тюк палатки, надо отдышаться. Кстати, а сколько времени? Ого, по расчёту, уже должен был пройти половину расстояния, а на деле… Это сколько же мне при таком ходе тащиться до места?! Да, подзалетел я сегодня, в планах абсолютно не предполагалось такого оборота событий. Попадал, конечно, и хуже, в какие только авантюры не ввязывался, но всегда выбирался и от своего не отступал. Почему-то вспомнился, пока сидел и курил, давний случай — совсем был молодым, только приехал в Сибирь. И мечталось мне сладко и радужно о настоящем глухарином токе.

Вокруг нашего села, где я тогда работал учителем, широко простирались поля и лесные покосы в белоснежных берёзовых перелесках, ленты сосновых боров, в которых можно было рассчитывать на глухарей, начинались далеко за плоскими бескрайними торфяниками. Откуда-то оттуда привозили сосновые брёвна на строительство колхозной фермы, я расспросил мужиков и услыхал про заповедное Змеёво болото, посреди которого на песчаных гривах с соснами и коврами брусничника «этих глухарей да косачей — тучи!» Какие заманчивые картины рисовались в воображении, какие фантазии разыгрались! «Но туда ведь, однако, только по зимнику попадать, — задумчиво пояснил собеседник, — а в снегосход да в самое водополье… Никто, слышь, и не хаживал. Не пройти».

Как это не пройти, если мне так хочется! У меня подобного и в понятиях не было, не может такого статься, потому что не может быть никогда. Я просто особенностей тюменской тайги не представлял совершенно, главным основанием молодой самоуверенности всегда было и остаётся невежество, помягче сказать — слабость информационной базы. Поэтому молодость — возраст, в котором всё возможно! Никаких страхов нет, никакие опасности будто не угрожают. Нет, порой случаются неприятности, но только всё с другими, а ко мне это не относится. Не может никогда со мной чего-нибудь такого, потому как у меня вся жизнь ещё впереди! Бесконечная и светлая. Короче, я, как мог подробнее, расспросил путь и отправился в это знаменитое заповедное место. Один. Ничто меня не пугало и не могло остановить.

Много чего в том романтическом походе я увидел и пережил. И ток глухариный нашёл, и тетеревиные турниры, собиравшие десятки лирохвостых бойцов, повидал. Но одним из самых памятных впечатлений осталась весенняя согра. Сограми в тех местах называют частые, криворослые березнячки на болотах. Смотришь, вроде светлая роща сплошь из молодых гибких берёзок, только что по торфянику… затопленному в эту пору талой водой. Которая никуда не стекает. Берёзки в солнечных лучах светятся, но понизу вместо почвы — сверкание и блики половодья. А то, что было зимником, змеится перед тобой вдаль узкой чистой лентой стоячей воды. Я как лесом шёл, так и ступил без раздумий в это море разливанное, только на всякий случаи поднял голяшки болотных сапог, зимник под ногами ещё оставался ледяным-твёрдым, воды поверху — под колена. Я думал: ну, пройду сколько-то по воде… А оказалась та согра бесконечной.

Бредёшь, ощупывая дно ногами: как бы не ухнуть в какой буерак или не споткнуться о невидимую коряжину. Зальёшь сапоги — тут на километры вокруг и присесть негде, чтобы переобуться! А брести ещё час с ледяной водой в сапогах — верная простуда. И по сторонам сплошь эти хилые берёзки, никакого обзора, как-то смутно становится на душе от тревожащей неопределённости. Вдруг поперёк непроходимая логовина глубиной выше голенищ? И что тогда, назад, что ли, бултыхаться? Уже больше часа бреду и — назад?! Нет, не может такого статься, чтобы я не прошёл, ну просто невозможно, другое дело, как потом возвращаться… Вдруг нахлынет большое тепло и подбросит снеговой воды, или растает ледяная колея по торфу, что тогда? А! Как-нибудь прорвёмся. Сейчас главное — только вперёд. Колумб и Магеллан тоже не знали, что их ждёт дальше, а ведь не возвратились. Только так и совершаются открытия.

Но какой же дикий, затерянный мир сохранялся в этой согре! Откуда-то доносился гогот пролётных гусей, вдруг низко-низко налетели

журавли, для этих здесь самое угодье. Далее пара огромных ослепительно-белых лебедей протянула над головой с серебряными кликами да так низко, что рассмотрел: клювы у них какие-то чёрные. Затерянный древний мир, словно перенёсся куда-то на сотни лет назад. А на сердце всё сильнее поднималась муть подспудной тоски: да куда же это я забрёл-то, конец этому вселенскому болоту когда-нибудь настанет? Однако о возвращении и помысла не возникало, раз уже столько преодолел.

Всё-таки согра наконец расступилась и открыла чистое пространство суши. Ффу-у… Я сел отдохнуть на первой же поваленной лесине. Обернулся и долго смотрел на согру, оставшуюся позади. И почувствовал… Ей-Богу, за всё человечество почувствовал, за всех своих предков-древлян, как они когда-то вышли, вырубились из тёмных лесов на просторы полей и светлых опушек.

Авантюрист был, авантюрист, чего уж тут. А нечистый дух пользовался, то и дело подбивал на вздорные предприятия. И в такие, случалось, аховые положения заводил сумасбродный характер! Вот как сейчас. Куда ты, если спокойно-то разобраться, прёшь, умная голова, на что рассчитываешь? Уже весь в испарине, словно мокрая мышь, а всё тянешь и тянешь свою нарту с тупым упорством муравья, связавшимся с непосильной ношей. Так ведь он — насекомое, у него и мозгов совсем нет, а ты?.. Но не возвращаться же с полпути! Нет, сделаем так: рюкзак с саней снять, взвалить на плечи, воз станет легше, и — вперёд с песней. А то скоро уж и смеркаться начнёт, зимний день короток.

Однако и с рюкзаком за спиной идти стало не менее трудно. След снегохода в рыхлом под ногами я совсем потерял, бреду первозданной целиной. Каждый шаг требует усилия, ноги переставляю всё тяжелее. Честно признать, если б я дома представил такую ходьбу, то и не решился бы. А теперь? Снег всё валит, впереди рыхлые хляби, силы тают. И наступают сумерки. Куда, куда я иду? Но и вернуться — такого со мной ещё не бывало, чтобы отступился и предал мечту, отказался от прекрасного замысла…

Во мне всё слышнее противоборствовали две внутренние стихии: избалованный бес характера и трезвый разум зрелого мужика. Этот, трезвый, сначала помалкивал, по опыту зная, что его всё равно слушать не станут, клиент ещё не созрел. Потом начал потихоньку, будто про себя, бурчать: «Ведь глупо же. Да просто и не по силам…» Но сумасбродное желание его забивало, не допускало высказаться в полный голос. «Мало ли, что глупо, сколько раз ты вот так же бубнил, а всё равно кончалось хорошо. Да, попадали иногда в крутые передряги, только ведь самые счастливые охоты и рыбалки доставались именно в результате безрассудства!» А тот — своё: «Доставались. Но ты был моложе. А сегодня…» — «Что сегодня, что? Кабы не санки да не снег по колена!..» — «Вот и я говорю: кабы. А теперь подумай вперёд. Дотащишься ты до своей Лиственки, совсем выбьешься из сил, ночью. А надо будет разгребать снег, ставить палатку. Хорошо, поставил — так ведь ты весь мокрый! А как сушиться на примусе? Сам представь». — «Да, на примусе высушить свитер, телогрейку и ватные штаны — почти никак. Этого момента я, блин, не предусмотрел». — «Другое бы дело — хоть какая-нито печурка, на ней потихоньку можно за ночь высушить всё» — «Это про какую ты печку?» — «Да хоть, к примеру, сам знаешь, в землянке, что в ближнем заливе». — «Но в ближнем рыбалка дохлая! Его уже сто человек процедило, весь лёд в решето издырявили. А в Лиственке — сказка, мечта!» — «То-то и дело, что сказка… Смотри сам, тебе решать. И от сказки ведь достанется лишь самый огрызочек: по такому ходу и в обратный путь придётся отправляться ра-аненько! И рыбачить будет некогда. Вместо ловли — одна ходьба, а в итоге чистое шизо. То-то и народу там сейчас нет, один ты сыскался умник».

Внутренний голос, занудно убеждавший отказаться от неразумной затеи, крепнул с каждой сотней шагов, которые давались всё непосильнее. И вот уже подумалось с иронией, но не без оснований: да, рюкзак моих лет за спиной становится всё грузнее, это факт… Но отказаться и повернуть назад?! Ни за что! Не сдамся, не отступлю! Хотя, что до цели мне не дойти, было уже очевидно, только я не мог в это поверить, сам себе признаться не мог. И продолжал шагать, механически и безнадёжно.

Добил меня мой трезвый зануда последним доводом, проворчав: «Что-то ты в собственных убеждениях запутался. Предавать себя нехорошо, не спорю. Но ты же всегда гордо твердил, будто на охоту и рыбалку ходишь не ради добычи, а лишь чтобы получить радость. Сам повторяешь: ра-дость! А коли без неё, то в чём же смысл? Вот и ответь честно, какую радость ты сейчас испытываешь?.. Ага, молчишь. Допустим, поклюёт завтра сорога в Лиственке пару часов, и что — оно стоит сегодняшних мучений? А сколько ещё упираться до места, вообще неизвестно. Вот и взвесь хладнокровно: на одной чаше весов радость, на другой мученья — в чью пользу потянут весы?»

В самое сердце угодил стрелой безжалостный ум, в самое святое. И правда, зачем я собрался в эту Лиственку, за большим уловом что ли? Нет, за радостью. А получилась бурлацкая каторга. Но я упорствую. Шизо, может, и не шизо, просто характер… Хотя на паранойю вполне тянет, потому как за пределами разумного поведения. А до ближнего залива, до землянки с печкой доволокусь за полчаса, на это силёнок ещё хватит. Да, клюёт здесь хуже, зато ловить смогу часа на два-три дольше. И завтра назад в Шумиху — запросто.

Нет, пора умнеть, хватит самого себя мучить ради фантазий…

Так я впервые изменил себе.

Это был первый шаг с горки. То всё карабкался вверх, и вот вершина переломилась, открылась покать на спуск. Где-то я слыхал выражение: «Старость начинается, когда устаёшь карабкаться». Старость—это, конечно, лишку, речь сейчас не о ней. Но… впервые разумно отказался от привычной авантюрки—да, это перевал, за ним дорога пошла на спуск. Покати-ились! И теперь всё под горку, вниз—«с ярмарки».

Потому и запал в память тот неудалый поход.

Старенькая, старенькая…

С тех пор как мы с мутти разъехались в разные концы, видеться стали лишь во время регулярных моих посещений Москвы. И от раза к разу я с грустью наблюдал, как заметно она сдаёт.

В поведении это раньше всего проявилось в том, что у неё как-то начали ослабевать связи с окружающим миром, даже интерес к нему. Она и всегда-то жила несколько сама по себе, а с возрастом это становилось всё заметней. Появилось любимое присловье: «Старенькая я, ничего не помню…» Это у стариков обычно—малость подыгрывать своему возрасту. Чтобы больше пожалели, наверное. За что-нибудь уцепится и десять раз—один и тот же вопрос:

— У тебя когда поезд-то отходит?

— В 16.20.

— Смотри не опоздай…—Через пару минут опять:

— У тебя во сколько поезд-то?

— Я же говорил, в 16.20.

— А, да-да, забыла, старенькая стала.

Однако ещё через несколько минут снова… Наконец мне надоедает делать вид, будто не замечаю, говорю:

— Мутти, что-то ты давно про поезд не спрашиваешь? Ну-ка, давай: «У тебя во сколько?..»

Она смеётся и вполне трезвым голосом отвечает:

— В 16:20, я помню.

— А чего ж тогда пристаёшь?

— Так… Вдруг забыла? Старенькая я. Или вариант на другую тему:

— А у Серёжи, значит, дочь, ваша внучка?—Тоже раза три, четыре.—Вы её любите? Как мне всю жизнь дочку хотелось, девочку на руках подержать.

Наше «расстроенное пианино» давно покоится в углу забытое, покрытое пыльным чехлом, никто не подходит. Кажется, мы с братом в её глазах почти уравнялись. По жизни он учёный, однако в закрытом НИИ, а имя бывшего «футболиста» то и дело появляется в самой популярной газете страны. Приятно услышать от знакомых: «Вашего сынка опять статейку читали, любопытно». Да и тускнеют в её годы чувства, накал их иссякает, никуда от этого не денешься.

На старинном комоде у неё, покрытом скатёркой, вышитой «ришелье», стоят рядом две фотокарточки, моя и нашего Сергея—я снял на охоте: он в кепочке, с усами. Но любимчиком из трёх внуков остаётся Володин первенец Сашка. Потому что очень похож на молодого Володю. Второй внук, Мишка, тоже очень похож, но… на свою мать, на Машу, невестку, весь в неё. Блондинистый дылда и такой же доброты. Слушает наши разговоры с интересом, но молчит, лишь изредка лёгкая улыбочка наискось проскользнёт по лицу. Обычно мы все собираемся у Володи, и когда гостевание подходит к концу, маманя начинает собираться к себе домой, Мишка молча встаёт одеваться—провожать бабу Дуню. Всегда он. Однако любимчик всё-таки Саша.

Вот же треклятый Фрейд, никак не отвяжется… Хотя, если разобраться, лично этот психиатр ни в чём не виноват. Ну открыл роль нашей подкорки в мозгу и выпустил из таинственного «ящика Пандоры» на свет Божий стаю тёмных влечений, демонов человеческой психики. Но ведь лишь для науки. В жизни всякие страсти-мордасти кипели и творили свою секретную алхимию всегда, только что не были названы вслух. Фрейд их не сотворил, лишь обозначил своими именами. Моя мутти об этом и вообще, как говорится, ни сном, ни духом—трудов учёного австрияка иудейского происхождения не читала. Жила сама по себе, испытывала естественные чувства, совершала обычные человеческие поступки. Это я порой срываю на нём свою досаду: всегда легче, когда можно разные недоразумения между двумя близкими свалить на третьего. Ладно, хватит о нём.

С годами маманя всё больше уходила в заботы только о своём здоровье. Хворей, естественно, появлялось больше, и они оттесняли на окраины сознания всё остальное. Чуть не большую часть мизерной пенсии и того, что подбрасывали мы с братом, тратила на таблетки и пузырьки. Важно заметить, Володю её поведение как-то не раздражало, скорее изумляло. Не знаю, как бы вёл себя я на его месте, а он остро не реагировал, только говорил мне: «Знаешь, всё смотрю и думаю: не приведи Бог дожить до такого маразма. И в тягость всем, и какая память у родных останется?» Но иногда и у него терпение лопалось.

Однажды обнаружил в ящиках её допотопного комода целые залежи таблеток. Конечно, с просроченными датами, а то и просто запрещённых. Решительно выгреб всё в хозяйственную сумку и вывалил в мусорный бак. Как она сопротивлялась, возмущалась и хныкала! Будто отрывают от сердца самое дорогое. Но братец был неумолим. «Ты,—убеждал,—можешь понять, что это уже не лекарства, а форменная отрава? Таких снадобий

здоровый мужик не вынесет, копыта откинет, а для тебя они точно — смерть». Испуганно крестится в ответ: «Что ты, что ты! Не надо её поминать…» И плачет мутными старушечьими слезами.

Плакала то и дело. Я приезжаю, привёз ей гостинцы: фрукты, сушёную таёжную боярку собственного сбора от гипертонии. Плачет — растрогалась. В один из последних моих приездов, провожая, со слезами на глазах сунула мне в руку магазинную булочку… У неё была нерушимая традиция провожать своих в отъезд обязательными пирогами-подорожниками. Ничего она уж больше не пекла — как проводить сына? Купила булочку. И — слёзы. Так меня эта булочка и слёзы её беспомощные проняли, аж сердце защемило, у самого в глазах стало горячо, хоть плачь вместе с нею в обнимку. Я такого от себя и не ожидал. Но сумел сдержаться.

Последние наши встречи были самыми тягостными. Уж очень грустно стало на неё смотреть, дряхлая старушка, всё заметнее худела, просто усыхала. Жизненные соки покидали ещё недавно дряблое тело — стала невесомой, казалось, и земля её к себе не притягивает. Старинное тёмно-зелёное шерстяное платье висело по щиколотки словно на колу, на худых ногах какие-то непомерного размера допотопные боты. Нос заострился, щёки ввалились, губы серые безжизненные, руки иссохшие, в синих жилах вен и старческих пятнах. Глаз не разглядеть за толстенными тяжёлыми линзами очков, которые ей выписали после операции по поводу катаракты. За стёклами плавают искажённо-увеличенные выцветшие полусферы, выражения их не уловить.

Осталась лишь способность плакать. Это мамуля, с которой мы когда-то летними вечерами в Балабаевке ходили на откос холма и высматривали сказочные фигуры в клубящихся предзакатных облаках!.. Что творят годы с человеком. Превратили в беззащитное создание. Нет, не дай Бог до такого дожить.

Роковую роль в её жизни сыграло, казалось бы, радостное событие — переезд из своей комнаты в коммуналке на квартиру к Володе. Совсем старая, плохо себя обихаживала, а тут — к любимому сыну, он и позаботится, и всем обеспечит, и поговорить есть с кем. Однако… сам факт переезда! Ослабленная нервная система его просто не перенесла.

Молодые этого не понимают. Не могут взять в толк, недоумевают: «До чего эти старики тупые! Ну зачем ему цепляться за громоздкую „сталинку“, убирать лишнюю площадь, платить лишнюю квартплату? Предлагают взамен вполне приличное жильё, отремонтированное, на одну приплату — живи, не тужи! А он не соглашается. Вещи перевезём, документы сами оформим — нет, всё равно упирается. Ни себе, ни людям, цепляются, паразиты, за прошлое. Скорее бы уж все они…»

Не могут молодые постичь, что не корыстные соображения для тех стариков главное, не их закостенелость и даже не страх, как бы не обманули, что случается сплошь и рядом. Пугает предчувствие обязательных потрясений, связанных с переездом, отрыв от привычного образа жизни, необходимость приспосабливаться на новом месте. Я как-то подсчитал — получилось, что переезжал в жизни 12 раз! В том числе 10 — из одного города в другой. И ничо, запросто. В молодом возрасте это происходит играючи, в зрелом — рутинно, безболезненно. А в старости — очень часто трагически. Сил не хватает перенести свалившиеся напасти. Не хва-та-ет! Реалии возраста. Это как бывает, стоял дом чуть не век, и жили в нём нормально, да вот потребовалось перенести на другое место. Стали разбирать по брёвнышку, а получилось заново собирать уже нечего. А оставался бы на старом месте, глядишь, ещё бы полвека прожили. В 88 лет — всё «не так».

Перевели старенькую к Володе, вымыли в ванной, одели во всё чистое. Поначалу она хорохорилась, заметила с улыбочкой: «Я прямо барыней стала. А какие теперь будут мои обязанности?» — «Да какие ещё обязанности! Лежи и отдыхай». До того была хоть какая-то жизнь: ходила на фабрику-кухню обедать, в медпункт — смерять давление, переживала, как бы не потерять ключи, на улице знакомые старушки встречались. И вдруг всё отпало, всё. Только лежи и… А зачем, собственно, лежать-то? Необходимость хоть какого-то сопротивления отпала.

Не прожила она у брата и недели.

Кое-что о грибах и рюкзаках

Возвращались домой из грибной поездки — лето выдалось на леснину урожайное, особенно на белые боровики. Этот царский гриб у нас обильно родится не всякий год, а раз в пять-шесть сезонов, такая у него местная особенность. То лето было богатое, выехали на машине всем племенем, набрали много, возвращались полные радостных впечатлений. Я говорю:

— А следующий такой год теперь будет… — Мысленно прикинул и подумал: «Ничего себе! Это сколько же мне к тому времени маятник настучит? Ого, до такого возраста ещё надо дожить».

И тут наша внучка Леночка быстренько прибавила в уме и радостно воскликнула:

— А мне исполнится восемнадцать лет!

Как же было не радоваться: сейчас девчонка, а станет взрослой девушкой, невестой! Скорее бы…

Её мама тоже наверняка для себя определила грозящий ей возраст, но вслух называть не стала: зачем такое объявлять?

— Да где-то лет 19–20…

Наверное, не надо было мне задавать того вопроса. Сам про себя думай, коли дозрел, а других зачем грузить своими печалями?

А мыслишки подобного рода, надо признать, стали всё чаще навешать меня, причём по самым неожиданным поводам. Вот взять такой совершенно далёкий от вопроса про смысл жизни и её сроки предмет, как простой походный рюкзак. Износился старый, пришлось заняться этим чисто бытовым делом.

В магазинах нынче фабричных рюкзаков—завал, любых конструкций и расцветок. Да только всё это не то. Форсисто, заковыристо, бляхи, молнии—а неудобно. Один мой приятель говорил, глядя на рыболовные снасти в витрине—причудливые загогулистые блёсны, расписные, с нарисованными чешуёй и глазками: «Это всё не на рыбу рассчитано, а на рыбака! Чтобы наш брат схватил». Модно да неудобно, а цены фантастические. И я решил сшить сам, благо, что в кладовке давно валялся кусок брезента, старого, но прочного.

Работа оказалась долгой. Всё вручную: выкроить, стачать сам мешок, наложить карманы и клапаны, у каждого из них кромочку обшить лентой, устроить люверсы для затяжного шнура, прикрепить шесть пар ремешков с пряжками, подобрать и как можно прочнее приладить лямки. Но я потихоньку ковырялся с половины зимы и к весенним походам рюкзак был готов.

Держу в руке на весу, поворачиваю одной стороной и другой—хорош получился, хорош, малость неказист, зато удобен, как раз по спине. И прочен, лет на 10–15 наверняка хватит. Гм, а сколько мне к тому времени исполнится?.. Что-о?! Ничего себе… В таком возрасте, пожалуй, эдакого веса сидоров уже и не таскают. Выходит, этого вот самодельного мне хватит до… скажем так, повежливее—до конца охотничьей карьеры. Впервые мне этот конец показался—я увидел край.

То всё впереди простиралась дорога бесконечная, терявшаяся где-то там в серебристом мареве, конца не предполагавшая. И вот… Когда я учился в начальных классах, у нас в каком-то учебнике был помещён старинный рисунок: человек в долгополой подпоясанной одежде, в колпаке и с посохом в руке подошёл к краю сферы—земной, надо полагать, или небесной?—просунул наружу голову, а там—океан звёзд и больше ничего. Вот и я почти так вдруг увидел. Ещё не дошёл, но увидел: вон он, край. А за ним? Не знаю что, но вряд ли звёздный океан и небо в алмазах.

То есть стал задумываться. И что удивительно, с печалью, но без трагедии. Вот представить себе, что некоторые Высшие Силы объявили бы мне в тридцатилетний, даже в сорокалетний юбилей: «Мы тут посоветовались, есть такое мнение определить тебе край сроком в один рюкзак». Эх, как бы возмутился, как бы протестовал! «Да вы что, граждане, почему в один-то? другим вон по эсколь! А у меня ещё дел уйма, столько замыслов надо осуществить, самых главных!» И не сказал бы, не унизился, но про себя почувствовал: знаете, как хочется ещё подышать, посмотреть, что-то пережить, прибавили б ещё хоть пару «рюкзаков»! Вот как было бы. А тут—лишь с грустной усмешечкой.

Но это новое ощущение стало нет-нет да и наведываться: край обозначился, виден стал край…

Словно отсохшие сучья

В школьные и студенческие годы я горячо увлекался игрой на баяне, сам освоил ноты, разучивал не только песни и вальсы, но и концертные сочинения, пробовал даже Бетховена и Моцарта. Правда, как ни старался, получалось не очень. Вроде играю, знакомые слушают—всем нравится, но я-то сам знаю, что по сравнению с настоящими профессионалами—лёгкости нет, непринуждённой самоуверенности. Говорят: гений, мол, это на 90 процентов от труда. Сомневаюсь, и даже очень. Как только я ни старался! Из дому в институт и обратно ездил по часу в один конец на электричке или трамвае, и вот, бывало, сунешь руки в карманы и там всю дорогу упражняешь пальцы в скорости, в гибкости. А всё равно настоящего достичь не смог. Видимо таланта—именно в пальцах—не хватило. Может, они были созданы держать рашпиль или стучать по клавишам пишущей машинки, или, сжавшись в кулак, со всего маху ломать поперёк кирпич, как это делают бравые вэдэвэшники. Много лет играл для себя, за праздничным столом для гостей вполне прилично, однако сам понимал, что до настоящего артистизма так и не дотянул. Бог не поспособствовал. А потом и вообще перестал я доставать баян из футляра. От ненадобности и обиды он рассохся, воздух в мехах принялся старчески сипеть, голоса—сами по себе пищать и ныть. Никакого удовольствия играть на таком инструменте. И я потерял к нему всякую тягу.

Мало ли что из прежних увлечений ушло. Играл в шахматы, партии разбирал по учебникам. Но быстро понял: это дело серьёзное, коли заниматься по-настоящему, надо бросить всё остальное. А мне это надо?

Очень долго занимался фотографией. На хорошем любительском уровне, то есть не просто «щёлкал» что ни попадя, но применял телевики и объективы для микросъёмки, светофильтры, сложные экспонометры, знал приёмы печати с кадрированием и разными температурами, всю необходимую технику содержал в тёмном чулане.

Интересно, что на моих глазах прошла чуть ли не вся история фотографии—от проявления стеклянных пластинок-негативов при красном свете—у нас был аппарат с растяжной гармошкой и кассетами, которые после наведения резкости на матовом стекле вставляли на место этого

матового стекла — через сложную цветную химию и до современных цифровых аппаратов, которые от владельца ничего не требуют, только нажимай кнопочку, он сам всё сделает. А ведь у меня и сейчас где-то валяются аж три фотокамеры, да ещё фоторужьё с телевиком подарил молодому другу. Никому не нужные пенсионеры.

А как, опять же, не вспомнить мой любимый футбол. Этот отпал после демобилизации, когда уехал в далёкое сибирское село. Откуда там быть футболу?

Только подумать: отпала журналистика, которой отдал лет двадцать пять профессиональной работы и сколько собственных мозгов! Даже из Союза журналистов ушёл.

А машины, мотоциклы! О, это была целая отдельная жизнь. Мечты, гордость, нервы, деньги, ремонты, ГАИ, документы, перерегистрации. Вспомнить, и то голова кругом. А как-то успевалось и улаживалось. Наверное, вместо чего-нибудь другого.

И друзей становится всё меньше, почти не остаётся.

Удивительно, что некоторые увлечения отпали как-то легко, без страданий — отболело и отпало, само отвалилось. Естественным образом, будто высохшие нижние сучья с дерева.

Подожди-ка, братец, но ведь ты про отсохшие нижние ветви уже где-то писал! Где, когда? Да-да, рассказывая про старенькую-старенькую мутти. А вот теперь, выходит, и сам дожил?

Нет, пока не всё так безнадёжно. Хотя процесс, как говорится, пошёл. И он необратим… А почему, собственно, необратим? Вот возьму и влюблюсь последней любовью, а? Интересная идея, надо будет её не торопясь обмозговать. (Шутка.)

Ладно, хватит о грустном и ушедшем. Завтра пойду на рыбалку. Эта подруга меня пока не бросает.

Пора в призраки?

Мы с внучкой люди из разных времён, даже в каком-то смысле из разных стран. Она — ровесница горбачёвской перестройки, родилась как раз, когда началась вся эта историческая кутерьма. А я к тому времени уже достиг всего, что мне было отпущено в жизни. Вся биография позади, включая *предпоследнюю* строчку: «… вышел на пенсию».

Но ведь для неё и сама эта перестройка — что-то там «до нашей эры»! Потому что мерой истории для человека служит его собственная жизнь. А мне кажется, что я совсем недавно водил её за ручку гулять на Енисей. Она называла его «кап»: из крана «кап» — вода, и тут вода — «кап», разница в её количестве была для неё несущественной. Ага, это уж когда древние люди повзрослели, то оценили и размеры — назвали нашу реку Улуг-Хем — «Большая вода».

Особенно интересно было наблюдать, как её характер отличается от привычного для меня мальчишеского. Любила после дождя бродить в сапожках по лужам — полный восторг в глазах! Но я говорю: «А в эту лужу не надо, тут глубоко». И сразу глаза меркнут, азарт пропадает: боится, трусишка — девочка. Мальчишка бы почти наверняка нарочно полез. А её неизведанное чаще страшит и останавливает. И слава Богу. На незнакомом берегу прыгать в воду не станет, осторожно подождёт, пока другие проверят.

Очень любит подарки. Кто ни придёт в гости, обязательно с гостинчиком. И у неё первый вопрос: «А что ты мне принёс?»

Я что-то по реальной необходимости ей запретил и при этом строго выговорил. Она в сердцах: «Ты меня не любишь!» Это чисто женское: кто любит, должен всё позволять и прощать самые вздорные капризы. А любить её должны все. Не за что-то заслуженное, а просто так, потому что это она, Леночка. Родившаяся, чтобы её любили.

Наслушавшись взрослых женских разговоров:
— Когда вырасту, у меня будет муж бизнесмен, я куплю ему большу-ую сумку, чтобы мог больше денег приносить.

Серьёзный упрёк по какому-то поводу:
— Тебя, что ли, склероз прохватил? Я ведь тебе говорила!

Ездили за грибами — первое открытие в природе:
— Дед! Я сама нашла муравейник! Совершенно самостоятельно, мне никто не помогал!

И ведь так недавно всё это было, рукой подать. А для неё десять-двенадцать лет — вечность неизмеримая. Даже годы, когда поступила на первый курс университета, стали глубокой историей.

Мне иногда кажется, что я теперь в её восприятии что-то вроде призрака в родовом замке. Сам замок — это клёво, пойдёт. А призрак — оно как бы и престижно, да только хлопотно с ним. Если и пропадёт, станет лишь проще. Пусть остаётся в виде легенды.

Время, время… Постукивает маятник размеренно, равнодушно, неуклонно. И ничего с ним не поделаешь.

Како веруеши?

Подкова на счастье

Приехали с рыбалки, я загонял машину в гараж, а приятель стоял и ухмылялся. Выхожу, спрашиваю:
— И чего ты лыбишься?
— Да смотрю вот — подкова прибита на воротине. Числишься в интеллигентах, а веришь древним тёмным силам. Не смущает?
— Э, брат, тебе этого не понять, тут дело не в вере. Ты сам когда-нибудь подкову находил?
— Не помню, если только в детстве.

— То-то и оно. И больше не найдёшь.
— Это почему?
— А я тебе сейчас объясню. Ездил на охоту, далеко, в Пировский район, на поезде. Потом от станции 25 вёрст пешком, в рюкзаке припасу на неделю, представляешь? До того устал, еле ноги переставляю, аж отупел. И вдруг подкова на дороге. Это раньше считали, что найти её — хорошая примета, а теперь… Лошадей в деревнях почти не осталось, это раз. А которых ещё держат, то лишь для покоса или для пастьбы, их не куют. Это два. Народ теперь даже на охоте старается из машины не вылезать. А на скорости из кабины, если и попадётся, подкову не разглядеть, проедешь мимо своего счастья. Это три. Если все эти факторы перемножить, какой будет выглядеть вероятность встречи? Сам прикинь. Очень потребуется большая цифра пеше-километров. А каждый из них дарит радость и здоровье. Вот и получится в итоге, что такая находка не суеверие, а настоящее счастье — столько прошагать по земле. Это если б из магазина сувениров, то действительно… Но тогда и был бы только муляж удачи. А у меня ещё одна есть, на квартирной двери, так что умножь размер моего пешеходного счастья, по крайней мере, вдвое. И получается, что ухмылочка твоя — результат недомыслия.

Можно было бы выразиться поядовитее, однако я воздержался. Просто не подумал товарищ, с кем не случается.

«Ни пуха, ни пера», или Аромат букета

Мне рассказали про озеро, в котором водятся крупные караси.

Приезжаем с сыном. С дороги подкрепились, сели в резиновую лодку, вытянув ноги друг к другу, и выехали в камышовую заводь. У меня удочки были оборудованы по всем правилам карасиной науки в расчёте на солидную добычу, даже подсачек прихватил. А Серёжке вручил снасть попроще и полегче, в «детском» варианте. Я забросил две удочки с одного борта, сын свою — с другого. И вскоре ему удалось засечь первого карася. Я волновался не меньше его самого, всё умолял: «Только в траву не пускай, в траву!» Наконец помог подхватить рыбину в подсак.

И странное дело, у Серёжи стали клевать один за другим, а я продолжал сидеть лишь зрителем. Конечно, радовался за сына, но ведь и самому хотелось получить свою долю удовольствия. А они — как сговорились. Сын на вершине блаженства, для него нет высшего счастья, как догнать меня в чём бы то ни было, тем более обставить. А тут… Серёжина удочка угодила на карасиную тропу?
— Давай поменяемся бортами, — предложил я. — Ты забрасывай на мою сторону, а я на твою.
— А зачем? — подозрительно спросил он.
— Просто ради эксперимента. Интересно ведь.

Поменялись. И сразу он выволок очередного карася уже с моей, бывшей глухой стороны. Наваждение какое-то.

Сижу — мыслю с напором: что именно сегодня сделал не так, в чём причина? Снасти испытанные, червей берём из одной банки, забрасываем — два метра от моих крючков до его. Нич-чего не понимаю! В чём я перед ними провинился? Гм, что-нибудь забыл и вернулся? Когда-то мамаша повторяла: «Воротился? Пути не будет…» Да не возвращался я сегодня! Впервые взял новый подсачек. Сам смастерил зимой — складной, по чертежу из рыболовного журнала. Неужто он оказался таким невезучим? Смешно…

И вдруг — бац себя ладонью по лбу: «Детская удочка!» У него же леска вдвое тоньше, грузильце аккуратнее, крючок занозистый. Это ж так просто! Видать, здешние караси — ба-альшие привереды! Сравнивают две снасти, болтающиеся рядом, и, ухмыляясь, делают выбор в пользу Серёжкиной!
— Серёга, быстренько сматываем удочки, — торопливо скомандовал я. — Надо сгонять на берег.

Потребовалось минут десять, чтобы перевязать лесу на одном из удилищ, поставить легче грузило. Возвращаемся на прежнее место, я забрасываю новую снасть… Ну, разумеется, никаких чудес! Задать поклёвку пришлось недолго. Хороши всё-таки караси в этом вольном озере, и до чего приятно сопротивляются, когда подводишь к лодке. Один мне попался — настоящий богатырь, витязь в бронзовой кольчуге! Но не выдержала тонкая леска, а подсак-то мы, оказывается, на этот раз оставили на берегу, когда впопыхах отчаливали вторично. Такая досада. Вечером, обмениваясь впечатлениями у костерка, я пошутил:
— Знаешь, чуть голову не сломал, всё гадал. Может, думаю, где-нибудь кошка дорогу нам перебежала, я не заметил?
— Папа, ты, что ли, веришь в приметы? А ещё институт закончил. Ну вот опять. Рассказывая недавно о счастливой подкове, я намеренно постарался свести вопрос к четырём действиям из арифметики. Однако, если честно, дело сложнее. Разумеется, я в них не верю. Но… они как-то сами по себе присутствуют в моём поведении. Через порог никогда не здороваюсь, нос чешется — ясно, что в рюмку заглядывать, этт-уж обязательно! У моей мамани таких примет сохранялось множество. Та же «вернулся — пути не будет», чайник, закипая, поёт — «к переезду». Чепуха, разумеется, тоже мне провидец эмалированный, экстрасенс Вольф Мессинг. Но вынужден признать: на моей памяти в жизни родительской семьи предсказания чайника дважды оправдывались. Случайность, наверное.

Рассказываю и вижу, как кто-то из читателей-рационалистов усмехается: какая, дескать, чепуха, в наше время всё можно объяснить, Можно. Однако многое пока ещё не объясняется, вот в чём

штука. А позиция безапелляционного отметания примет, потому как это суеверие, существовала всегда, и сто, и больше лет назад. Ещё А. С. Пушкин заметил: человеку сродно предаваться суевериям, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

Про мутти я вспомнил с некоторым ироничным снисхождением: женщина, существа слабые, им простительно. Однако и отец! Образованный инженер-оружейник, изучал законы баллистики, а заряжая патроны, обязательно клал дробинку, которая попалась в жареной дичине: она счастливая, «зрячая». Или взять конфликт, который возник у него с соседкой по лестничной площадке. Добрая женщина, горожанка по воспитанию, встречая, когда он уходил на охоту, напутствовала:

— Чтоб вам больше уток настрелять!

Это выводило его из себя. В первый раз папаня смолчал, на второй сдержанно объяснил: кто же так желает охотникам? Надо говорить наоборот: «Ни пуха, ни пера». И вот, встретив его в очередной раз с ружьём и собакой, бедная Марья Николаевна растерялась, забыла, как её учил, и брякнула:

— Ни дна вам, ни покрышки!

Не лучший вариант, да всё не подлое «Чтоб вам больше дичи набить». Признаться, у меня и самого незаметно образовался целый свод собственных примет и традиций. Если с первого же заброса попадается рыба, или выходишь в лесу из машины — у колеса стоит красавец-гриб, — всё, почти наверняка больше удачи не жди, пойдёт одна непруха. Я в этом тыщу раз убеждался. Первого пойманного карася обычно отпускаю, чтобы задобрить их карасиного бога. А разве такой есть? Каков из себя? Да кто его знает, наверное, должен какой-нибудь там сидеть в тине, свято место пусто не бывает.

Тёмные поверья старых сибиряков подробно описали первый красноярский губернатор А. П. Степанов и первый охотничий писатель-сибиряк А. А. Черкасов — очень интересно, читаешь и улыбаешься. Но ведь это когда было-то! Ещё и паровозов не видели, а после них научно-технический прогресс совершил такой рывок к знаниям. И всё же… Что говорить, если даже партийные советские космонавты — подумать только! — перед каждым стартом смотрели фильм «Белое солнце пустыни». Объясняют весело: это никакое не суеверие, просто такая традиция. Способ, всегда выручающий умных: разведёшь оппонента *на словах* — предрассудки, народные приметы, суеверия, традиции, обычаи — это ж, дескать, всё разное! Подзапутаешь его в терминологии, глядь, обвинения в отсталости воспитания уж и выглядят необоснованно, Да просто, мол, обычай, привычка, уж если так хочется, назовите причуды.

А объяснил всё тот же Пушкин. Гений, что тут скажешь, ему хватило всего одной стихотворной строчки: «Так суеверные приметы согласны с чувствами души». Вот в чём сложность: чувства тут ещё примешиваются, чувства! Как всегда непрошенные, своенравные, лезут, куда их не звали, принимаются, словно радиопомехи в эфире, сбивать с толку трезвую работу рассудка. Вот в чём причина этого психологического феномена — в чуйствиях! А уж у охотников да рыбаков всяких этих переживаний…

В самом деле, почему в их среде особенно распространены приметы и суеверия? Ответ несложен: на своей городской работе я сегодня знаю всё, во всяком случае достаточно для современного специалиста. Встретится что-то неизвестное — раскрываю справочники, нахожу нужные формулы и ответы. А когда один на один с тайгой… Рыбаки и охотники просто ближе к природе, ежедневно сталкиваются с явлениями и событиями, которые до сих пор не всегда могут объяснить учёные.

С другой стороны, они, как правило, народ с поэтическим мировосприятием, видят окружающее образно и эмоционально. И когда точных сведений недостаёт, быстрое воображение легко восполняет их отсутствие плодами фантазии — она-то у рыбаков-охотников богатая, это всем известно.

Может, кому-то покажется странным, но мне всех этих леших да русалок теперь жалко. Пусто стало без них в лесах, скучно и бездушно. Одно утешение — недремлющий чёрт рогатый и светлый ангел, всё ещё гнездящиеся один за левым плечом, другой за правым — то-то плюёмся трижды обязательно через левое плечо, в нечистую козлиную рожу. Теплится ещё в нас, холодно-разумных, кое-что допотопное.

А если всерьёз, как сегодня относиться к тем же охотничьим поверьям? Честно признаюсь: лично я смотрю на них с благожелательной улыбочкой. Во всяком случае, бороться и ниспровергать не собираюсь. Во-первых, потому, что занятие это безнадёжное. Века и тысячелетия минули, язычество сменилось христианством, потом прошумел у нас век воинствующего безбожия, восторжествовало царство компьютерного разума. А они живы. И вдруг бы я всё объяснил и опроверг — и все бы меня послушались? Смешно же!

А во-вторых, что и есть первое, наиглавнейшее, только представить себе охотничью и рыбацкую жизнь без этих милых «настроений» — ведь скучно станет! Что останется? Голимая, как сибиряки говорят, стрельба, погоня, добыча. Это как если бы у прекрасного букета изъяли запах, его дивный аромат. Цветы остались, такие же яркие, но без духа. Композиция разноцветных украшений, но неодушевлённых. Возможно, кому-нибудь такое и нравится, а я никогда не соглашусь, что от этого жизнь не станет беднее. Так и с охотничьими поверьями. Хоть немножко себя почувствуешь язычником — и как-то оно забавнее.

Да, чуть не забыл! Надо рассказать, чем кончилась история с капризными карасями на рыбалке с сыном. Жалко мне стало, что такой красавец сорвался из-за того, что забыл второпях положить в лодку подсачек. Но—собираясь на утреннюю зорьку, я подержал, подержал в руках это своё новодельное орудие, как будто прикидывая на вес, и… незаметно для сына отложил в сторону. Официальное объяснение для себя было: не так часто берут здесь подобные «экземпляры», вряд ли ещё раз понадобится подсачек, только будет мешаться в лодке, нам вдвоём и так тесно. А вообще, оно всегда так: подготовишь всё специально на крупную добычу, и как раз не понадобится, будто сам спугнёшь удачу. Ну и что? Дважды утром засекались настоящие «лошади»! Да разве взять такого в лодку без соответствующего орудия.

На следующий выезд я этот подсак всё-таки прихватил. И—сами догадываетесь—правильно, ни единой крупной рыбины не попалось. «Но не может такого быть, чепуха, выдумки!»—принялся я стыдить сам себя. Чепуха—безусловно. И в то же время статистически достоверный факт, повторявшийся неоднократно. Так что всякий раз перед выездом на карасей меня стал изводить почти гамлетовский вопрос: «Брать или не брать?!» Закон определился чёткий: положишь в лодку подсачек—не возьмёт крупняк ни за что на свете, а стоит «забыть» его на берегу… Потешаетесь? Дело ваше, я не обижусь.

Не совсем ясно пока одно: именно этот новый подсачек такой невезучий? Был бы с собой ещё один—вот бы попробовать? И ещё вопрос: у нового только на том озере действует отрицательный заряд судьбы или станет так же вредничать на других? Это уж было бы вовсе злодейством…

«Эй, мужик!..»

Богатый-то богатый, но тоже случаются казусы. Однажды прекрасный русский писатель Владимир Солоухин, на которого я уже ссылался, чутко уловив недостаток в речевом организме одного, как бы сказать, фермента—как, если недостаёт инсулина, развивается диабет,—выступил в газете «Неделя» с размышлениями на тему: как мы обращаемся друг к другу в быту. «Товарищ», мол, термин партийный, «гражданин»—юридический, «господ» не стало. Но как-то же надо обратиться к незнакомому человеку, вот и появляются: «Девушка!», «Мужчина!», а то и просто «Слушай, мужик» или «Эй, ты, в шляпе!». И велик, и могуч родной, а нужного словечка не доискался. И вот Солоухин предложил вернуть в обиход слова сударь и сударыня. Самым главным возражением, предвидел он, может стать идеологическое: эти словечки—производное от «государя». Так ведь и спасибо ведётся от «спаси Бог».

Какая тогда поднялась газетная буча! Против были все, хотя и по разным мотивам. Знаете, сколько времени минуло с той дискуссии? Четыре десятилетия, страна пережила гигантские потрясения, стала совершенно другой. А нужного обращения так и не появилось, до сих пор слышно: «Женщина, возьмите сдачу», не приносят успеха и в новых условиях настойчивые попытки внедрить разрешённое теперь «Господа!». Почему, неужто стал бесплодным наш великий и могучий?

Дело в том, что у языка есть свои законы, по которым он живёт и развивается и которые напрямую не связаны ни с экономикой, ни с политикой. Попытки повелевать этими законами безнадёжны, как если бы решили указом сократить сроки беременности. Эти законы можно лишь пытаться объяснить. Например, какое правило срабатывает в хронически запущенной ситуации с единообразным обращением на манер регламентированных по английскому образцу сэра, миссис и мисс? А вот какое: возможно, наш как раз и не хочет никакой регламентации, его вполне устраивает именно живописное разнообразие. К кому-то «девушка», к кому-то «Эй, мужик!», к кому-то «земеля», «батя», «бабуля». А если надо подчеркнуть особое, с подтекстом, отношение, то пригодится и «господин». Чем, скажем, плохо: «Извините, миледи, но вы ошибаетесь…»?

Любопытно вспомнить, что вводилась и у нас когда-то чёткая регламентация (и как раз императорским указом)—в соответствии с известной табелью о рангах: ваше благородие, ваше высокоблагородие, высокородие, сиятельство, превосходительство, степенство. Двести лет государство насаждало! А как только перестало, вся строгая конструкция отмерла. Бот и талантливый русский писатель со своей «сударыней» в кон не попал.

Признаться, я тоже в своё время ошибся, посчитал нововведённое «губернатор» мертворождённым архаизмом. Какой губернатор, если губернии нет? Мне возражали: а вон губернатор Шварценеггер управляет *штатом* Калифорния. И победил непобедимый Шварценеггер, прижился губернатор. Случается. Язык—живой организм, развивается как ему самому удобнее.

А что до иностранных заимствований, такое с русским бывало уже не раз. Накатывались волны греческого (с христианством), голландского, французского, немецкого. «Буран», кстати, пришёл из татарского, а «пурга» из сомадийских-северных. Народ у нас такой, иногда по-детски доверчив и переимчив, всё в рот тянет. Пожуёт-пожуёт, что-то выплюнет, а что-то проглотит, не всегда полезное. Так и Великий-Могучий что-то выплёвывал, что-то брал и переиначивал, а в результате становился ещё богаче и цветастее, то же произойдёт и с «консалтингами» да «дистрибьютерами»—пережуём,

переживём. Французов и немцев одолели, переножем и новое нашествие.

Вот только… ну, не могу я спокойно смотреть на эти «Vostoki», не могу, и всё тут. Раздражают. Не всё ж стоит на язык пробовать—вдруг отрава? Да, гостеприимный мы народ, но когда этим пользуется всякий сброд, норовит устроиться в твоём доме—ноги на стол—я, например, не могу. М-да, никогда мне с такими нравами не выйти, наверное, на Бродвей. Да я и на Брайтоне-то не бывал, всё больше по тайгам да Северам. Э-эх, колывань! А ещё рассуждать взялся. Тайга-а…

Пороги, шивёрки и глупые таймени

Всё про Эвенкию, про Эвенкию… И вдруг подумал: как же не рассказать о необыкновенной здешней рыбалке, о ленках да тайменях?

А ведь было, не раз…

Обычно мы забирались в верховья какой-нибудь речки и затем сплавлялись по течению на резиновых лодках-надуваликах. Само это предприятие, сплав по здешним бурливым рекам,—дело увлекательное и порой рискованное. Но мы не считали себя спортсменами-водниками, для которых чем сложнее порог, тем почётнее и азартнее. Мы—мирные рыбаки-путешественники, для нас главным в сплаве было не преодоление, а лишь возможность добраться до цели. Хотя иногда тоже доставалось чувствительно пощекотать нервишки.

Плывём по ровному плёсу, берега—голые каменистые откосы, за ними по обеим сторонам оторочка из невысоких, с разреженными кронами лиственниц. Впереди рождается шум, как будто там проходит железнодорожный состав, только неоткуда ему тут взяться.

—Может, пристанем и сходим посмотреть?—предлагаю я.

—По звуку—скорее всего шивера, представляющая лишь некоторый спортивный интерес,—изрекает самый опытный из нас сплавщик Витя Грязнов.—Как ты думаешь, Толик?

—А! Плескунчик. Что мы перед каждой шивёркой вылезать будем?—пренебрежительно отвечает Толик Кондратчик (в обиходе просто Кондрат). Это его обычная манера: «А! Подумаешь… Да какая разница!»

Пошли с ходу. Бесшабашный Кондрат впереди, Витя замыкающим. Течение всё стремительнее, перекат впереди слепит бликами, камешник на дне под тонким слоем воды разноцветно мельтешит в глазах и несётся навстречу. Кажется, будто дно перед лодкой поднимается и вот-вот встанет непреодолимым валом, даже голова начинает кружиться. Но сама опасность ещё впереди. Река почему-то начинает злиться на нас.

По всему руслу разбросаны неподвижные каменюги, стадо купающихся слонов и бегемотов с лоснящимися спинами. Они окружены бурунами, поток бешено мечется от валуна к валуну, и ты должен сделать всё возможное и невозможное, чтобы держаться посреди струи и не налететь на каменный надолб. Удар гребью слева, удар справа, валун проносится мимо, но тут же впереди возникает другой. Всё происходит настолько стремительно, что думать некогда, решения принимают сами руки с веслом… О, дьявол, влетел в «майдан»—стоячие крутые гребни с пенистыми шапками! Лодку бьёт на водных сугробах, как на ухабах, на тебя летят потоки брызг. Ого, сколько уже наплескалось в лодку—сижу в воде, как в корыте! Зато теперь моё отяжелевшее судёнышко труднее перевернуть… Ффу, кажется, пронесло и на этот раз. На тихом плёсе под шиверой мы пристаём один за другим к берегу, собираемся для краткого подведения итогов.

—Я, Витя, полное корыто набрал «спортивного интереса».

—Нормально, старик! Адреналинчику хватить иногда полезно. Я-то прошёл сухо.

—А я, братцы,—Кондрат смущённо посмеивается,—котелок утопил. Сверху лежал на куле, забыл привязать. Как поддаст на гребне! Словно из катапульты вылетел…

—Что-о?! Шалава ты и есть шалава, ничего ответственного нельзя доверить! Как же теперь без котла?!

Кондрат по характеру вообще довольно-таки шалопут. Он считает, что пренебрежение к трудностям и лишениям украшает мужика. А по-моему, под видом благородного фатализма просто прячет свою безалаберность. Он и по внешности круглолицый увалень, потомок мирных белорусских переселенцев. Забыл в поход шапку, ходит с копной белобрысых лохм на голове, говорит—не холодно. Зато комары так искусали уши, что они, бедные, распухли и свисают, словно у сеттера. На него была возложена обязанность подготовить палатку, так он её даже не проверил и не починил. В углу, где кол упирается в конёк крыши, обнаружилась дыра, в первую же ночь внутрь набились комары, досталось и невиноватым. Ругать Кондрата бесполезно, на всё у него обычный ответ: «А! Как-кая, слушай, разница!» Дыру я зашил, а вот с потерей котелка досталось хуже.

Уцелевший после коварной шивёрки второй котелок необходим был под чай, потому как без чая невозможно. Поэтому пищу приходилось готовить эвенкийскими способами: жарить ленков на рожнах над огнём, рябчиков и речных уток, выпотрошив, но в пере—оно потом легко снимается—печь в золе. Сперва всё шло за милую душу. Но приелось. А в рюкзаках пропадает столько круп—эх, перловочки бы родимой сейчас! Соскучились, понимаешь. Да ещё к концу похода на нас напал такой «осенний жор»!..

Порог можно предсказать заранее, ещё до того, как станет слышен его шум. Вдруг река разливается особенно широко, течение засыпает, и нам приходится всё время в упор работать вёслами. Это значит, что впереди подпор, который обязательно кончится крутым обвалом воды, и вот вдали снова зарождается мощный гул, нарастающий всё ближе. На сердце пробегает лёгкий холодок.

— Витя,— кричу я нашему командору,— что-то уж шибко грозно гудит! Пойдём всё-таки глянем.

Грязнов — таёжник с детства, родом из предсаянского Ермаковского района. Мудрости набрался — соглашается. С окружающих скал порог смотрится — не приведи Господи! Вода рушится меж скальных обломков, ревёт, грохочет, буйствует, бешенствует, кипит, крутит крутыми жилами, неистовствует, покрываясь косматой пеной. Над водой висит мешанина брызг. Шум вокруг такой, что говорить приходится на повышенных тонах. Толик качает головой и на этот раз честно признаётся:

— Я не трус, но здесь не пойду. Тут не только на резинке, даже на настоящем бревноуте не гарантированно.

— Ага! Я так и думал, никакой ты не фаталист-романтик, а просто халдей,— не упустил случая подловить товарища, как будто сам я готов был безрассудно броситься в этот водяной ад.

Витя указывает сверху рукой:

— Вон то место — пенный котёл — самое опасное. Там под скалой бурлит, это уже не вода, а сплошные пузыри, как в шампанском, они лодку не держат, проваливаешься вглубь до дна…

Люди мы не гордые, решили это препятствие обнести. Воздух из лодок спустили и, свернув их, превратили в тюки. Рюкзаки за спину, в две ходки туда-сюда, берегом перетаскаем. Ходки — километра по три, а то и больше. Обносить — тоже невеликая радость. По горе сплошные каменюги, внизу более округлые, повыше — остроугольные. То протискиваешься между ними, то прыгаешь с одного на другой. Горному козлу проще, у него и рюкзака за спиной нет. Прыгаешь на камень, и будь готов ко всему: вдруг он скользкий или шатучий, лежит наперевес? Качнётся под тобой, потеряешь равновесие… Ох, не приведи, не приведи Господи хотя бы лишь вывихнуть ногу, да просто потянуть сухожилия…

Зато в таких дурях и держатся настоящие таймени.

Относительно самой рыбалки у каждого из нас сложилась собственная специализация. Я больше занимаюсь хариусами («хайрузы», как произносит Кондрат). Прекрасная рыба, и по размерам совсем не те городские белячки, которыми мы умиротворяем страсти в Красноярске. С первых попыток я понял, что изощрённые городские обманки здесь бесполезны. Но провожая меня в поездку, сосед, заядлый старый рыбак, подарил муху, которой он ловил настоящих хариусов на Севере. «Дедово орудие» (опять же, по определению Кондрата) представляло собой нечто грубое и размера угрожающего, настоящая лошадь. При забросе она плюхалась на воду, будто коровья лепёха. Но эвенкийским хариусам нравилась необыкновенно. В течение всего плавания «дедово орудие» безотказно кормило нас прекрасной рыбой.

Витя Грязнов специализировался по ленкам. Хариусы предпочитают перекаты, струи и мелкие притоки, а ленки держатся на ровных плёсах-галечниках. Свою снасть на ленков Витя, по-моему, изобрёл сам, она тоже действовала безотказно. Объяснять её устройство я не стану, упомяну лишь, что Толик называл её «потаскухой», «дур-машиной» и ловлей «на голое мудилище». Он, конечно, имел в виду удилище, но то и дело коверкать слова, иногда презабавно, ему почему-то нравилось. Писатель Фенимор Купер превращался у него в Филимона Пукера, вертолёт — в «ветролёт» и т. п. В рыбалке же он признавал только тайменей, и ничего кроме них.

Вите Грязнову ловить постоянно мешала фотоаппаратура, кофры с объективами, светофильтрами и прочими премудростями, которыми он всегда был обвешан. Правда, вспоминал о них только на стане. Витя — профессиональный фотограф, однако Кондрат на него жаловался:

— Знаешь, в прошлом году подарил мне целый альбом со снимками о поездке. И что? Я там всё время только жру, то у костра, то у палатки. Ни одной фотографии про рыбалку!

На что наш фотомастер возражал голосом обиженного автора:

— Художника всегда ругают, когда он показывает подлинную правду жизни своих персонажей…

После того как мы наконец обнесли порог, Кондрат потребовал днёвки.

— Три дня кочергу парили на плёсах да перекатах, а настоящая-то рыбалка здесь, в пороге! Хайрузы начинают по осени скатываться из ручьёв вниз по реке, а талмени их под порогом караулят с раскрытыми пастями и ловят на лету.

Тайменя он считал не только самым крупным трофеем, но и самым благородным, мудрым созданием в речном царстве.

— Нет, вы только сравните: у щуки и голова плоская, где там уму-то помещаться? А у Него,— он так произносил, что было слышно: с большой буквы! — лоб греческого мудреца Стократа!

Это было преувеличение, следствие обожания, но никакие доводы на Кондрата не действовали. Таймень, и правда, самый сильный в реке, и зачем ему в этих условиях мучительно соображать? Сила есть — ума не надо, давно известно. Однако подобное мнение Толик воспринимал лишь как обидное унижение его любимца. Витя советовал мне:

— Да не связывайся ты с ним, разве не видишь — человек шизанутый на своих тайменях.

Короче, мы отаборились ниже порога. Я и Витя занимались делами по обустройству, а Толик уже схватил спиннинг и начал метать блесну на середину русла. Вдруг послышался его истошный вопль:

— Баго-ор!

Неужели зацепил что-то на втором-третьем забросе? Во даёт... Витя схватил рыболовный багорик и побежал помогать товарищу. Тот с натугой крутил свою «рулетку», то подтягивая рыбину к берегу, то вынужденно стравливая лесу. Витя забрёл в сапогах по колена, с багориком в руках напряжённо всматривался в струи перед собой. Вот он вдруг с размаху ударил что-то видимое ему в воде и — «Есть!» — с усилием поволок тяжёлое нечто к берегу, вытащил на берег. Толик подбежал и...

— Щука! — Как будто выругался в серцах: — Ссука...

Надо было видеть, как разочарованно вытянулась его физиономия. Случись такое на нашем Красноярском море — щучина килограммов на десять, а то и больше, — каким стала бы предметом неописуемой радости и гордости для удачливого рыболова, поводом для воспоминаний и рассказов на годы вперёд! А тут лишь разочарование: не таймень...

— Ладно, Толик, не расстраивайся, — успокаивал друга Витя. — Ещё поймаешь. Зачем ты тут забрасывал-то на ровном течении. Иди в дури, сам же говорил, что все таймени там.

Мы вернулись к делам у палатки, Кондрат отправился в порог. Что там приключилось, он, возбуждённо придыхая, поведал позже.

Первый лобан засёкся довольно быстро, в самых бурунах. Рыбак с трудом подтянул его к берегу, но берег был — отвесные скалы! Ясно, что на подъём Его не взять, не выдержит жилка, или разогнётся и вырвется крючок. Багорик Кондрат, разумеется, забыл, халдей он и есть халдей. Мы далеко, крика не услышим. В чистейшей воде Его было прекрасно видно — уткнулся под ногами в базальтовый отвес, задумчиво — не поймёт, что случилось, — шевелит плавниками. Единственный вариант — ударом тореадора всадить нож в загривок и затем, прыгая по каменюгам, обездвиженного спокойно вывести в удобный заливчик. Толик достал из чехла нож, лёг животом на камень, не ослабляя лесы в левой руке, прицелился и ударил правой. Но таймень в этот момент колыхнулся, лезвие попало вскользь и... отсекло жилку! Собственно, у Кондрата всё так и должно было произойти. Рыбина вот она — под руками, но теперь совершенно вольная. Таймень ещё маленько постоял носом в скалу, «подумал» (так излагал Кондрат) и, развернувшись, спокойно пошёл восвояси. Золотистая, из толстой латуни, блесна болталась у него под губой, словно украшение негритянского вождя.

Горе нашего рыбака не поддавалось описанию. Однако надо же снова что-то предпринимать, таймени в бурунах — вот они, да какие! Не пофартило с первого раза — со второго-третьего должно повезти. Толик по каменьям перебрался немного ниже по течению, выбрал более удобную позицию и принялся снова хлестать реку блесной. Наконец опять почувствовал удар — удилище чуть из рук не вылетело! Борьба была долгой и упорной, Он выпрыгивал из воды свечой, рыскал галсами, пытался залечь в камнях. Но рыбак всё преодолел, завёл добычу в заливчик меж каменными обломками, исхитрился и ударил лобана по темечку булыгой, утихомирил.

Всё это Толик рассказывал, держа рыбину на палке за спиной через плечо.

— А теперь гляньте, — торжествующе завершил он драматическое повествование. — Таймень-то... тот же самый, которого я имал в первый раз! Сам себе не поверил: моя блесна болтается у него на губе, вот и царапина от удара ножом. Во какое чудо — тот же, тот самый! Ты всё о природе пишешь, — это персонально ко мне, — что-нибудь подобное слыхал?! А то городишь всяко разно. Он от первого места всего и отошёл метров на полсотни.

— Да-а, случай, видимо, редкий, — протянул я растерянно. И вдруг сообразил: — Но о чём он свидетельствует? Ты, конечно, у нас рыбак — супер. А таймень твой — ну согласись наконец — просто болван! Только что подвергся смертельной опасности, болтается на губе одна железяка — нет, снова такую же хапает. Неужели от великого ума?

— При чём тут ум? Может, у него просто такая страсть!

— Глотать колючие железки?

— А!.. Вы любое событие умеете вывернуть наизнанку. С тобой толковать — пустое занятие.

Закончилось наше путешествие в посёлке баней с капитальным бритьём бород, после которого мы некоторое время не узнавали друг друга.

— Фу, какой ты стал голый, смотреть неприятно!

— На себя глянь! Морда красная, будто распаренная пятка... Правда, сохранились наши бородатые снимки, сделанные Витей. Но тоже все у костра, за жратвой. А в моменты ловли азартный рыбак всегда побеждал в Вите фотографа.

Товарищ захребетник

Позвонил верный напарник по охоте и рыбалке Витя Грязнов, стал торопливо рассказывать: «Слушай, про такую узнал речку! Называется Кирга, в Саянах. От станции переваливаешь хребтик, километров пятнадцать пеши, и там, в самых верховьях, этого хариуса! Гольный крупняк, черныши. Поедешь?» — «Говоришь, пятнадцать в гору?.. А! Поехали». И вот, заняв середину комнаты, собираю

рюкзак, на несколько дней, тащить всё это на себе через «хребтик».

Когда сложил на полу самое необходимое, выросла такая хеопсова пирамида барахла—в ужас пришёл! Какой там хребтик, до вокзала не доволоку, просто в троллейбус не влезть. Народ в транспорте обычно начинает ворчать: «Вьюк-то снять надо...» На что я отвечаю с самой наивной улыбочкой: «Дак он, знаете, не снимается!» Озадаченные пассажиры на некоторое время умолкают, а тут, глядишь, и вокзал. В этой шутке большая доля правды: снять-то его кое-как можно, а вот снова взвалить на спину—проблема. Надо или с подставки, самому под него присев, или взгромоздить сперва на колено. Что же я буду народ потешать? Лучше как-то перетерпеть ропот недовольных сограждан.

Вряд ли кто из таёжников-пешеходов не согласится, что между тобой и твоим рюкзаком всегда существуют особые непростые отношения. Иногда дружба, взаимное уважение, иногда недоброжелательность, вынужденное сожительство, а то любовь... коня и седока. Много тут зависит от чисто технических решений: покроя, устройства лямок, качества материала, даже каким шнуром затягивается горловина. Я, например, всякий раз, заводя новый, тщательно подгоняю его себе по спине и по уже сложившимся привычкам. Если приношу из магазина, первым делом перешиваю лямки, пришиваю кольца, чтобы приторачивать дополнительный тючок, усиливаю все крепления. Но как ни странно, у каждого нового рюкзака, а износил я их уже немало, довольно скоро проявляется свой характер. Попадаются надёжные, покладистые—в прямом смысле слова,—добрые, а то неуживчивые, неудобные, своенравные. Да так и живёшь с таким, словно с нелюбимой женой.

Был у меня один—ну просто зловредина ехидная, сколько раз подводил. Раз в Саянах пришлось пересекать покатый курумник из крупных каменных обломков, так этот злодей чуть меня не погубил. Груз тяжёлый, камень под ногою сыграл, я качнулся в сторону и, хоть тут же восстановил равновесие, он, подлый, воспользовался моментом и всей тяжестью стал валить меня набок. Такая у него была мораль—как Ницше учил: «Падающего—толкни!» А падать на курумнике категорически недопустимо, тем более под таким грузом: неизвестно, что сломаешь—ногу, руку или шею. К счастью, в тот раз обошлось. Но подобные каверзы он вытоворял не раз.

Сажусь отдохнуть на бревно у лесной колеи. Рюкзачину, не снимая, осторожно опускаю за спиной на бревно, чтобы разгрузить плечи. Вздохнул облегчённо, полез за сигаретой... И тут он коварно с опоры сползает и заваливается за это бревно. Я, естественно, за ним—опрокидываюсь на спину. Так ведь не мог подняться! Словно Прометей, прикованный к скале, не хватало сил оторваться от тяги земной. Пытался перевернуться на бок и встать на четвереньки—куда там, не даёт. Лежу на спине, гляжу в небо и бормочу: «Что же ты вытворяешь, вредина эдакая!» За спиной не видать, но я уверен: он там жутко доволен, здорово подшутил! Слабоват, дескать, ты стал, приятель, под настоящим рюкзаком. Так и пришлось, лёжа на спине, извиваясь, высвобождаться-распрягаться, иначе бы век свободы не видать.

Тот мой злодей на подобные выходки был куда как горазд. То что-нибудь у него порвётся в самый неудобный момент, то вдруг выпрет внутри к спине острый угол котелка и мигом собьёт холку (а ведь специально обкладывал его мягким!). Вечером приходишь на место и чувствуешь не приятный гул поработавших мышц, а всего себя изломанным, будто пропустили через молотилку.

А предпоследний попался друг верный и надёжный. Мы с ним, бывало, на ходу даже разговаривали. «Что,—спрашиваю,—друган, удобно тебе?»—«Неси, неси. Ничо».—«Вот скоро доберёмся до избушки, сниму я тебя, распрямлюсь...»—«Да уж скорее бы. Хребтина, слышь, у тебя вся потная, намок я».—«Ну, это в нашем деле, извини, так заведено: ноги спину греют...» И вес у него почему-то всегда был приятный. Вот как случаются морозец бодрый и морозище клящий, один настроение поднимает, от другого только неприятности. Сначала, как взвалишь, так оно, вроде бы... того. А потом привыкнешь, шагаешь да шагаешь себе размеренно—хорошо! С удовольствием ощущаешь собственную силёнку, уверенность, мускулы играют. И всё необходимое на неделю у меня есть, могу, как говорится, уйти в автономное плавание. Весь мой мир сконцентрированно лежит у меня за плечами, весомая его часть. То-то и считается: своя ноша не тянет. Вот какой был рюкзак-друг. Жаль, что тоже не вечный. Увы, ничто не вечно в нашей жизни.

Рена Яловецкая

Из книги «Сибирские палестины»

Искусствовед и кинокритик Рена Яловецкая — еврейка и одновременно коренная сибирячка в четвёртом поколении, патриотка Красноярска, живущая в Москве и знаменитая в кинематографических кругах.

Многие годы медленно и скрупулёзно пишет она увлекательную, качественную прозу, которую интересно читать и о которой хочется говорить. У неё — индивидуальный почерк, доброе сердце и точный профессиональный взгляд. Её рассказы повествуют о жизни и судьбах евреев, волею судеб оказавшихся в Сибири и ставших неотъемлемой частью пёстрого многонационального населения нашего «плавильного котла», нашей «новой Америки» — так именовал эту часть русской земли знаменитый омский футурист и эксцентрик Антон Сорокин.

Каторжники, зэки, спецпереселенцы, авантюристы, бессребреники, хапуги, влюблённые, романтики, прагматики, жадюги, дураки, умницы… Сапожник Ефим, влюбившийся в здоровенную бабищу Настю, банщицу из мужского отделения, блестящий театральный администратор Бенцион Люкс, от которого осталась лишь двусмысленная надпись на могиле «раб. культуры», психованный «пасхальный гость», ссыльный Янкель, обернувшийся через годы товарищем Я. М. Свердловым, известная всему старому Красноярску «Рая-дурочка», потерявшая разум после гибели жениха, триумфатор Марк, сделавший советскую карьеру в то время, когда на него был объявлен всесоюзный розыск, юный гений Гарик, летописец «сибирской буржуазии» — вот лишь немногие из персонажей её первой книги «Сибирские палестины».

Читайте её новые рассказы. Интересно, полезно, питательно.

Евгений Попов

Портрет

…И сердцу девы нет закона

А. Пушкин

— Хотела бы вас писать! — подошла ко мне неожиданно.
— Не позировала никогда, — смутилась я. — Да и возраст мой… рембрандтовских стариков…
— Моя визитка. Можно ваш телефон? — в просьбе робость и настойчивость.

Позвонила через неделю. Явилась с холстом и подрамником.
— Шляпа есть?
— С греческого острова, — достала я летнее приобретение в стиле «канотье».
— Наденьте что-то винтажное и ещё браслет и перстни. Смотрите сюда! Выше! — подняла палец.
— Устанете — скажите. А можете почитать стихи? Спеть?

Я читаю Блока. Потом — Мандельштама. Пою старинную сибирскую песню.

Она улыбается:
— Мама тоже её знает.

В перерыве переворачивает портрет: нельзя смотреть на незаконченное. Затачивает карандаш, растушёвывает грифельную пыль пальчиком. Глаз цепкий, недовольный, брови сведены.

Я смотрю на себя в зеркало критически: «старая циркачка», клоун. Всё в прошлом. Как говорил мой дед, прошедший не одну войну, — «отставной козы барабанщик».
— Угрюмая я какая-то! — взглянула всё-таки на эскиз.
— У вас полуулыбка. Не могу уловить. Все женщины немного Джиоконды… — хмурится портретистка.

Пока художница всматривается в меня, я разглядываю её, позволяю вопросы.

Узнаю, новую знакомую зовут Мария, Маша, Муся, если угодно. Родом она из Сибири, Туруханского края, северного, ссыльного. В шесть лет сказала: буду художником. В шестнадцать — уехала в город и поступила в художественное училище. Гипсы, натура… Рисовала много, неистово. Вместо семи положенных работ сдавала пятнадцать.
— Меня одолевала жажда! — так и сказала. — Но учитель мой ко мне придирался и начал приставать. Мама спасла. Прилетела и перевела к другой учительнице. Та была несусветно строгой. Её боялись все и прозвали ведьмой. Но «ведьма» меня полюбила, и я к ней прикипела. Училище окончила с красным дипломом. Прилетела в Москву и, не верите, без протекций поступила в «Строгановку». Московские абитуриенты занимались с репетиторами, а я… Счастлива была. Проучилась три месяца, чувствую не вписываюсь: сокурсницы в гламуре и «шоколаде», парни — на «мерсах»,

а преподавание — туфта, хрень… Основы я уже прошла в сибирском училище — там классная школа. Пришла в деканат: отчисляйте, говорю. Мастера и администрация отговаривали, но я поняла, не хочу рутины, хочу заниматься современным дизайном.
— Неужели ушла из Строгановки?
— Ушла без раздумий. В Москве никого. Случайно познакомилась с одним австрийцем. Представитель фармацевтической фирмы. Живёт в Москве наездами. Квартира пустует. Предложил пожить бесплатно. Я для него сделала несколько эскизов рекламы лекарств и косметики. Потом мы подружились и стали жить вместе. Новая жизнь закружила: компании, тусовки, приёмы и… алкоголь. Правда, я не курила «травку» и не кололась… Спохватилась вовремя! — она выпрямилась. — Я не девочка-игрушка, не «зажигалочка». Чувствую: тупик, дорога в никуда. Позвонила маме. Она прилетела и вытащила из этих сетей. Я начала искать работу. Поступила на курсы телевидения, освоила компьютерную графику. Начала подрабатывать, сняла комнату.
— А учёба?
— Мне повезло. Набрела на одну компанию художников-ювелиров. Креативные мальчики. Они работают с натуральными камнями. Их украшения — в золоте, серебре и даже в платине. Шик!
— Покажи свои рисунки! — попросили и предложили сделать эскизы в стиле Сваровски. Я попробовала. Им понравилось.

Талантливая, сказали. В обмен на эскизы обещали плату за обучение в ювелирном колледже. Фирма не обманула — я скоро защищаю диплом. Заведение престижное, эксклюзивное. Я уже многое умею: скань, чернение, перегородчатую эмаль. Но техника не всё — важен замысел художественный. Я сильнее в эскизах. Посмотрите — она достала мобильный — и на экране засветились, засверкали драгоценности: колье, кулоны, серьги, перстни.
— Твои эскизы? — не поверила я.
— Вот это колечко уже изготовлено по моему рисунку. — Она увеличила изображение — засиял крупный голубой сапфир, осколки бриллиантов. Оправа золотая, резная.
— Ах, какие у них камни! С востока — из Таиланда, Индии, Вьетнама — изумруды, рубины, сапфиры! — глаза её заблестели, словно отражали блеск драгоценных кристаллов.

Слушая, разглядываю рассказчицу с пристрастием. Маша хороша. Ей всего 20. Типаж современной художественной тусовки. Красота естественная. Никакого макияжа. Узкое лицо. Синие глаза, брови-зигзаги. Вся тонкая, узкокостная. За это, — позже признаётся она, — в училище её дразнили «туруханской селёдкой». Улыбка мгновенная, ослепительная. И манера говорить странная: преодолевает детскую зажатость, помогает жестами. Кисти рук маленькие, тонкие, ступни узкие: начала рисовать — туфли сбросила, ноги поджала под себя, «по-восточному». Широкие скулы придают славянскому лицу азиатскую, экзотическую манкость.
— У нас в роду смешение кровей — польская (предки из ссыльных), а вторая ветвь — коренной народ, северный, вроде тунгусы, — вздыхает. — Какие ещё во мне гены заплутали, не знаю.
— Мама, когда злится на меня, кричит: «У, шаманское отродье!»

Волосы у Маши прямые, длинные, собраны в хвост. На ней голубая «вылинявшая» юбка и такая же джинсовая куртка в кружевах и с вышивкой. Никаких украшений — облик минималистки: «Я сама украшение!»

Мы перебрасываемся словами. Маша то замолкает, то «целится» в меня синим глазом, недовольная результатом наброска, и вдруг выпаливает новую тайну:
— Недавно познакомилась с архитектором. Он из Турции. Классный. Красивый, воспитанный. Кажется, опять влюбилась. Он возил меня в Питер. Его зовут Кемаль. У него европейское образование. Учился в Германии. Ему тридцать три, но он холост. Приглашает погостить. У него дом на острове. Обещает показать Стамбул и Измир. Это ведь красивейшие города мира.
— Чем он занимается в Турции?
— Строит виллы. В курортных городках
— Ты дала согласие?
— Я сразу отказалась. У меня нет средств ни на билеты, ни на проживание. Я не могу жить за чужой счёт, — объяснила.

Он засмеялся:
— Раз так, ты со мной расплатишься по-другому: распишешь пару вилл. Нувориши обожают домашние фрески.
— Ты согласилась?
— С радостью. Но мама меня остудила: Кемаль тебя обманывает. Ты для него дармовая рабочая сила. Мама неправа. Я по скайпу разговаривала с его матерью. Она тоже меня ждёт. Очень приветливая. И ещё Кемаль сказал, что у него вообще серьёзные планы на меня. И я полечу в июле…

Она ушла, договорившись со мной о следующем сеансе.

…Странно, я постоянно думаю о новой знакомой. Мне тревожно: девочка ходит «по краю»: сибирское бесстрашие, безоглядность? Страсть к риску?

Я впустила её в свой дом, и не только дом. У меня ощущение, что она и меня вовлекает в какой-то опасный круг: авантюры, ювелиры, драгоценные камни, рискованные ситуации, тайны. Чуждый мир, знакомый по фильмам (дух Антониони — «Блоу-ап») и литературе «Крими».

В тот вечер мы выпили чай и она заспешила:
— Мне надо успеть на фестиваль в дельфинарий.

— Что делает художник в дельфинарии?
— Расписываю участников праздника, имитирую лица, тьфу, морды зверей. Каких? Разных: леопарды, тигры. Нужны особые краски для тела. Сейчас это модно — развлекательная индустрия. — Ткнула пальчиком в телефон. На экране изображения — детское лицо-маска рыси. — Это карнавал, праздник. За роспись хорошо платят…

Прошли недели. Маша пропала. Портрет-набросок повёрнут к стене. Уж не приснилась ли мне странная девочка? Внезапный звонок с Севера, из Туруханска.
— Извините, я мама Маши. Остановите её! Она у нас без царя в голове. Шалая с детства. Слетит с катушек. Заманит её турок этот и обманет. А то ещё продаст в бордель, — в трубке всхлипы.

Я всполошилась, но телефон Маши был заблокирован.

Маша не объявилась и исчезла вовсе. И вдруг в «планшете», в почте — e-mail послание.
— Салям алейкум! Я — в Турции. Простите за молчание. Так получилось. Я буду Вам писать…

Она завалила меня электронными письмами.

Письмо первое

…Эгейское море, эгей! Я в той части Турции, которая принадлежала когда-то Греции. Везде следы античности. Кемаль возил меня в старые города — Эфес, Милет, Дидим, Приена — это земля Эллады. Я видела храм Аполлона, Амфитеатр. Я верю, что здесь когда-то обитали боги и герои. Это край Гомера и аргонавтов. Здесь прогуливались великие философы древности. Я в кайфе!

Второе письмо было более пространным.

Второе письмо

Кемаль снял для меня номер в отеле. Супер! После завтрака спускаюсь к морю. Пляж — чудо. Галька — россыпь драгоценных камней: розовый кварц, мрамор, красно-оранжевые сердолики и царь всему оникс — молочно-желтоватый или яркий, прозрачно-зелёный, похожий на зрелый виноград. Здесь его залежи. Я видела каменоломни и рядом мастерские. Камни меня чаруют. Мелкие, морем огранённые, они просятся в мозаику (такая и была у древних греков). Русских туристов почти нет. Приезжают шведы, немцы, голландцы. Море прохладное, но я плаваю. Тихая бухта. Есть свой флот; маленькие судёнышки, чаще — рыбацкие. Названия звучные — «Титаник», «Антей», «Зевс». Вызывают улыбку. Несколько прогулочных яхт. Одна — под парусом. Море меняет цвета: серебристое, перламутровое, бирюзовое. К ночи — серое — свинцовое. К маленькой бухте приникли лодки, катера, как к материнской груди кутята. Спят, посапывают. Один сонно отошёл от берега, бесшумно ускользнул. Чайки кружат.

Хожу с этюдником. Невозможно упустить красоту. Берег каменистый. На уступах лестниц греются ящерицы, маленькие и огромные, похожие на драконов. Я живу в курортной зоне, но когда за мной заходит Кемаль, мы спускаемся в деревню Osdere. Дома — вдоль моря, а некоторые взбираются в горы. Белые двух-, трёхэтажные. Утопают в цветущих кустарниках — лиловых, красных, розовых. У акаций гигантские жёлтые цветы. Кипарисы. Туя. Вдоль дорог огромные кактусы. Многие держат павлинов. Красавцы по вечерам орут истошно, как мартовские коты. Растительность щедрая. Всё в цвету, если не в плодах. Много фонтанов. Внутренние дворики выложены плиткой, мозаикой. Это дома-виллы. В одном таком живёт семья Кемаля. Была в гостях. Отнеслись почтительно к московской гостье сына. Не более. Я смущена. Жду обещанной работы. Но строящиеся по проекту Кемаля виллы ещё не готовы. Сроки моего пребывания неопределенны. Собираемся в Кушадасы и Измир. Напишу.

Третье письмо

Алейкум салям!

…Влюбляюсь в Турцию. Вчера на автобусе отправились в город Кушадасы (переводится — «птичий остров»). Нарядный, весёлый — летние кафе с плетёной мебелью, бары, праздничные толпы. Никогда не писала стихов, но рифмы сами просятся:

«Здесь турки, распуша усы,
Гуляют вдоль Кушадасы».

Обедали в рыбном ресторане. Заходили в кофейни. По дороге заглянули на базар. Колорит непередаваемый. Хочу ухватить всё это. Взялась за карандаш, Кемаль оттащил:
— Приедешь специально!

И был прав. Я два дня провела в этих рядах: рыбные развалы — морские экзоты плещутся в гигантских ваннах-аквариумах, выброшены на прилавки клешни крабов. Застряла около горшечника с его глиняной посудой на повозке. Провела часы около торговца пряностями в красной феске. Запахи одурманили. Ещё рисовала хлебопёков. Хороши. Старая турчанка угощала меня маслинами и козьим сыром. Впечатление от турецкого базара ошеломляющее. Кемалю пришлось купить мне кистей, красок и скетчбуков. Я во всеоружии.

Письмо четвёртое

…Наконец мы в Измире. Это третий по величине город Турции, бывшая Смирна. Скрещение путей Европы и Азии. Здесь побывали крестоносцы и осталась христианская культура. Но Восток победил. Старые кварталы, кривые узкие улочки, мечети. Вой и вопль муэдзинов. Кемаль объяснил: так слышит город утренние и вечерние молитвы, так совершается намаз. Бродили долго. Зашли в «золотые ряды». Турки великолепные ювелиры.

Рассматривала их шедевры. Стиль мне незнакомый. Сразила бирюза. Просто бирюзовые реки. Кемаль купил мне нитку мелких ярких отшлифованных горошин.
— Под цвет глаз,— сказал.

Потом на улице мы ели шаурму и кебаб и ещё восточные сладости: смесь орехов, мёда и неизвестных мне пряностей. Знакомлюсь со страной. Не перестаю удивляться. Турки Эгейского моря — не похожи на восточных людей — скорее, на греков, итальянцев. Благородство, осанка, манеры. Они приветливы, но не назойливы. Разрушают стереотипы представления о восточном человеке.

Развлекаюсь, набираю впечатлений, но испытываю неловкость: сроки моей работы не определены. Мама требует возвращения в Россию.

Последующее сообщение Маши — без признаков эйфории, скорее тревожное.

Письмо пятое

...Чувствую двусмысленность своего положения. Кемаль дважды исчезал, не предупредив. Мне пришлось перебраться в другой отель. Возвратившись, он уверял меня, что поездка для него была неожиданной. Мама его и сестра ко мне по-прежнему расположены, дарят подарки — платки и шарфы. Голоса у них медовые. Но горничная в гостинице, из украинок, шепнула:
— Уезжай домой! Турки ни за что не возьмут в дом русскую. Женятся на турчанках...

Наши отношения с Кемалем запутаны. Я то верю его обещаниям, то не верю. Виллы для росписи ещё не готовы. Что делать? Я в отчаянии...

Письма от Маши больше не приходили. Не отвечала она и на мои телефонные звонки... Я стала забывать странную девочку. Через полгода — письмо по почте в изящном конверте цвета фуксии.

Письмо шестое

— Бонжур, мадам! Простите за молчание. Пишу из Парижа. Живу на бульваре Распай в мансарде одного художника. Возможно, у меня будет выставка. В маленькой галерее. Не удивляйтесь и не судите меня. Пишу по порядку. Кемаль меня разочаровал во всём. Турецкий лох... Я всё-таки дождалась обещанной работы. Действительно, мне предоставили две виллы, хозяева которых настаивали на росписях. По их заказам сделала эскизы. Один из них — грек, пожелал сюжеты античные. Другой — мусульманин, не хотел никаких лиц, а попросил пейзажи. Кемаль курировал работы. По окончании росписей жители соседних вилл приходили сюда как в музей. Цокали языками и гладили меня по плечу. Особенно им понравилась Артемида среди нимф с ланью и Икар, падающий в море (копия известных фресок) и, конечно, пейзажи с дельфинами, ящерицами и картины морских сражений. Кемаль оплатил мой труд, но самую малость. Это заметил Франсуа. Он друг Кемаля, сокурсник по Мюнхенской академии. Франсуа приехал в Турцию в гости на пару недель. Весёлый, лёгкий, короче, суперский. Похож на Жерара Филиппа. Шутил прикольно:
— У тебя, Мари, глаза Сфинкса!

Посмотрел в компьютере мои рисунки и живопись и сказал:
— Маша, ты сибирский самородок.

И внушал мне: ты не можешь быть ремесленником! Пусть другие делают кич, а ты — художник.

Однажды мне сказал:
— Летим во Францию! Там твоё место.

И вот я в Париже. Живу пока в мастерской Франсуа. Жена его на полгода уехала в Тибет — путешествует по буддийским монастырям. Франсуа водит меня по музеям и выставкам и своим друзьям художникам. Некоторые из них были знакомы с Пикассо. Я уже посетила Лувр, д'Орсе, Помпиду и Клюни. Немного понимаю по-французски. В детстве, в Туруханске мне преподавала французский ссыльная библиотекарша. К тому же у меня появились добровольные учителя из последней волны русской эмиграции. После уроков просят позировать. Но я плохая «ню» — нетерпелива, часто взбрыкиваю. И смеюсь. Без причины. Французы спрашивают: почему смеёшься? Говорю: «Смешинка в рот попала!» А перевести не могу... Они не верят, что я родом с Севера дальнего. Ты, говорят, девочка-фантом, астероид. А Франсуа вообще припечатал:
— Ты, Маша — тунгусский метеорит.

Он тоже пишет портреты и принимает участие в моей судьбе. Недавно познакомил с галеристом. Тот посмотрел мои старые акварели и отобрал несколько последних графических листов. Коллекция получается довольно пёстрая: старуха тунгуска с трубкой, горностаи в снегу и турецкий горшечник. Ещё — пейзажи с ящерицами и кактусами и рыбные развалы на базаре в Измире. Не знаю сроки открытия выставки, но ребята-ювелиры из Москвы собираются прилететь в Париж и выставить украшения по моим эскизам. Живу в кайфе. Виза у меня на год. Прилечу — закончу Ваш портрет. Мама в отпаде от моих выкрутасов. Проклинает Франсуа:
— Язви его в душу, твоего француза.

Где родилась, там и... не пригодилась. А пригодилась Муся, Мария, Маша из северного Туруханска в Европе. Угодила в самый кратер художественной жизни — в Париж.

Ах, не правы проницательные французы. Не инопланетянки и не из других галактик эти русские женщины, ставшие музами великих художников. С окраин России, из провинций — одарённые, одержимые страстями, бесстрашные, мятежные

и авантюрные. С непостижимой русской душой, загадочной генетикой. Чудесным ферментом в крови. Может, девочка из туруханского далека — одна из них? А может, пропадёт — сгинет в парижской круговерти, как многие менее удачливые искательницы счастья? Отзовись, Маша.

Глафира чумовая

— Где моя «Красная Москва»? — в доме крик и тарарам. Эта Глафира собирается в театр. Она выливает на себя полфлакона духов и высыпает полкоробки пудры. Удержу ни в чём не знает — и любовников у неё пруд пруди. Правда, все плюгавенькие. А сама — грудастая, ногастая и громогласная. Любит гулянки. Особо на природе. Собирается на пикник, на остров, через мост. Это ещё до войны. В ручищах две сумки снеди: варёное, жареное, печёное. Скатерть на траве раскинет — чего только нет: гусь целиком, ельчики с яйцом, пирог с рыбой, шаньги с творогом и плюшки с корицей. Гуляй — не хочу. Самовар шишками еловыми разожжёт, а после — песни-пляски. Затянет про бродягу, что бежал с Сахалина, про деву-несчастливицу, что уродилась красивой, да бедна и плохо одета, потому и замуж никто её не берёт.

А у Глафиры муж был. Да человек почитаемый и дельный. Но пропадал в долгих командировках. А каково же Глафире неуёмной без мужского внимания. Деток — сына и дочь — воспитывала няня, тихая, работящая. А куда ж себя Глафире-богатырше деть? Вот и выходит из берегов. Были у неё в характере разные странности. Услышит за окном похоронный марш, всё бросает: стирку, квашню с тестом. Хвать за руку дочу малолетнюю и бежит. Пристраивается к похоронной процессии. Шагает до кладбища. По дороге отбежит, купит пирожок с ливером — заткнёт плачущей дочке рот.

Звуки похоронного оркестра — плач трубы, удары медных тарелок, бой барабана — её возбуждали. Она металась, рыдала и шла за чужим гробом, разделяя горе незнакомых ей людей.

Муж, будучи зоотехником, слыл человеком, склонным к сельской науке. Чаще жил в районах. Отдалённых. Подальше от взбалмошной супруги. Время, однако, тогда было голодное, и о своей семье он всё-таки заботился. Присылал деревенские дары, которые оказывались не впрок.

Привезут Глафире муку, масла постного, мешок гречки. Она тут же раздаст соседям, подругам. Сидит-кукует. Детей кормить нечем: ни мяса, ни молока, ни крупы. Изловчился муж, прислал ей корову (оказия была). В городе скотину редко держали. Но кое-как нашли стайку, место для корма оборудовали. Корова была рекордсменка, племенная. Молока давала — залейся: и на сметану ставь, и творог готовь, а хоть и масло сбивай.

Поначалу у Глафиры была эйфория. Кормилицу свою холила, ласкала, гладила. Кормила-поила. К пастуху в стадо провожала. Потом вдруг охладела к животному. Вечером забывала встретить Пеструху. Та шла по дворам, тыкалась мордой в калитки, в ворота — искала хозяйку. Поначалу Глафира доила корову по правилам: утренняя, дневная, вечерняя дойки. Потом стала забывать. Пропускала утро. Корова орала, мычала — «плакала». Перестала давать много молока. А потом молоко и вовсе пропало. Бедолагу рекордсменку закололи на мясо.

Обижен был муж на свою неблагодарную супругу: живи теперь как знаешь. А потом пожалел. Прислал ей бычка — авось, на сей раз выходит скотину. Бычок здоровый, породистый. Привязалась к нему Глафира душой. Пойло варила, сено заготовила. Рос бычок весёлый, забавный. Дворовая ребятня травку ему носила с окраины. Однако Глафира вскоре и к нему охладела — перестала кормить в срок, а потом вовсе забросила. Бычок, недоумевая, искал нерадивую кормилицу и по ступеням лестницы карабкался и взбирался на второй этаж. Головой-лбом толкал входную дверь и являлся к хозяйке на кухню — как укор, требуя пищи. Потом стал прибаливать, и его тоже пришлось заколоть. Об этом непотребном поступке супруги муж не узнал — он погиб на пожаре в дальнем северном зверосовхозе.

А Глафира так и продолжала жить по своим, только ей ведомым, законам. Всегда неуёмная, непредсказуемая, счёт времени не знала. В 11 вечера вспомнит вдруг, что собиралась в баню. Дети уж спать легли. Сонную малышню вытаскивает из кровати: собирайтесь мыться! Прибежали, а баня закрывается. Банщице денег сунула, та её и в номер впустила. Рассупонились-разделись, а мыло-то мать забыла, и вехотку (по-сибирски — мочалка) тоже. Нашли чужие обмылки — помылись коекак, бюстгальтером потёрлись. Вытираться пора: хвать — а полотенце тоже забыла. Да и сыну Ваське одёжку не взяла впопыхах. Надела на мальца женские трусы из сиреневой байки и кофту вязаную. Ах ты, моё чучело гороховое — хохочет. Зато оставшимися обмылками успела бельё постирать, благо захватила узел — наволочки, простыни и скатёрочку. Всё не в накладе. Банный день удался.

Шелопутная Глафира служит главным бухгалтером в конторе «Заготзерно». Шутники название конторы, проделав некоторые лингвистические манипуляции, переиначили и новую вывеску сотворили «За год — зерно!». Документы-отчёты в сумке всегда при ней. Утром по дороге на работу заглянет на базар. Купит мяса парного и в ту же сумку сложит. Конечно, к вечеру деловые бумаги — в подтёках мясного сока со следами крови. Чо делать-то? Дома она отмывает-полощет листы-отчёты в корыте. Развешивает на верёвке в кухне сушить, прищепками крепит. Глядишь,

до утра документы высохнут. Процветай контора «Заготзерно». До ревизии далеко!

И только однажды Глафира чуть было не поплатилась за своё разгильдяйство. В тот год она устроилась бухгалтером на оборонный завод. Время военное, выносить документы с секретного объекта опасно. А Глафире—по фигу. Как всегда, не успела сделать работу за день и отчётность захватила домой. За дочкой забежала—и в цирк, на вечерний сеанс. На площади павильон «Шапито» соорудили и пригласили из Москвы знаменитого гипнотизёра. Глафира в первом ряду уселась, ждёт начала. Ассистентка гастролёра от зрителя к зрителю переходит, каверзные вопросы магу-волшебнику задаёт. А он, проницательный, все тайны вмиг разгадывает.

— К кому я подошла?—спрашивает ассистентка.

— К даме в шляпе.

— А кто рядом с ней?

— Девочка лет пяти.

— А что у девочки на ногах?

— Сандалии.

Зал аплодировал.

— А что у женщины в руках?

— Ридикюль коричневой кожи,—ответил гипнотизёр, не снимая чёрной повязки с глаз.

Глафира побледнела и крепко прижала сумку к груди. А ассистентка, понизив голос, спросила:

— Маэстро, а не угадаете ли вы содержимое сумки?

— Проще простого!—пророкотал маг.

Испытуемая Глафира схватила дочь за руку и сорвалась с места. Она бежала, в ужасе крича:

— Пошли к чёрту со своим колдовством! Вы шпионы!

Зал хохотал и улюлюкал ей вслед.

Когда у Глафиры родилась внучка, она от счастья ошалела. Доча, небось, рожая, совсем обессилела. Надо девочку подкормить и немедленно. И мать достала огромную сковородку, десяток яиц и взбила гигантскую яичницу. С пылу с жару схватила сковородку за ручку, пронесла на вытянутой руке по всей улице. Добежала до роддома и прямо в открытое окно палаты всунула горячую яичницу роженице.

— Ешь, доча, на здоровье!

Перед акцией успела бросить клич подруге:

— Айда, Машка, на остров! Щавель собирать! Надо дочке пирогов напечь—подкрепить ребёнка.

— Хорошая Глафира баба—добрая,—говорят соседи, но чумовая. Ни в чём удержу не знает. Всё сверх меры. Безрассудство её всё от родичей. Купеческого она звания. Самодуры, говорят, были что батюшка, что матушка. Вот в ней, дочери, кровь дурная и играет.

ДиН ревю

Эльдар Ахадов

Бытие

Издательские решения, 2017

Книга посвящена проблемам осмысления бытия и поискам ответов на самые насущные вопросы человеческого существования в духовном и физическом мире. Во второй части книги исследуются тайны прошлого, а в третьей части—рассказы о необычных или малоизвестных странствиях русской поэзии…

Спасибо

Не знаю, где ты сейчас, но если ты читаешь эти строки—значит, ты меня слышишь. Пожалуйста, посмотри сейчас в окно. Хотя бы просто взгляни в его сторону. Что там? Рассвет или закат? Ясный день или тёмная ночь? Или ветер? Или туман? Или дождь идёт? Или снег мелькает? Что бы там ни было, но, пожалуйста, поверь: именно сейчас твоя душа не одинока. Пусть я совсем не знаю тебя, пусть так, но не некто—безликий и абстрактный, а именно я—пишущий тебе эти строки, очень хочу, чтобы вот сейчас, здесь, немедленно, пока ты читаешь мои слова, твоя душа ощутила моё присутствие. И если там, за окном, солнечно—это я улыбаюсь тебе. И если там сияет звёздное небо—мы оба глядим на него сейчас. Льют ли дожди, шумят ли ветра, летят ли снега, сияют ли радуги—посмотри же, посмотри в окно! Чувствуешь, как я радуюсь, как печалюсь вместе с тобой? Пусть я не знаю, где ты, но я чувствую твоё присутствие. Спасибо тебе за это. За что? Да хотя бы за то, что ты есть…

Александр Щербаков

Наша взяла

Рассказ делового человека

Был когда-то у нас в городе заводик номерной, выпускавший нечто секретное, по слухам, вроде добавок к «ракетным топливам», но более известный в народе побочными изделиями — разными красками, замазками, растворителями, клеями и прочей бытовой химией. Полезный заводик. Мне на нём побывать не довелось, зато я немного знал его директора Игоря Токарева, довольно колоритного мужичка средних лет, полноватого «по чину», но подвижного, живого и вообще этакого округлого, уютного на вид, с носом картошкой и русым ёршиком над высоким лбом. Мы изредка встречались с ним, сопровождаемым половиной, удивительно похожей на мужа, в застолье у общих знакомых. Иногда беседовали накоротке. Мне нравились его своеобразные суждения о событиях и людях, искренне доброжелательный тон и ещё склонность к самоиронии, довольно редкой среди начальственного люда. Касаясь в разговоре собственной персоны, он не смущался признаваться и в том, о чём другой бы скорей промолчал.

Запомнилась, к примеру, одна забавная история, приключившаяся с ним, которую поведал он в свойственной ему манере.

В застольной компании, где мы встретились в очередной раз, кто-то из гостей почему-то завёл разговор о… храпунах и мучительных неудобствах, доставляемых ими для окружающих. Как водится, тема была подхвачена и получила развитие. Одни пустились вспоминать свои встречи с подобными индивидами не без ядовитых насмешек над ними. Другие, напротив, выражали сочувствие этим несчастным и, в сущности, нездоровым людям, хотя именно их беспокойный сон по какому-то недоразумению принято считать «богатырским». Третьи не преминули тут же поделиться советами, как можно побороть навязчивый недуг с помощью разных медицинских препаратов, аппаратов или, ещё лучше, народных средств от лечебных трав до заговоров бабушек и приводили живые свидетельства чудесных исцелений.

Общительный Токарев против обыкновения не спешил вступать в затеянную полемику, молча выслушивал рассуждения сторон, но потом всё же высказал своё замечание, прозвучавшее, как обычно, довольно-таки неожиданно.

— Да я вот сам любитель храпануть с присвистом, но особенно не страдаю от этого качества, да и родные, надеюсь, — заявил он с полушутливым вызовом.

— Дрыхнем, как под колыбельную, и если рокот замолкнет, я тотчас просыпаюсь в испуге: — всё ли там ладно с мотором? — тоже с усмешкой заметила жена, сидевшая справа от благоверного. А он добавил:

— Более того, порой нахожу его даже полезным.

— Ох, уж тоже скажете, Игорь Иванович: «поле-езным», — в сомнении покачала головой его молодая соседка слева, из числа хозяйкиных сослуживиц.

— И скажу, коли угодно.

— А ну, например? — наступательно потребовала молодайка, не то много страдавшая от близлежащих храпунов, не то сама потаённая храпунья.

Гости притихли, следя за их обострённой пикировкой в ожидании какой-нибудь занятной бывальщины или небылицы, которыми не однажды их потчевал Игорь Иванович. И он не заставил долго ждать честную компанию, обратившую на него свои любопытные взоры.

— Например, говорите? — начал он, пошмыгав толстым носом. — Что ж, за этим добром в карман не полезем. Вот навскидку взять хотя бы такой случай из командировки в Белокаменную. Времена перестроечные. Наши заводские шестерёнки ещё крутятся, но хаос всюду нарастает, и многие схемы дают сбои. Начальство всё чаще дёргает нас, вызывает в центр «на ковёр». Помню, в спешке не стал я заранее бронировать место в гостинице, понадеялся на привычные ходы, на старые знакомства и, по прилёту в стольный град протолкавшись день в главке, вечером подкатываю к гостеприимному корпусу «России», где обычно останавливался.

Подхожу к регистратуре, с удовлетворением отмечаю, что у стойки ни единого конкурента. Дежурная, блондинистая дива, с серьгами типа колеса обозрения, вроде знакомая немного…

— Кхе-кхе, по официальной версии, — иронично вставила супруга. Некоторые слушатели с готовностью подхихикнули ей, но Игорь Иванович, не удостоив её даже взглядом, продолжил:

— Вынимаю краснокожую паспортину и этак любезно-настоятельно, с нашим аборигенным юморком:
— Привет с Енисея, красавица! Пустите переночевать. Хотя бы в заурядный люксишко-полулюксишко. Отблагодарим соответственно…

Ну, и всё такое, с попутным напоминанием как бы вскользь своих титулов и портфелей. Дежурная охотно принимает моё самородное остроумие, улыбается в ответ на булыжные комплименты, однако в результате, вздохнув глубоко, отвечает:
— Всегда рады сибирякам. Но в последнее время такой наплыв гостей! Особенно оттуда, из-за океана, из «общего европейского дома»… И, представьте, на сегодня у нас ни одного свободного места. Даже для Вас…
— Спасибо, не отказываете,—подмигиваю я почти по-свойски и беру собеседницу, что называется, на понт:—Ничего, мол, согласен и на то, на резервное, не самое удобное, которое Вы по своей воспитанности стесняетесь предложить.

Дама настораживается и молча отворачивается, словно бы в раздумье. Молчу и я. Потом она так же в сторону, но более доверительно говорит:
— Знаете, действительно есть в двухместном одно не занятое. Только едва ли оно Вас устроит. Уже двое покинули его, притом со скандалом.
— И всё из-за соседа с характером,—догадливо подхватываю я.
— Да, из-за него, но не с характером, а, простите, с храпом. С каким-то редкостным, чрезмерным, от которого, по рассказам свидетелей, даже окна дрожат. Заехал один немец, кстати, тоже представитель делового мира, на вид корректный, тихий господин, но с таким вот изъяном.
— О, для нас это не беда, мы сочтём за музыку. Так что оформляйте смело,—подвигаю я паспорт поближе к дежурной.
— Что ж, смотрите сами, только не жалуйтесь потом,—сдаётся она и таки прописывает меня в тот неудобный номер.

Подхожу к двери, стучу осторожно. Открывает лысоватый, кругловатый толстячок, вроде вашего покорного. Натянуто улыбается и говорит на сносном русском, с небольшим баварским иль, может, саксонским акцентом:
— Новий компаньон? Проходите, будете, как дома… Толко, надеюсь, Вас, уже предупредил, что…
— Да-да, не беспокойтесь, коллега,—киваю я.– Аллес зер гут. Мы из Сибири, у нас сон крепкий, рядом с медведями живём…

Короче, перекинувшись ещё несколькими взаимно любезными фразами, расходимся по кроватям, готовимся ко сну. Немец какое-то время ворочается в своём углу, должно быть, из деликатности выжидает, когда первым задремлю я, чтобы уж потом включить самому «редкостное» вокально-музыкальное сопровождение. Ну а мне, утомлённому дневной столичной суетой и ценными указаниями начальства, не до соревнований с ним в политесах, и я, не дожидаясь его рулад, привычно отворачиваюсь к стене и вскоре погружаюсь в небытие, то бишь задаю своего Храповицкого…

Однако не слишком долго. Просыпаюсь внезапно, как от толчка, среди мерцающих сумерек и абсолютной… тишины. Странно, думаю, а где же ожидаемое «чрезмерное» соло соперника? Бросаю взгляд на свои золотые: два часа ночи. Поворачиваю голову на сто восемьдесят: кровать соседа пуста. В общем-то, дело житейское: может, направился туда, куда и короли ходят пешком. Ан, нет, смотрю—там зелёный глазок над дверью, значит, кабинет свободен. Тогда, поди, вышел покурить в коридор либо в ванную. Есть же у нас любители ночных затяжек спросонья, почему бы им не быть в ихнем Дойчлянде?

Лежу, этак рассуждаю минуту, другую, пятую… Но потом уже сомнения начинают шевелиться, да и любопытство одолевает. Поднимаюсь, ногами нашариваю тапки, шлёпаю к ванной. Дверь не защёлкнута, открываю её, врубаю свет и… Боже ты мой! Обнаруживаю, что потомок воинственных готов, грозный храповержец, выживший из гостиничных покоев двух моих предшественников, в жалкой позе внутриутробного младенца ютится в узкой ванне, корчится, закутавшись в одеяло и скомкав в изголовье подушку. Не спит. Молча и как-то смущённо-уважительно, даже восхищённо смотрит на меня в упор и затем не изрекает, не выговаривает, а вроде бы выдыхает на нашем великом и могучем уже без всяких акцентов: «Ваш-ша взяла!»

Надо ли говорить, что последняя фраза Игоря Ивановича утонула в дружном хохоте весёлого застолья. Справа и слева раздались хлопки в ладоши и поощрительные возгласы: «Молодец!», «Богатырь!», «Знай наших!», «Опять им капитуляция!».

Но молодая соседка триумфатора слева болезненно поморщилась и протянула с укоризной как бы в продолжение его рассказа:
— И-игорь Иванович, и Вы, значит, после того с победоносным видом оставляете поверженного беднягу в этой жёсткой ванне и возвращаетесь на мягкое ложе досыпать, задавать своего Храповицкого? Негуманно, право…
— Ну, зачем уж так-то? Мы к побеждённым милостивы. Прежде всего, понятное дело, я извинился за вероломное вторжение в его убежище, далее— за доставленные неудобства и даже предложил поменяться местами, однако он был неумолим. В ответ только мотал головой и повторял обречённо: «Ваша взяла… ваша взяла…» И что же мне оставалось делать? Я пожал плечами, вырубил свет и действительно вернулся, как вы говорите, на своё мягкое ложе задавать Храповицкого. А когда проснулся утром, то не нашёл закордонного

собрата по вредной привычке не только на его кровати, но и в ванной. Его, как говорится, и след простыл. Видно, сбежал в другой хотэль…

Игорю Ивановичу гости сочувственно закивали. А хозяин дома, бойкий журналист и политолог, охочий до слова, решил по-своему закрепить мнение большинства, он поднялся над столом с рюмкой в руках и витиевато изрёк:
— Знать, всё же прав наш мудрый народ-языкотворец, откатавший на века поговорку: «Что русскому здорово, то немцу смерть». Не зря её повторял когда-то сам Суворов, которому она, возможно, даже и обязана своим появлением. Из вышепрозвучавшего явственно следует, что она по-прежнему живёт и побеждает, ибо мы увидели, как снова «наша взяла». И это стоит отметить. Предлагаю выпить за доблестного Игоря Иваныча, за то, что не ударил лицом в грязь, не спасовал в сложной жизненной ситуации!

Гости тост его охотно поддержали и потянулись со своими рюмками к победителю, сумевшему превратить коварный недостаток в преимущество.

Правда, когда, пропустив горячительное, все примолкли и уткнулись в тарелки, вдруг опять подала реплику соседка Игоря справа, его ироничная немногословная жена:
— Всё вроде так, да в результате-то взяли нахрапом они, эти отовсюду налетевшие хищные «партнёры» и советчики, а наши полоротые богатыри прохрапели свою державу, вместе с заводами и недрами…

Но весёлое застолье не откликнулось на её слова. Никому не хотелось говорить о грустном.

ДиН память

1935–1977

Вячеслав Назаров

Мы — свободные птицы

● ● ●

Он был большой любитель
экзотики, и он выменял
этих крошечных альбатросов у рыбака за старый
портсигар. Он очень гордился ими и часто
показывал гостям: «Это вам не канарейки, это
орлы океана». И все удивлялись, и покачивали
головами, и прищёлкивали языком, а альбатросы
росли плохо, потому что это были вольные птицы
и не могли жить в неволе.
Когда они отказались есть сырую рыбу, человек
очень обиделся и выбросил их на берег,
как выбрасывают пустую бутылку или прочитанную
газету. Но они были ещё живы, и когда порывисто
налетел солёный ветер,
                                они смогли ещё расправить крылья,
и низко
        над белыми от пены волнами
        улететь в ночь —
рождённые океаном альбатросы —
предвестники бури…
Будет утро.
Спеша, догорают зарницы.
Обещанием бури набухают ветра.
Нас не надо жалеть.
Мы свободные птицы,
Нашим крыльям звенеть и звенеть до утра.
Наши деды умели
бросить клич свой над миром.
Нам отцы завещали вещать ураган.
Нас лишили простора.
Нас растили в квартире.
Нас ревниво хранили от тебя, океан.
Нас кормили из рук.
Нежно нянчились с нами.
Но откуда-то снизу из запретного сна
вырывалась внезапно,
как пиратское знамя,
ошалелая,
                с чёрным отливом волна.
Приучив к тишине,
отучив от полёта,
нас, играя, забыли на прибрежном песке…
Но мы живы ещё.
Нарастающий ропот
ловит чуткое сердце
в грозовом далеке.
И поэтому нам не дано ошибиться.
И поэтому нам не дано выбирать:
до последней зари,
до последней зарницы,
до последнего вздоха
о буре кричать…

1956

Виктор Аференко

Енисейский уезд—валютный цех страны

Глава из книги «Богатырский уезд»

Утверждение М.В. Ломоносова «Россия будет прирастать Сибирью» оказалось пророческим, провидческим. В его время, в середине XVIII века, под Сибирью понимали всё Зауралье до Тихого океана. Если брать эту глобальную территорию, то 400 лет Сибирь кормила себя сама, до последнего времени в продовольственной сфере имела всё необходимое, кроме фруктов и виноградного вина. Поставляла в европейскую часть России и в союзные республики (ныне самостоятельные государства) лес, пушнину, цветные металлы, рыбу. Давала львиную долю сырья для внешней торговли. А в последние полвека практически значительная часть валютной выручки в страну поступает за счёт сибирских газа, нефти, никеля, меди, золота, алмазов, леса, пушнины, рыбы.

Представим российское Зауралье «фабрикой» со множеством цехов. Одним из них является Енисейский уезд (район). Если распределить валютную выручку на душу населения, на тех сибиряков, кто своим трудом добывал, брал и берёт природные богатства, то на первом месте будут в XVII–XX веках енисейцы. И потому определение Енисейского уезда (района) как валютного цеха страны не является натяжкой или фантазией автора.

Пушнина

Шкуры и шкурки пушных зверей—хищников, копытных, грызунов, водоплавающих—востребованы человечеством на земном шаре изначально. Без этих шкур не выжили бы северные люди. В Средние века по мере роста общественных богатств в Европе, в Центральной и Средней Азии произошёл переход от шкур к шкуркам. Сначала у королей, графов, баронов, ханов, царей, бояр; после у простолюдинов: шубы, халаты, камзолы, мантии, воротники, головные уборы, обувь, оторочки, «опушки»—меха, меха, меха! На многих картинах, где изображены люди зимой,—пушнина, пушнина, пушнина: на «Незнакомке» Крамского, бобровая шуба на Шаляпине; вспомним А.С. Пушкина:

> Поутру в сани он садится.
> «Пади! Пади!»—раздался крик.
> Морозной пылью серебрится
> Его *бобровый* воротник.

В Евразии потребность в шкурах и шкурках всегда была огромной. Значительное число их поступало на международные рынки с Руси (России), было доходной статьёй её экспорта.

В Новгороде и на Северной Двине одно время даже вместо денег использовались «белы» (шкурки белок) и «куны» (шкурки куниц). К концу XV века их число резко уменьшилось—выбили.

Высоко ценились шкурки белок, песцов, чернобурых лисиц и особенно соболей, добытых в Сибири. Их качество определялось природой: длительное проживание зверей в суровых условиях, большое их количество, значит, выживание более ценных особей. И вот, когда «пробка» выхода в Сибирь была выбита, то промысел пушнины стал одним из главных стимулов продвижении по Великой Степи; её продажа давала до 25% валютной выручки страны). Уже многие века идёт охота на животных тайги и тундры, которых природа наградила ценным мехом; и слава ей—природе—за сохранение ареалов. Вот несколько примеров из недавнего прошлого, подтверждающих её мощь и возможности.

Автор каждое лето по два месяца в возрасте 10–16 лет работал в бригаде по заготовке сена, начав с волоковоза. Жили мы в балагане. Рабочие—женщины, подростки, старики. Один из них дед Корнилов. Однажды перед сном в ежедневных рассказах о своей долгой жизни поведал о миграциях диких животных. Он видел, как многие тысячи белок шли полосой вдоль Енисея на север.

> «А однажды,—утверждал наш рассказчик,—поехал я за сеном на Хлоптуновский мыс. Вдруг мой конь резко заржал и задрожал. Смотрю. А не так далеко гуськом, снег-то глубокий, идут волки. Много волков, вытянулась цепь аж на километр. Залез на зарод. Всё равно,—думаю, смерть,—от волков или от мороза. Но они, опустив морды, прошли мимо, видать, не было команды от вожака».

Волки, кроме всего прочего, тоже ведь ходят в пушистой шкуре, из которой принято шить мохнатые экзотические шапки-ушанки. В рассказ поверили

наполовину, ибо дед «заливать» любил и умел. В зиму 1949–1950 годов я учился в 8-м классе мужской школы №10 в Красноярске, жил на квартире по улице Бограда, напротив стадиона «Динамо» (ныне там Театр оперы и балета и Театральная площадь). Вдруг хозяйка сообщает: «Белки куда-то кочуют». Выхожу на улицу. Боже мой, «сколько их, куда их гонит», бегут по земле во дворе и на улице, прыгают по заборам, по деревьям. Один наплыв сменяет другой. Двигаются с запада на восток, вероятно, из кемчугской тайги в канскую. Шли несколько часов. С той поры остались вопросы: что и кто гнал их (пожар, голод)? почему не обошли город (так много было)? попадали ли на восточный берег (не видел, не знаю, вряд ли бросались вплавь, ведь шкурки намокают быстро и тянут на дно)?

Одним из моих кумиров является Василий Песков — писатель, журналист, лауреат Ленинской премии, путешественник, прекрасный фотограф, знаток русской истории и природы. Он десятки лет в «Комсомольской правде» вёл рубрику «Окно в природу», газета печатала его интереснейшие очерки с продолжением. В 70-х годах Песков ездил по Камчатке — по стране вулканов, гейзеров, лососёвых рек и лежбищ морских котиков. Обо всём этом он написал. Один из его очерков назывался «925-й медведь». Журналист был в гостях у охотника Ушакова, который угощал его медвежатиной. На вопрос: «А сколько Вы медведей убили?» — Ушаков ответил: «А вон посчитай чёрточки на бревне избы. Я как убью медведя, делаю острым черту». Песков посчитал. Оказалось, что медведь, мясом которого он угощался, был 925-м.

Известна кинохроника конца 70-х годов, запечатлевшая ход диких оленей в лесотундре Красноярского края, как тысячи их плыли через широкую реку.

В 2004 году записал я рассказ ветерана Енисейского пароходства Анны Михайловны Боякиной — радистки, жены знаменитого капитана Боякина.

> «Теплоход „Сергей Каров“, на котором мы плавали, буксировал осенью 1972 года в Дудинку большой караван, в том числе две скотовозки, на них по тысяче голов скота».

Я не раз в детстве видел эти скотовозки, их причаливали ниже села, у сенной базы, куда все колхозы по обязательным поставкам возили сено. Прессованные тюки грузили на баржи. То были огромные деревянные площадки, и на них в три этажа загоны. Коров везли в Дудинский молсовхоз. Детям на Крайнем Севере, в тундре из-за отсутствия леса не хватает кислорода, полярные ночи действуют угнетающе, нужно молоко.

> «На 90 км ниже Игарки, — вспоминала Анна Михайловна, — нас прихватил большой мороз, Енисей быстро покрылся льдом до весны. Пришлось зимовать в обстановке хуже не придумаешь: в каютах круглые сутки топили печки железные. Правда, еды разной было завались — везли на баржах в Дудинку. А что делать со скотом? Кормов мало. Коровы мёрзнут, худеют на хиусе на глазах. Власти приняли решение: выгонять скот гуртами на берег, там его резать, мясо и шкуры отправлять самолётами. Привезли забойщиков. Кровищи натекло целое озеро. И вот, один за другим, появились песцы. У них, похоже, была своя „радиостанция“ — набежало их вскоре видимо-невидимо. И почему-то и зайцы прискакали в огромном количестве».

В конце XVI и в XVII веках основным поставщиком пушнины стали тайга и тундра бассейна Оби. На реке Таз, в 300 километрах от устья её, возникла в 1601 году Мангазея. Судьба этой фактории удивительна. За короткий период острог превратился в чудо-городок. Служащие и ремесленники, в основном из Тобольска и Берёзова, за каких-то 2–3 года срубили острожные стены, внутри них кремль — детинец, воеводскую, приказную, съезжую избы, церковь. Срубили посад, состоящий из двух частей: торговой, с большим количеством лавок, рядов, амбаров; и ремесленной, где плотничали, ковали, плавили металл, вырезали деревянные кружева, рисовали иконы.

И слава о Мангазее распространилась быстро по Евразийскому континенту. За пушниной высочайшего качества в неё плыли купцы из Европы по морю, из Бухары, Причерноморья, даже из Китая по Оби и её притокам; везли самые разные товары в обмен. Наплыв оказался таким большим, что в 1615 году уже новый царь Михаил Романов издал указ о запрете плавания в Мангазею по морям через Обскую и Тазовскую губу, а к 1640 году торговля в ней заглохла совсем. Соболи окрест были истреблены. И с 20-х годов XVII века центр поступления пушнины переместился на Средний Енисей, на Ангару и Тунгуски с поступлением почти исключительно через Енисейск. Неконтролируемая добыча, промысел пушных зверей и продажа рухляди в Мангазейском уезде, приведшие к убыли природных ресурсов при недостаточном поступлении средств в казну (в основном таможенные сборы), были учтены. И государство приняло ряд мер.

Первая мера — нормированный ясачный сбор: не более 5 шкурок в год с каждого взрослого человека мужского пола. Причём желательно в определённых местах и в договорные сроки. Но сверх того была узаконена особая форма поборов, по сути взяток: на каждые 10 шкур одну в подарок царю («поминок» по терминологии тех веков). Для

остяков, аринцев, коттов, асанов, моторцев, кетов, живущих на правобережье Енисея, режим щадящий, т. к. с них степняки с юга, буряты с востока, тунгусы с левобережья веками ясак взымали ещё больший, нередко при набегах. К тому же установилась русская традиция угощать сдающих ясак, дарить им нужные вещи.

Вторая мера — монополия государства, всякие попытки самостийного взимания ясака, тем более по принуждению, пресекались в корне с суровым наказанием виновных.

Третья мера — запрет на охоту русскими промысловиками в угодьях улусных князцов, на тунгусских кочевьях и в юртах бурят («брацких людей»). Меры эти хотя и с нарушениями, но в основном выполнялись. При всём уважении к личности Ерофея Хабарова хамское поведение людей из его ватаги на Амуре вызвало резкий протест маньчжуров и китайцев, тем более они собирали большую дань с местных этносов. По этой и другим причинам Россия вынуждена была подписать договор, по которому были убраны (почти на 200 лет) русские поселения по Амуру; чёткая граница отсутствовала, китайцы охотились, собирали дары тайги по правым притокам Амура, а русские по левым.

Сколько же «мягкого золота» ежегодно брали от природы люди в Енисейском уезде в XVI–XIX веках? Данные за XVII век приведены в книге А. Бродникова «Енисейский острог (Енисейск в XVII веке. Очерки из истории города и уезда)», издательство «Енисейский благовест», 1994. Он поместил в монографию раритетный документ — «Книгу приходную ясашной мягкой рухляди — Енисейского острога за 7129 (1620–1621 гг.) (Архив Академии наук, фонд 21, опись 4, дело 17, лист 79–79 об.). Записи в книге начаты такими словами:

> «Ноября в 16 день реки Енисея Кузнецкие волости с князца Туметки с ясачными людьми с 7 человек государевых поминков 5 соболей да ясашных 50 соболей взяты. А донять на Туметке с ясачными людьми государевых поминок 2 соболя, да ясашных 27 соболей. Майя в 6 день с Кузнецкие волости с князца Туметки недобору государевых поминков 2 соболя, да ясашных 21 соболь да 3 бобра да 6 соболей взято».

Итак, с Туметкина улуса, с 7 мужчин, получено всего в ту зиму 113 соболей и 3 бобра (по 16 соболей на человека), без «поминков» — 104 соболя (по 15 штук). Выходит, взяли за 3 года. Последняя же запись гласит:

> «Августа в 8 день (заканчивался 7129 г. по юлианскому календарю. — *В.А.*) Тюлькинский князец Татуш (да, тот самый, чьё имя носит остров на Енисее в центре Красноярска. — *В.А.*) послал государеву ясаку в Енисейский острог в новые землицы Васанские 3 соболишка и 7 недособолишек с пупки и с хвосты».

Всего записано 56 поступлений. Самый большой ясак взят

> «Генваря в 7 день с Пумнокольские волости с князька Урнука с ясачными людьми с 34 человек государевых поминков 31 соболь да ясашных семь сороков да четыре соболя взято (то есть 284 шт. — *В.А.*). *А данято* (то есть долг. — *В.А.*) на князьке Урнуке с ясашными людьми государевых поминков 3 соболя, да ясашных два сорока 10 соболей (90). Да бобр чёрный поминошный». Более 400 соболей всего (по 5 шт. с человека за 2 года)».

В итоге в книге записан приход: 1811 соболей ясашных, 114 «поминков» и 51 (!) бобр. Прошёл всего год со дня строительства Енисейского острога. Только началось объясачивание территорий, вошедших после в Енисейский уезд, и уже около 2000 шкурок поступило в казну. Кроме того, добывали разную пушнину русские охотники (промысловики). И размер добычи ими был большим. Вот данные на этот счёт из «Энциклопедии Красноярского края» (глава «Развитие пушного промысла в Приенисейском крае (XVII век)»):

> «В хозяйственном освоении края кроме постоянного населения участвовали и многочисленные русские охотники. Особенно это было характерно для северного Мангазейского уезда. Так, в конце XVII в. в уезде с городом было около 800 душ мужского пола, в то время как в одной Мангазее до 1630-х гг. ежегодно зимовало „опричь новых приходцев" от 700 до 1000 и более промышленников. В случае удачи на промысле многие пришлые (двое из троих) уходили домой.
>
> В отдельные годы в Мангазейский и Енисейский уезды приходило до 2000 промышленников. Главным объектом пушного промысла был дорогостоящий соболь. Попутно добывали бобров, волков, лисиц, зайцев, белок, горностаев. С 1680-х гг. по мере испромышления соболя многие охотники переключились на песца. Эта отрасль экономики (по подсчётам П. Н. Павлова) принесла России за 70 лет 8 млн шкурок соболя на более чем 11 млн рублей, что в среднем составляло 20% доходной части ежегодного государственного бюджета.
>
> На долю Приенисейского края пришлось немало: примерно каждые четыре соболя из десятка (2,8 млн штук) и каждые 3 руб. 50 коп. из червонца (4077 тыс. руб). В лучшие охотничьи сезоны русские промышленники добывали в Приенисейской тайге до 100 тыс. соболей».

Логично, что на первом гербе Приенисейского региона были изображены два соболя, стоящих на задних лапках и держащих щит.

На промысел уходили ватагами, обычно 10–15 человек, хотя их состав мог варьировать от двух человек до нескольких десятков. Возглавлял промысловую партию передовщик, или «ватагщик», которому все должны были беспрекословно подчиняться.

Промыслы пушных зверей продолжались в XVIII–XX веках.

В фонде 1675 Мамлеева Степана Николаевича помещена «Ведомость об ясачных народах» (опись 1, дело 40), в которой приводятся данные за 1825 год. С низовьев Енисея в том году поступило шкур: соболей — 791, белок — 10 157, лисиц — 824, горностаев — 440, песцов — 695.

В советское время промысел пушнины шёл по лицензиям, браконьерство официально пресекалось, но, к сожалению, искоренить его весьма трудно.

В БСЭ издания 1972–1990 годов в статье «Пушнина» написано:

> «Пушной промысел (охота, добыча) в 1972 г. составил в СССР 150 миллионов единиц, что составило 7–8% общего числа шкурок».

Удивительные цифры! Пусть в отчёт вошли и малые грызуны: суслики, сурки, бурундуки, ласки, колонки, но всё равно 150 млн — цифра громадная. Но это 7–8% от общего числа, значит, около двух миллиардов (!) пушных зверушек выращивали в вольерах спецхозяйств страны. Многие в период горбачёво-ельцинских «реформ» исчезли.

Золото

О добыче золота в XIX–XXI веках в Красноярском крае, в частности в Енисейском уезде (районе), написаны сотни научных трудов, монографий, книг; тысячи очерков, статей и эссе.

В 2013 году в издательстве «Платина» в Красноярске вышла книга известного учёного, потомственного золотопромышленника Владислава Владимировича Смирнова «Золото Сибири». Это — настоящая энциклопедия в данной отрасли. На трёхстах страницах формата А-4 изложена история золотодобычи в Сибири, начиная от хана Батыя до наших дней; помещены сотни фотографий, многие из которых уникальны; названы тысячи фамилий людей, связанных с ценным металлом, начиная от министров, руководителей главков, районов, предприятий, от учёных до шахтёров, взрывников, дражников, старателей.

В моей работе использована информация из труда В. В. Смирнова, из многих других источников; материалы архивов, а также факты на основе личных восприятий, ведь моими предками по линии матери были знаменитые енисейские золотопромышленники купцы 1-й гильдии Матонины; а семья её сестры Серафимы Антоновны Колосницыной жила в Кононово, её дети и внуки работали в Затоне, обслуживающем трест «Енисейзолото».

Определим главные этапы развития золотодобычи в Енисейском уезде (районе), как они представлены в научных трудах и в официальных документах.

Период первый
ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА
(1827–1860)

В. В. Смирнов пишет:

> «Только в 1826 году царь Николай I по докладу министра финансов Канкрина дозволил выдавать привилегии (разрешения) на поиск золотосодержащих песков и руд.
>
> И словно неведомый полог сдёрнули с огромной площади Сибири. В короткий срок в разных местах её обширной территории начали открывать одно месторождение за другим».

В 1827–1830 годах золото нашли в Кузнецком Алатау, в Минусинском уезде, на Ангаре, в Енисейском уезде, на р. Кузееевой Нахвальской волости Красноярского уезда.

Как известно, начиная от Красноярских столбов, на север параллельно Енисею более 1000 километров тянется Енисейский кряж. В 165-ти км от речного вокзала в Красноярске по великой реке слева (с запада) впадает в Енисей речка Подъёмная. А напротив в тайге, на правой, восточной стороне находится удивительное место: во-первых, в пределах круга радиусом 15 км внутри кряжа расположены высокогорные болота, из которых вытекают в разные стороны 11 малых речек, длиной 80–100 км; две текут по Большемуртинскому, четыре по Тасеевскому, две по Дзержинскому и три по Сухобузимскому районам. Среди них на 142-м км в пределах Сухобузимского района впадает в Енисей речка Кузеева. Возле её устья на террасах уже в далёком прошлом располагался аринский (субэтнос остяков) улус князца Кузея. В верховьях этой речки старатели, в том числе самоучки из крестьян окружающих поселений, с 1827 года мыли рассыпное золото. На ручье Каменном, впадающем в Кузееву, за два сезона 1837 и 1838 годов было добыто 150 пудов (2,5 т) золота. Настоящее Эльдорадо! Подобных мест, с такими богатыми песками в мире немного, в пределах десяти. Кстати, в XX веке драгами и роторами прошли, «перепахали», изменяя русло, почти всю Кузееву — настоящий лунный пейзаж. Артель «Центральная» добывает здесь рудное золото до сих пор. Богатыми россыпями ценного металла прогремел на весь мир в 1832 году Кудусюльский ключ в Енисейском уезде, захватил место на нём купец С. И. Баландин.

В южной тайге Енисейского горного округа в 30–40-е годы XIX века добывалось в год по 16,5 тонны золота, более тысячи пудов, что составляло 74% от общероссийской добычи. В бассейнах рек Удерей и Мурожная действовали десятки приисков, буквально один за другим, к концу века их стало здесь 110.

С 1840 года начинается активное освоение россыпей в северной тайге в бассейне рек Пит, Енашимо, по правым притокам Ангары.

В 1847 году в Енисейском уезде было добыто 1213,3 пуда золота, что составило 93% добычи в Енисейской губернии, 84% общероссийской и около 40% мировой добычи (воистину валютный цех страны). Всего к 1864 году в округе числилось 542 (!) прииска, из них к богатым относились 123. Условия работы и проживания на них в период «золотой лихорадки» были ужасными.

Изучавший в 1843 году сибирские прииски полковник Гофман писал:

> «Сибирские трудности надо измерять по другому масштабу… каким привыкли мерить их в Европе. Страна, в которой залегают золотые промыслы, есть непрерывная тайга, дремучий лес, изредка обитаемый кочующими охотниками, к шалашам коих нет никаких дорог, и посещаемых только зимою русскими звериными промышленниками. Влажность атмосферы превратила в нём почву большей частью в болото, покрывающее и долины, и горы, в которых и люди, и скот вязнут весьма глубоко… Золотоискательные партии, удалённые на сотни вёрст от деревень, принуждены все свои жизненные припасы, состоящие только из сушёных и вяленых веществ, иметь при себе. Ночлег на сыром мху, частые дожди, шурфовка в болотах заставляют их оставаться всегда в мокром платье… При углублении на несколько футов шурф наполняется уже водою… и рабочие, стоя глубоко в грязи, должны углублять шурф до самого камня… Часто эти шурфы бывают бесплодны… Если застигает… партию внезапно наступившая зима с её глубокими снегами, то бедствие людей доходит до высшей степени… Истинно надобно иметь железное здоровье сибиряка для перенесения подобных трудов, жертвою которых делается, однако же, немалое число их…»

Период второй
(1860–1913)

Стабильный, старательско-промышленный (переход на машинные способы добычи рассыпного и рудного золота).

Хищнический способ добычи быстро (за 30 лет) привёл к истощению невосполняемых запасов золотоносных песков, «сливки были сняты». Но геологи и рудознатцы считали (в дальнейшем это блестяще подтвердилось), что Енисейский кряж — уникальное место на Земле по наличию золота. И добыча его развернулась не метафорически, а реально и вширь, и вглубь, конечно, не в тех же, но довольно приличных объёмах по сравнению с другими месторождениями.

Золото — «богатый» металл. Но имеет и недобрую славу, его называют презренным, как поёт Мефистофель: «Сатана там правит балл, люди гибнут за металл».

Далеко не просто шла его добыча в Енисейской тайге в XIX — начале XX веков и его использование. Не вдаваясь в детали, рассмотрим три важных проблемных вопроса, связанных с золотом, существенно повлиявших на историю Енисейского региона и в определённой мере России в целом: Кто золото добывал? Какие были условия для жизни и работы на приисках? Как развитие золотопромышленности сказалось на экономике и социальной сфере?

Известный краевед и издатель А. П. Статейнов в книге «Золотой век Сибири» (Красноярск, издательство «Буква», 2012) красочно описал систему золотодобычи периода «золотой лихорадки», её влияние на развитие губернии, на все стороны жизни в ней.

> «Золото оттянуло на себя большую часть рабочей силы губернии, преимущественно от сельского хозяйства, — пишет А. П. Статейнов, — возле приисков всегда крутились какие-то проходимцы, которые вызнавали, когда серьёзный рабочий получит деньги и отправится к себе в деревню. На дороге рабочего подстерегали и, как правило, убивали. А деньги, которые он заработал каторжным трудом, забирали. На всём пути от приисков по деревням и сёлам стояли кабаки, притоны. Но и сами старатели „не лыком шиты“, выпив спиртного, некоторые начинали показывать „форс“. Поступало много ссыльных.
>
> Большинство из них, примерно семьдесят пять процентов, своей земли не имели. Многие ничем не занимались и нуждались в средствах, немалое их число тоже кинулось в золото».

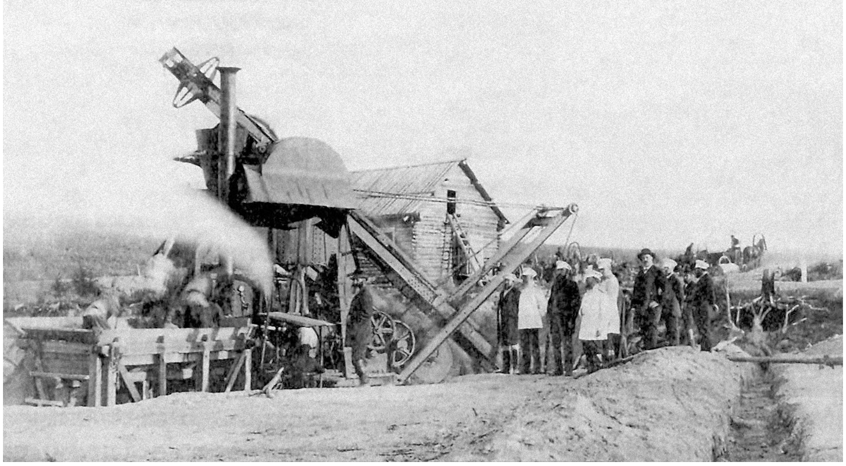
Эмоционально, но слишком обще. Да, рабочей силы требовалось немало. Только непосредственно на приисках работали:

Годовое число рабочих (в среднем)

1841–1845	13477
1846–1850	14500
1851–1855	20853
1856–1860	29566

Кроме того, тысячи человек были заняты на доставке грузов, на строительстве, на содержании дорог.

К концу XIX века всё население Енисейской губернии составляло 250 000 человек. Значит,



Рабочие на золотом прииске в Енисейской губернии

в золотопромышленность уходили до трети мужчин в возрасте 20–40 лет. Из-за сокращения производства и механизации трудовых процессов к концу века число наёмных рабочих уменьшалось. Половину их составляли крестьяне.

В целом влияние золотодобычи на крестьян губернии было существенным. С одной стороны, немало молодых мужчин нанимались на промыслы. Но семьи-то были патриархальными, большими, многосоставными — в одном доме с родителями по 2–3 сына с невестками и детьми их, иногда зятья и другие родственники. Уезжал на заработки, как правило, один из сыновей или младший брат хозяина: оставалось достаточно работников, чтобы накосить сено и провести страду. Вывозили же снопы с пашен и обмолачивали зимой, когда старатели возвращались домой. Подати за аренду земли, которая вся была государевой и общинной, не продавалась и не покупалась, крестьяне платили в феврале-марте текущего года за предыдущий. Но работники-то с приисков привозили приличные деньги (куражи устраивали не так многие ухари из крестьян). К тому же в Минусинской котловине и на Среднем Енисее, вплоть до Казачинских порогов, немало крестьян специально выращивали хлеб, овощи, скот на мясо и сплавляли продукты на барках до устьев притоков Енисея, где стояли огромные амбары и лабазы и откуда грузы развозили зимой обозами на прииски. Ходили большие обозы с юга на север вдоль Енисейского меридиана, а это тоже приличные заработки. Но участие в золотом буме способствовало расслоению крестьянства, падению нравов.

Другую половину представляли выходцы из иных сословий (частично приезжали с Урала и европейской части страны) и поселенцы, к которым относились не только ссыльные.

Откройте любую «Метрическую книгу» или «Исповедные росписи» церквей Красноярской епархии (автор просмотрел их сотни), и вы увидите, что была везде графа «внесословные поселенцы». К ним относились ссыльнопоселенцы, политические и уголовники; отслужившие огромные сроки (при Николае I — 25 лет) солдаты — бывшие рекруты, потерявшие связь со своими родными; выселенные из сибирских городов по суду неимущие люмпены (по нынешней терминологии, «бичи»). Поселенцев с конца XVIII — по начало XX века высылали в волости «на кормление». То были на 80–90% холостые мужчины в возрасте 20–50 лет.

Только 3% поселенцев возводилось по решению общин в сословие крестьян, хотя они составляли минимум 25% от числа всех прихожан в деревнях и сёлах. Были поселения, например, д. Кононово Сухобузимской волости, в которой поселенцев жило больше, чем старожилов-крестьян. Холостяки жили кучно в домах, в зимовьях, в банях, на подворьях. Часть поселенцев получали пособия, других нанимали крестьяне во время страды. И, конечно, этот люд — «перекати-поле», не имеющий временно гражданства и собственности, был существенным источником рабочей силы на прииски, на стройки. Государство пересылало их в нужные места, например, из прикрасноярских волостей в Канский округ во время «золотого бума». Состав поселенцев через 5–10 лет менялся почти полностью. Вот они-то гибли ежегодно на стройках и промыслах тысячами. Одень их в кожанки, дай им наганы, они бы не в 1917–1919 годах, а на 50–70 лет раньше заявили о своих правах. Удивляет, почему в академических трудах и монографиях кандидатов исторических наук не исследуется и не анализируется это масштабное непростое общественное явление прошлого. И существует миф о «вольных сибиряках», поселенцев путают с переселенцами — с православными, в основном с русскими.

После строительства Транссиба число вольнонаёмных, приезжающих в Сибирь на заработки, возросло. Труд был сезонным, в среднем — с мая по октябрь — 197 дней в году.

Лямщики на Тунгуске

Условия труда и проживание в лучшую сторону менялись незначительно. Рабочий день продолжался по контрактам 40–50-х годов XIX века 12,5–14 часов: до 5–6 часов вечера шла урочная работа, а после до темноты, иногда до 11 и даже 12 часов ночи старатели мыли золото индивидуально, как бы для себя. В 60–80-х годах рабочий день на многих приисках доходил до 17–18 часов.

02.06.1897 правительство издало фабричный закон, который ограничивал продолжительность рабочего дня до 11,5 часа. Но закон часто нарушался. В. В. Смирнов в главе «Условия труда и быта на приисках» пишет:

> «Продолжительность рабочего дня в основном определялась величиной урока, нормой выработки. Рабочие обязаны были выполнять их под страхом вычетов, штрафов, а часто и физических наказаний. В конце века напряжённость труда увеличилась в три раза».
>
> На подземных работах урок был половина кубической сажени на двоих человек. Для выполнения урока в полторы куб. саженей породы рабочий должен был за смену вырубить кайлом и ломом более полутора тысяч пудов земли, или 26 тонн, которые затем надо погрузить в таратайку. При этом рабочий пользовался очень тяжёлым ломом, кайлом весом в 5–6 фунтов. Для выполнения такой нормы рабочий средней силы и квалификации при огромной интенсивности труда должен был работать от зари до зари. Врач В. И. Крутовский писал: «…эта норма только исключительно сильным, ловким и здоровым рабочим под силу, а остальные обыкновенно с величайшим трудом выполняют её, и то при счастливых обстоятельствах: при сухой погоде, близкой воде и других».

Дороги были ужасными, сибирская зима — суровой. Те трудности, что испытывали ямщики на столбовых дорогах, не шли ни в какое сравнение с трудностями в тайге. В североенисейскую тайгу вело шесть дорог, но, по словам Н. Латкина, не было ни одной хорошей, в южной системе «дороги устроены довольно порядочно», но для экипажей летом была доступна одна — из деревни Мотыгиной. Плохие дороги усложняли и без того нелёгкую жизнь на приисках. Для сообщения и доставки пользовались реками, а это возможно было в течение очень короткого промежутка времени.

Артель лямщиков формировалась в селе Усть-Пит. Об их каторжном труде писала московская газета «Биржа» в мае 1874 года. Получить представление о труде лямщиков можно из описания писателя Михаила Никитина:

> «Если бы лямщикам показали репинских „Бурлаков“, они прежде всего отметили бы, что бурлаки идут привольным берегом. На таком берегу и при таком спокойном течении нечеловеческая напряжённость нарисованных художником фигур показалась бы им неправдоподобной. И они были бы правы, потому что Тунгуску нельзя даже и близко сравнить с Волгой. Тунгуска — самая дикая река во всём бассейне Енисея. Берега её обставлены скалами или, как здесь говорят, „камнями“. В тех местах, где скалы особенно тесны, река непутёво ревёт и плюёт пеной. Тунгуска не течёт, а прыгает. Никто не определял силу её прыжков, но лямщики знают: когда влекомая ими ладья взойдёт „на порожек“, им надо „кланяться“. И они „кланяются“. Попросту говоря, они падают. Тунгуска бесится внизу, а они лежат и цепляются за выступы. Страшное единоборство длится часами. Тунгуска „держит“ ладью, а лямщики „выдёргивают вершки“, то есть вершками продвигают ладью».

Количество женщин на приисках не превышало пяти процентов, семейных рабочих вообще было мало. Женский и детский труд применялся на вспомогательных работах (уборщицы, стряпухи в рабочих казармах) и лишь отчасти на основных работах (возчики, промывальщики).

«В Южной тайге 13–14-летние подростки уже бегают под галькой (то есть отвозят в отвал и дополнительно проверяют пески, которые промыты. — *В. А.*) и работают вместе со взрослыми от зари до зари, зарабатывая свои 15 рублей в месяц», — отмечалось в газете «Сибирская жизнь».

Однако поток желающих подработать на приисках не уменьшался, людей гнала возможность получить приличные деньги, которые и крестьянам, и поселенцам заработать было негде (товарного хлеба было мало, и он в аграрной стране стоил дёшево). Обратимся к архивам.

Откроем дело № 9 (фонд 475, опись 1) «Отчёт по золотым промыслам Бенардаки, Рязанова и К° — за 1869 год». Прииск Ильинский «Золотопромышленной удерейской компании» (учредители и владельцы Иван и Митрофан Алексеевичи Субботины).

> «Добыто шлихты золотой 9 пудов, 19 фунтов, 32 золотника. Работали в 1869 году управляющий (Бенардаки) 11 приказчиков, 104 рабочих общеконтрактных, исключая женщин». (Выходит на одного работающего по 1,314 кг золота — приличная цифра. — *В. А.*)

Далее в отчёте с точностью до одной десятой копейки помещены расчёты самых разных расходов.

> «Стоимость месячного продовольствия на одного человека составила: управляющему Бенардаки 105 руб. 21 ½ коп., а со столовыми припасами и вином 146 руб. 88 коп.; приказчикам по 15 руб. 71 ½ коп., на рабочего 6 руб. 3437 ¼ коп.».

Значит, управляющий расходовал в месяц «на стол» в 23 раза больше, чем рабочий, занятый нелёгким физическим трудом по 12–15 часов в сутки, летом без выходных; и в 9 раз больше, чем приказчики. А расход тех, в свою очередь, в 2,5 раза превышал начисления рабочим.

> «Стоимость подёнщины со всеми расходами по промыслам обошлась в 1 руб. 53 6/10 коп., а месячный заработок 45 руб. 92 коп.».

Достаточно это или мало показывают приведённые в отчёте цены на основные продукты питания (с учётом доставки их на прииски, то есть там, где их покупали на юге губернии, они были ещё ниже):

> «Мука ржаная — 1 руб. за пуд (6,25 коп. за 1 кг); мясо 2 руб. 52 коп. за пуд (16 коп. за 1 кг); соль за пуд 1 руб. 24 коп (8 коп. за 1 кг); овёс — 84 ¼ коп. (5,25 коп. за 1 кг)».

Цены в магазинах Красноярья в 2016 году были в 2000 раз выше. А это значит, что каждый рабочий приисков Бенардаки заработал в среднем за месяц 91 840 рублей (по номиналу 2016 г.), а с вычетом расходов на питание — 79 000 рублей.

Была жёсткая эксплуатация, но и материальная заинтересованность, иначе не объяснить «лихорадочный» бум желающих трудиться на приисках, будь то крестьяне или поселенцы (среди них ссыльные), не понять причину кутежей.

Как же валюта использовалась и куда утекала? Казна постоянно пополнялась, а денег на содержание армии, на промышленность, на инфраструктуру требовалось много.

В Енисейском регионе были золотопромышленники и купцы с государственным складом мышления. На капиталы М. К. Сидорова широко развернулась геологоразведка, он передал в аренду до 200 месторождений цветных металлов: был пионером в исследовании енисейского севера, использовании его богатств. Баландин вложил средства в строительство пароходов; приобретали речные суда купцы Гадаловы, Шарапов. Осуществлялись с некоторой долей частных вкладов и другие проекты: строительство Обь-Енисейского канала и оригинальной деревянной дороги вдоль него; строительство Транссиба, восстановление города Енисейска после страшного пожара 1869 года; горное дело.

Через рыночные, в основном, связи — поставку материалов, продуктов питания и других необходимых товаров — золотопромышленность способствовала развитию городской промышленности и торговли. Так, приток большого числа рабочих на прииски вызвал большую потребность в обуви. В Красноярске наиболее распространённым стало кожевенное сырьё, дававшее в 1880-х годах около 20% всей его промышленной продукции. Кожи выделывались вручную. Шили из них бродни, опойки, не уступающие по качеству патентованным «еремеевским», изготовляемым в Перми, — обувь для рабочих золотых приисков. Красноярские купцы Попов, Перов свои большие капиталы нажили именно на скупке и ростовщическом кредите среди кожевников…

Но существенных сдвигов в развитии губернии не произошло. В. В. Смирнов пишет:

> «Суть енисейской золотодобычи отображает „дракон, пожирающий свой хвост“. Та часть хвоста, которую он откусывает, — это и есть то, что досталось обществу».

Как тяжёлый вихрь, промчалась золотая лихорадка по Енисейскому краю, искорёжив и разворотив сибирскую тайгу, изуродовав берега речек и речушек, оставив горы песка и гальки на их берегах, но мало что дав краю и его жителям. Она способствовала обогащению небольшого числа счастливчиков, попутно сжигая жизни и души тысяч и тысяч человек, потянувшихся за золотым миражом.

Купцы — владельцы приисков вкладывали средства в строительства церквей, общественных зданий в городах губернии. Большинство, к сожалению, преследовали корыстные цели: чтобы их авторитет поднялся, чтобы избирали в городские думы, где они лоббировали бы свои интересы. Много денег от золота тратилось в конце XIX — начале XX веков на спаивание народа: в губернии на 250 тысяч населения гнали алкогольную продукцию 770 винзводов (один на 324 человека, включая женщин и детей). Автор абсолютно согласен с А. П. Статейновым, резко критикующим Юдина, Востротина, Полякова и других купцов за наживу на народном горе в виде повсеместного пьянства. Однако в Енисейском энциклопедическом словаре (ЕЭС) купцам-виноделам посвящено много строк. В губернии, бывшей валютным цехом страны (пушнина, золото, рыба, масло в столыпинских кооперативах), почти не строились дороги волостного значения, больницы, школы (более 80% крестьянского сословия относилось к «неграм»,

в исповедных росписях и других документах в графе «образование» значилось — «негр»).

Сотни купцов в Красноярске, Енисейске и в других городах региона, поднявшиеся в XVIII–XX веках за счёт пушнины, золота, производства вина, конечно же, себя не забывали: детей посылали учиться в престижные учебные заведения, путешествовали и строили хорошие дома, содержали прислугу, жили «на широкую ногу», в быту использовали достижения НТП и цивилизации (стекло, фарфор, изделия из драгоценных металлов, из лучших сортов дерева с инкрустациями, дорогую материю, металлические кровати, граммофоны и др.). Подписывались на газеты и издания книг. Конечно, всё это способствовало общему прогрессу, стимулировало торговлю и спецпроизводство. Но внимание к оставшимся купеческим домам и вообще к купцам в последние 25–30 лет всё же чрезмерное, хотя разночинцы — выпускники реальных училищ (геодезисты, гидрографы, топографы, инженеры, речники, механики, строители, архитекторы, учителя, врачи) в России в XIX — начале XX веков играли роль не меньшую, если не большую.

Не принято сейчас, в буржуазно-либеральный период, вспоминать положения марксизма о классовой борьбе. Но разрушительная и кровавая Гражданская война 1918–1922 годов прокатилась по России красным колесом, в том числе и по Сибири. В вековые противоречия и купцы свою лепту вложили. Вот факт. Сезонные рабочие на приисках живут во времянках, на всём пути их домой кабаки и купеческие лавки. А вот хозяин-золотопромышленник строит дом. Нам не надо фантазировать, какой: в фонде 475 Ст. н. Мамлеев помещает (дело №18) чертёж — «План нижнего этажа семейного дома на золотых приисках господ Мясниковых». Отдельно перед основным домом помещение из 3-х комнат: поварская, кухня, людская. Переведём в метрические меры аршины — 0,71 м и вершки — 4,44 см. Два входа. Один через приёмную (5 × 5 м), 3 окна; далее кабинет (3мх3м); через стенку сбоку зала — 48 $м^2$, за ними детская — 16 $м^2$, столовая — 20 $м^2$, спальная — 20 $м^2$ (всего 138 квадратных метров). Высота 4 аршина + 1 вершок, то есть 2 м 90 см. Три печи, лежанка. Затем 2-й этаж. «Ну и что? В чём проблема?» — скажет читатель. Ещё раз повторюсь — в «ножницах», в разнице жизни бедных (большинства) и богатых. Количество «золотых» нарывов и язв на здоровом теле сибирского народа всё росло, и вот в конце концов рвануло в 1912 году на Ленских приисках.

Прохор Громов — прототип золотопромышленника Аверьяна Космича Матонина

Среди Енисейских золотопромышленников особое место занимает три поколения купцов первой гильдии Матониных. В самом конце XVII века в период красноярской смуты казаки братья Лев и Аверьян Матонины нарушили общую договорённость с аринами и на речке Бузим, впадающей тогда в Енисей на семьдесят пятом километре, поставили дома рядом с улусом аринского князца. Взяли в жены его дочерей.

На карте-схеме 1701 года из «Чертёжной книги Сибири» С. И. Ремезова их поселение значится как Матона (с начала XIX века село Кекур Нахвальской волости, ныне Сухобузимский район).

В 20–30-е годы девятнадцатого столетия Матонины на речке Кузеевой, в пятнадцати километрах по прямой от Кекура, в Канской тайге мыли золото. Кроме того, есть основание утверждать, что в начале пятидесятых годов Пётр Матонин стал варнаком, грабил енисейских купцов, едущих в период «золотой лихорадки» с приисков Красноярска, и награбленное закопал.

Его внук Косма Куприянович Матонин вскрыл клад, вышел из общины и с четырьмя сыновьями уехал в Красноярск, а после в Минусинск. Быстро разбогател, став купцом первой гильдии. Их семья в 60–70-х годах XIX века приобрела лицензии на двадцать приисков.

Главой семейного клана стал Аверьян Космич (1829–1883). Детей он не имел. Переехал в Енисейск. Его брат Ефим обосновался на Стрелке в Енисейском уезде. Младший брат Тимофей жил в Красноярске и в Кекуре. Старший брат Михаил остался на юге региона.

Все они стали одними из самых щедрых меценатов губернии:

- вложили деньги в строительство общественных домов в Минусинске, Красноярске, Енисейске;
- субсидировали строительство телеграфно-почтовой станции в Красноярске;
- Аверьян Космич вложил сто тысяч рублей золотом на строительство женской гимназии в Енисейске.

Кстати, внучка Михаила Космича, знаменитая красноярка Вера Арсеньевна Баландина, в своих интереснейших мемуарах пишет:

> «О Матониных я могу больше рассказать. Дед матери, значит, мой прадед, тоже занимался золотопромышленностью. Из рассказов мамы о нём мне почему-то врезался в память только следующий. Обедают конюха, входит хозяин Косма с верёвкой в руках, подходит к одному из них, всовывает верёвку в рот и держит концы её сзади; все смотрят, он же спрашивает: „Почему не едите?“ — и в ответ: „Как я могу есть с верёвкой во рту?“ — говорит: „А как же может есть конь, которого ты забыл разнуздать?“ У этого Матонина было 4 сына: Михаил, Аверьян, Ефим и Тимофей.

Хотя Михаил — отец мамы, и был старшим сыном, но благодаря своему мягкому скромному характеру, не мог быть во главе дела. После смерти Космы всеми братьями властно распорядился Аверьян Космич. Сначала резиденцией их приисков было село Кекур в Красноярском уезде Енисейской губернии, в этом селе и в тайге мама проводила свои детские годы. Должно быть, в конце 50-х годов Михаил Космич был переселён с семьёй в Новосёлово Минусинского уезда, не могу сказать — потому ли, что работали прииски и в Минусинской тайге, или потому, что в Минусинской округе (тогда ещё не уезд) закупались для Енисейской тайги хлеб, скот, лошади. Ефима Космича с семьёй поселили в с. Стрелка при устье Ангары как в ближайшей резиденции от приисков Южной тайги, а Тимофей Космич с семьёй остался в Кекуре, пока все потом не переселились в Енисейск.

Моя мама Александра Михайловна Матонина нигде образования не получила; читать и писать её учили дома. Она была недурна собою, блондинка, стройная фигурой. Отец Арсений Иванович Емельянов в начале шестидесятых годов приехал со своим дядей А. А. Яриловым в Сибирь из Костромской губернии. Они построили на речке Убее в Новосёловской волости в пяти верстах от деревни Медведовой винокуренный завод. Папа и управлял этим делом. И вот в 16 лет мама стала женой человека старше на 20 лет её, которого она почти не знала.

Аверьян Космич видел в Емельянове человека, пригодного для ведения крупных дел. Расчёты не оправдались. Арсений не захотел быть пешкой в руках Аверьяна, плясать под его дудку в делах Матониных. А тот не дал племяннице обещанного приданого, и много лет спустя уже Сенат решил в пользу мамы дело по Космо-Демьяновскому прииску на р. Рыбной в Южной тайге, который и обещали дать ей в приданое. Но и тут Аверьян Космич сумел как-то устроить, что половина прииска стала принадлежать Тимофею Космичу. Отец мамы по бесхарактерности и мягкосердечию ничего не мог сделать; дела и капитал были распределены между братьями.

Словом, в жизни мамы этот дядюшка явился злым гением. Когда умерла бабушка, мой дед Михаил поселился с женой в Енисейске в самом плохом из всех домов Матониных, который он получил при разделе. Умер он в 1897 году, когда я была в Петербурге. Дедушка вырезал из мягкого жёлтого камня (вероятно, из лиственницы. — *Прим. авт.*) на одном из приисков различные вещички. Мне рассказывал Николай Ефимович, его племянник и крестник, такой случай. Приехал Коля на каникулы в тайгу, перейдя в шестой класс реального училища в Томске, а дядя с большим нетерпением просил его кончать с закуской, чтобы пойти посмотреть на ту машину, которую он изобрёл.

Когда я окончила 7 классов Красноярской гимназии, восьмого класса при ней не было, а только предполагалось открыть его. Так как уверенности в этом не было (папа состоял членом попечительского совета женской гимназии), то пришлось подумать о поездке в Енисейск или Томск, где были полные гимназии. Папа захотел, чтобы я поехала в Енисейск и жила бы зиму у дедушки. В начале июня 1889 года я поехала туда на пароходе. 11 июля обедала на именинах у Ольги Диомидовны Матониной, вдовы Аверьяна Космича.

Я окончила гимназию с золотой медалью, потом бестужевские курсы в Петербурге. Мне было 22 года. Я решила поехать продолжать учение в Париж, в Сорбонну. Решила обратиться за помощью в деньгах к дедушке М. К. Матонину и к другим родственникам. В те годы много кричали о самородном золоте на нашем Космо-Демьянском прииске. В Енисейск из тайги приехал Александр Баландин (будущий муж Веры Арсеньевны. — *Прим. авт.*).

Свёкор мой был первым инициатором судоходства по Енисею в Туруханский край (в Красноярск мешали пороги). Служа три трёхлетия городским головой Енисейска, он организовал в 1861 году Компанию пароходства, открыл первую в Восточной Сибири женскую школу, устроил общественный городской банк.

Мой муж был честнейшим, тихим человеком, любил книги и микроскоп (кандидат естественных наук СПБ университета, он за работу по минералогии получил золотую медаль)».

Все братья Матонины не забывали своё родовое гнездо — село Кекур Нахвальской волости. Постоянно там бывали, подолгу жили и сделали для своей малой родины многое.

Вспоминают старожилы Кекура.

АФЕРЕНКО КСЕНИЯ АНТОНОВНА (запись 1975 г.): «Матонинскую родову я знала хорошо, так как была их дальней родственницей. Аверьян Космич Матонин — богатый купец — для родного села денег не жалел. За его капиталы был пристроен ещё один Никольский придел к Ильинской церкви; позолочены купола и оклады икон; куплены колокола. Когда церковь распорушивали, то увезли 9 пудов цветных металлов».

ЖИЛЬЦОВ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ (запись 1975 г.): «Недалеко от церкви в деревянном доме барачного типа размещалась богадельня, интернат для инвалидов и немощных в старости людей, содержащаяся на проценты от капиталов А. К. Матонина. В богадельне жили по 10–15 человек, за ними ухаживали 4 человека обслуги. Здесь стояли железные кровати, для крестьян — диковинка; они

приходили специально, чтобы на них посмотреть. Из богадельни в конце 20-х годов сделали ветпункт. Рядом с церковной оградой стояла водокачка — деревянная напорная башня; работал насос, приводимый в действие дизельным двигателем. На улицу высовывался кран, кто хотел, брал воду».

Одной из самых ярких благотворительных акций Аверьяна Космича, заслуживающей высочайшей оценки, доброй памяти на уровне губернии (края) и даже всей России, стало строительство и полное оснащение на много лет вперёд училища-интерната для крестьянских детей — единственного подобного в Сибири, соперничающего с Яснополянской школой Л. Н. Толстого, построенного по похожему проекту.

Из книги Л. П. Бердникова «Вся красноярская власть»:

> «1 декабря 1883 года Енисейский губернатор И. К. Педащенко открыл ремесленное училище имени А. К. Матонина в селе Кекуре Нахвальской волости. Здесь с 7 ч. 30 мин. утра до 7 вечера будут учиться мальчики 11–14 лет».

Но учились в смешанных классах и девочки, к примеру, наша мать.

> К. А. АФЕРЕНКО: «Помню, что на первом этаже, как зайдёшь в школу, направо была кухня. Нанятая кухарка варила здесь ученикам из других деревень. Она жила в двух комнатах напротив. Причём стояли там железные кровати, которых ни у кого из крестьян тогда не было. Дальше в двух комнатах жили учителя. Одну, знаю, звали Авдотья Артамоновна. И ещё на первом этаже была рукодельная мастерская. Уже пожилая дама Анна Дмитриевна учила нас — девчонок — шить, вышивать, мережить; материю, нитки, ножницы — всё давали в школе. На втором этаже было две больших классных комнаты. В одной из них занимались по рядам 1-я и 2-я группы, а в другой — третья, четвёртая и пятая».
>
> (Примечание: школа так и называлась двухклассной, хотя давала пятилетнее образование, и её выпускники имели право поступать в старшие классы гимназии или в училища. — *В. А.*)
>
> «Сидели мы по два человека на скамьях перед наклонными крышками. У каждого имелись казённые учебники, тетради и ручки, они хранились на полках. Один раз Надежда Смарагдовна (примечание: учительница — одна из восьми дочерей кекурского священника Смарагда Тыжнова. — *В. А.*) взяла меня с собой в подвал помочь ей. Помню, что там на полках лежало очень много учебников, чистых тетрадей, лежали рулоны материи и ещё что-то в ящиках. Всё это Аверьян Космич закупил на много лет вперёд. В каждом классе над доской висели писанные с него одинаковые портреты. Был он без бороды и усов, широкоплеч. Сидел на стуле в чёрном фраке, в руке на колене держал пенсне.
>
> Учились мы с утра почти целый день. Обедать ходили домой».

> В. Д. ЖИЛЬЦОВ: «В пристроечке помещалась для нас, пацанов, ремесленная мастерская с четырьмя малыми горнами и посильным инструментом, верстаки для слесарного дела. Помню, где-то то ли на фасаде, то ли внутри стояла цифра 1883. Думаю, что тогда школа и была построена. Портреты были писаны маслом. Аверьян Космич производил впечатление мощного мужчины, платком вроде протирал пенсне, но смотрел в зал, на нас — учеников».

В 1920 году, после Гражданской войны училище преобразовали в школу, с 1930 года — ШКМ (школа колхозной молодёжи, восьмилетка).

В Сухобузимском районе их было две (ещё в Шиле). Матонинское училище и ШКМ закончили сотни крестьянских детей из Нахвальской, Сухобузимской, Еловской, Межовской волостей. Многие из них стали знаменитыми в масштабах района, края и даже страны.

К сожалению, Аверьян Космич умер накануне открытия училища.

Благотворительные дела Аверьяна Космича Матонина в больших масштабах были замечены и отмечены царём Александром III, который возвёл Матониных в ранг почётных граждан России (копия грамоты сохранилась в фондах Кекурской Покрово-Ильинской церкви).

Продолжим воспоминания старожилов.

> К. А. АФЕРЕНКО: «В церковной ограде также была построена часовня — семейный склеп Матониных. От моей бабушки Ефросиньи я слышала в детстве рассказ о том, как везли умершего Аверьяна зимой из Енисейска в Кекур. Как только подъезжал обоз к началу какой-либо деревни, стоящей вдоль дороги, то работники вываливали рулоны сукна, раскатывая их до другого края улицы и потом разрезали, отдавая на поминание каждому жителю по несколько метров. А также наливали по чарке».

> В. Д. ЖИЛЬЦОВ: «Вниз в часовню вела лестница. С боков из приямок проникал свет. Но внутри, как помню, всегда горела лампадка, зажигали её и сторожили часовню специально нанятые люди. Посередине лежала чуть приподнятая над землёй плита. Полностью надпись не помню, но что на ней было крупно отлито: Аверьян Космич Матонин — это точно. В изголовьях плиты стояло позолоченное распятие Христа. И ещё четыре могилы располагались по бокам, а плиты с именами были прикручены к стенам».

В конце XIX — начале XX века стали известными золотопромышленниками и сыновья Ефима и Тимофея Матониных — третье поколение.

Но против семейства Матониных начала активно действовать В. А. Баландина, имеющая большие связи не только в Красноярске, но и в Санкт-Петербурге.

Дело в том, что на её свадьбе с Баландиным Аверьян Космич подарил брошь, принадлежащую убитой купчихе Баландиной. Вера Арсеньевна добилась банкротства Матониных и почти полного умолчания о них, о меценатстве.

Старожилы вспоминали:

> К. А. АФЕРЕНКО: «В 1913 году прошёл по деревне слух, что в гроб с Аверьяном Космичем положили золотой кортик. То ли сторожа похалатничали, то ли их припугнули, но в одну из ночей могилу его в склепе разорили, останки выбросили, их таскали по деревне собаки».

> В. Д. ЖИЛЬЦОВ: «В 1920 году весной мы — ученики пятого класса с учителем проводили уборку во дворе школы, мусор сжигали. Стали разбирать завалы в складе-времянке. У стены стояли портреты Аверьяна Космича. Ребятишки спросили: „Куда их?“ — „В костёр“, — был ответ. Тогда они выкололи бывшему благодетелю глаза и бросили картины в огонь.
>
> В 1931 году на свиноферме сложили печь, а плиты подходящей не было. Вблизи валялась плита с надгробия Аверьяна Космича, мы взяли её и положили надписью вниз, на плите варили корм свиньям». (Как угадал «образ» сих животных И. С. Глазунов — помните, на его картине свиней с клыками?)

Какая жёсткая кара! Символическая геенна огненная! Дьяволиада! Искусственно раздутая до ненависти классовая неприязнь!

Плиту подобрала в Кекуре родственница Матониных и семьдесят лет хранила. Ныне этот раритет хранится в музее села Сухобузимского.

Конечно, образ Прохора Громова в книге «Угрюм-река» собирательный, но основным прототипом стал А. К. Матонин. Вячеслав Яковлевич Шишков работал некоторое время в Томске вместе с Николаем Ефимовичем Матониным, который рассказал ему об истории своего рода. Писатель бывал на приисках Матониных, видел привязанного на цепь волка; знал об уходе с приисков группы рабочих в тайгу.

Газета «Гудок» за 1872 год писала:

> «Однако из памяти старожилов нельзя стереть страшные картины обращения с рабочими на приисках братьев Матониных в Енисейской губернии. В 1872 году доведённые до отчаяния условиями жизни и работы на приисках 40 человек из 150 объявили забастовку и ушли в тайгу».

Думаю, что к 400-летию Енисейска надо вспомнить о почётном гражданине России Аверьяне Космиче Матонине, внёсшем огромный вклад в экономику, культуру, образование Енисейской губернии.

Период третий

УПАДОК ЗОЛОТОДОБЫЧИ И ПЕРЕХОД НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕЛЬСЫ

(1915–1929)

В 1914 году было добыто в губернии 208 пудов золота, а в 1917 — 160, то есть в 50 раз меньше, чем в период «золотой лихорадки» и в 15 раз меньше, чем в последующие годы. Шла Первая мировая война.

> «Из-за расстройства работы железной дороги с опозданием поступали заказываемые за границей запасные части для драг. Не хватало буровой стали, динамита и других материалов. Новые же машины из-за границы вообще перестали поступать. Много рабочих было мобилизовано в действующую армию».

В годы революций и Гражданской войны практически вся инфраструктура золотодобычи подверглась разрушению, остановились драги, некоторые были затоплены сознательно. Из-за безвластия начались грабежи приисков ангарскими крестьянами, к которым примкнула часть приисковых рабочих, дезертиров и уголовников.

В период колчаковщины (октябрь 1918 — декабрь 1919) в Енисейском горном округе вообще прекратилось снабжение предприятий материалами, запасными частями, продовольствием и фуражом. Рабочие были мобилизованы в армию, часть их ушла в партизаны и разъехалась в поисках работы и хлеба. В Северной тайге из-за запущенности дорог золото практически не добывалось, в Южной — летом 1919 года работали прииски только одной акционерной компании, директором которой был Н. Н. Гадалов.

В то же время большой золотовалютный запас России исчез по вине Николая II и Колчака. Царское правительство попалось на удочку международных аферистов, отдав в фонд мирового развития тысячи (называют даже цифру 40 000 тысяч тонн!) золота. Невероятная цифра. Оно было присвоено ФРС США. По закону они должны золото вернуть!

Колчак захватил остальной валютный запас страны (золото, драгоценные металлы, бриллианты, дорогие изделия) в Казанском кремле. В оплату за оружие, обмундирование, табак, за другие товары по приказу Верховного было выдано «союзникам» (по сути, интервентам) 11 500 пудов (190 т) золота, в том числе Англии 2383 пуда (40 т), Японии 2672 пуда (44,5 т), США 2118 пудов (35 т),

Франции 1223 пуда (20,5 т), другим странам 15 тонн. Его действия с ноября 1919 по январь 1920 года вообще являются преступлением перед армией и народом. Он передал чехам право на пользование Транссибирской магистралью: железную дорогу и по одному километру территории вправо и влево от неё. Поезда шли только на восток. По зимним дорогам в морозы, по тайге, сопровождаемые волками, ехали в санях голодные солдаты и офицеры брошенной им армии. Свирепствовал тиф. В конце октября 1919 года перешли через Иртыш 200 000 солдат и беженцев, в марте 1920 года пришли в Читу 20 000. А по магистралям в тёплых вагонах с награбленным добром ехали сытые чехи — когда-то наши пленные.

Колчак вместо 5 суток добирался от Омска до Нижнеудинска месяц. Например, в Красноярске чехи задерживали его почти неделю, пока им не отдали несколько контейнеров с драгоценностями. В конце концов, они и сдали его Иркутскому Совету. А остатки валютного запаса Российской империи умыкнули себе. И за 15 лет Чехословакия — бывшая австрийская провинция — стала одной из индустриальных стран Европы, на её заводах изготавливалось 50% танков вермахта и другое вооружение.

Советской власти в 1920 году досталось в наследство почти полностью разрушенная золотопромышленность Енисейского горного округа. Надо было не только восстанавливать то, что можно восстановить, но создавать новую систему не частного капитала, на принципах госкапитализма в период НЭПа. Только 1 ноября 1921 года пустили первую амальгамационную фабрику на Авенировском руднике.

3 февраля 1922 года было утверждено положение об объединении «Ензолото» на основе небольших займов наркомфина, без кредитов. Денег молодая Советская республика имела очень мало, тем более в Поволжье свирепствовал голод. Например, в Татреспублике за 15 дней марта 1922 года умерло от голода 14 957 человек. Енисейцы тоже голодали, тем не менее собрали в пользу голодающих в Поволжье 14 154 пуда хлеба, 523 пуда крупы, 206 пудов мяса, 282 пуда сухарей — больше других губерний. И даже в таких условиях на 01.10.1922 в тресте «Ензолото» работало 555 рабочих и 190 служащих, добыча золота составила 32 пуда.

С такого рубежа началось возрождение золотопромышленности Енисейской губернии (с 1925 г. Красноярского округа Сибирского края).

Слава всем труженикам приисков периода НЭПа! Особой памяти заслуживают организаторы, специалисты, энтузиасты, возрождавшие валютный цех страны, отдавшие столь важному делу годы жизни, свои знания и энергию: С. В. Сергеев — председатель правления, управляющий трестом; Ф. М. Николенко — комиссар, директор рудников; А. П. Субботин — потомственный старатель, ставший крупным учёным.

Резко изменились условия жизни и труда, по сути, исчезла эксплуатация, был установлен 8-часовой рабочий день, сверхурочные оплачивались. Исчезли кабаки и прочие злачные места. На приисках появились фельдшерские пункты, школы, клубы, общественные бани, приличные общежития.

1929 год стал годом «Великого перелома» не по прихоти Политбюро ЦК ВКП (б), а по объективным обстоятельствам: явно стали проявляться реваншистские настроения в странах, проигравших Первую мировую войну, а среди их противников тогда была и Россия. Шла индустриализация, военно-морское и авиационное строительство, требовались уголь, металл, шахты, домны, оборонные заводы, фабрики; началась культурная революция. Требовалось много рабочих рук и денег.

Но крестьянские общины, сохранившиеся при НЭПе, сдерживали уход молодых ребят в города, на флот, в авиацию. Благосостояние деревни росло, например, по данным «Сибирской энциклопедии» (издание Новосибирска, 1928, том I), к 1928 году 80% крестьян в Западной Сибири стали середняками. Товарного хлеба там было достаточно, но хлебозаготовки провалились, в чём убедился Сталин, приезжавший двигать их в Тюмень, в Красноярск и в другие места.

В Красноярском округе 20% кооперированных в разной форме хозяйств дали в 1928 году больше товарного хлеба, чем 80% единоличников.

Началась коллективизация, в целом оправдавший себя революционный поворот в аграрном секторе страны. Неправда, что колхозы изначально были неэффективны.

С 1935 по 1941 год они вышли на стабильный уровень, колхозники жили в среднем не хуже, чем крестьяне в царский период, а в медицинском обслуживании, в оборудовании, в культуре произошёл скачок. Кроме того, существовали госпредприятия — совхозы и МТС, живущие на других, новых принципах.

Но, безусловно, нельзя оправдать провозглашение и исполнение дерзкого лозунга ликвидации кулачества как «класса» и ссылку зажиточных крестьян с семьями вместе со стариками и детьми.

В Сибири, в частности в Красноярском округе, местами ссылки стали территории лесозаготовок, лесопиления (Игарка), золотые прииски (Кузеево, Удерей, Мотыгино, Пит). Но труд золотодобытчиков из сосланных крестьян не был рабским. Они жили и работали на общих принципах, пользовались всеми социальными льготами, все дети учились в школах.

Иван Михайлович Назаров

Период четвёртый

СОЗДАНИЕ И СИСТЕМНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЩНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТРЕСТА, ОБЪЕДИНЕНИЯ «ЕНИСЕЙЗОЛОТО»

(1931–1991)

«Адмирал» ЕНУРПа

Одним из ярчайших людей Красноярского края был Иван Михайлович Назаров — начальник Енисейского речного пароходства (ЕНУРПа), общественный деятель, писатель. В 1931 году его назначили начальником транспортного отдела «Енисейзолота». Просто удивительны его инициативы и деяния на этом поприще.

Зимой И. М. Назаров организовал ямщицкую эстафету «гужевой экспресс»: обозы с разными грузами на прииски Енисейской тайги ходили и с юга края (возили муку, мясо, канаты из конопли); и из районов Ачинского куста и Прикрасноярья.

Иван Михайлович предложил разбить пути на перегоны с точной датой прибытия на перевалочные пункты, где грузы перегружались из саней в сани. За исполнение графика давалась приличная премия. И что бы вы думали, скорость доставки увеличилась в 2 раза.

Летом же он досконально исследовал водный путь по таёжным рекам, как писал Г. Кублицкий в книге «Река уходит в океан»: «Ходил на катерах, на илимках, на лодках, мокнул в порогах, стоял на мостике вместе с капитанами, слушал рассказы плотогонов. Назаров пришёл к выводу, что по Питу, Подкаменной Тунгуске и даже по их притокам можно подниматься весной во время половодий и даже летом, если иметь суда с малой осадкой, максимум метр, лучше 30–50 см. Трест купил небольшой, в 200 сил, пароходишко (назвали «Золотоискатель»), который летом 1932 года поднял по Питу илимки с грузами, вплоть до Брянки. При возвращении в Красноярск в конце октября из-за ранних морозов пришлось зазимовать».

«Гавань» «Енисейзолота»

1932 год был очень тяжёлым и в целом по стране, и в Сибири, и в Прикрасноярье. Уже второй год засуха губила урожай, во многих местах народ голодовал. В Восточной Сибири обмелели реки. И в довершение бед в конце октября ударил такой мороз, что поплыла по Енисею густая шуга. На Казачинском перекате туер «Ангара» не успевал перетаскивать малые и большие суда и баржи, спешащие на отстой в Красноярск.

Теплоход «Комсевморпуть» — один из четырёх красавцев, сделанных на Гамбургской верфи по чертежам ленинградских конструкторов, легко поднялся сам. Но плыть дальше с его осадкой было опасно, потому речники сцепили необычный караван: впереди шлёпал маленький колёсный пароходишко, обслуживающий трест «Енисейзолото», за ним — двухтрубный «Кооператор», далее «Комсевморпуть». Через сутки стало ясно, что дойти до Красноярска из-за ледостава не удастся. Тогда приняли решение — стать на зимовку в глубокой протоке около острова Заячьего, в двух километрах выше деревушки Кононово.

Зимовка прошла успешно. Очень помогли речникам местные жители, приютившие их на квартирах. Вместе устанавливали ледорезы в начале протоки, вымораживали у судов днища, винты, колёса; отмывали каюты, корпуса судов, красили.

Никаких осложнений не принёс ледоход, и в первых числах мая 1933 года пароходы с прощальными гудками покинули гостеприимную гавань.

Через три года о бухте вспомнили опять. Откроем архивное дело №1 (фонд 2006, опись 3):

> «Водный флот „Енисейзолота“ в 1935 году вступил в самостоятельную эксплуатацию. Перед флотом стояла задача освоить притоки реки Енисей и добиться завоза грузов самоходным флотом по рекам Вельмо, Пит, Теф, Ангара. Навигация закончилась 20 октября. На зимовку непаровой флот в числе 15 единиц поставлен в затон у деревни Кононово. Эта зимовка находится в 104 километрах от Красноярска и уже раньше показала себя как удобная.
>
> *Начальник транспортного управления „Енисейзолота“ Иван Назаров».*

И. М. Назарова назначили начальником Енисейского речного пароходства. В этой непростой должности он проработал 25 лет, получив неофициальное народное звание «Адмирал ЕНУРПа».

Кононовский затон

Итак, в 1935 году возник Кононовский затон. Его суда постоянно шли по Енисею мимо наших окон (изба, где жили мы, стояла на яру посередине села Атаманово). Небольшой буксир «Приискатель» обычно тянул вверх и вниз по 3–5 двухсоттонных крытых паузка. Не уступали ему по мощности

катера с двумя моторами ЧТЗ: «Забойщик», «Шахтёр», «Брянка», «Енашимо». Принадлежали Кононовскому затону и три экзотических судёнышка «Дражник», «Самородок», «Вельмо». Напротив Атаманово Енисей течёт на восток, с нашего яра казалось, что берега через три километра смыкаются, река там резко сворачивает на север.

Вдали, за лесом раздавались необычные хлюпающие звуки, всё ближе и ближе, и вот, вылезал из-за поворота речной карлик, за ним баржонки и илимки. Колёсные пароходики в миниатюре представляли типичные буксиры, но машины на них работали на газе; по бокам стояли два автоклава, в которых без доступа воздуха сжигались чурочки. Осадка этих речных экспонатов составляла 30–40 см, нигде в мире больше подобных устройств не было.

Название затону дала небольшая деревушка Кононово, основанная в 1654 году на яру ниже острова «Заячий» и протоки красноярским сыном боярским Севастьяном Самсоновым (иногда поселение называли Савостиной, Савоськиной). В ней жила семья нашей тётки. В Затоне работали двоюродные сёстры Евдокия Павловна Колосницына (по мужу Сошина), Надежда Павловна Гамова; их мужья Н. И. Сошин и В. А. Гамов; их дети Владимир Сошин, Юрий Гамов (капитан самоходки ГТ-4), Маргарита Гамова (радистка), зять Виктор Крючков (капитан ГТ-6).

Виктор Антонович Гамов — радист высокой категории, профессионал, в 1942 году построил небольшую радиостанцию, готовил постоянно кадры радистов, осуществлял связь со всеми самоходными судами, с приисками, с управлением треста. В архиве в фонде №2006 в одном из дел подшиты шифрованные телеграммы без слов, посылаемые из Кононовского затона в контору «Енисейзолота» о количестве добытого металла, о грузах — набор цифр, с интервалами. Руководило в 40–50-х годах золотопромышленностью СССР ведомство Л. П. Берии.

В Кононово бывал я постоянно начиная с малых лет. Помню пеший поход с матерью в июне 1944 года. Шёл босым. Вышли мы в 5 часов утра по лесной дороге Атамановского бора, миновали Хлоптуново. От него шагали не по дороге, а по тропе над Енисеем. И вот она протока с ряжами. На берегу, на высоких клетках из брёвен стоял остов парохода «Золотоискатель». Несмотря на раннее утро, местные ребятишки катались на колёсах: залезали вверх под колпак, садились на плицы, и колесо со скрипом опускалось.

Вышли на центральную улицу Затона. Справа вдоль берега тянулся высокий забор с колючей проволокой поверху. За ним искрила электросварка, ухали молоты по железу, визжала циркулярка.

В Затоне в 7 часов утра раздавался гудок, его звуки долетали даже до Атаманово. Жизнь на предприятии шла не так, как в колхозных, соседних деревнях: неплохое УРСовское снабжение, общежитие, хороший клуб, добротные коттеджи. Речники после ледостава уходили в рейсы по малым рекам с мая по конец октября <…>.

Предприятия «Енисейзолото» («Ензолото») в крае, в том числе в Северо-Енисейском, Мотыгинском, Енисейском районах и в Эвенкии, в течение восьми десятков лет совершенствовались постоянно в соответствии с развитием науки и техники и стали передовыми производствами страны, используя мощную технику — драги, бульдозеры, гигантские самосвалы, буровые установки, а также дражные, химические, биохимические технологии, гидравлику и робототехнику. Поднимали эту специфическую отрасль тысячи учёных из НИИ и вузов; специалисты разных профилей, инженеры, руководители министерств, отраслей, приисков, шахт, заводов; дорожники и речники; квалифицированные рабочие. Сотни фамилий людей, раскручивающих спираль «золотого следа», назвал в своей книге В. В. Смирнов. Мы же отметим некоторые стороны масштабного явления. По-прежнему основным местом золотодобычи в Красноярском крае остаётся наше Эльдорадо — Енисейский кряж в пределах бывшего Енисейского уезда, ныне в Енисейском, Мотыгинском и Северо-Енисейском районах.

В начале 70-х годов балансовые запасы промышленных категорий не превышали 15–20 лет, что не позволяло создавать крупные добывающие комплексы. Министерство геологии и Госплан СССР уменьшили ассигнование в отрасль в Красноярском крае. По результатам своих изысканий, по учёту ряда признаков красноярские геологи были уверены в наличии рудного золота в складках Енисейского кряжа. Краевой комитет КПСС поддержал их, послав обоснованную записку в Центральный комитет компартии и в Госплан. Финансирование стали увеличивать ежегодно на 10%. И вот он — результат: группа геологов — Н. Ф. Гаврилов, Л. В. Ли, Г. П. Круглов, А. Я. Курилин — открыли в конце 70-х годов Олимпиадинский золоторудный узел, по качеству руд, по количеству золота и по условиям залегания — уникальный.

С 01.01.1983 Стройбанк СССР начал финансирование строительства объектов на Олимпиадинском месторождении, а в 1985 году была переработана на Северо-Енисейской фабрике первая руда. Перспективность запасов далее блестяще подтвердилась. Другая важная сторона золотодобычи в крае — это существенные изменения в социальной сфере: строительство дорог, аэропортов, установка ЛЭП, создание условий для нормального качества жизни. Конечно, вдали от центральных путей и городов в небольших посёлках, будь в них золотые унитазы, жить непросто. И слава вам, труженики далёких приисков, золотодобывающих предприятий!

Период пятый
ПОСТСОВЕТСКИЙ
(1992–2016)

В 90-е годы прошлого века в третий раз в истории золотопромышленность региона претерпела упадок. Вот что пишет об этом В. В. Смирнов:

> «Пусковым механизмом послужило принятие Закона „О предприятии“, позволяющего структурным подразделениям выходить из состава головных предприятий. В результате произошёл распад отрасли на отдельные мелкие предприятия, которые в жёстких рыночных условиях оказались не в состоянии выживать и развиваться».
>
> В бывшем объединении «Енисейзолото» к середине 1990-х работала только шахта «Коммунаровская», да и то лишь на 30%. Шахта «Советская» Северо-Енисейского ОКГ а затоплена, остановлена шахта Саралинского рудника, остановлены драги. Из тарательских артелей сохранились только крупные, такие как артель «Полюс» (председатель Х. М. Совмен), артель «Центральная» (председатель А. М. Курскиев), артель «Золотая звезда» (председатель К. М. Цитлидзе).
>
> Новое российское государство не уделяло должного внимания развитию золотопромышленности в стране. Известно, что Е. Г. Гайдар, в тот период фактически возглавлявший промышленность, считал, что выгоднее покупать золото за рубежом (на Лондонской бирже). При этом мы и зарплату, и налоги отправляем в чужой бюджет. И это говорил один из руководителей страны!
>
> В 1991 году Россия находилась на втором месте в мире по добыче золота. После реформ она была отброшена в самый конец списка. И всё-таки положение было не безвыходное. Во-первых, наша страна обладает колоссальным золотым запасом. Россия почти ещё не приступила к добыче своих запасов рудного золота. Во-вторых, в России достаточно квалифицированных кадров.

Да, велик был 150-летний задел. Особенно в послевоенное время. И золотопромышленность стала возрождаться <…>.

Лес

«Лес — наше богатство»

Знаменитое село Атаманово Сухобузимского района, где с 1932 по 1975 год на крутом яру у Енисея жила наша большая семья, полукругом окружает чудесный сосновый бор, начинающийся сразу за огородами. Его площадь 6000 гектаров. В нескольких местах к стволам были прибиты доски с призывами: «Лес — наше богатство!», «Берегите лес от пожаров». В детстве в двухстах метрах от дома летом вспугивали зайцев и сидящих на гнёздах капалух. Заготавливать дрова в приречной зоне разрешалось не ближе двух километров от Енисея. На другом берегу напротив нашего жилища поднимался крутой яр, а далее за террасой, на сотни километров на юг и восток уходила Канская тайга.

По Енисею с весны до ледостава постоянно плыли брёвна: из запаней Красноярского дока и со Слизнево выпускали в реку третьесортную древесину. Дрова на ползимы, а то и на всю зиму атамановцы, в том числе и мы, заготавливали на берегу. А когда запани прорывало, такое случалось ежегодно 1–2 раза за сезон, мимо плыли по всему плёсу тысячи брёвен. Тогда уж владельцы лодок ловили их десятками, сотнями, строили из них бани, хлева, а то и дома.

Почти весь жилой фонд Приенисейского региона в XVII–XIX веках составляли деревянные строения (за исключением немногих зданий в городах из кирпича). В XX веке возникло блочное строительство, но потребность в строительном лесе была по-прежнему высокой — до 10 млн кубов в год. Почти все дома в городах, сёлах и деревнях в XVII–XIX веках отапливались дровами, уголь использовался в малом количестве.

Население Енисейской губернии в конце XIX века составляло 250 тыс. человек. Возьмём среднестатистическую семью — в 5 человек, значит, имелось 50 тыс. домов (изб, хат, землянок). На год нужно минимум 25–30 кубометров древесины на одно жилище. Значит, вырубалось на дрова до полутора миллионов кубометров лесов. В XX веке после второй волны переселения, к 1915 году, население удвоилось, потребление дров на отопление возросло и далее неуклонно возрастало до 10 млн кубов в год, несмотря на появление котельных и ТЭЦ на угле. Много дров в Сибири сжигали первые паровозы и пароходы.

В 1861 году была образована частная пароходная компания енисейских купцов А. Баландина, И. и А. Кытмановых, С. и И. Калашниковых, Е. и А. Грязновых, а в 1863 году на Енисее появился первый пароход «Енисей». Внук И. П. Кытманова Владимир Александрович вспоминал:

> «В 1862 году 24 июня происходила закладка первого на Енисее парохода „Енисей“. Постройка деревянного корпуса происходила в г. Енисейске на Еврейской улице. Строитель первого парохода — русский талантливый самоучка, не инженер, а простой плотник Худяков, вольноотпущенный княгини Трубецкой.
>
> …1863 год. Пароход „Енисей“ в мае был спущен на воду с места постройки в речку Лазоревку, и 20 мая была сделана первая проба плавания от Енисейска до села Усть-Кемского. „Енисей“ туда шёл 39 минут, а обратно — 1 час 49 минут, сто человек публики, плавающих на теплоходе, были свидетелями открытия пароходства по Енисею… Взяв на буксир баржу, 31 мая „Енисей“ отправился в низовья. 7 июня был в Туруханске.

Первым капитаном парохода „Енисей“ был Алексей Фёдорович Калашников, отец матери Анастасии Алексеевны Кытмановой. Вместе с пароходом, тут же, Худяков построил две деревянные баржи»…

Только в 1883 году 500-сильный двухтрубный пароход «Дальман» впервые поднялся на Казачинских порогах. Но регулярное сообщение началось после установки на пороге туера «Святой Иннокентий». В 1887 годутуер прибыл по частям из Рыбинска и собран на месте. После имел названия «Бурлак», «Ангара».

Число буксиров и пассажирских судов неуклонно росло, особенно в 1925–1941 годах и после войны, и только в 70-е годы прошлого века окончательно перестали дымить редкие пароходы, сжигающие в топках уголь или дрова. «Последние из могикан» — юркие двухсотсильные колёсники Тюменского судостроительного завода были переведены на сжигание жидкого топлива — соляры.

Но вернёмся к дровяной эпопее. Знаменитый енисейский капитан, создатель музея ЕНУРПа Михаил Демьянович Селиванов рассказывал (запись 2000 г.):

«Я более 20 лет плавал капитаном на двухэтажном (не считая нижний грузовой трюм) пассажирском пароходе „Спартак“. Котёл паровой машины нагревался дровами. Подходим к селу Усть-Кан, где на яру, на стрелке, стояли поленницы дров. Выстраиваем конвейер, задействуем всю команду, иногда мне приходилось закрывать в цепи „брешь“. Даже желающим пассажирам раздавали рукавицы для работы. Поленья длиной 1 метр весили по 7–10 кг. Набивали не только специальный дровяной склад, но и загружали корму. Шли до Красноярска, там готовились 2–3 дня к новому рейсу, спускались вниз, дров только-только хватало до Усть-Кана, где грузились вновь. И таких пунктов погрузки в один конец до Дудинки было 5».

Несколько дровяных причалов находились и выше Красноярска. Знаменитый патриарх красноярских краеведов Е. Н. Владимиров разрабатывал тему о пребывании в Енисейской губернии В. И. Ленина. Ефим Ильич для полноты восприятия прошёл по берегам Енисея пешком от Красноярска до Шушенского, куда вёз Ленина пароход «Святитель Николай». Владимиров встретил старика, который утверждал, что в погрузке дров у села Езагаш Даурской волости (ныне на дне Красноярского водохранилища) участвовал Ленин. Может быть. Ленин человек был азартный, с народом контачил. В советское время существовала специальная фирма «Госпар» по обеспечению дровами пароходов. К примеру, в Сухобузимском районе лес зимой готовили в 40–50 км от устья Кана, летом его сплавляли в запань. Часть брёвен распиливали поперечными пилами на чурки, после их кололи и укладывали в поленницы — по 350 000 кубов на одну навигацию. По всему Енисею пароходы сжигали не менее трёх миллионов кубов.

Но лес в XX веке, кроме внутреннего потребления, из Енисейского региона развозили по стране и продавали за валюту за границу. В 1917 году была создана Маклаковская компания с этой целью. У левого берега Енисея недалеко от старинного села стали формировать плоты для сплава в низовья. Но революционные события и Гражданская война остановили процесс. Массовая заготовка леса началась по всему бассейну в 1924 году. Монополию на заготовку, сплав, продажу леса объявило государство. В распиловке и в переработке древесины в период НЭПа участвовали и частные компании.

В 20–40-е годы при минимуме техники, когда использовалось два инструмента — поперечная пила и топор, а лес на склады возили лошадьми, заготовку вели только зимой. Основной рабочей силой являлись временные бригады — сезонные работники по найму и мобилизованные сельчане. Каждому сельскому совету давалось от имени государства задание по отправке людей на лесозаготовки. А поскольку во всех поселениях имелись колхозы, то в лесосеки отправлялись колхозники, в зимний период менее занятые. Зимой на стыке 1928–1929 годов, ещё до коллективизации наш Атамановский сельсовет сформировал бригаду из крестьян-единоличников со своими лошадьми. Руководить бригадой поставили Корольского Александра Михайловича — сельского активиста, отца четверых детей. Лес заготавливали по Кану в урочище «Метляковка» в 75 км от Атаманово. Перед рождеством мужики заявили бригадиру: «Поедем домой, месяц в тайге, живём во времянке, без бани, да и праздник большой, семьи ждут». Как ни уговаривал, не подчинились и поехали домой. Дорогой встретили уполномоченного, который ехал узнать, не снимутся ли заготовители на пока не запрещённый, но — страшно сказать — религиозный праздник. Поднимая страну, перегибали партийцы. Понятно, что уполномоченного послали по-русски далеко. А через неделю приехали в тайгу милиционеры, арестовали Корольского. И то ли суд, то ли «тройка» приговорила его к высшей мере наказания: «За саботаж в дни религиозного праздника». «Спас» брат жены, Цыганков С. С., работающий в Красноярске в горкоме партии: приговор отменили, переквалифицировав статью на 10 лет ссылки.

Александр Михайлович попал на строительство Беломорско-Балтийского канала, проявил себя как прораб с самой лучшей стороны и через семь лет вернулся. Стал работать на Атамановской пристани, тем самым как бы определив на будущее судьбу свою и сыновей. По его проекту был построен Атамановский павильон — одно из

лучших зданий на всех енисейских пристанях. В 1940 году родился четвёртый сын — Александр. В 1942 году Корольского призвали на фронт. В сентябре 1943 года он совершил подвиг как умелый речник, переправивший на лодке свой взвод на левый берег Днепра и не позволивший выбить наших бойцов с пятачка. В январе 1944 года он погиб. Ему присвоили звание Героя Советского Союза. Воевали и оба сына его — Иван и Дмитрий, причём в конце войны в одном танковом корпусе. Они и их младший брат до конца дней связали свою судьбу с Енисеем. Александр плавал на судах штурманом. Иван Александрович работал начальником пристани в Туруханске, Дмитрий Александрович — начальником порта в Игарке, как раз в одном из центральных пунктов валютного лесного цеха региона и страны. Ныне в низовьях водит караваны буксир «Дмитрий Корольский».

С 1929 по 1935 год ссылали зажиточных крестьян в таёжные места края, в том числе в Маковское, где шла заготовка леса. Ссыльные крестьяне стали основной рабочей силой в строительстве на месте станка-поселения Егора Ширяева — городка Игарки, куда стали сплавлять плоты, лес пилить и отправлять на морских судах, прежде всего, за границу, на валюту.

В 30-е годы началось создание государственных предприятий: леспромхозов (ЛПХ) для заготовки, вывозки и сплава леса; лесхозов для охраны лесов и лесопосадок; запаней для формирования плотов в устьях «сплавных» рек и химлесхозов для заготовки живицы. Перед валкой хвойного леса бригады рабочих-вздымщиков на каждом стволе делают глубокие надрезы остриём вниз, подвешивают металлические сосуды в виде конуса, куда натекает (естественно, весной и летом) смола — ценнейшее сырьё для канифольной, парфюмерной, лакокрасочной промышленности.

Один из сотен — Даурский ЛПХ

С 1956 по 1963 год я работал 1-м секретарём Даурского РК ВЛКСМ, изъездил и исходил пешком вдоль и поперёк весь, большой по площади, таёжный район. На его территории вёл заготовку и сплав леса Даурский леспромхоз — 5 лесоучастков (ЛЗУ).

Начну сверху, от Новосёловского района. По рекам Сисим и Шахабаиха пилил и сплавлял лес Берёзовский ЛЗУ (три лесопункта и 2 запани). Центр участка — посёлок Берёзовка — находился в 30 километрах от Енисея на Сисиме — на довольно большом правом притоке (а дальше, в верховьях, на границе с Идринским районом вёл заготовку лесопункт Кижарт). Ехать в Берёзовку по лесовозным дорогам далеко, поэтому дважды ходил туда для проведения комсомольских собраний пешком, первый раз летом вёл меня по тропе над Сисимом Володя Каширин — учитель Берёзовской СШ, секретарь комсомольской организации ЛЗУ, липецкий парень, футболист, книгочей. Так и просится на язык любимая связка слов у всех журналистов и туристов — «красивые места». Да, вне сомнения, красивые, но не только: ещё и роскошные, первозданные, дикие. Сойдёшь с тропы, заблудишься и без спичек и провианта, скорее всего, пропадёшь.

Второй участок Куртюл (два лесопункта) и третий Сухонакова — Тюлюпта были привязаны к речкам Погромной и Дербине. Помню летние поездки в кузове трёхосных ЗИЛ-150 по таким подъёмам и вершинам оврагов — жуть брала, вниз лучше не смотреть, у распадков дна не видно, там круглые сутки темно, хотя все стены заросли лесами.

Бывал ещё на одном лесоучастке — в Тубиле, это уж совсем в глухомани, на границе с Манской тайгой. Мы с шофёром лесовоза выехали зимой из центра леспромхоза на Енисее — из Усть-Дербино утром. Накатанная дорога шла до деревни Покровки, в которой некогда жил Алексей Черкасов — автор знаменитой трилогии о людях тайги. Наш райком ВЛКСМ в 1962 году организовал встречу с ним в Доме культуры, плавали в деревеньку Потапово — там он тоже жил ещё с родителями. Выше Покровки свернули на приток Дербины речку Тубиль и ехали по зимнику вдоль неё ещё 100 километров, пересекая наледи, корни деревьев.

Однажды в Москве услышал в метро разговор: «Тебя куда направили?» — «Да в Красноярский край, в какую-то дыру — Канск». Если Канск — «дыра», то что такое посёлок Тубиль? Электричество давало местное динамо от 6 до 10 утра и с 20 до 24. Сплошные бараки, коттеджи. Но были почта, фельдшерский пункт, клуб, библиотека, восьмилетняя школа. Комсомольцев 30 человек, рабочие и молодые специалисты. После собрания ночевал у комсомольского секретаря Пети Елисеенко — из покровских, местных. Они вместе с супругой, по национальности эстонкой, закончили СибЛТИ.

Встали в 6 утра. Мороз 25 градусов, значит, день не актированный. В 7 утра выехали с рабочими на мотовозе по узкоколейке в лесосеку, ещё дальше на 15 км в тайгу. Тогда уже были бензопилы, трелёвочные трактора, лесовозы. Обед в вагончике. Я целый день пробыл с молодыми лесорубами на их рабочих местах, иначе какой я секретарь, призывающий «на дела хорошие»? В посёлок поехали после 17 часов. Кстати, мастер Назарова, живущая в Тубиле изначально, с довоенных времён, избиралась тогда делегатом партийного съезда в Москве, что являлось большим поощрением.

Ещё один участок находился на левом берегу. Лес пилили и сплавляли по речке Езагаш. Там видел ещё работающую водяную мельницу. В 6 километрах вверх по езагашинскому логу, там, где его ширина от стены до стены 100 м, находилось урочище Бардовая. Старожилы рассказывали, что когда-то здесь находился винный завод, и место

названо от слова «барда» — хлебный замес для возгонки. После в краевом архиве как краевед получил ценную информацию по Езагашу. Факт сей почти забытый, но достоин внимания всех, кто изучает историю края. Оказалось, что в 70-х годах XVIII века купцы Власьевские вложили деньги в строительство железоделательного («медного») завода. На речке Езагаш была сооружена плотина в 100 (!) метров шириной, она перегораживала лог (по технологии нужно много воды). Руду нашли на другом, правом берегу Енисея у малого притока (в годы моей работы там существовали две малых деревеньки — Вознесенка и выше по речушке чувашское поселение Николаевка).

Металла в Енисейском регионе не хватало. Но дело у Власьевских не пошло. Думаю, потому, что слишком затраты велики и место слишком глухое — вдали от дорог: до Красноярска 110 километров (только по Енисею), а на запад через Балахту до Московского тракта тем более далеко. Через сотню лет потомки Власьевских (кстати, эти купцы и в Енисейске дела имели) построили на прежнем месте на Езагаше винный завод (спаивать народ оказалось куда легче, чем плавить металл). В 18 километрах от Енисея, от запани в с. Езагаш был лесопункт «Малашка». Бывал на нём не раз, с концертом из Даурска на лошадях (40 км) ездили. Посёлок стоял на дне округлой чаши, весьма похожей на древний кратер. На лесопунктах часть работников была из местных, в том числе специалисты: техники, мастера, учителя, врачи, бухгалтера. Основной же рабочей силой с конца 30-х до середины 50-х являлись ссыльнопоселенцы: поляки, прибалты, бандеровцы. После — сезонные рабочие по найму.

На лесопунктах лес возили зимой на нижние склады, на берега речек. Весной в дни половодий, а реки полугорные, период большой воды короткий, начинался аврал — скидка брёвен в весенние потоки. Весь световой день, от зари до зари, урчали бульдозеры, и скатывали лес ломами не только все без исключения рабочие лесопунктов, но и служащие, учителя. Всем давали рукавицы, болотные сапоги, по 100 г чистого спирта в сутки. До устья, до запаней сразу доплывало не более 50% брёвен. Остальные оседали на косах, на изгибах, на корягах, бывали и заломы, которые иногда взрывали аммоналом. И целое лето бригады сплавщиков с баграми и ломами гнали мулё. Помню, один из августовских дней провёл с ребятами на Езагаше, они несколько раз за день сооружали быстро плотинку. Ждали, пока вода наберётся, открывали створки. И тут уж час-полтора авралили — стаскивали короткими баграми брёвна в поток. И так до глубокой осени, едва успевали, зависело ещё от лета: сухое — не сухое. В запанях в устье Сисима, Шахабаихи, Погромной, Дербины, Езгаша лес сортировали и вязали в плоты.

Тогда уже были лёгкие водомётные катера, которые брёвна уплотняли, могли и на плот заскочить. В Красноярский ДОК плоты буксировали катера. На них плавали наши кадры — комсомол. И с ними ездил (речь не о себе — «любимом», конечно, а о людях-тружениках, о лесе). Катера из Даурска нанимали для доставки плотов и «верхние» районы: Новосёловский, Краснотуранский. Однажды очень рано, в октябре, грянул мороз. Катера попали в припай возле села Батени. Отправили телеграмму в леспромхоз: «Замёрзли в Батенях, что делать?». А телеграфисты на почте поняли по-своему. И вот директор ЛПХ Шкаберин читает телеграмму: «Замёрзли в ботинках. Что делать?». Не розыгрыш же — ребята серьёзные. Валенки на автомашине посылать?

Леспромхозы, подобные Даурскому, вели заготовку древесины во всём бассейне Енисея от Мариинска до Тайшета, от Саян до Туруханска. Растущий в низовьях тундровый лес на распиловку не годился.

Города — побратимы леса

Читатели-енисейцы и красноярцы по названию очерка определят сразу, что речь в нём пойдёт об Игарке и Лесосибирске. Читателей вне региона (а они, надеюсь, будут, ибо книга интересна и познавательна), особенно читателей молодых, вряд ли заинтересует ныне Игарка, а Лесосибирск для россиян стоит в одном ряду с десятками молодых городов (Лесозаводск, Лесной, Сосновоборск, Заречный, Дивногорск, Саяногорск, Зеленогорск, Кедровый, Шарыпово). Любознательные читатели запросят Интернет, и он выдаст сотни названий книг, монографий, статей, публикаций, зарисовок об Игарке и Лесосибирске. Своим появлением города обязаны лесу, в первую очередь ангарской сосне, первосортная древесина которой проникла и используется на всех континентах, прежде всего в Европе, в Африке, на Ближнем Востоке. Выручка же от торговли енисейским лесом за 86 лет исчисляется миллиардами инвалютных рублей.

Марина Саввиных

Заповедник времён, или Тайна Земли Постникова

1.

Чудо чудное… диво дивное. Светло-светлая и прекрасно украшенная земля. Теперь такое принято называть «местом силы». Хотя какая сила? Чусовой. И даже не тот, советский, о котором ярче и больнее всего напоминал мне домик Астафьева, притулившийся у поворота чадящей и грохочущей дороги, а — последних времён, когда воздух над этой дорогой стал почти совершенно прозрачен в силу радикальной трансформации причины чада и грохота, — некогда крупнейшего в стране предприятия чёрной металлургии. Воздух стал чище. Будущее — туманнее. Но Аринина гора, к которой стремится наш автомобиль, по-прежнему излучает то ли свет, то ли мглу, то ли действительно какую-то уму непостижимую силу — втягивает новичка-пришельца в «лес между мирами». Потому что как ни называй это место — горнолыжным ли курортом, школой ли олимпийского резерва, турбазой ли «Огонёк», этнопарком ли, суть от этого не меняется. Место силы. Сказка. Заповедник времён.

Поэт Юрий Беликов подтверждает мою интуитивную догадку: «Поэзия начинается, когда я подчиняюсь некой вибрации. Есть несколько таких мест в нашем Уральском ландшафте. Одно из них то, где мы сейчас находимся. Когда я здесь в одиночестве, меня может подчинить вибрация… видишь, мы сейчас наблюдаем вон тот фонтанчик… я люблю сидеть на той скамеечке… на ней любил сидеть Леонард Дмитриевич… именно сидеть в одиночестве… ловить эту вибрацию. Если я её словил, дальше уже наступает та самая внутренняя тревога… произведение во мне начинает жить, развиваться и в конце концов выплёскивается на бумагу…»

Леонард Дмитриевич Постников — гений этого места. В этом году ему исполнилось бы 90 лет. Он ушёл в мир иной в 2015-м. Когда я приезжала в Чусовой два года назад, встретиться с ним уже не удалось — он был тяжело болен, но все разговоры о парке, о «сказке», так или иначе соприкасались с его делом, именем, борьбой, не прекращавшейся почти до самого предела его земной жизни. Теперь дело отца продолжает Ольга Леонардовна — дочь. Под её зорким глазом, в её крепких руках Земля Постникова живёт своей особой жизнью — до сих пор загадочной, хотя и открытой настежь. На все четыре стороны. Свидетельствую — в любой день недели, не говоря уже о субботе и воскресенье, посетители бродят по парку с раннего утра до позднего вечера. Работают экскурсоводы. Проводятся мастер-классы народных ремёсел. Струйки того самого фонтана рассыпаются под ветром на пруду. Раздуваются паруса над стругом, пришвартованным к деревянным мосткам. А по улочке со старинными избушками и церквями, перевезёнными сюда из разных уголков Пермского края — спасёнными! — неторопливо шествуют гуси и утки. Вот радость-то детворе! Здесь всё живое, с каждым «экспонатом» можно пообщаться, ну, разве что вожак гусиного стада вытянет шею, зашипит и сделает вид, что собирается вас ущипнуть. Зато ручная ворона Клара вовсе не прочь принять от вас угощение и поболтать с вами почти на человечьем языке. Такое место.

В начале августа 2017 года здесь, на Земле Постникова, мы устроили выездное совещание редколлегии журнала «День и ночь». Собственно, редколлегию представляли я и Юра Беликов, зато авторы журнала, приехавшие из Перми, могли высказать нам и одобрение, и претензии, и конструктивные пожелания. И всё же не это стало главным в нашем сборе… Главное всё-таки — в совместном «причащении» обитающему здесь духу. Оказалось, он действительно нас соединяет. А соединяет он не всех и каждого. Так что вкус некой «избранности» нам открылся не зря. Как однажды заметил Маяковский: «У советских собственная гордость…» У чусовских — собственное достоинство: слышать нарастающий гул времён — как прошлого, так и будущего. Даже встреча наша потребовала какого-то особого названия. Я предложила — «слёт». «А я возьму глубже, — сказал Юра, — Сретенье».

2.

Так совпало, что накануне нашего Сретенья в третьем номере «Дня и ночи» были опубликованы «Страшные сказки» — стихотворная подборка Анатолия Субботина — одного из нынешних моих знакомцев. А в ней — посвящение Леонарду Дмитриевичу. Приведу заключительную строфу:

Из-под ног коттеджа, словно табурет,
вышиблена почва, но обвала нет.
И висит Икаром, карой над землёй
ощутимый, страшный и духовный слой.

Это — про Землю Постникова. Про то самое «место силы». Ибо всякое здесь случалось: и наводнения, и пожары, и облыжные обвинения её держателя. А «духовный слой» — вот он: под вами, перед вами и над вами. Не то — «Икаром», не то — «карой».

Есть человек — есть проблема. Люди вроде Постникова для любого начальства — проблема. Потому что они всегда видят больше и дальше других, и то, что теперь называют «проектом», неизбежно разомкнуто ими в долгосрочную продуктивную перспективу. «Я знаю, город будет; я знаю — саду цвесть…» Совсем юным человеком, выпускником педагогического института, в 1954 году Постников был назначен директором маленькой спортивной школы — и уже тогда в его голове на месте этой школы воздвиглось нечто грандиозное. Не в деталях, конечно. И не сразу. Но опорные точки невероятного по масштабам того времени плана были им поставлены, видимо, уже тогда.

Ольга Леонардовна вспоминает: «Взял папа эту спортивку. Показалось скучновато. С первых шагов он себя проявил именно как человек, стремящийся подвести под спорт научную основу. Не так, как у нас привыкли. Особое внимание обращал на спортивную технику. По диплому у него была специальность — плавание и лёгкая атлетика… и у мамы тоже… Зимой, для себя, на лыжах. Все тогда бегали на лыжах-то. Но показалось ему это скучновато. Тогда в принципе все спортом занимались. И у железной дороги много секций было, и на заводе… Направили его в эту школу. Плавание он очень любил, детство провёл в Лысьве. Там два пруда, где можно плавать. А в Чусовом плавать негде. Реки с сильным течением, детей туда не засунешь. И решил он устроить бассейн. В пустом срубе — бассейн десять на три метра. Рядом баня находилась — это здание до сих пор стоит, — оттуда он каким-то пиратским способом провёл горячую воду. Появилась круглогодичная секция пловцов. Опять вроде скучновато.

Жили мы там же, в этом же доме. В какой-то каморке — вчетвером. Мама ещё и брат старший. Но душа, видно, требовала размаха. Был у него в Лысьве любимый учитель, тренер, Константин Кем, у которого он занимался лёгкой атлетикой. От него отец много перенял. Он часто ездил в Лысьву — советоваться. Вроде столько надо. За что хвататься? сверху давят… заставляют… гто не гто… спартакиада районная… но когда за всё хватаешься, уровень-то какой? Хотя пловцов они сразу подняли. Там были и чемпионы России, не говоря уже о чемпионах области. Кем говорит: у тебя там горы кругом, ты что думаешь? бери горные лыжи.

Представляете, что такое была та спортивная школа? Сруб, обыкновенный сруб, только длинный. А зав. гороно у нас был великолепный… потом больше таких не было. Ширяев Алексей Филиппович. Он как-то сразу проникся… мало бывает чиновников, у которых есть государственное мышление… которые понимают ситуацию и видят вперёд. А не то, что сегодня отчитайся, а завтра наплевать. Они с отцом договорились, что надо строить новое здание спортшколы. Результаты пошли, дети идут. Из этого сарая надо перебираться. Горком партии подключился.

А у отца уже созрела идея. Горы-то горы. Походил по окрестностям ближайшим, выбрал Аринину гору. Ни дороги, ничего тут не было. И вот, когда комиссия ждала его в городе, он ушёл на сплав дня на три… сначала, правда, избушку перетащил сюда, со срубом договорился с кем-то, сюда перетащил и ушёл на сплав. Его вызывают: ты что, япона мать, куда делся? мы тут тебя ждём, такие большие начальники, а ты отдыхаешь, непонятно где, найти тебя не можем. Мы вроде кол вбили, где будет новая спортивная школа. Он говорит: а у меня уже есть спортивная школа. Поехали. Где-то доехали, где-то дошли пешочком: сруб стоит. И вот таким методом… может быть, это смешно, но более шестидесяти лет так и продолжается. Методом самостроя. Методом «Господи, помоги». Так и пошло. Сруб стоит. Дети набраны. В основном, конечно, на первых порах дети и родители помогали. Сруб поставить, печку сложить… ходили пешочком. В лучшем случае на лошадёнках приезжали. Потихоньку вырубили просеки на горе. Поставили подъёмничек примитивный, бугельный. И первая волна тренеров была работящая, дружная. Помогали. Одним из первых Курбатов Валентин Яковлевич занимался в этой спортивной школе, знаменитый наш литературный критик. У нас хранится его диплом. Вон на стене копия висит. 15 апреля 55-го года. Подпись председателя комиссии, а почерк — отца… Диплом ученика Валентина Курбатова… за второе место на соревнованиях… сохранил же Курбатов!»

Смотрю на Ольгу Леонардовну: спортсменка! Выправка, стать, в каждом движении — энергия воли. Помню, мои подружки, студентки-филологи посмеивались над ребятами с факультета физического воспитания: сила есть — ума не надо. А тут — прекрасная русская речь, интонация — как у хорошего диктора с телевидения. Да что! Нынешним дикторам до Ольги Постниковой — как до луны пешком. И говорить с ней хочется — о наболевшем.

мс. Меня поражает всегда: как человек находит цель? Мы же все рождаемся голенькими. Казалось бы, откуда что берётся? И вдруг — словно задача какая-то сверху спущена. И человек начинает озираться… подтягиваться… из одной

сферы—в другую… словно камертон какой-то в каждого вживлён: моё—не моё… холодно—тепло—ещё теплее—горячо! Эврика! Нашёл! Есть такие люди, для которых цель—строительство миров. Великий Владимир Соловьёв, философ, называл это «теургией». Есть люди, призванные продолжать дело Бога на земле. Образ мира, такой, каким он должен быть, всё отчётливее проступает в сознании—и человек всю жизнь идёт к этому образу. Несмотря на то, что всё кругом другое, и палки в колёса… и—всё равно. Рано или поздно он добивается своего. Пространство вокруг него начинает структурироваться… уплотняться… как будто масло из сметаны сбивается… Как в сказке о двух лягушках. Один—сдаётся и тонет. Другой борется до конца и создаёт новый мир.

ОП. Таким, пожалуй, был и Астафьев… А вот ещё особенность: папа с детства любил рисовать. В Пермском книжном издательстве работал художник Валерий Аверкиев. Великолепный иллюстратор. График. Практически на нём всё и держалось. Издательство было в Перми—от миниатюры до роскошных альбомов выпускали. И детских писателей было много. Аверкиев—основной иллюстратор был. Папин одногодок. В Лысьве они всё состязались, кто кого перерисует.

Где корни? Его отец, мой дедушка, Дмитрий Герасимович,—полуцыган. Подхватил его ветер революции—и был он назначен первым красным директором Пермского оперного театра. Семья жила напротив. Рядом с театром. Недолго он там продержался. Видимо, закрутил какие-то романы с балеринками… Высокий был, красивый… цыганского вида… статный. Но отец и его сестра не любили деда вспоминать. По вполне понятным причинам. А бабушка гордая была. Это с двумя детьми-то надо было ещё как-то жить дальше. В конце концов дед уехал в Архангельск. Там второй раз женился. Отец к нему ездил один раз на каникулы. Так что и оттуда тоже могут быть определённые склонности—театр. И в Перми бабушка по галереям его водила, по выставкам… Вот и тяга к рисованию. Сколько себя помню, он брал меня с собой в Пермь—мы всегда ходили в художественные салоны и магазинчики. Выбираем краски, что-то интересное покупаем для оформления… это тоже с детства.

Маяковского любил. Бабушка Маяковского не шибко жаловала. А отец даже в юности подражал ему одно время. Очень любил природу—любил и по реке сплавляться, и просто бродить… по лесам, по полям… в принципе-то родился он не здесь, но в детстве перевезли сюда—Лысьва… а Чусовой вообще незнакомый город был. Его сюда послали по распределению. Но он полюбил Чусовой. Тут—реки. Сразу три реки.

Ну вот. Первая цель была поставлена—зимние виды спорта. Избушка появилась. Практически сразу пошли результаты. Роюсь в архивах. Сборная страны по горным лыжам приезжала в детскую спортивную школу. Каким-то образом отец наладил контакты с поляками, с чехами… с детскими школами их связь завязал—это в те времена! Ему очень хотелось вывозить ребят, чтобы они видели большой мир… те приезжали к нам, мы выезжали туда… помню, полуголодное время было, но для гостей старались найти какие-то фрукты… зимой—проблема была… Наши дети были приучены не бояться чужих—иностранцы-не иностранцы… не было никакого идолопоклонства… они видели—такие же ребятишки. Так и пошло. Горные лыжи. Результаты. Всё отлично».

Отлично. Но снова—скучновато. Неугомонная мысль Постникова жадно тянется ко всему новому. Он выписывает иностранные журналы—чешские, румынские, болгарские. Эти журналы для определённой части тогдашней интеллигенции восполняли дефицит информации, которую через официальные СМИ получить было невозможно. Оттуда, видимо, Постников и почерпнул образы будущей санной трассы, а позднее—фристайла.

Ни то ни другое на имеющуюся базу никак не проецировалось.

Во многом благодаря знакомству с Леонардом Дмитриевичем ставший краеведом Роман Шпигель в книге о Чусовом пишет: «Одним из первых на Урале, кто обратил внимание на новую дисциплину и „просёк“ перспективу её развития, был Леонард Дмитриевич Постников. Он понял, что санный спорт очень подходил для спортивной школы, а база „Огонёк“ имела все необходимые условия для его развития. Эту идею Постникова, впрочем, как и многие его идеи, в городе восприняли неоднозначно, а тренеры горнолыжников и вовсе были против, проявив непонятную ревность. Директор настаивал на своём и пригласил на работу из Ленинграда Леонида Григорьевича Кузьмина, одного из первых тренеров саночников в России.

Сделав проект своими силами, приступили к строительству первой санной трассы на «Огоньке»[1]. Мы прошли эту трассу—сверху донизу. Даже теперь, летом, без снега, когда на виду все трещины, дыры и прорехи, санная трасса—впечатляет. Поневоле прикидываешь на себя—каково нестись по этим крутым извивам со скоростью торнадо?!

1. Чусовой спортивный / сост. *Р. Э. Шпигель*. Ч. 94.—СПб.: Маматов, 2016.—С. 211.

А каково строить-то было такое чудо? Практически — с нуля.

Ольга Леонардовна говорит: «Тогда трассы были страшнющие. Никто не понимал, что строить. Ездили тогда… битые-перебитые… непонятно, на каком инвентаре… но суть отец понял. Приехал: всё — будем строить санную трассу. Как? Кому это нужно? Не олимпийский вид. Никто тебе не даст его развивать. Упёрся рогом! Построил первые два виража… помню, сани сами делали… по картинке — он нарисовал… длительный, конечно, процесс… он искал и проектировщиков… чтобы всё было грамотно, чтобы не вылетали люди с трассы-то. Нашёл проектировщиков. Первую санную трассу открыли. 500 метров. Потом продолжили до 800. И… на ком экспериментировать? На собственном ребёнке. Гоняли на санях. Спортивные-то очень дорогие были. Купил народные сани. Жёсткие, сложно управляемые. Мы гоняли… сначала по дороге, потом на гору полезли. На трассу горнолыжную. Оттуда гоняли. Что и как делать, никто толком не знает. Специалистов нет. Как управлять? Какие соревнования? Какие требования? Я помню, даже проблемой было — какие правила соревнований… ладно. Это не можем найти — надо всё равно учиться. Вышел он на питерцев. А там была группа взрослых — тётеньки, мужики. Детей никто не набирал. А взрослых набирали из других видов спорта. Они закончили где-то карьеру — или по какой-то другой причине отсеялись: их всех на сани толкали. Что мотогонщиков, что десятиборцев, пятиборцев — кто поздоровее-потолще, всех туда. Они приехали, помню, на первый сбор. В комбинезонах… мы катались чуть ли не в телогрейках, в валенках, в платках. А эти приехали — такие космонавты! Комбинезоны, на ногах обувь какая-то приличная… в касках… этот первый совместный сбор нас сразу научил. Мы увидели: как кататься, как управлять. Мы же ездили — двумя руками держались. Понабрались у них и опыта, и наглости. Поняли — и стали тётенек-то взрослых обгонять. Хотя они такие раскрасавицы разодетые… и поняли, что особо нечего их бояться. А дальше — пошло. Неофициально группа у нас была набрана. Как-то выкрутились… так всю жизнь — не живём, а выкручиваемся. Выкручиваемся, вопреки всему. Но главное — результат. Наши саночники сейчас сильнейшие в стране. На Олимпиаду в Сочи 14 человек из Чусового поехали, из Перми двое. Из Питера в сборную попали 8 человек. А всю жизнь только и слышим в спину: что делает? всё не так… ну, начальству-то виднее. Но где это начальство? Что от них осталось? А нервы… до психических срывов доходило… я сейчас понимаю: когда всё время напряжение, и никто тебя не слышит и не хочет понимать… сидят со своей бумажкой какой-то… это не положено — вот это. Шаг влево, шаг вправо — расстрел. Не хотят слышать! Конечно, попадались люди адекватные и среди высоких чиновников. Тот же Борис Коноплёв. Пермский партийный босс. Его все звали — «царь Борис». Они чем-то с отцом схожи были. Такой же прямолинейностью. Не слушал он особо своё руководство. Тоже — что в башке засело, то и будет делать. И были ситуации, когда Коноплёв спасал отца. Говорил: не трогайте его. Вот так. А то б загрызли. Эти шавки — как родственники. Кто-то идёт, а они прижались, сидят… смотрят. Все такого же уровня, такого же миропонимания. На работу пришёл в восемь — в пять ушёл. Обед — обязательно с двенадцати до часу. Потом домой пошёл. И наплевать ему, что будет. Семья, конечно, огородик. В основном — такой уровень. И они не понимают — зачем это всё… зачем это ему? Кому это надо? Ну, тебе, понятно, не надо. Но всё равно нам надо страну-то чем-то удерживать. Что будет, если все руки опустим?»

Мощная идея — магнит. Рядом с Постниковым, помимо жены и детей, крепкого домашнего тыла, — откуда ни возьмись, всегда появлялись такие же, как он, сумасшедшие, которых увлекала его мечта, не смущали трудности. К Леонарду Дмитриевичу подтягивались люди, которые не собирались опускать руки. В начале семидесятых на левом берегу речки Архиповки стали строить достойную своего предназначения Школу олимпийского резерва. Леонард Дмитриевич наладил контакты с молодыми московскими архитекторами, для которых этот проект мог стать дипломной работой. Нужно ли объяснять, почему ребята были очарованы и самим местом, и возможными перспективами, и личностью директора школы. Архитектурный комплекс ДЮСШОР «Огонёк» — подлинный шедевр стиля. Глядя на главный корпус с другого берега Архиповки, я ощущала себя… где-нибудь в Альпах, может быть? Помните фильм «Отель „У погибшего альпиниста“» по сценарию Стругацких? Главный корпус «Огонька» чем-то неуловимо напоминает этот отель. А ещё клуб «Алый парус», где юные спортсмены могли слушать музыку, читать, музицировать, общаться… В сущности, и этнопарк возник из желания Постникова приобщить детей к красоте родной земли, к её живой истории. Он хотел воспитывать патриотов, а не приспособленцев, для которых джинсы и жвачка важнее родовых святынь.

Вот и Александр Иванович Лобанов, учёный-экономист, преподаватель Пермского университета и, между прочим, четырёхкратный чемпион Пермского края по плаванию, рассказывает, что у Постникова были ещё дальше идущие намерения. Он надеялся создать новую горнолыжную базу, которую возглавил бы его сын Владислав. «Влад хотел просто расширить сезон, — вспоминает Лобанов, — И делалось две попытки. Первая попытка — сделать выездную базу. Отсюда. Чтобы

недалеко. Быстро перебросить на вертолёте ребят — 10 человек. Команда, тренеры, продукты. Туда забросили. И там, в районе Ослянки, в одном ущелье есть великолепная зона, где даже летом снег. Ослянка где-то 1100 м имеет в высоту. А для них очень важно было расширить сезон. Чтобы можно было раньше начинать и позже заканчивать. Не ездить на Кавказ, ещё куда-то. Потому что дорогостоящее удовольствие. Со всеми гостиницами, арендами и так далее… я даже помог… Владик говорит: спроектируешь нам домики — нам всё это сделают… а дальше пусть использует местная власть, когда мы отсутствуем — как базу можно использовать туристическую, тем более река рядом. Красивые места. Это один вариант был. А второй вариант — Владик хотел ещё попробовать использовать гору рядом с главным корпусом, слева… сейчас там могульный[2] склон, а он хотел попробовать его использовать для скоростного спуска. Сделать 90-метровый трамплин, чтобы с него горнолыжники прыгали, что тоже очень важно — умение совершать прыжки на длинные дистанции, причём в стойке, как у горнолыжника…»

Владислав Леонардович Постников, выдающийся тренер и спортсмен-горнолыжник, ушёл из жизни в 2001 году. Отец пережил его на 14 лет. Какая нужна была сила воли и мужество, чтобы даже эта утрата не выбила его из седла!

3.

Этнографический парк реки Чусовой… просыпаюсь рано утром от непонятного резкого звука за окошком. Гостевой домик, в котором я живу, — реставрированная избушка, но — со всеми «удобствами» внутри. Тепло и уютно, и всё же из-под одеяла выбираться не хочется. Звук ближе, поднимаюсь сама и поднимаю занавеску на окне… по улице мимо деревянных построек — избушек, сарайчиков, скамеек — неторопливо движется удивительная процессия: во главе — большущий белый гусак, время от времени издающий тот самый резкий гортанный звук, разбудивший меня, за ним — несколько гусынь, дебелых и важных, словно купчихи, следом — стайкой — утки, чуть поодаль — семенит серый котяра, чуть обгоняя на ходу высокую плотную женщину в красной куртке, видимо, работницу парка. Замыкает шествие, прихрамывая на все четыре, даже по виду — древний, седой как лунь крупный пёс. Позже я узнала, что это Грей. Ему и правда вроде бы перевалило за 20 лет. Он здесь старожил и всеобщий любимец. Здравствуй, новый день! Эх, хорошо!

По камням среди берёз, осин и ёлок журчит Архиповка, приток Чусовой. Милая лесная речушка, коварная, однако, словно капризная сельская красотка. В своё время именно она (вспомните приведённую выше строфу из Анатолия Субботина про «вышибленную почву») стала косвенной причиной размежевания территории на тот момент единого спортивно-культурного центра «Огонёк» на спортшколу и этнопарк. Теперь это — две разных земли: берег левый, берег правый. По весне как-то взбунтовалась речка, вышла из берегов и нанесла ощутимый ущерб сооружениям базы. Виноватым, конечно, оказался директор. Печальная история.

С самого утра над Архиповкой стучат топоры — идёт стройка, продолжается реставрация. Добровольцы-помощники словно сами собой сюда тянутся. Кого только не было — и МЧС, и исправительные учреждения, и даже Общество слепых. Приезжают старые друзья — работают в охотку, бескорыстно. А сколько душ, почти неприкаянных, нашли здесь «дом и долю»!

Вот ещё фрагмент из рассказа Ольги Леонардовны: «Света Петровская — гончар. Приехала случайно, можно сказать. Привезла её подруга, Нина Бойко, писательница. Нина раньше часто ездила, с Курбатовым в хороших отношениях. И Свету привезла с собой. А Света как раз… там, где она работала, на коксохиме, — закрылось её дело. Она работала мастером-гончаром. Ей делать нечего было, вот приехала — и так и осталась. Тоже с нуля начали. Ничего не было. Даже куда посадить её не знали. Сначала в бане жила. Потом в другом месте. Сейчас вот дом ей строим второй год. Не знаешь просто, за что хвататься. У меня пять строек — и все срочные. И без денег всё. Стараюсь даже не задумываться. Так, потихоньку…»

Так, потихоньку всё и идёт. Памятные места Александра Грина. Выразительный памятник на въезде над речкой. Алые паруса. Землянка на склоне горы, — воспроизведение той, где он якобы ночевал когда-то, — под грохочущей чуть ли не поминутно железнодорожной колеёй. Музейные экспозиции. Писатели. Музыканты. Художники. Лет двести-триста схвачено бережно хранимыми артефактами. Перевезённые из разных мест по брёвнышку и заново собранные церкви. И тут же — оружие и техника времён Великой отечественной войны. А совсем недавно здесь открыли выставку под открытым небом, посвящённую истории металлургического завода. Особая песня. Вновь даю слово Ольге Леонардовне — это надо слышать из первых уст.

«Когда завод начали рушить… тоже случайно получилось. С Никитой (внуком Леонарда Дмитриевича) учился в школе мальчик. Он потом работал в доменном цехе. Перезванивались время от времени. И вот он говорит: доменный цех собираются ломать. Всё пропадёт. Поговори

2. Могул — дисциплина лыжного фристайла, состоит в спуске на горных лыжах по бугристому склону (по буграм, или могулам) и выполнении прыжков на трамплинах.

с мамой, может, что-то и удастся с завода-то для музея забрать. Через него вышли на начальника доменного цеха. Тот подтвердил: да, всё демонтируется, ничего не остаётся. Я говорю: давай в музей… начальник вызвал парня, который мог всё это демонтировать. Из их же работников. Ему бы надо медаль на пузо, а вот так… если бы узнали,—его сгрызли бы просто, начальника этого доменного цеха. А так он дал монтажника своего, который всё необходимое подготовил к перевозке и дальнейшему монтажу… такие железяки—тоже надо знать и уметь, как с ними обращаться… На голое место же вывозили. Там всё заросшее было. Травой, кустарником. Отсыпали. Два или три года отсыпку только делали. Болотина была. Заросшая болотина. И в конце концов этот парень… я таких не видела больше. Не попадалось в жизни таких трудяг. Интеллигентный. Работящий. Его не надо подталкивать. Он видит работу. Из ничего сделает конфетку. Вот эту площадку—он один и делал. Иногда я ему давала помощников, волонтёров. По мелочи чего-то они ему помогали. Цветочки посадить, покрасить. А так—в одиночку всё… на коленках… Он там на заводе-то был ценный работник. Десять лет проработал в доменном цехе. Его в конце концов и наградили. Он лауреат премии Голицына. Наградили и в итоге сократили с завода. Он в этом цехе 10 лет, у него на глазах это всё… другому, может быть, всё равно—а! так… ладно… выпил 100 грамм… ну, угробили завод. Не первый и не последний. А этот—всё через сердце, видимо. Он душу вложил. Рассказывал—вот тут я делал… вот тут такой-то монтаж был… этот помогал, молодец… вот этот, этот… Всё! Всё под нож экскаватора. Его увольняют. Суют ему 50 тысяч в зубы. Вставай на биржу. Вот тебе выходное пособие. Он мне звонит—я не буду эти деньги брать и ни на какую биржу не буду вставать. Уйду к тебе. Возьмёшь? У меня ни штата, ничего. Но как-то выкрутилась. Сейчас уже даже не помню—как. Взяла его—и вот, слава Богу, он эту площадку сделал. А он… видно, всё это накладывалось, всякие переживания. И доменный-то развалился, и с завода-то уволили… и семейные дела… и у него рак. Он у меня отработал два года. 2 октября открыли вот эту заводскую площадку. И он мне говорит: прости, завтра не выйду. У него страшнейшие боли, видимо, были. Он держался до последнего. Открытие прошло, и я вижу: он уже никакой. И всё. Понеслось. Лечение. Здесь не могли понять, что у него такое. Дочь забрала его в Москву. Определили рак 4-й стадии. Причём—мозг. Голова умнейшая, светлейшая. Мужик мудрый. Тем не менее не дожил до 60 лет. Прошёл он всё это лечение. Звонит—я еду на работу к тебе. Какая работа? Ты еле встал… в автобусах падаешь… Посиди дома, полечись. Потом видно будет. Нет, если Катя со мной не поедет, дочь, я сам прилечу и завтра к тебе приду. Делай, что хочешь. Тут наши бабы: что делает-то? Что делает? убьёт мужика-то… А он: не пустишь, я сам—сяду на поезд… ты будешь виновата. Он без работы не мог. Приехал. Три шага ступил—в тенёчек… в норку… сядет… Говорю: ездить не будешь—живи у отца в доме. Машину буду за тобой посылать, жил-то в соседнем городе, на работу ездил каждый день. Мы его по понедельникам забирали… здесь потихонечку-потихонечку он начал расхаживаться. Потом он у меня танцевать уже тут начал. С Зиной. Музыку включит—танцует. Какой он был, когда приехал! Ужас! Мёртвый. Толстый, мёртвый. И потом опять—железячки-не железячки. И пошло, и понеслось. Мосты. Один мост, мост второй. Сколько же он успел сделать-то! Да много чего успел. Пока не свалился. Всё говорил: только не выгоняй меня».

Это—рассказ о Евгении Шуганкове. На стенде у входа на созданную им площадку—фотографии и памятный текст: «Так бывает: живёт человек на белом свете, знает, что приговорён тяжким недугом, но об этом не скулит, не ноет—самозабвенно делает свою работу. Таким был мастер на все руки Евгений Сергеевич Шуганков, чей земной путь оборвался 6 декабря. Евгений немного не дотянул до своего 60-летия, с которым мы могли бы поздравить его в декабре. Горько и пусто без таких людей… Особенно—Парку истории реки Чусовой, который без тихого, но деятельного присутствия Жени словно замер. Шуганков в нашем Парке—с 2014 года. Москвич, работавший на Чусовском металлургическом заводе, лауреат престижной Голицынской премии, он полюбил левый берег Архиповки, его часовни, крестьянские дома, памятные знаки, да и вообще—весь дух и воздух воплощений и замыслов Леонарда Дмитриевича Постникова. Сразу на въезде в Парк—уже ставшая знаменитой историческая площадка Чусовского металлургического завода. Её полностью смонтировал Женя. Он же заменил металлический кораблик на маковке „Ассоли“—памятном знаке Архангело-Пашийскому заводу, когда-то изготовленному по макету легендарного художника Павла Шардакова. Посетители Парка наверняка запомнили уютную беседку на пруду близ храма св. Георгия Победоносца. Её тоже установил Женя. А мост на остров? И мост на остров—шуганковский. Это немудрено: Евгений участвовал во всех серьёзных ремонтных работах в Парке… А ещё он любил поэзию! Мог целыми кусками цитировать пушкинского „Евгения Онегина“. Евгений—„Евгения“…»

Такие люди.

4.

В последний день моего гостевания на Земле Постникова—пьём чай с экономистом Александром

Ивановичем Лобановым и архитектором Андреем Сергеевичем Калининым.

мс. Как объяснить феномен Постникова? Удивительный человек. Занимается спортом. Хорошо. Ему этого мало. Нужна школа. Он приходит, начинает что-то делать, строить… оказывается, что у него и музыкальные способности, и к рисованию, и ещё, и ещё. И вокруг этого, казалось бы, далёкого от всяких художественных устремлений дела постепенно возникает живое пространство, в котором сохраняются и развиваются искусства, соединяются времена и судьбы. Его ответвления заполняются самыми разными людьми. Этот магнит притягивает всех. И вот уже — машина времени в действии. Люди, вещи, какая-то особая энергетика и механика… Вселенная! Как это возможно?

ал. Тут, понимаете, была создана соответствующая обстановка. Было интересно.

мс. В чём интерес? Объясните!

ал. Я, например, лыжами не занимался. Здесь, помимо этого спорта дурацкого, было ещё что-то другое (смех). Ну а как ещё назвать? Бассейн 10,5 метров. Поперёк дома. За стенкой — музыкальная школа. В этом бассейне плаваешь один, потому что он маленький и короткий. Вода 16 градусов. Потому что баня не работает. Она там рядышком. И вот плаваешь один, слышишь эту музыку. А какая там музыка? Нотная грамота в основном. Вот — как? Мы пришли целым классом туда. 57-й год. Все — в отпуск. Туда-сюда… а я — в бассейн записался. Нас целый класс — восьмой — притащили сюда. К новому году осталось двое. Потому что действительно — мороз, холодно, вода холодная, душа не было. Всё это было жёстко. Приходили — руки показывали. — Мыл? — Мыл. А теперь — в ванну. А там — холодная вода с хлоркой. А дальше были определённые интересы. Как-то человека заинтересовывали. Я олимпиаду выиграл школьную в Перми. Пришёл — Постников говорит: молодец. Фотографию налепил на стенку и дал мне лыжи. Гоночные лыжи. Дома лыжи были у нас из бочки сделаны. Отец сделал… мочил, парил, загибал… на валенки — и вперёд. Постников дал мне лыжи с ботинками и говорит: вот тебе лыжи с ботинками — и на «Огонёк». Тут три километра до города. И две горы. Сейчас кто-нибудь ходит? Никого нет. А раньше — у тебя лыжи! Лыжи настоящие! Все тебе завидуют.

А там — уже другие интересы. Ну, например, лагерь здесь был. У нас у всех была форма. Белые шортики с голубыми полосками. Майки белые. Очень красиво. Были лекала для кройки. Родителям говорили — вот, всё очень просто. Шили. Тогда не было тапочек. Пилили их из доски. Пришёл как-то Леонард — принёс вот это… ногу поставил, обвёл. Так… кто больше тапочек сделает, тот победил. И вот мы эти тапочки пилили… Всё на интересе. Мы же не всё время тут тренировались. Да, были тренировки. И были другие вещи. Если летом, так после обеда — за грибами. Кто сколько принесёт. Опять же — кто-то отличник… кто-то принёс, кто-то не принёс. Вечером или на следующий день — грибовница. Тут же было жуткое болото. Сейчас ещё можно его увидеть. К дороге если пойдёте — там. За зиму оттаптывают болото… а так… сюда добраться, на эту сторону, была целая проблема. А болото — это оводы, комары. И прочее. И всем — лопаты, как в том анекдоте: отсюда и до обеда. Канаву копаем. Виды в порядке тренировки. Лопатка, по колено в воде — и узенькую дорожку. Щебёнкой засыпали. Тут же всё насыпное. Бассейн видели? Около бассейна растут две берёзы. Эти берёзы наполовину корнями висели над речкой. Над Архиповкой. Сейчас этого нет. Там большая площадка для автомобилей. Сыпали-сыпали — подвинули Архиповку.

ак. Почти на сто метров.

мс. Кошмар какой! *(смех)*

ак. Тут труд фантастический проделан.

мс. Воля и труд человека дивные дива творят.

ал. Был интерес! Или вот… здесь был дом. Шесть на шесть. Километр отмотаешь, свалишься с горы. У тебя всё уже — дыбом от холода. А посреди дома стоял самовар. Чай с душицей. Какой сахар? Не было. С душицей. И вот сидят все там. Ля-ля-тополя… поговорить, песни попеть…

мс. Рассказать это современным мальчикам-девочкам… Боже! Какой, к чёрту, интерес!

ал. Ужас! А летом душицу собирали. Всякие травы… А потом — хотите чаю? может, самовар у кого есть побольше? Притащили самовар… вёдер на пять, наверное, был. Стоял трёхэтажный дом — вот сидит архитектор этого дома (кивает на Андрея Сергеевича. — *М. С.*). Зал большой. В зале стоял здоровенный самовар. У кого что есть — тащите. И начали тащить — самовары, утюги. Потихонечку набралось. Был интерес.

мс. Созидательный, прежде всего. Правда же? Это мощная воспитательная вещь — созидание! Созидательный интерес.

ак. Созидательный интерес… какой он? как говорят: хороший спрос — подготовленный спрос. Постников дирижировал детьми как хорошим хором… вот они тренируются, соревнуются, а он дирижирует всеми мероприятиями, которые

должны были происходить. Дни рождения, праздники… первые, вторые… потом переходили в традицию… И дети начинали играть, как в хорошем умном пионерлагере. Как у Макаренко.

МС. Похоже, это вообще единственный способ воспитания нормальных детей.

АК. Постников всё правильно делал. Подстёгивал их устраивать розыгрыши, ставить какие-то спектакли. К этому готовиться. Они с Зоей Михайловной (супругой Л. Д. Постникова и завучем спортивной школы.—*М. С.*) отмечали всё это, приветствовали, поддерживали ребят. И все эти, казалось бы, мелочи приводили… к названию-то вот этому, к «Огоньку». Потому что—серый, грязный город… ничего нет… темнота… здесь более, чем в Москве, ощущается длительность зимы… темнота. И, конечно, детям деваться некуда. А тут!!! Праздник! Каждый день может быть праздник. И ты становишься творцом этого праздника. И они… он же ещё молодец как педагог. Он учил не просто творить. Он учил соревноваться в творчестве. Поэтому и родилось название «Огонёк», чтобы тянуться к нему. Кто-то же из детей его придумал. Конкурс на название был. Всё это отмечалось, праздновалось. Любая маленькая инициатива поддерживалась. Ведь это ж были ещё и умные ребята.

АЛ. Раньше как было? Суббота—дневник принеси. Двойка в дневнике—до свидания. С понедельника никаких тренировок. А как это? Тренировок нет…

МС. Вот так всесторонне развитая личность и получалась.

АК. Он приблизительно лет тридцать налаживал механизм спортивной школы. Но нужно было запустить спортивную машину так, подобрать тренеров, которые начинают работать в хорошем правильном ритме… ну, как все колёсики механизма. И вот тогда уже можно начать немножко… что-то ещё добавлять. Вроде таких вот находок в деревнях, которые просто валялись[3]. И вдруг—начать. Действительно—может быть, это? а потом Павел Фёдорович Шардаков, художник… я представляю, сколько нужно было разговоров, общения, чтобы Павел Фёдорович загорелся созданием своих картин для парка… И разговоры, скорее всего, были такие: вот да, перевёз часовню… её бы наполнить… а почему бы и нет? Постников умел находить людей.

МС. В основе любого большого дела—учитель. Леонард Дмитриевич настоящий Учитель. Что называется—от Бога. Он строил мир, в котором могли бы жить он сам и его ученики. Тот мир, в котором им приходилось жить, его не устраивал. Это был мир грубый, жестокий, лишённый творческого начала. Не подходящий для Учителя и его учеников. Он стал строить свой мир, свою жизнь—и вовлёк, как настоящий Демиург, всех, до кого дотянулся. Демиург. Он строит свой мир. Почти игнорируя тот, который остаётся за бортом. Вокруг него начинается брожение, бурление… сначала дети. А детям только дай возможность ощутить остроту переживаний созидателя! Они как мотыльки на огонь к тебе потянутся. А за детьми приходят родители. Хотя бы затем, чтобы поинтересоваться, что тут такое происходит-то. Им тоже интересно… и начинается тотальный творческий процесс.

АЛ. Но тут, видите, ещё что… у него была мощная персональная подготовка. Он всегда шёл впереди всего этого. Был один великий человек, который сказал: наступят времена, и у нас останутся только три профессии… какие?

МС. Учитель, врач, строитель.

АЛ. Инженер.

МС. И вот смотрите—человек жизнь положил и ушёл в другой мир. Но посеяно зерно, и оно всё равно будет расти. Сверлить почву вниз, расти вверх, распространять своё влияние.

АК. В это очень хочется верить.

АЛ. Да будет свет! Но тут столько труда, столько нервотрёпки…

МС. А как же! Ведь усилие уже было приложено, значит, ещё надо. Как растущий ребёнок—чем дальше, тем больше вложений требует. Потом он вырастает, рожает ещё дитё. И так—без конца. Поэтому не надо думать, что будет легко. Не будет легко.

АК. В разговоре о школе всегда хочется говорить не только о Леонарде Дмитриевиче, но и о Зое Михайловне. Это вторая половинка, которая была некой… спиной у Леонарда Дмитриевича. Потому что всё-таки у них и двое детей было.

АЛ. Тыл был хороший. Надёжный тыл.

АК. Но она ведь не только занималась своей семьёй. Она занималась ещё и чужими детьми. Занималась так, что многие дети её уважали, любили… она отвечала всем уважением, вниманием, обязательно всем интересовалась—всем, вплоть до того, как чувствуют себя родители и так далее… и если вдруг что-то у кого-то случалось, подключала все свои возможности, независимо

3. Андрей Сергеевич говорит о деревянных постройках, вывезенных из разных уголков Пермского края и по брёвнышку собранных в этнопарке.

где… здесь, в Москве ли нужно найти — врача или ещё кого-то… отзывчивости была она фантастической. И люди понимали, что эта такая «гроссмуттер», что величину этой «гроссовости» представить невозможно. Она какая-то магически большая. И вместе с тем она было строго индивидуальна с каждым. У неё с каждым был свой диалог. Длительный, продолжительный. Она всё это чётко знала. Поэтому отделять их друг от друга — Леонарда Дмитриевича от Зои Михайловны — мне всегда было немножко больно… честно скажу.

Школа же. Спортивная школа. Горнолыжный спорт… объяснить движение очень сложно. Крайне сложно. А объяснять надо. Малыши. Им — как объяснить? Как сделать то движение или это… а ведь тренеры были молодые ребята. Которые только что закончили сами… или — вдруг ушли из спорта. По каким-то причинам. Например, был такой Андрюша Епифанов. Он был тренером. Молодой парень. Лет, наверное, 25. Я, помню, спросил: Андрюша, а ты можешь показать движения… как сейчас изменилась техника? Я сам почти мастер спорта — бывший. Почти. Не дослужился до этого. Судьба меня развела с горными лыжами. Но мне просто интересно — ведь спорт развивается. И вот он мне на крутом склоне, поставив пяток палочек, умудрился показать… не только объяснить словесно — вкусно, смачно, литературно… без матерных слов… как правильно делать движения, что за чем идёт… и почему так — не сделаешь, будет хуже тебе… он так легко это показал — и на крутом спуске сделал все движения при правильном расположении лыж, при котором они должны скользить на большой скорости. Они-то у него не скользили, а ехали в замедленном движении. Как это было сделано? Как у Кио… Фокус. Я этого понять не могу, потому что в этом положении лыжа скользит… а он мне всё это показывал в замедленном действии… то есть он мог не только объяснить словесно, но и показать. И всё это было настолько ясно, настолько просто… а приехал я с дочкой, ей было пять лет. Они посмотрели, что я с ней мучаюсь. Юра Ахмадулин, тренер, говорит: а ну-ка, дай-ка мне её, через два дня я тебе её верну. *(Смех.)* Через два дня она ездила, как дышала. Они интереснейшие вещи придумывали. Дети, для того чтобы им забыться, на горе… это же тяжеленное оборудование — горные лыжи, ботинки, крепления… а тренеры самостоятельно придумывали такие развлечения для детей, чтобы они забывали о лыжах. Например, такой приём — целая группа едет и играет в хоккей. Давали им клюшки из палок — и они гоняли мяч на лыжах. Спускаясь с горы — вот таким броуновским движением. Дети забывали, что они на лыжах. Падали, кувыркались, вскакивали, опять бежали… как лягушата… но всё это было — со стороны смотреть — настолько интересно. Заснять — посмотреть, как они все движутся. Это фантастика! То они в футбол, то в салочки… то ещё что-нибудь. И потом смотришь — им нужно было пяток раз так проехать, потом их хоть на трассу ставь. То есть находили такие приёмы, при которых дети забывали, что на них оковы.

мс. Надо же! В центре масштабного, культурно значимого дела я снова встречаю отлаженную педагогическую систему. Где происходит нормальный воспитательный процесс, нормальная педагогика? Как раз вот в таких местах. Хор мальчиков. Просто хороший хор. Хореографический коллектив. Детский оркестр. Спортивный клуб. Цирковая или театральная труппа, где молодёжь подрастает прямо на арене, на сцене. Там те же самые процессы идут. Дети, будучи ещё совсем маленькими, начинают всерьёз работать. Причём это не просто — работа. Физически — над собой. Это — выступления. И очень быстро они начинают по-взрослому выступать. Они дают концерты, люди платят за билеты. Ребёночек вовлекается в дело с крохотного возраста, чтобы успеть добиться высочайшего уровня! И так, чтобы вся эта тяжелейшая работа была ему не в тягость, а в радость!

ал. И при этом его не испортить. А не так выжимать, как сейчас сплошь и рядом делается.

мс. Совершенно верно! Так устроены лучшие детско-взрослые творческие коллективы. Где почти на равных. Где взрослый столь же заинтересован в ребёнке, как ребёнок во взрослом.

ак. Как сказал Геннадий Зайцев — мы все дети Леонардовы)) я вот тоже — его ребёнок. Он мне как отец, который дал мне нишу, где я мог себя проявить.

м. с. Да, самое главное, что мы есть. Нас не истребили. Мы живы ещё. Надеюсь, что дети… пусть они даже и не пойдут совсем по нашему пути, но они наши дети, и они этот заряд, где бы они ни работали, чем бы ни занимались, сохранят. Я верю. Всё. Будет. Хорошо.

5.

Оптимизм прекрасен. Но меня одолевает тревога. Совершенно очевидно — без серьёзной поддержки государства или хотя бы местной власти Земле Постникова долго не продержаться. Необходимо деятельное участие всех заинтересованных сторон. Кто эти — заинтересованные? Люди искусства. Учителя и дети. Кто ещё? В прошлом году депутаты местного совета отказались присвоить парку имя Постникова. Меня это больно задело. Если

народные избранники не отдают себе отчёта во всероссийской, по меньшей мере, значимости и этого места, и этого имени,—о чём вообще говорить? На что надеяться?

В день отъезда мне удалось побеседовать с главой Чусовского муниципального района Сергеем Владимировичем Беловым и членами его команды—Дмитрием Львовичем Акинфиевым, начальником управления по культуре, молодёжной политике и туризму, и Татьяной Робертовной Южаковой, заместителем главы по социальным вопросам. Убедилась—нынешнее районное начальство понимает ценность Земли Постникова (название, кстати, придумал журналист Василий Бубнов), но, чтобы эта земля существовала не в виде ветшающего артефакта или «зоны отчуждения», как в знаменитом романе Стругацких «Пикник на обочине», ей необходимо движение, события, человеческий интерес. Этнопарк должен оставаться своеобразным центром туризма. Это и привлекательно, и… опасно. Не затопчут ли толпы приезжающих неповторимую красоту этих мест, не нарушат ли благодатную тишину, не превратится ли уникальное—в банальное? Всё непросто. Однако необходимость интеллектуальных и материальных вложений в судьбу Земли Постникова руководство района безусловно признаёт.

— Я сам воспитанник этой школы,—говорит Сергей Владимирович.—Для меня те годы, когда я учился здесь, с первого по седьмой класс,—самые яркие, определяющие дальнейшее духовное развитие, поэтому мне всегда приятно находиться здесь. Считаю, что это место—центр духовного патриотического развития. К сожалению, у нас в районе не так много мест, где можно гордиться Чусовским районом. Поэтому здесь вижу главный такой центр для района в целом.

Разговор меня обнадёжил. На обратном пути—из Чусового в Пермь, на вокзал—я поделилась с Юрой Беликовым этой своей надеждой. И—постепенно мы поняли, что уже обсуждаем новый проект. Спустя несколько дней сам Юра поведал об этом на сайте этнографического парка: «В ходе гощения в Парке и взаимных интервью родилась идея о необходимости создания всероссийского общественного движения „Сретенье“, направленного на то, чтобы в разные регионы страны приезжали поэты и прозаики, занимающиеся не исключительно пропагандой собственного творчества, а по природе своей служащие людям и традиционным ценностям. Оказывается, невзирая на пресловутую смену вех, произошедшую в российском обществе, таковых писателей—и в Москве, и в глубинной России—немало. Да и на читателей, не покорившихся „глянцевой литературе“, а воспитанных на русской классике от Пушкина до Астафьева и ощущающих острый дефицит на строгое и в то же время самоцветное русское слово, думается, не потребуется сверхзвукового манка… В своё время основатель Парка истории реки Чусовой Леонард Дмитриевич Постников, могиле которого поклонились прибывшие гости, стал инициатором схожих встреч на левом берегу речки Архиповки. Напомним, что сюда любили приезжать и Виктор Астафьев, и Валентин Курбатов, и Евгений Евтушенко, и Леонид Бородин, и Станислав Куняев, и Владимир Крупин… Имена, золотыми буквами вписанные в историю современной русской литературы. Поэтому возникший на „Земле Постникова“ в результате выездного заседания редакции журнала „День и ночь“ замысел о создании всероссийского общественного движения с красноречивым названием „Сретенье“, как говорится, родился на подготовленной почве»[4].

«Вышиблена почва, но обвала нет».

Что ж—«гений места» работает. В своей архитектонике—в своём ключе. Заповедник времён открыт для будущего.

Чусовой—Пермь—Красноярск.
Август—ноябрь, 2017 г.

4. https://ok.ru/etnopark/album/51004631220435/859075708115

Константин Иванов

Перед последним единеньем

Из фарисеев — в мытари

I.

Багровый диск садится за гору,
Бросая кровью на пески.
Опять куётся где-то заговор
И к чьей-то казни мы близки.
Опять закат голгофу вытворил —
Я рёбра копьям отдаю…

Иду из фарисеев в мытари,
Гордыню пережив свою…

Всё. Хватит. Сыт по горло доблестью
И самосовершенством душ.
Не красен путь в иные области,
В которые теперь иду.
Я вырос. Не нуждаюсь в присмотре,
И мне не надобно бежать…

И Рим, и Иудея при смерти.
Мне больше их уже не жаль.

II.

Зажглись снега багровым пламенем,
И небо в тысячу голгоф
Пылает над Сибирью знаменем,
Зовущим к долгу всех долгов…
Отсюда?
Здесь планета хладная,
Здесь римский воин начеку,
Здесь блазнит мысль безотрадная —
Лишь хлебу врачевать тоску…

Но век со мною что-то вытворил,
Лунатик пойман на краю.
Иду из фарисеев в мытари
И гордость потерял свою…
И где же ты,
Где моё воинство?
Где повесть о моём полку?..
Какое может быть достоинство,
Когда в долгу я как в шелку?..

Иду из фарисеев в мытари,
И мысль, как боль в виске,
Проста:
«Ступай к гробам, что ждут нас исстари, —
Ты только так придёшь в Христа!»

Римские наброски

I.

Иисус из Назарета в Риме не был.
Его столицей сразу стало небо.
Но умирать пришёл в Иерусалим.
Невестилась провинции столица
И вынуждала катов торопиться,
Чтоб не заволновался гордый Рим.

Стучали топоры, толпа потела
И предвкушала праздничное дело,
Как предки их у жертвенных костров…
Краснели гвозди и глумилось хамство.
Внимало разрежённое пространство
Прикосновенью к миру новых слов…

А в славном Риме время загустело,
Над духом восторжествовало тело,
От плотской жизни некуда бежать.
И, ублажая царственные силы,
Свободный разум отворяет жилы,
И время начинает умирать.

II.

…Ювенал, Лукиан

Всё умерло. Умолкли голоса.
Лишь два сатирика прощаются с богами.
Античности облупленный фасад
Ещё солдатскими крепится сапогами.
Ещё на пляже моется Пилат,
О воспитанье думают матроны,
Горит германским пламенем закат,
Потомок Цезаря ещё разводит сад,
Ещё смакует стиль «Сатирикона»…

• • •

Воля к власти — не русская воля.
Наши степи — кровавые соли
Подмерзающей крови земли,
Закипающей боли любви.
Нас пространство бескрайнее мучит,
Равнодушьем терпению учит,
Этот холод безмолвных лесов
Словно ищет единственных слов.

● ● ●

Мне не надо изысканных слов
И тошнит от великих материй,
Я хотел бы коснуться основ
Этих уличных сирых мистерий.
Подорожник, лопух, и пырей,
И полынь, и крапива, и клевер,
И медлительный скарабей,
И мушинок танцующий веер—

Всё как будто к пощаде моей
Обратилось и смотрит, доверясь,
Словно я среди малых детей
Заклинатель какого-то зверя.
И смиренных племён этих вождь
В этот миг, что летит над веками,
Я хотел бы заплакать как дождь
И как пыль согревать эти камни.

● ● ●

Тихой речью не разбудишь…
Что кричит кричащий век?
Что он грезит? Что иудит?
Что читает в синеве?
Что выискивает в звёздах?
Что услышал под землёй?
Что ему поведал грозный
Гул небес над головой?

Сын натуры, слеп и тёмен,
Как в возглавии времён,
Как тогда, пуглив, нескромен,
Страхами обременён.
От своих устав деяний,
Отрекаясь от ума,
Любит марево гаданий
И волшебные тома.

Любит призраков и тени,
Хочет взять у них секрет
Быть живым и в смертной сени—
Детской смелости обет.
Хочет баловать с богами,
Быть с богами заодно,
Все владения с правами
Потерявшими давно.

Лишь по-прежнему страшится
Прямо истину признать,
Повзрослеть и научиться
Одиноким богом стать
И на вызовы вселенной,
Чуждой и непросветлённой,
Светоносно отвечать.

● ● ●

Ю. Л.

Ах, как ты права, золотая Марина!
Сквозь дали—какая печаль…
И каждая встреча разлукой ранима,
Как мартом—февраль.
И горсточку звуков, как дождик упавший
На спёкшихся глинах души,
Ловлю с изумленьем пред силою давшей,
Шепчу: сокруши
Ползущей Сахары всесилье немое
И ужас привычный вокруг,
Чтоб всё же однажды сверкнуло иное
В разомкнутый круг!

● ● ●

Разворошён, грозою полный,
Готовый мраку на съеденье,
Мир погружён в раскаты молний
Перед последним единеньем.
И в ужасе, в себе отчаясь,
Страшась ступить в живые воды,
За тень истории цепляясь,
Теснятся люди и народы.
И шар земной окутан снами,
Навеянными пышным прахом,
Тысячелетними тенями,
Кормящимися нашим страхом…

Но верю, что наступит время,
Когда душа опять проснётся
И навсегда покинет племя,
И человек к себе вернётся—
Но не в бессилии пещерном,
А в битвой обретённом праве
В себе, как в Боге, духом верным
Крепчать и в разуме, и в славе.

Однажды хлынут знанья реки
И обнажатся наши раны,
И упадут тогда навеки
Мечети, пагоды и храмы.
И вновь блеснёт искрою кремень
В руках у подлинного Бога…
Я знаю, что несвоевремен,
Но для прозренья нету срока…
Так, весть фиксируя строками,
О совершенстве забывая,
Простыми русскими стихами
Передаю вам то, что знаю.

Песня к России

Степь да степь кругом…
Народная песня

Уходя, начинаешь отбрасывать позы,
Ищешь, слово кому передать: «Береги!».
На просторах родных только степь да берёза,
Только бледное небо да колючки тайги.
Частоколом долгот околдована пьяным
Тут душа поклонилась пространства богам.
Можно спутать спросонья Кёнигсберг с Магаданом
На холодных широтах у Земли по бокам.

Если хочешь родиться для нового века,
Брось молиться, и плакать, и свечки палить.
Купола не спасут на земле человека
И на небо ему не позволят ступить.
Рабским потом и кровью не добудешь свободы—
Станешь детской игрушкой в безмозглых руках,
Потому что кружатся убийцы-народы:
Танцплощадку планеты не поделят никак.

И тебя, как и прежде, заставит насилье
Не каштаны, а смерть доставать из огня…
Если хочешь бессмертья, опомнись, Россия,
И у Бога учись, распиная меня.
Ты немного теряешь, теряя пространства,
В них любовь лишь потеряна, не разлита.
Но зато земношарное новое братство
Открывается взору—как космос—с креста…

● ● ●

Я могу зажигаться от своего огня—
Это значит, светильник уже налажен.
Это значит, тьме не загнать меня
В безысходный угол—в одну из скважин
Всё равно ускользну, погрузившись в свет,
Что струится, кругом наш мир обтекая.
Параллельная жизнь, без секунд и лет—
Предваренье любви, преддверье рая.
Я туда проскользну, как библейский змей.
Может, кожу оставлю земле в добычу;
Даже тело всё—пусть! Лишь души размер
Как билет предъявлю и права величья.
…А пока давленье извне растёт,
Батисферы своей укрепляю стены.
Холод чудищ глубинных ко мне влечёт…
И поют Одиссею со дна сирены.

● ● ●

Век живи—век учись…
Народная мудрость

Учусь у Пушкина свободе бытия,
Возвышенной науке как не падать,
Свинцовым тяжестям уплачивая подать,
Не покидая отчие края.
В том нет патриотизма ни на грош—
Скорее, битва с краткостью мгновенья
И жажда выпить чашу вдохновенья,
Пока не просвистал дамоклов нож.

Нет времени на поиски тепла,
Нет времени на поиски уюта,
Нет во вселенной тихого угла,
Где до тебя не досягает смута…
И если ты не просто мотылёк,
Здесь и сейчас танцующий в дремоте,
Твой долг, не сокращая жизни срок,
Продлить его в таинственной работе.

И не беда, что ты всегда один.
Пойми, что Ум и Сын—одно и то же.
Ведь Бог воззвал однажды из глубин
Автопортрет, на нас с тобой похожий…

Взгляд из поезда

Не на балтийских берегах,
Не на Бискайе, не на Бренте,—
Живу у чёрта на рогах,
На азиатском континенте.

Здесь галактический Китай
Угрюмо дышит нам в затылок,
И три мифических кита
Ещё лежат в основе ссылок.

Здесь замирает давний спор
Евангелия и Корана
И открывается простор
От Шамбалы до Чингисхана.

Здесь голос истины разлит
Всё в той же неохватной мере…
И степь монгольская пылит
Под самой русской из Америк.

Виталий Молчанов

Посох тяжкий

Чёрная берёза

1.

Сбив облака-шатуны в белоснежную стаю,
В степь запустил пятерню разыгравшийся ветер,
К роще берёзовой грудью приник: «Засыпаю»,
Дар драгоценный в траву обронил—не заметил.

Семечко малое родичам в ноги упало:
«Смилуйтесь, матушки, дайте мне светлое место.
С ветром неделю летела и лесом, и палом,
Бабочкой лёгкой над всем Оренбургским уездом».

Слаб голосок—наклонились берёзы-сестрицы,
Вяхири стихли, сглотнув, как росу, воркованья…
…Вяжет покров Богородица—щёлкают спицы,
В такт им черницы седой пред иконой метанья.

Петелька к петельке мира плетётся основа,
Вслед за поклоном поклон, и душе—облегченье.
Смерть на подходе, но жизнь зарождается снова
В семечке чёрной берёзы—чудесном творенье.

2.

Ножки поджал искривлённые сын под фуфайкой.
Мамка, слезливо: «Гостинцы сложила в корзину».
Доктор вздохнул, руки щёлоком вымыв над шайкой:
«Рад бы помочь да не в силах—просите Зосиму[1]».

Вёрст девятнадцать тряслись по холмам на лошадке.
Раз девятнадцать молились, мечтая о чуде:
«Мальчик трёхлетний, с рожденья был справный да гладкий,
Господи Боже, что дальше с ребёночком будет?..»

«Будет стоять!»—возгласила монашка Зосима,
И окропила ножонки святою водою…
Сила по Вере! Как семечко, ветром носимо,
Чудо Господне спустилось, восстав над бедою!

Мальчик пошёл… На Афоне он станет монахом,
Крест перламутровый—щедрый подарок черницы—
Век, не снимая, проносит под нижней рубахой.
…Чёрный росток вместе с белыми к небу стремится.

1. Зосима Еннатская—русская православная святая, преподобная.

3.

Гроб кипарисовый — схимницы жёсткое ложе.
Страждущим дни отдавала, а ночи — молитвам.
Дар провидения — не оступиться поможет,
Дар исцеления — с хворью успешная битва.

Властью гонимая, Божье несущая Слово,
Близких утратив, для дальних открывшая душу,
В чёрных одеждах, отрёкшись от шума мирского,
Сердцем согрела озябших в духовную стужу.

«После кончины мою раскопают могилу —
Золото станут искать по дурному навету.
Значит, спаслась я… Как семечко, древо покину,
В новый чертог полечу, ближе к горнему свету!»

Сбив облака-шатуны в белоснежную стаю,
К чёрной берёзе спешит на свидание ветер:
— Вспомнил Зосиму тогда я, шепнув: «Засыпаю»,
В край оренбургский тебя перенёс и приветил.

Светъ

Епископу Сергию (Никольскому)

Вырываясь из недр, свет лучился, борясь с темнотой.
Звёзды меркли пред ним… Покраснел диск Луны золотой,
От обиды и боли дрожа в бесконечных рыданьях.
Место утренней казни сияло подземным огнём,
Будто воздух горел, освещая степной окоём,
Возвещая о власти безбожной ужасных деяньях…

…не разверзлась земля, возмущая от гнева миры,
Лишь потухший маяк встрепенулся на теле горы,
Слыша выстрелы вместе с вороньим раскатистым: «Кара!» —
Небо сонно ворочалось средь пелены облаков,
Трупы долго грузили, сажали в машины стрелков.
Спал Урал, и подёрнулась рябью случайной Сакмара.

Не дождутся латунные гильзы ребячьей руки —
Отпугнут капли крови… Пустых папирос мундштуки
И окурки слюнявые, вбитые в почву с притопом,
Лоскутки от одежд — всё зелёные скроют холсты,
Пулей сбитую ветку и рваную ткань бересты
Смоют струи дождя, низвергаясь холодной потоком.

Нет Епископа с братией, словно бы не было их…
Ручейки пересохли, злой ветер вдруг сдулся и стих.
С наступлением ночи исторгла свет вешняя почва.
Это память проснулась и стала вопить в небеса:
«Боже, очи отверзи, яви на земле чудеса!..»
— Наш Епископ убит, — сообщила народная почта.

Свет проникнет в сердца, выгоняя сомненья и страх.
«На тебя я надеюсь» — так Сергию рёк Патриарх[2],
Посох тяжкий вручая — нелёгкую пастыря долю.
Кто посмеет стереть в книге жизни добра письмена?
Лютой смертью погибших не сгинут вовек имена,
Сутью мира оставшись — крутой человеческой солью!

2. Патриарх Тихон.

Крупка

Св. Константину Сухову

…А над Кинелем ночка крупку несла в подоле,
Не удержала в дланях краешек скользкий ситца.
Если молитва чья-то прервана злою волей—
Целой и невредимой к Богу она домчится.

Осень пошла на убыль—скорой зиме на прибыль
Ровно покрыла тропки крупка в конце недели.
—Батюшку отпустите!—Разве они смогли бы,
Старенькие ладони, тянущие к шинелям…

Прямо из храма взяли, били прикладом в спину,
По серебристой крупке—волоком да на берег:
«Кокнем—царём поедешь—выделим лошадину
Вместе с телегой старой и не попросим денег».

День, с чёрной ночкой схожий, тучами небо застит.
—Батюшку не губите!—Плач над рекой вселенский.
Сон—большевистский морок—сгинь, забери напасти!
В храме оплыли свечи, тени легли на фрески.

На ноги встал священник, крупку сметая с рясы.
—Что, Константине, больно? Что, Константине, страшно?—
Щёлкнул курок взводимый… «Точите зря вы лясы,
В Божьем чертоге стынут и питиё и брашно.

К деткам спешу на небо, ждут меня—не дождутся,
В долгом служенье Богу—четверо на погосте…»
Только солдатам стыдно, молча на крупке мнутся.
Сам комиссар усатый: «Цельтесь в попа! Не бойтесь!»

И, палачам прощая, глядя на Божье сито,
Сеявшее снежинки, принял он смерть героя.
Крупка не стала манной, кровью святой полита,
Белым лишь оградила место его покоя.

На берегу Кинеля, рядышком с иорданью
Песней молитва к Богу, словно на крыльях, мчится.
Ночь обернула крупку чёрной прохладной тканью—
Не удержала в дланях краешек скользкий ситца…

Александр Орлов

Лето между строк

● ● ●

Константину Алексееву

Гололёд или рытвина,
А мы всё колесим,
Обращаясь молитвенно
К существам неземным.

Хмуро, скользко и дымно!
И вокруг—ни души.
Звуки звёздного гимна
Заглушить не спеши.

Ты несёшься, как вьюга,
Слышишь неба сигнал,
Кто с повадками друга,
Вдруг тебя обогнал?

Кто взлетел там, где узко,
Где обрывы дорог?
Возле чёрного спуска
Только Бог.

● ● ●

Колдует мне зима
Вселенские снега,
Она сошла с ума,
Подслепая карга.

Шепчу ей: «Не спеши,
Замедли вьюжный ход!»
Но часть моей души
За ней ушла под лёд.

Ей, видно, невдомёк,
Она увлечена,
И я—её снежок,
Часть облачного льна,

Часть ледяной крупы,
Серебряных недель…
Синеющей тропы,
Я—снег, покрывший ель.

● ● ●

Арсению Замостьянову

Мгновенья кружат в кольцевой атаке
И жизни наступил полуфинал.
О чём ты думал и чего ты ждал?
Ты состоял с природой в длинном браке,
В нём листопад меняет снеговал,
И греют звёзды—вечные гуляки.

Но до весны всего один вершок,
Все разойдутся, но поодиночке.
Зима уйдёт в разорванной сорочке,
Весна нажмёт на спусковой крючок
И, выпуская на деревьях почки,
Тебе подарит лето между строк.

Вкусив тепла, пророки и зеваки
Поделятся на псов и на щенят,
Осудят рай и устремятся в ад,
Не ведая, что из воздушной раки,
В дождях и вьюгах всепрощенья знаки
Им посылает Тот, Кто был распят.

● ● ●

И в лунном свете всё прозрачно, поло.
А что со мной, что у меня внутри?
Ты не смущайся, глубже посмотри—
Там ждёт душа с улыбкой новосёла.

Она стоит в тиши на полустанке,
Уставшая от бесконечных проб,
Она подобна юной прихожанке
Под взорами разборчивых особ.

Я прочитал десятки её писем,
Я для неё не сделал всё, что мог,
Я ощущаю внутренний упрёк,
Я от неё божественно зависим.

Игорь Колыма

В городе Эм

Не молись за меня

Сестре

Не молись за меня, не усердствуй, не стоит
Малевать мне звезду на небесном холсте,
Я ведь счастлив не звёздною жизнью, а тою,
Что дана мне в полнейшей своей простоте.

Той, в которой не чтутся ни знаки, ни метки.
Так и ты не гадай на судьбину мою.
Вот иду и, снимая с берёзовых веток,
С наслаждением снежную мякоть жую.

Может, мало ещё, что я в жизни проведал,
Может, трудно постичь мне её глубину,
Но когда надо мною такое вот небо,
Что до всех философских течений уму?

Что ему до пророчеств и всяких заветов,
До событий, текущих своей чередой,
Если вижу несущихся с горочки деток
На санях, и один, самый маленький,—мой.

И смотрю, как искрятся счастливые лица,
Как малыш мой упал и поднялся, и пусть
Он по жизни пока ничего не боится,
И поэтому я ничего не боюсь.

Не молись за меня, разрываясь на части
И усталое сердце своё теребя.
Если ты не поймёшь, сколь немногим я счастлив,
То, мой ангел, я сам помолюсь за тебя.

Ухожу от себя

Я не знаю, как много во мне их осталось—
Нерастраченных попусту мыслей и сил,
Но уже до земли пригибает усталость
От того, что на спину свою взгромоздил.
От того, что в дымах нескончаемых буден
Не прожил я без веры во что-то ни дня.
Я устал от того, что какие-то люди
Слишком липко и греют, и любят меня…
А в меду не понять ни реалий, ни фальши,
И стекаю я сам, словно мёд по ножу.
Я устал от того, что всё дальше и дальше
Ухожу от себя, от себя ухожу…

● ● ●

Юлии Б.

В твоих краях всё те же шутки,
А в лимузинах те же мачо.
Твой мир всё так же носит шубки,
Шелка и джинсы от Версаче.

И всё тебе дано от Бога—
И фунты стерлингов, и кроны.
А до небес совсем немного.
Ну, может, пара миллионов…

И ты живёшь, как в вечном мае,
Как в добрых сказочках о феях.
Вот только смерть тебя пугает,
Поскольку ты знакома с нею.

В моих краях всё так же серо,
Хмельно и хмарно, как и прежде.
И здесь в одну одеты веру.
В одну, на Господа, надежду.

И здесь я падал. Падал дважды
С небес, и вновь лечу на плиты.
И рвал бы волосы, да каждый
Мой волос Боженькой посчитан.

Но я живу напропалую.
Топчу судьбу, сбивая ноги.
Но я лелею и целую
Всё то, что встречу по дороге.

Целую реки и озёра,
Церквушки, избы, слева, справа…
Поля целую, косогоры,
Людей, зверей, деревья, травы.

И жизнь свою, хотя кувалдой
Она и бьёт, и всё ей мало.
И даже смерть поцеловал бы,
Когда б она существовала…

Нету баньянов в городе Эм

В городе Эм всё по весу и росту.
Всё по уму.
В городе Эм я живу под вопросом—
Кто я ему?

Как и зачем я попал в эти клети,
В этот замес?
Разве других на огромной планете
Не было мест?

Были, конечно, и чище, и краше.
Что за вопрос?
Только я к этим, приникнув однажды,
Мясом прирос.

Всей своей массой, и нетто, и брутто,
Нитями вен.
К городу Эм я пристёгнут, как будто,
Тысячью клемм.

Так и живу, но однажды я пьяным
Сон углядел,
Словно, я Будда, и лёг под баньяном,
И просветлел.

Но предстают просветлённому взору
Только угли.
Город мой, Эм, как Содом и Гоморра,
Сгинул с земли…

Сгинул с земли, и лишь чёрное поле
В память о нём.
Как хорошо, что я всё-таки понял—
Это же сон.

Только лишь сон, где всё зримо и явно,
И между тем
Сам я не Будда, и нету баньянов
В городе Эм…

● ● ●

Антонине

Нет, мой ангел, я не умираю.
Это только отдых на краю,
Где я сотней глаз в себя взирая
Ни одним себя не признаю.
Это только дымка вех и чисел,
Безвременья Божеская вязь.
Сотней уст себе я имя кличу,
Ни одним из них не назовясь.
Так, что прочь молву да пересуды!
Ты пойми, давно уже пора—
Если был я Завтра—значит, буду.
Буду обязательно Вчера…

● ● ●

Мои проулки и дворы враждою устланы,
И я хочу по ним ходить никем неузнанным.
Как-будто в город неродной со входа чёрного
Войду, забытый и чужой, тропой неторною.
Пройду квартал, затем другой походкой тихою.
Присяду в сквере, беломориной попыхаю.
И усмехнусь, и чертыхнусь в седую бороду,
Поняв, что стали инородные мы с городом.
Что в заоконных катакомбах с каждым всполохом
Войной плюются телевизоры и порохом.
Что хоть пророчь себе три жизни—не пророчится.
И умер смех, и догонять его не хочется.
И есть, наверное, земля, где в каждом деревце
Гнездится мир…
Но мне в него уже не верится…

Русский

Мой сосед, Никола, из смоленских,
Богатырь, каких не извести.
Носит он во взгляде две чеченских
И заплатку в черепной кости.
А под костью той ума палата,
И историй с байками—вагон.
Дружит Коля с Джабой, из десятой,
Часто водку пьянствуют вдвоём.
Ну а мы с другим соседом, Сашкой,
Бывшим посидельцем и вором,
Завсегда разбавим им компашку—
Веселее всё же вчетвером,
Да и звонче струны у гитары,
И душа погрузится в покой
Под чудны́е наши тары-бары,
А Сашок, с ухмылкою блатной
За плечо обнимет—Что, ментяра,
С уркаганом вздрогнешь по одной?
И конечно вздрогну, как не вздрогнуть
Если тут любой почти что брат,
И несёт в себе, внутриутробно,
И любовь, и Родину, и ад.
Если здесь, под водку и закуску,
Под хмельное наше бу-бу-бу,
Даже пусть и свет от лампы тусклый,
Я на каждом лбу читаю—«русский!»,
В том числе и на Джабара лбу…

Юрий Беликов, Борис Миронов

Хрустальная люстра единства

Есть такая порода людей, опережающих время. В начале «лихих девяностых», возглавив издательство «Советская Россия», Борис Миронов переименовал его в «Русскую книгу» и стал выпускать творения забытых классиков отечественной мысли — Ильина, Леонтьева, Шульгина, Победоносцева… Сейчас этим выбором разве кого удивишь? А тогда… Человек едва ли не сделался первопроходцем, вызвавшем на себя истерический камнепад со стороны условно культурного сообщества, в ту пору зело припадавшего на либеральные подковы.

Будучи председателем комитета по печати в правительстве Бориса Ельцина, сибиряк Миронов выступил с программной статьёй в «Российской газете», у основания которой он стоял. Статья называлась «Россия жаждет идеала». В ней спрессовались боль и тревога об утрате нашим государством национальных ориентиров. Вскоре автор был разжалован из министров без объяснения причин.

Однако жизнь доказала правоту Миронова: сегодня о «неразрешённом вопросе», сиречь вопросе русском, говорит не только нынешний председатель «Союза русского народа» (а мой собеседник встал у его кормила с 2009 года), но практически любое сколько-нибудь уважающее себя издание.

Кто он? Яростный публицист афанасьевской школы «Правды»? Человек слова и действия (в 2003-м выдвигал свою кандидатуру в губернаторы Новосибирской области и в Президенты России — на выборах 2012-го)? Отец Ивана-борца, в одночасье поведшего за собой движение студенческого сопротивления? Впрочем, и то, и другое, и третье сосредоточилось в нём одном.

— Борис Сергеевич, дело прошлое и, хотя едва ли не каждый второй из «дорогих россиян» пережил не скромное обаяние Бориса Ельцина как будущего основоположника зарождающейся российской буржуазии, однако нынче только ленивый не швыряет в его сторону запоздалый пролетарский булыжник. Но вы-то, получается, застали вашего тёзку ещё в лучшую его, далёкую от народного разочарования пору? Как вы, вообще, попали к Ельцину — в министры?

— Когда Ельцин отсиживал последние два дня в Госстрое, Виктор Григорьевич Афанасьев, главный редактор «Правды», дал нам с Таней Самойлис, которая потом работала во внешней разведке, добро на интервью.

К Ельцину в это время не пускали иностранных журналистов, а свои и сами не шли. И он сидел за пустым гигантским столом. Делать ему было нечего, и наше интервью затянулось на пять часов. Именно — интервью. О погоде, бабах, охоте и рыбалке мы не говорили. Шёл жёсткий разговор по проблемам: экономика, культура и так далее. В разговоре участвовал Миша Полторанин — мы же с ним десять лет отработали в «Правде». Он сел за стол с Ельциным, а мы с Таней — напротив. То, что Миша формулировал, мы записывали в блокнот. Остальное — на диктофон. Миша видит по нашей реакции: ну, балаболит человек и балаболит.

Помню, когда я пришёл домой, я тогда резанул: «Абсолютная пустышка! Ничего конкретного!» Но — популярность дикая. Кроме того, есть некоторое понимание важности русского вопроса. Мы ему это всё вписали…

Впоследствии меня дважды с должности директора «Русской книги» пытались вытащить в замминистры печати. Но уж больно мне нравилась эта работа — хозяин богатейшего издательства! Тут всё при тебе. И когда меня Полторанин в замминистры звал, я не пошёл. Но через какое-то время первый зампред правительства Владимир Шумейко, знавший меня по выступлениям, когда я обвинил их в разграблении издательств, у которых забрали валюту («Вы нас грабите, а сами ездите на иномарках!»), пришёл к Ельцину: «Борис Николаевич, я нашёл человека, который делает то, что мы с вами только планируем».

Рядом с Ельциным — Лев Суханов, единственный помощник, пришедший с ним в Кремль из Госстроя. Говорит: «Да вы же Миронова знаете! Они же брали у вас интервью…» — «А, это он брал интервью? Тогда — давай!» — махнул рукой Ельцин.

Однако уже подписанный Президентом указ о моём назначении не выходил неделю. За это время к нему наведывались человек восемь: «Этого ставить нельзя!» Ельцин спрашивает Шумейко: «Ты не знаешь, чем он их всех достал? Мне даже из Израиля звонят!..»

Шумейко: «Да книжками своими!» — «Какими?» — «Ну, он же в своём издательстве печатал произведения Ильина!»

И можно верить-не верить, но ответ Ельцина в передаче Шумейко прозвучал так: «Это он Ильина издавал? А, ну пусть издаёт больше!»

Так я и оказался во главе отрасли. После событий 1993 года, напуганные народным подъёмом, в Кремле готовы были принять национальную доктрину. Даже создавалась комиссия патриотического наклона во главе с Шумейко. Но в итоге она так и не дозрела. И если бы тогда продолжался напор народного движения, в Кремле могли бы пойти по рельсам другой идеологии.

А то, что схлёстывались встречные волны идеологий, свидетельствует хотя бы такой факт: уже на первом же заседании у Черномырдина мы сцепились с Егором Яковлевым, главным редактором «Общей газеты», Игорем Голембиовским из «Известий» и Павлом Гусевым из «Московского комсомольца». Они попытались свести разговор в плоскость моего якобы непрофессионализма. Ну да! Если я вырос в Сибири — в Могочинской районке, дальше была областная молодёжка, областная партийная газета, «Комсомольская правда», «Правда»… Меня уж на профессионализме-то не возьмёшь.

— Каким вам запомнился Ельцин при близком рассмотрении?

— В это трудно поверить, но нам нарисовали абсолютно неправильную, ложную фигуру Ельцина. Мол, он был кем-то уже приготовлен. Ельцин, как барон Мюнхгаузен, вытащил сам себя за волосы: и — в Президенты, и в сторонники Запада. И Тэтчер, и американцы писали в открытую: они не поверили своей удаче, что на их пути попался такой человек. Если бы Горбачёв не тормозил его из ревности, а дал бы возможность стать членом Политбюро, — всё! Ельцин был бы такой правоверный коммунист! А Горбачёв зародил у него ненависть к себе…

У Ельцина была одна страсть — власть. Ему было плевать, какая это власть: за, против, главное, чтобы была. Ельцин — это человек животной власти. Но здесь нужно отметить: к власти-то он пришёл человеком бескорыстным. Это уже Березовский пробил в нём брешь через Татьяну, когда подарил ей «Ниву», и та её приняла. А через два дня он уже подогнал иномарку. Главное — начать, как говорил всё тот же Горбачёв. Я хорошо знал Татьяну и могу сказать: она была нормальной, порядочной девкой. Но это пример — как деньги портят человека.

— На посту руководителя комитета по печати у вас была уникальная возможность спасти отечественную журналистику. Ведь к тому времени законодательно не было оформлено право собственности журналистов на редакционные помещения. Почему же вы не инициировали передачу им помещений, где они всегда работали? Не воспользовались своей исторической возможностью…

— Если бы я не воспользовался предоставленной возможностью, я бы не был министром в течение девяти месяцев. А как, скажем, Шойгу, мог бы почивать в ранге правительственного долгожителя. Для этого надо было только выполнять волю Кремля — того ярко выраженного русофобства, которое в это время свило себе гнездо на самом верху. Там ведь никто не занимался экономикой, промышленностью. Но удивительно: все эти бесчисленные президентские помощники — лифшицы и батурины — на любом идеологическом совещании присутствовали исправно. И обычно начинали с наскоков на меня: «Что это за вера у нас замелькала на полосах газет? Что за патриотизмом здесь повеяло?!» Они имели в виду мою статью в «Российской газете». В ней открыто говорилось о том, что происходит сегодня с русским народом и что необходимо сделать, чтобы его спасти.

Находясь в правительстве, я хорошо понимал: идёт тотальное разрушение, в том числе издательств, в конечном счёте — и отечественной журналистики. Вы что думаете, меня снесли из министров за то, что я какие-то неправильные слова допускал? Да ничего подобного! Это была сложнейшая, крупная игра.

Допустим, на одном из приёмов меня обнимает за плечи глава администрации Президента Сергей Филатов: «Помоги „апрельским“! Профинансируй газету „Литературные новости“». «Апрельские» — это, если помните, те, кто входил в ассоциацию писателей перестроечно-демократической выделки «Апрель». Что значит — помоги? Я же не взял под козырёк, что буду платить.

Через два-три дня Филатов получает от меня официальную служебную записку: «Сергей Александрович! Выполняя ваше поручение о финансировании газет, докладываю, что данная газета с таким-то тиражом и таким-то названием имеет на своих счетах такие-то деньги». Далее я давал полный расклад богатейшего газетного листка. Он-то меня попросил по-дружески — я-то ему ответил официально. И Филатов же понимал, что я валяю дурака. А придраться нельзя.

Нужно было уметь лавировать и не давать возможности разваливать то, что они хотели развалить. Однажды меня обвинили в том, что, оказывается, я глава сибирской мафии в Москве. Например, на сей счёт поступила служебная записка Президенту его помощника. Это когда я снял деньги со строительства журнального корпуса издательства «Искусство» и перекинул их в Сибирь.

Потому что у нас в то время — от Владивостока до Урала — тираж книг в твёрдом переплёте был меньше по мощности, чем у одного «Красного пролетария» в столице. Была война за национальные интересы.

Почему вы говорите: «Не удалось воспользоваться…»? Удалось. Когда меня сняли, я подал в суд на Президента. Уникальный случай. Нет, я не просил восстановить себя в должности. Я просил сформулировать: за что я уволен? Потому что ни одного выговора и замечания за всё время моей работы.

И вы знаете, на суде адвокат Президента Ельцина Абушахмин под запись журналистов (это печатала потом «Независимая газета») признал: «Да, Миронов уволен по политическим мотивам!» Не может министр, отвечающий за то-то, то-то, то-то, всё время твердить: «Россия, Русь, русские, русские, русские!» Вот как раз за то, что я пытался использовать свою уникальную возможность, за это я и поплатился…

Теперь — что касается независимости прессы и возможности возврата журналистам родных стен. Отвечу словами Володи Сунгоркина, главного редактора «Комсомольской правды». Так сложилось, что в молодые годы мы все начинали в одном отделе этой газеты. И как-то я его спросил: «Володя, ты — на „ты“ с Путиным. Почему же редакция „Комсомолки“ выдавлена из родных стен с улицы „Правды“ и располагается на какой-то обочине, в промзоне?» Неужели ты не можешь вернуть старое место? Ведь у тебя — богатейшая газета!»

Он: «Кто ж нам эти этажи отдаст? Ни за какие деньги. Иначе мы будем шибко независимыми. А так — они будут нас всю жизнь держать на крючке». У власть предержащих сейчас в руках очень мощный рычаг — аренда зданий. Сменится власть — и опять независимости газет не будет. Потому что мы с вами остаёмся идеологами. Мы для власти опасны. Независимость может быть только одна: когда мы служим одной идее. Когда тот, кто финансирует газету и кто её издаёт, — в единой сцепке.

Вот такая внутренняя независимость у нас была всю жизнь в «Правде». Потому что ты приходишь со своей идеей к Афанасьеву и говоришь: «Виктор Григорьевич, вот есть такая проблема». — «Ну давай!» Это — независимость. Потому что на тебя как журналиста не давят. В Россию пришло то, что мы изучали ещё на факультете журналистики. Там, на Западе, нет цензуры, но есть другая — жесточайшая, финансовая цензура. Вот она явилась сегодня к нам через рекламу. Нужно тебя удушить — нет тебе рекламы. Засохнешь и сдохнешь. Поэтому при нынешней ситуации получить независимость газетам, которые проводят политику сохранения национального единства России, практически невозможно.

— Однажды в разговоре с президентом Фонда защиты гласности Алексеем Симоновым я затронул тему профессионального уровня прошлой и нынешней журналистики. Он сказал: «Я тоскую по журналистике уровня Анатолия Аграновского». Я тоже, как и вы, прошёл через школу «Комсомольской правды». Но сегодняшнюю «Комсомолку» нормальному, не мутировавшему человеку читать невозможно. Как заметил бывший её главный редактор и бывший спикер Госдумы, ныне покойный Геннадий Селезнёв, «она часто написана тем языком, каким не всегда изъясняются даже в курилках». А по какой журналистике тоскуете вы?

— Когда собрались на один из юбилеев «Комсомольской правды», появился всё тот же Володя Сунгоркин: «Я знаю, что вы меня сегодня будете бить! И я боюсь, что даже — на трезвую голову. Но вы поймите: нынче совершенно другой газетный мир. Те люди, которые держат меня главным редактором, их ведь не интересует политика газеты. Они смотрят только на прибыль. Поэтому и приходится думать не о том, что нужно, а о том, как завоевать массового читателя».

Я тоскую по журналистике школы Виктора Григорьевича Афанасьева! В «Комсомолке» была другая школа — розыгрышей. Вот у Владика Фронина, нынешнего главного редактора «Российской газеты» и бывшего главного в «Комсомольской правде», это осталось в крови. Когда я уже работал в «Правде», он мне звонит из «Комсомолки», а в это время шла драка за переброску северных рек на юг. Владик и говорит: «Дай мне специалистов». Я: «Смотря каких. Вот этот — за, этот — против. Кого?» Он: «А мне всё равно. Лишь бы вкусно было».

«Комсомолка» стояла и стоит на традиции подачи, вкусноты. В «Правде» — иначе. Её школа заключалась в следующем. «Описать явление, — говорил Афанасьев, — может каждый. Ваша задача — поставить диагноз. Но и это не главное. Главное — найти решение. Да, мы — не специалисты. Сегодня ты занимаешься нефтью, завтра — лесом, послезавтра — гидроэнергетикой. Но у нас открыты все двери для того, чтобы этих специалистов отыскать».

А сегодня такая журналистика была бы невозможна по одной простой причине. Помните старый анекдот, когда по Красной площади разбрасывают листовки? Сгребли мужика. Там написано: «Листовка» — и никакого текста. «А чё писать? И так всё ясно».

У нас люди вымирают (об этом много раз писал и говорил академик Игорь Гундаров) не потому, что мы стали жить хуже, чем когда-то: холоднее, беднее, голоднее. Просто народ потерял желание жить. Вымирают от безволия. И мы должны находить любые формы для того, чтобы укреплять в людях желание жить. У нас есть идея издавать

газету «Письма». Чтобы хоть выплеск был. Того, что у людей наболело. А то ведь дело дошло до того… Вот я регулярно получаю из Красноярска газету от Олега Пащенко. Я там обо всём узнаю — кто с кем спит в думе, в правительстве. Я только одного оттуда не могу выжать: а как же, собственно, живут люди в Красноярском крае?

И сегодня, конечно, самое главное — укреплять их волю и надежду. То, что впереди нас ждёт торжество национального русского духа, в этом я готов написать расписку. Это будет при нашей жизни. Говорят, мол, Россией правит мощный клан. Где Ходорковский? Схрумкали дружно! И никто не дёрнулся его защищать.

— Вы тут смыкаетесь с Болотной площадью. Вы же там были? А ваш бывший соратник по русскому движению Александр Севастьянов призвал своих сподвижников на Болото не ходить…

— А вы знаете, это — как церковь, где сегодня батюшки вторят: «Вот вы сейчас получили благодать Божью. Храните её. Не расплещите её. Берегите её в себе. Не попадайтесь на искушение». Это что получается? Ты вышел из храма: в тебе эта благодать. Но здесь — убивают, здесь — грабят. И ты будто бы ничего не видишь. В тебе же благодать. Что значит — «не ходить»? Как может журналист и политик куда-то не ходить? Так ты сходи! И, как нас учили, испей воды из незамутнённого источника. Или что — лучше смотреть, когда тебе преподносят картинку по телеящику? Он же искажает твоё сознание!

Поэтому по возможности я ни одно мероприятие не пропускаю. Тем более когда Болотная только начиналась. Она абсолютно ложно представлена в средствах массовой информации, особенно в патриотических. На Болотную выходят люди, которые дальше терпеть не могут. Хотел бы я там найти норковые шубки. Специально искал! Ну хоть посмотреть на норковую шубку в натуре…

— А Ксюша Собчак разве не из плеяды норковых?

— На сцене. Что такое Болотная площадь? Это искусство. Тот, кто создал Болотную (скорее всего, Сурков, это плод его тёмного таланта), — большие умницы. Надо умудриться сделать антипутинскую массовку, которая становится ярко выраженной пропутинской. Потому что, когда они выставили на сцену Собчак и Кудрина, народ это увидел и отшатнулся: «Да пусть лучше те остаются!» Болотная дала Путину миллионы дополнительных голосов!

Когда мне показывают эту шпану — Удальцова, Навального и так далее — это что, власть? И когда мы, человек сорок-сорок пять, попытались на проспекте Сахарова штурмовать сцену, это было бесполезно, потому что наши люди сообщили, что нам не удастся отбить пульт. Как только бы мы выскочили к микрофону, нам бы тут же выключили звук. Но…

Благодаря этому мы увидели, кто охраняет безопасность Болотной и проспекта Сахарова: ФСО — Федеральная служба охраны Президента. Поэтому не секрет, во что эти митинги в итоге выливаются. Потому что народу много, сцена орёт одно, но эта сцена ненавистна народу России.

— Вы нарисовали бесперспективную картину: у власти — жулики и воры. Собчак с Кудриным — не лидеры, Удальцов с Навальным — шпана. Получается, что народ, выдвигающийся на Болотную или не выдвигающийся, уже не может так больше жить, но у него нет своих лидеров, потому что им не дают слова? Где выход-то?

— Во-первых, лидер появляется тогда, когда образуется массовое движение. Это не те лидеры, которые фигурируют, благодаря той же Болотной сцене и СМИ. Идёт борьба идеологов за влияние на умы. Градус терпения народа пока ещё достаточно низок. Помните времена, когда Ельцин, а до него — Гавриил Попов и Станкевич выводили в Москве сотни тысяч? Когда в столице от Манежа и за Пушкинскую, да, по сути, всю Тверскую заполнял народ, а милиция расступалась, потому что против такой массы не попрёшь? А я был в Лужниках, когда там Ельцин собрал больше миллиона человек. Места уже не хватало, люди стали занимать железнодорожную насыпь, а потом просто вышли на рельсы. Было очень интересно наблюдать, как с той и другой стороны поезда погудели-погудели и встали.

Почему там, наверху, однажды заговорили о великом празднике — двадцатилетии новой России? Отчего потом стухли? В это время на Пятом канале был запущен проект «Суд истории». Своего рода щуп, призванный фиксировать, насколько за эти двадцать лет удалось сдвинуть сознание народа, поменять нравственные ценности. Помните проценты?

94 процента против! Народ, молчаливый сегодня, но, оказывается, такой упёртый, не отдал ни одного своего представления: ни об экономике, ни о демократах, ни о Гайдаре, ни о чём. Но когда появилась возможность сказать, он сложил фигуру из трёх пальцев: «Вот вам!» Они это поняли. Но это тогда их ещё не доконало. Их доконала Манежка.

Кавказцы убили парнишку-болельщика. Убийц отпустили. И молодёжь вышла отстаивать справедливость — ключевое понятие для русского человека. Он может голодать, мёрзнуть, но против несправедливости он будет драться. Почему наши властители так перепугались нескольких тысяч молодых ребят? Потому что не сумели за это двадцатилетие воспитать своё поколение. Оказалось, молодое поколение привержено нравственным позициям собственных родителей. Власть не

смогла выстроить идеологию, которую подхватила бы масса.

— Ваш сын Иван Миронов — сегодня известный общественных деятель, вставший во главе студенческого протестного движения, писатель, автор книги «Замурованные. Хроники кремлёвского централа». Он два года находился в «Матросской тишине» по обвинению в покушении на Чубайса и был впоследствии полностью оправдан судом присяжных. Насколько я понял, вы с сыном единомышленники? И между вами известного противоречия между отцами и детьми не существует? А в чём вам видится в целом проблема отцов и детей в России?

— Бывший министр образования Ливанов, естественно, не сам, в развитие того, что делал до него Фурсенко, заложил гигантскую мину под фундамент образования в стране вообще. Было задумано уничтожить в общей сложности пятьсот восемьдесят шесть учебных заведений. Сто тридцать шесть вузов и четыреста пятьдесят филиалов. Но что такое филиал? Это москвичи думают, что филиал — некая пристройка. У нас в Сибири сплошняком — филиалы. Но их вдруг захотели вписать в графу «неэффективность». И вот два человека — Сергей Бабурин и Иван Миронов — поднимают забастовку в одном из вузов. Больше ни одного вуза не закрыли! Это что касается роли личности в истории: два человека остановили уничтожение высшего образования в стране. Потому что Ливанов после того случая заткнулся и как будто этого списка больше не существовало. Но уволили и Бабурина, и Ивана. Причём Ивана — с формулировкой «За аморальный поступок».

— Интересно получается: то, что он спас вуз и, по сути, другие вузы страны от развала, — квалифицировали как аморалку?

— Ну да. Как мы знаем, под «аморальными поступками» подразумевается в том числе и скотоложство. Иди и доказывай кому, что такое аморальный поступок. Иван подал исковое заявление в суд. Он состоялся. Уникальное явление — выступала прокурорша, долго, въедливо и разнесла этот приказ об увольнении как абсолютно незаконный! Выступала блестяще. Я даже к ней подошёл: «Ещё два-три таких выступления от прокуроров — и у меня изменится отношение к вашему ведомству». — «Спасибо за комплимент», — сказала она. После чего вышла судья и произнесла: «В иске… отказать». Мы стояли как вкопанные. На этом пока всё. Но мне особенно понравилось, когда из зала суда вышел заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, который развёл руками: «Ну и суд!»

Что касается проблемы отцов и детей, то она надумана. Я считаю, что её просто не существует. Потому что доказывать каждый раз, что новое поколение лучше предыдущего, это большая глупость. Другое дело, что, действительно, наших детей пытаются отбить от родителей. Сегодня, конечно, в этом направлении запущен гигантский механизм. И он опять классический. В своё время, когда я издал книгу Эдуарда Дрюмона «Еврейская Франция», я выбрал оттуда выписки, только убрал слово «Франция», названия французских банков и так далее. Это 1880 год. И пустил по знакомым — три-четыре странички.

Они говорят: «Слушай, как точно сформулировано!» Они решили, что это я описал нынешний день в России. Один к одному. Борьба за поколения, когда всякий раз хотят доказать: «Да что ты слушаешь родителей?! Они — придурки. Они устарели. В айфон играть не умеют, в Интернете не шарят», — это есть. И тем более когда сегодня наше общество колесовали развратом, но считают, что это достижение демократии и либерализма, а на самом деле очередная попытка отъёма детей от отцов. С Иваном у нас проще. Если взять его выступления и мои, там ровным счётом — никаких противоречий.

— Вы стараетесь не пропускать ни одну значимую общественную акцию. Поведайте, а была ли вообще такая акция, как покушение на Анатолия Чубайса? Ваша фамилия тоже там фигурировала…

— Существует фундаментальная книга «Чубайс», которую написал Миша Бергер из «Известий». Её главный герой делает признание, что он и присные изначально знали, для чего они пришли в энергетику: чтобы развалить последний остов советской империи. И когда на завершающем этапе восстали все — учёные, чиновники, депутаты Госдумы: «Не дайте развалить-разделить РАО ЕЭС!», — Чубайс понял, что проигрывает эту схватку. И тогда было задумано провести провокацию. Причём она намечалась более масштабной.

НТВ показало схему большого националистически-военного заговора, во главе которого стоял я (так было нарисовано), от меня шла боевая группа во главе с Квачковым, Иван, мой сын, — связной между мной и Квачковым и так далее. Телевизионщиков где-то одёрнули: «Вы что, с ума посходили?» Тем не менее через Квачкова ударили по ГРУ.

Я хорошо знаю Чубайса. Особенно после суда, потому что на нём минут сорок его допрашивал Иван как подсудимый, имеющий право задавать вопросы. Оказывается, Чубайс — такой трус! Вот он появляется в суде. Его проводят в зал заседаний закрытым коридором. Он идёт к трибунке. В это время пристав достаёт телефон, чтобы сфотографировать «потерпевшего». Все знают щелчок телефона? От этого звука Чубайс присел, пригнулся и моментально стал кирпичным. Он

так перепугался мизерного щелчка! Вот в каком состоянии живут наши олигархи!

На суде не хватило одного голоса присяжных, чтобы признать, что авантюра с покушением была имитацией. Почему они остановили процесс и Верховный суд не стал уже больше отменять вердикт присяжных? Потому что поняли: ещё один суд присяжных — и они точно признают, что была имитация. Тогда надо начинать следствие против Чубайса. Истец показывал, что стреляли снизу вверх. Ну, естественно. Дорога выше, чем кювет. Дескать, оттуда обстреливали машину. А экспертиза машины выявила, что её расстреляли спереди сверху. Причём стоящую машину, не на ходу. Как только это прозвучало на суде, машина Чубайса как вещдок исчезла. Судью спрашивают: «Так будет предъявлен вещдок?» — «Нет».

Что тут скажешь? Со стороны Чубайса это была блестящая операция прикрытия, которая дала ему возможность завершить разделение и распродажу единой энергосистемы России. А потом пришло сенсационное заявление, что ни копейки от распродажи энергосистемы в бюджет государства не поступило. А это миллиарды долларов. Куда они ушли? Понятно — по одному адресу. Все сделали вид, что так оно и должно быть…

— В 1994 году некоторые московские газеты обвинили вас в «насаждении идеологии русского национализма». Не прошло и десяти лет — как вы приезжаете в Пермь с лекцией «Национализм — наука побеждать». Стало быть, «наука побеждать» становится уже предметом изучения?

— Так сложилось, что впервые мы заговорили об этом в ноябре 1993 года, когда в «Российской газете» вышла моя громадная — на две полосы — статья «Россия жаждет идеала». Почему в девяностые пошла атака на русский народ? Потому что было решено не повторять ошибок 1917-го, когда пришедшая к власти верхушка требовала расчленения Российской империи. И она стала доказывать мировому сообществу, что, дескать, мы с Россией справимся. Не справились. Потому что Россия к девяностым годам перемолола враждебную идеологию и, казалось, начала подниматься как национальное государство. Однако змея поменяла кожу.

Потрясающе точно выразился в 1932 году Троцкий. Он сказал, что сегодня, когда власть захватила все ключевые позиции, имея всё для собственной жизни, рано или поздно она захочет получить это в частные руки. Потому что нужно будет наследство. В какую воду он глядел?..

Но в России живёт большой народ, крепкий и стойкий, который просто так родную землю отдавать не будет. Поэтому необходимо было выбить почву из-под его ног. Вы думаете случайно — что в Москве, что в любом крупном городе России, рушат старую архитектуру? Нет. Потому что архитектура — та же идеология. Она воспитывает человека. Или вы смотрите на искривлённое современное здание, вполне уродское, и оно ломает вашу психику, или вы глядите на купеческий домик — крепыш такой стоит! — и к вам переходит его крепость. Вот почему началась атака на русский народ как основного хозяина нашей земли. И в первую очередь на духовных направлениях. Нужно было выбить из нас нравственные национальные ценности.

Я с этим столкнулся очень активно, когда был директором издательства. Когда мы получили оборот переводной западной литературы, причём за бесплатно, только издавай, очень многие на это купились. Точно так же, когда гигантские деньги делались на барковиане — издании произведений Ивана Баркова, как известно, основанных на матерщине. Вот я, будучи директором издательства, мог озолотиться только на этом. Профессора московского госуниверситета мне первому принесли барковиану. Понимаете, какова наша психология?

Это мы, в том числе и я, ответственны за то, что происходит сегодня. Это мы, будучи газетчиками в советское время, массу вещей недопонимали и многое недоработали. Вот и получилось, что у нас крепость нравственная оказалось подобна очень тоненькой плёночке. Как иначе объяснить, что профессора МГУ кинулись зарабатывать на барковиане?

— А как вы сами отвечаете на этот вопрос?

— А потому что это универсальное средство, сопротивляться которому могут только единицы, оказалось страшно губительным. Я имею в виду золотого тельца и способность устоять перед его соблазном.

— Для нас, воспитанных в советское время, словосочетание «Союз русского народа» выглядит довольно-таки одиозным. Вы намеренно взяли его для вашего движения? Чтобы подчеркнуть преемственность?

— Нет, просто очень удачное название. Потому что мы не собираемся строить Союз как партию. Это общественное движение, которое должно выступать координатором национально-патриотических сил. Почему мы сделали акцент на русском народе? Расскажу почти что притчу.

В бытность свою главой комитета по печати я приехал в Татарстан подписывать документы о разграничении полномочий. Тогда она была модной — тема разграничений. И начал это Минтимер Шаймиев. Мы встретились, все протоколы соблюли, и вот последнее официальное мероприятие — встреча с общественностью.

Роскошный, вертикальный зал, когда ты практически видишь каждого. Посередине свисает

чешская люстра. Выступил Шаймиев, выступил я, и выступает министр печати Татарстана. Вдруг приходит записка, мне адресованная. Я её разворачиваю сразу на двоих. А там написано: «Почему вас называют русским националистом?»

Шаймиев мне: «У нас обычно не принято отвечать». Но я выхожу к микрофону и зачитываю вопрос. В зале — только татары. Тишина полная. Я говорю: «Да, меня называют русским националистом, потому что я считаю, что мой русский народ — лучший народ в мире».

Муха где-то ползала — слышно было.

«А разве это не так?» И — попёр: наши достижения, наши герои, наши войны… Я заметил, как стали каменеть лица.

«А вот татары? Разве они не считают свой народ лучшим?» — спросил я, потому что в командировку поехал не абы как — я к ней готовился. И — попёр по татарам: победы, достижения, открытия, войны…

Я в жизни не срывал таких аплодисментов! Эта люстра, состоящая из хрусталиков, начала вся подрагивать, закачалась, от неё пошли блики, ощущение, что она вот-вот рухнет. Но удержалась. Сажусь. Шаймиев наклоняется: «Надо встретиться! Давай утром, чтоб никто не мешал». И утром мы с ним встретились.

«Ну что, трудно тебе?», — спрашивает меня президент Татарстана. Я: «Легко сегодня только подлецам и подонкам». Шаймиев: «Но я же знаю, какая шпана окружает Президента Ельцина». И тогда он сказал то, что я десятки раз цитировал: «Не будет вас, русских, и нам, татарам, не жить». Так строилась Империя.

Евгений Минин

Пародисту памятник в Москве

Возмущённое

Вдруг осознать, что ты не Минин,
что не Пожарский, осознать,
и обещать России ныне
Россию больше не спасать.
Игорь Паньков

Во мне проснулся дух бунтарский,
и начал я кричать во тьму,
не страшно, что я не Пожарский,
но я не Минин почему?
Моя душа от горя стонет,
несправедливость не снесу.
Россия пусть горит и тонет —
её я больше не спасу.
Стараюсь — выпускаю диски,
уже издал и книжки две.
Но почему лишь пародисту
на Красной памятник в Москве?

Гренадское

Если грянет война,
Мы захватим вина
И уйдём защищать Аргентину.
Дана Курская

Если завтра в поход —
Мы готовились год
Защищать Гондурас и Ямайку.
Мы канистру возьмём,
Чтобы выпить вдвоём
И закончить походную байку.
У нас принцип один —
Всех врагов победим,
А удача нам будет наградой.
И понятно без слов —
Что на это Светлов
Вдохновил нас своею «Гренадой».

Сергей Кузнечихин

Капризы памяти

Бирюзовый костюм дочери

На опознание пришлось ехать самой. Позвонила мужу в его пожарку. Долго ждала пока искали, слушая громкий смех, почти гогот. Хотела бросить трубку, но терпела. И напрасно. Ответили, что Николай на выезде. Выговорили торопливо и, как ей показалось, раздражённо, словно отмахнулись от надоедливой. Доверять известие о гибели дочери чужим, подозрительно весёлым людям было неприятно, даже страшновато, боялась нарваться на фальшивые соболезнования, и Татьяна не стала просить, чтобы передали мужу о звонке, к тому же была почти уверена, что он никуда не уехал, играет в домино или дрыхнет в какой-нибудь укромной каптёрке.

От остановки шла быстро, чуть ли не бежала, а у входа в морг остановилась. Всё ещё надеялась, тянула время. Из дверей вышла девушка, очень похожая на Верочку. Она радостно шагнула навстречу, но остановилась. Нет. Не она. Верочка выше ростом, не сутулится и волосы у неё пышнее.

Она и на столе была красивая. Изуродованное тело закрывала простыня, а на лице ни царапинки. Словно спящая. Казалось, дотронешься, и она проснётся. Татьяна осторожно дотронулась. Щека была холодной. Отдёрнула руку, и сама чуть не упала. Голова кружилась, а слёз не было.

В милиции объяснили, что случилось это около часа ночи возле кафе, в котором она работала официанткой. Рядом с ней был молодой человек кавказской национальности. Машина с места происшествия скрылась. Когда их обнаружили, оба были мертвы. Свидетелей пока не нашли, но будут искать и свидетелей, и виновника. Потом ей отдали сумку дочери и попросили расписаться. В сумочке лежал паспорт, тысячная бумажка с мелочью, телефон и ключи от съёмной квартиры.

Точнее сказать, не квартиры, а комнаты. Предприимчивый хозяин разделил тонкими перегородками стандартную хрущёвку на четыре конуры, облагороженные душем и туалетом. Верочке даже крохотный балкончик достался. Она перебралась туда сразу, как устроилась в кафе. Смена заканчивалась поздно и ехать через весь город в Черёмушки на такси не на много дешевле, чем платить за отдельное жильё. Да и устала спать на раскладушке. Татьяна не возражала. Девчонке девятнадцать лет, начала стесняться. Теснота кого угодно сделает раздражительным. А Верочка с детства была нервная. Да как не быть, если пьяный папаша постоянно лезет с глупыми нравоучениями, от которых некуда спрятаться в однокомнатной квартире с совмещённым санузлом. И у телевизора вечная война: девчонке хочется концерт посмотреть, а ему непременно надо переключить на другую программу и не обязательно на футбол или хоккей, может любую политическую болтовню слушать, да что угодно — лишь бы по-своему, лишь бы поперёк, но якобы с воспитательными целями. Переключит, а через пять минут перебирается курить на кухню. Не выдержала, сбежала.

Возле двери заробела, будто от чужой квартиры ключи нашла. Так ведь и правда, чужая. Была здесь единственный раз, когда Верочка въезжала, помогала вещи с остановки донести — всё приданое в две сумки уместилось. Вроде и осматривала «хоромы» да ничего не увидела, не запомнила. Два года прошло. Тогда была пустая комната, а теперь вошла в обжитое гнёздышко и удивилась уюту. Дома Верочка особой аккуратностью не отличалась. Не только отец придирался, но и сама Татьяна, случалось, покрикивала. А здесь чистенько, ничего не разбросано. Фасонные занавески с красивыми цветами и покрывало сама уже покупала. Женщина проснулась. А всё равно ещё ребёнок — на диване выгоревший плюшевый медведь, любимая игрушка, сначала дома оставила, потом специально за ним приезжала. Медведя узнала, а мужская рубашка и брюки на спинке стула — это уже не совсем знакомое. Значит, парень жил у неё. Может, потому и порядок, что надеялась понравиться. Татьяна подняла рубашку за плечи — узкая, но длинная, и брюки со стула до пола достают. Парень был высокий, но поджарый. Кавказской национальности — они такие. Она понюхала рубашку. Пахло молодым потом и приятной туалетной водой. Рубашки мужа пахнут резким табаком и чем-то кислым. И всё-таки, если бы дочь попросила совета, она бы, наверно, попыталась отговорить — пугали её эти чужие мужики, не доверяла им. Попользоваться они мастера, а жениться предпочитают на своих. Может, и у этого своя законная дома ждала, детишек

нянчила. В милиции сказали, что свидетелей не нашли. И не найдут ни свидетелей, ни водителя. Надежда только на родственников парня. Эти не прощают и просто так не отступятся. Рубашка выскользнула из пальцев, и Татьяна, наступив на неё, неуверенно шагнула к дивану. Беззвучно плакала, мотая головой, сдерживая слёзы, но они всё равно ползли между плотно сжатых век. Она схватила медведя и что есть силы прижала к себе. Верочке подарили его на десять лет. За это время тёмно-коричневый плюш порыжел и вытерся. Совсем некстати возник дурацкий вопрос: как долго живут настоящие медведи? Стала копаться в памяти, но ничего не нашла, да и не могла найти, потому что никогда не знала. Но это незнание, отвлекло её и притушило слёзы.

Поднявшись с дивана, она подошла к холодильнику, посмотреть нет ли там минералки или какого-нибудь соку, но вместо воды увидела две полных и одну початую бутылку вина. На блюдце лежали подсохшие пластики сыра с загнутыми краями. Татьяна взяла початую бутылку и налила полный стакан. Его она выпила сидя на диване и поглаживая медведя свободной рукой. Потом выставила недопитую бутылку и сыр на стол.

Старалась думать о Верочке, но в голову почему-то лез муж. Теперь ей казалось, что во всём виноват только он, которого давно перестала называть по имени. Оно и раньше зуделось, но здесь в комнате погибшей дочери все застарелые претензии складывались в стройную чёрную полосу. Одна обида цеплялась за другую и вытаскивала третью. Когда поженились, он работал на алюминиевом заводе и очень хорошо получал, даже за вычетом алиментов. Деньгами, уходящими в другую семью, она не попрекала. Ему самому показалось, что бывшей жене достаётся слишком жирный кусок. Ушёл в пожарные на маленькую зарплату и большие свободные дни. Обещал, что между дежурствами нашабашит больше, чем на заводе. Запала хватило года на полтора. Потом где-то не заплатили, где-то обсчитали, где-то наобещали… Ожидания становились всё дольше и дольше. Приходил с дежурства, заваливался на диван и пялился в телевизор. А если бы остался на заводе, алименты давно бы выплатил и очередь на расширение квартиры давно бы подошла. Получили бы, и подрастающей девчонке не пришлось бы любоваться папашей в вечных трусах и обвисшим волосатым животом. Даже воздух испортить не стеснялся, а потом с критикой лез, жизни учить.

— Ос-то-чер-те-е-е-ло!

Вырвалось, и снова потекли слёзы.

Встала, чтобы умыться, но остановилась возле шкафа, машинально открыла дверцы и опешила:

— Ничего себе! Откуда, Верочка?

Уходила из дома не то что бы в единственных джинсах и свитере, были кое-какие дешёвенькие тряпки, но в шкафу висело чёрное платье и бирюзовый костюм. Татьяна вороватo оглянулась на дверь, осторожно сняла платье, приложила к себе и подошла к зеркалу.

— Красивое!

Остановиться уже не могла. Разве остановишься на полпути? Быстренько разделась и влезла в платье. Как будто специально для неё куплено. Может быть, чуточку тесновато, но терпимо. Единственная досада, что глубокий вырез на груди заползает на пожелтевший от стирок бюстгальтер, а появляться на людях без него всё-таки страшновато, да и неприлично, наверное. Следом шевельнулась мыслишка, что в этом платье можно пойти на похороны. И тут же вогнала в краску.

— Нехорошая идея,— пристыдила себя Татьяна и быстренько высвободилась из платья.— И всё-таки тесновато.

Зато бирюзовый костюм в самый раз: ни где не тянет, нигде не топорщится, и глаза под цвет.

Она уже забыла, когда последний раз примеряла обновку. Стыдно было радоваться, но радость нахально лезла и в глаза, и в губы. Даже щербатина в левом углу рта не сдерживала широту улыбки. На дне шкафа лежала картонная коробка с туфлями к вечернему платью. Не то чтобы ходить, она и примерять такой высоченный каблук не пробовала. И всё-таки рискнула. Три шага до зеркала вогнали в пот. Ноги вихлялись, икры каменели, верхнюю часть тела раскачивало. Примерила белые босоножки. В них было удобнее. И снова вернулась к зеркалу. Стояла, любовалась, моментами не совсем понимая, кого видит в нём — себя, или дочь. Но зеркало — всего лишь зеркало, если долго в него смотреть, оно становится безжалостным и начинает показывать лишнее и не очень приятное. Некстати вспомнилось, что по обычаю положено занавешивать зеркало чем-то чёрным. А она вместо этого бессовестно любуется собой. Или всё-таки Верочкой? Конечно, Верочкой. Красавицей дочерью, которой должны любоваться все. А для этого надо выйти на улицу, к людям, они не станут всматриваться, и хорошо, что не станут, ей достаточно приветливых глаз, чтобы кто-то оглядывался на неё молодую и красивую, как Верочка.

На улице почувствовала, что сильно устала. Ноги гудели. Подошвы шаркали об асфальт. Место, где можно посидеть, напросилось само собой — надо зайти в кафе, только не в то, где работала дочь. Там её сразу узнают, не могут не узнать, начнутся вопросы. Она бы и поговорила с теми, кто видел дочку в последние дни, может, даже ещё вчера, но для этого надо возвращаться в своё платье, а сил не было. Чужая одежда словно защищала, прятала от подступающей навязчивой боли, переселяла во вчерашний день, в котором Верочка была жива. Вот она заглядывается на своё отражение

в витрине, ждёт, когда в светофоре загорится зелёный свет, берётся за дверную ручку своего кафе… Нет! Туда нельзя. Там будет тяжело. Татьяна отдёргивает руку и спешит отойти подальше.

Через два квартала видит зазывную вывеску. Спускается в полуподвальный зал. В её молодости кафе были другими — много света и мало свободных мест. А здесь полумрак и пустые стулья с массивными спинками. Плотная компания за длинным столом, три молодых парочки и одинокий мужчина. Татьяну тянуло подсесть к нему, но удержалась, однако села так, чтобы он видел её. Мужчина пил кофе. Когда подошёл красивый гибкий официант, она слегка замешкалась, но заказала триста граммов вина. Кофе как-то не устраивал, ну выпьешь чашку за десять минут, а дальше что? Не уходить же? Ей нравилось, что мужчина одет в белый костюм. Нравилось, как рука с длинными пальцами поднимает чашку и подносит к узким губам. Расслабленно откинувшись на высокую чёрную спинку стула, он смотрел прямо перед собой, но Татьяну не замечал. А должен был почувствовать, что на него смотрит красивая женщина. Не удосужился. Наверное, кого-то ждал.

Полутёмный зал обволакивала тихая зазывающая музыка, но никто не танцевал. Не обращают внимания, не приглашают. И словом не с кем перекинуться. Даже вино допивать не хотелось, но оставлять было жалко. И вдруг услышала:

— Скучаем?

Она испуганно оглянулась. Кудрявый белозубый парень. Склонённая голова и безвольно опущенные руки словно извинялись за вторжение. Татьяна молча кивнула, и парень, не дожидаясь приглашения, обрадованно сел напротив неё.

— Хотите угадаю, почему Вы сегодня здесь?

— Попробуйте.

— Вчера у Вас был День рождения. Гости напились и забыли, зачем пришли, не обратили внимания на вашу причёску и на костюм, который Вам очень идёт. Вы обиделись и решили продолжить праздник.

— Обычная причёска. Она у меня всегда такая.

— Значит повезло. А с Днём рождения угадал?

— Почти. Давайте выпьем за него, — и она разлила остатки из своего графина.

Официант не заставил себя ждать. Истомился бедняга от безделья. Склонился над клиентом, излучая радушие.

— Мне бутылочку такого же вина и яблочек, пожалуйста. — Белозубый подмигнул Татьяне, а когда официант отошёл, пояснил, — Хорошее вино, у вас отличный вкус.

— Спасибо. Только я наугад заказывала и совсем не разбираюсь в винах, — но комплимент оценила, и ещё ей понравилось, что он не взял для себя водки. — А Вы почему в одиночестве?

— Командировочный. Завтра уезжаю. Решил прогуляться напоследок. Город у вас красивый. — И он широко улыбнулся.

Простецкая была у парня улыбка. Располагающая. Без тени намёка, что за ней прячется что-нибудь хитренькое. Ответить такой же улыбкой она не могла, приходилось помнить о выдранном зубе. Зато у неё красивые волосы и костюм под цвет глаз. Она видела, что нравится, и уже не сомневалась, что всё сойдётся, сбудется желание, шевельнувшееся в ней перед зеркалом. Теперь она признавалась себе, что именно оно заманило её в кафе, и не стеснялась его, не прятала от себя, да и от парня, сидящего напротив.

Мужчина в белом костюме наконец-то допил свой кофе и встал. Наверное, не дождался ту, которая обещала скрасить гордое одиночество. Так ему и надо. Лицо надменное, а ножки коротенькие. Если бы он пригласил танцевать, она бы отказала. Посмотрела на бутылку вина. Осталось чуть больше половины. Скорее бы оно кончалось.

— Вы меня проводите, а то мало ли шпаны по улице шляется?

— Обязательно.

Пока шли к дому, ткань костюма как-то по-особенному ласкала кожу. Имя парня напрочь вылетело из головы, силилась вспомнить, но не могла, и это почему-то веселило её. Возле подъезда залихватски похвасталась, что в холодильнике стоит бутылка вина. Была уверена в его догадливости, но так уж, на всякий случай, чтобы заглушить любые сомнения, и в комнате, не отходя от двери, обхватила его за шею, прижалась к нему изо всех сил. Потом, уже в постели, лежала с закрытыми глазами стараясь успокоить тяжёлое дыхание, и удивлялась своей бесстыдности. С мужем такого никогда не случалось. Не то чтобы сдерживала себя, просто не подозревала, что может быть настолько жадной. И утром не чувствовала ни раскаяния, ни стыда. Чтобы не одеваться при госте в своё платье, она потрясла его за плечо и шепнула:

— Вставай, мне надо на работу собираться.

— А опоздать нельзя?

— Нет.

Увидела, что взгляд его скользнул по стулу с мужской рубашкой и брюками, но придумывать объяснения не стала. И он не спросил.

Уже держась за ручку двери, подмигнул ей и выдохнул:

— Это была фантастическая ночь. Спасибо, Таня.

— Тебе спасибо, что имя запомнил, — хотела признаться, что впервые изменила мужу, но сдержалась, слишком долго пришлось бы рассказывать. Пусть думает всё, что захочет, даже самое плохое.

Легко убедив себя, что заезжать домой нет времени, она отправилась в свою прачечную. Начальница, скорбно пробормотала:

— Ну что сказать, Танюша, не знаю что сказать. Ничего уже не исправишь. Крепись.
— Всё ещё поверить не могу.
— Понимаю, мы тут с девчонками сбросились. Я и профсоюзнику позвонила. Напомнила, что двадцать лет у нас отработала. Обещал.
— Двадцать лет,— повторила Татьяна,— Верочке годик был…

И слёзы потекли. Наобум опустившись на стул, уронила голову на руки и заплакала, не сдерживая себя.
— Ты посиди, а я побежала, дела.
— Нет, нет, мне тоже надо…

Потом подходили подруги, виноватыми голосами выражали соболезнования, и от этого становилось ещё тяжелее.

Дома, увидев на кухне мужа с соседом и бутылку на столе, совсем расклеилась, накричала. Схватила бутылку и вытрясла остатки в раковину. Было на донышке, но раньше такого не позволяла себе.

Сосед виновато оправдывался:
— Веру помянуть… хорошая девушка была… уважительная…— и бочком, бочком к выходу.

А муж молчал, даже не спросил, где она пропадала. Сама сказала, что ночевала в комнате дочери. Он не удивился. Смотрел понуро исподлобья, сгорбившись, раздавленный виной. Видела, понимала, но желания хоть как-то уменьшить это чувство у неё не возникало. Велела одеваться и ехать в пожарку, просить у начальства денег на похороны и автобус для провожающих. Про автобус ей в прачечной подсказали. Он не отказывался и сразу начал собираться. Знала, что на работе обязательно добавит, но отправляла с глаз долой, без лишних слов с неприкрытой брезгливостью. И едва выпроводив, не раздеваясь, упала лицом в подушку и сразу заснула.

Разбудили её девушки из кафе, пришли уточнить время похорон и сказать, что их директор предлагает провести поминальный ужин у них, разумеется, без всякой арендной платы. Проводив девушек, она подогрела полную тарелку щей, сваренных ещё до страшного известия, но не наелась. Ни яиц, ни колбасы в холодильнике не нашлось, принялась чистить картошку, порезала, но жарить не стала. Прилегла и снова уснула.

Следующий день ушёл на беготню и разъезды: милиция, морг, кладбище, справки, квитанции— хлопотное и нервное занятие, но оно словно отгораживало от воспоминаний о Верочке. Порою даже казалось, что делается это для постороннего человека.

Автобус, обещанный мужу на работе, к залу ритуальных услуг не приехал. Пожарники решили, что гроб будут выносить из квартиры и только там выяснили у соседей, куда им рулить. Явились, но каких нервов стоило это Татьяне. И не шофёр, конечно же, был виноват, а муж, который не смог внятно объяснить. И на кладбище, и в кафе она старалась подальше отойти от него. Даже смотреть в его сторону не могла, чувствуя, как закипает ненависть, не допуская в мыслях никаких его оправданий. В кафе он даже попытался покаяться перед всеми, дескать, мало внимания уделял, не баловал, но Татьяну коробило каждое слово. А девчонкам из кафе верила, да и как не поверить, что её дочь всегда была готова прийти на помощь, не боялась никакой работы и скандальных посетителей умела поставить на место без лишнего шума. Слушала и не могла сдержать благодарные слёзы. Но больше всего была благодарна за то, что девчонки, никого не обижая, аккуратненько скруглили поминки.

Когда гости стали расходиться, муж подошёл и сказал:
— Мы на автобусе поедем, мои ребята нас до дома довезут.— И прозвучало это с некоторой гордостью. В его словах она услышала:— «видишь, как меня уважают».
— Нет уж, езжайте, допивайте, а я пойду ночевать в её комнату.

А уже по дороге прикидывала, где бы найти приработок, чтобы платить за эту комнату постоянно, в конце концов, можно мыть по вечерам полы в подъездах.

Капризы памяти

Окна в квартире дочери выходили на обе стороны дома, но в её комнате и на кухне к обеду становилось душно от настырного солнца. Она пробовала открывать форточку, свежести не прибавлялось, а несмолкаемый гул улицы мешал слушать радио. Она не всё понимала, о чём там говорят, да и не старалась вникнуть, но присутствие голоса разбавляло одиночество.
— Пойду-ка я на воздух,— сказала она радиоприёмнику, словно предупредила или даже попросила разрешения.

По пути к двери заглянула в уборную— удостовериться, что лампочка не горит.

Про свет вспомнила, а тряпочку прихватить забыла. Каждый раз, когда подходила к затоптанной лавке, загадывала принести, и каждый раз забывала. Пришлось вытирать ребром ладони.

Дом был огромный, и солнце заползало во двор только к вечеру. Она зябко дёрнула плечами, оглянулась на свои окна. Нет, возвращаться в духоту не хотелось.

Возле самого дальнего угла стояла женщина с коляской. И больше никого на весь длинный двор. Тишина, если не обращать внимания на воробьёв. А что к ним цепляться, пусть себе чирикают. Но одна сидела недолго. На крыльце подъезда появилась Татьяна Семёновна, тощая бабёнка с волосами, покрашенными в нечеловеческий чёрный цвет. Пенсионерка, не очень старая, но

злая и рассудительная. На большом заводе в лаборатории работала.
— Увидела в окно, что баба Вера вышла, дай, думаю, компанию составлю. Последними новостями поделюсь.
— Присаживайся, рада завсегда. Товарки твоей, с палочкой, из третьего подъезда что-то нету. Не умерла ли?
— Господь с тобой, баба Вера, с чего ты решила?
— Так не выходит. И вчера не было.
— Жива, на дачу увезли.
— А зовут её как? Опять забыла.
— Зовут Зовуткой, величают Уткой. Так вроде раньше в деревнях говорили?
— Правильно,— хихикнула она, вспомнив детскую присказку.— А ты откуда это знаешь, ты же городская.
— Так и в городе русский народ живёт. А зовут нашу подругу Алевтиной. С утра видела, как они в «запорожец» грузились. Сынок всё покрикивал на мать, торопил. Нервный мужичонка. Твой-то зятёк не обижает?
— Нет, он спокойный.
— Всё правильно, те, которые на «запорожцах» ездят, они всегда нервные. Статус у них такой. А твой — на джипе, ему нервничать не с чего.

Она не поняла, но на всякий случай кивнула. Больно путано разговаривают эти городские. И зять такой же. Робела перед ним, хотя ни одного грубого слова не слышала. Чувствовала, что дочь боится мужа, и она этим страхом заразилась. На всякий случай старалась как можно реже попадаться ему на глаза. Когда вместе собирались за столом, он вёл себя очень культурно. Разве что постоянно подтрунивал над старухой. Так он и ребятишек не щадил, но больше всех доставалось Нинке. А та, дура, обижается. Виду не показывает, но материнское сердце не обманешь. Нинка совсем злая стала. Злая и хитрая.
— Баба Вера?
— Чего?— она вздрогнула, догадалась, что Татьяна Семёновна спросила о чём-то, а она пропустила, задумалась.— Глуховата стала, прости.
— Я говорю, чего в деревне-то не жилось, там и воздух чище, и по хозяйству что-то делать можно. Всё веселее.
— Без работы скучно. В деревне лоскутные половики делала, и дочке все полы накрыла, и соседей обеспечила. Иногда такой весёленький получится, что любо-дорого посмотреть. Тряпки там вольные. А здесь, чуть поистёрлась одёжка — и сразу на помойку. Квартира аж четыре комнаты, кухня — пятая, а им простору не хватает. Пошто выкидывать, места не пролежат, может, и сгодится когда. А я бы половички сделала. На них ступать одно удовольствие, нога радуется. А какая радость от этого… Забыла, как называется.
— Линолеум?
— Другой, этот я знаю.
— Паркет?
— Хитро как-то называется. Нинка говорила, да разве упомнишь.
— Ладно, не переживай, какая разница.
— Светло-коричневого цвета, полоски длинные, во всю комнату.
— Да бог с ним. Осталась бы в деревне, и голову ломать не надо. Шила бы половики в своё удовольствие. Чего не сиделось?
— Так тесно у них. Митька-то — мужик добрый, но спина болит, место на печке для себя держит. Домишко маленький. Да ещё и Светка, внучка, с двумя детьми из города от мужа ушла. Зимой на полу ночую, а летом в сенцах. Так ведь и днём иногда прилечь тянет, старая уже. Нацелюсь на койку в сенцах, а там уже ребятня примостилась. Прогонять неудобно.
— А они не понимают, что бабке отдохнуть надо?
— Так ребятня же.
— Вот ведь воспитали себе на голову.
— Помаялась, помаялась и к старшей переехала. Она в соседнем районе. Речка у них рыбная, и огород большой, а домишко тоже маленький. И живут бедновато. Мужик достался косорукий, ничего не зарабатывает, всей оравой на мою пенсию заглядывают. Я уже старая, а на похороны отложить не с чего. Вот и уехала.
— Ну этот-то зять, судя по машине, умеет зарабатывать.
— Так опять на мою пенсию живём.
— И шубу дочка на твою пенсию справила.
— Нет, шубу она раньше взяла.
— Да твоей пенсии на квартплату и на бензин не хватит.
— На похабные журналы хватает, а мне на пряники выкроить не могут. Я их с молоком люблю. Каждый день Нинке заказываю, а она сначала забывала, а теперь придумала, что вредные они.
— Не она придумала, врачи пишут. Правильно предупреждают. Я тоже воздерживаюсь от сладкого.
— Где же правильно, если я люблю. Вот напомнила, и аппетит заурчал. Пойду-ка перехвачу что-нибудь. Да и прохладно, оболоклась легковато.

В холодильнике, прямо с краю, стояла большая кастрюля. Она подняла крышку и удивилась, увидев пирожки,— когда это Нинка успела напечь, неужто вечером, пока она спала? Румяные и сдобные, они сами просились в рот. Первый съела, не закрывая холодильник. Пирожок был с луком и яйцом. Пока закипал чайник, не удержалась и ещё два раза слазала в холодильник. Надо было бы и пирожки подогреть, но управляться с микроволновкой она не научилась, боялась нажать на неправильную кнопку. Да и холодные были вкусными. Уже к третьей чашке чая попался пирожок с капустой, а их она любила всю жизнь, вот и Нинку приучила

стряпать, даже в городе не забыла. С очередным не повезло — оказался с яйцом. Она отложила его и надломила новый. И опять не повезло. Потом подумала, что оставлять подпорченные пирожки в кастрюле не по-хозяйски. Застыдилась. Доедала уже через силу. От неприятной тревоги в животе сначала расслабленно отмахнулась, а когда поднялась с табуретки, было уже поздно, что-то тёплое побежало по ноге. До уборной не донесла. Кинулась замывать пол после конфуза. Спина гнулась плохо, пришлось волохать тряпку, стоя на коленях. Без передыху — не приведи бог, застанут. Наконец-то подтёрла, но уморилась и прилегла послушать радио.

Разбудил её голос дочери, она с кем-то разговаривала по телефону.

— Ну прямо, анекдот. И смех и грех. Представляешь, вчера до двух ночи стряпала пирожки, поставила кастрюлю в холодильник, а мама нашла и всё съела. Украдкой, ну прямо как ребёнок… Конечно, не жалко, так ведь с желудком может что-то случиться… Восемьдесят семь зимой будет…

Она поняла, что разговор о ней, и сразу вспомнила, как ела пирожки, только не могла она целую кастрюлю смолотить. Наговаривает Нинка. Следом вспомнила и про досадную слабость живота. Хорошо ещё, что успела убрать за собой и никто не узнает о конфузе. А Нинка всё не могла отстать от телефона: то слушает, то поддакивает.

Аккуратно спустила ноги с дивана и поднялась без привычного оханья, но закашлялась некстати. И Нинка сразу же окликнула:

— Мам, ты проснулась?

— Да вроде, — виновато буркнула, слушая, как дочь передаёт по телефону:

— Всё, подруга, мать проснулась, иду собираться, ждите.

— Пряников не купила? — спросила она капризным голосом, чтобы увильнуть от неприятного разговора.

Нинка словно и не услышала.

— Ну и как это называется? Ты совсем как ребёнок. Целую кастрюлю пирожков съела. Такого и молодой желудок не выдержит.

Говорит, вроде посмеиваясь, а голосок-то колючий, злой.

— Какую всю? Там ещё много оставалось.

— Очень много. Три штуки. Я их приготовила, чтобы людей угостить на даче.

— Неужто три?

— Можешь посмотреть, кастрюля на столе. Пирожков не жалко, о здоровье твоём беспокоюсь. Думаешь, я не вижу, что весь пол в разводах. Рейтузы-то хоть сменила?

— Сменила, — кивнула она и опустила голову.

— А грязные куда спрятала?

— В тазике замочила и под ванну поставила. Сейчас простирну.

— Ладно, разберёмся. А сейчас поедем с Куницыными дачу смотреть.

— С какими Куницыными?

— Это наши старинные друзья. У них там по соседству дача продаётся, вот мы и решили обзавестись, дело-то к старости идёт. И тебя на свежий воздух будем вывозить.

Нинка улыбнулась, приобняла её за плечо. Она покорно и радостно прижалась к тёплому боку и притихла, не совсем понимая, кто из них дочь, а кто мать.

— И морковку посадим?

— Обязательно. Я давно Володьку соблазняла. Видимо, дозрел.

Дверной звонок защебетал затейливым птичьим голосом. Мудрёно придумали. Три раза доводилось ей слышать звонки в городских квартирах, и все они были какие-то пугающие, а этот весёлый.

— Лёгок на помине. Сейчас будет ругаться, что мы не собраны.

Едва переступив порог, зять и впрямь стал поторапливать. Но не ворчливо, а весело.

— Мне сегодня газетка с гороскопом попалась на глаза и там чёрным по белому написано, что у Овнов сегодня благоприятный день для приобретения недвижимости, так что я готов платить не глядя.

— Серьёзно, что ли, — игриво удивилась Нинка.

— Абсолютно.

— И давно ли ты стал верить гороскопам?

— С сегодняшнего дня. Давай, тёщенька, поторапливайся. Ты у нас главный оценщик. Без тебя нас непременно облапошат.

Зять дурачился, а ей почему-то стало тревожно, боялась, что за бодреньким голосом прячется какой-то подвох. И с какой стати она должна быть главным оценщиком?

— Быстрее, девушки, быстрее, а то Куницыны уже заждались. Я обещал быть у их подъезда через десять минут, а в городе пробки.

Дом, возле которого их ждали, был высоченным, но узким, с единственным парадным, и площадка перед подъездом не такая хмурая, как у них во дворе. Солнышка хватало, только лавочек не было. К машине подошли двое. Женщина примерно Нинкиных лет, а мужик вроде как помоложе, или ей показалось, потому что худощавый. Взгляд на нём почему-то задержался. А когда он улыбнулся, увидела «воротца» в середине верхних зубов и всё поняла — это же Васька. Васька из её деревни. Деревни, в которой родилась и росла до пятнадцати лет, из которой погнали на северную Кудыкину Гору. Тощенький, долговязый Вася, который приносил ей первые жарки. Его «воротца» с другими не спутаешь. Но почему не узнал? Поздоровался и отвернулся. С зятем разговаривает. Забыл, как орешками угощал. Её семью угнали, а их не тронули. Батька в активистах числился. А Васька

проститься пришёл, не забоялся. И не узнаёт. Даже не смотрит в её сторону.

Мужики заняли передние сиденья. Нинка с подругой присоседились к ней. За приоткрытым окном нещадно шумела улица, и мужского разговора было не разобрать. Место ей досталось наискосок от водительского, рассмотреть лицо Васи не получалось, но зять почему-то называл его Андреем. Ехали очень медленно, останавливаясь через каждые пять минут, а то и чаще. Машины перед ними, машины за ними, и сбоку тоже машины. Постоят, постоят, потом проползут немножко и снова останавливаются. Она никогда не видела столько машин, собравшихся на дороге. Даже страшно стало.

— Как надоели эти ужасные пробки, нервов не хватает,— громко возмутилась Нинкина подруга.

— А тебе-то чего нервничать,— окоротил её Вася,— сидишь в комфорте. Это Володя имеет право психовать, а он, как видишь, спокоен.

Голос у Васьки совсем другой стал, раньше звонкий был, задиристый, а теперь воркующий какой-то. Но она была уверена, что не обозналась. Оставалось доехать до места и там уже выбрать момент, когда жены рядом не будет, и спросить, почему имя сменил.

— Психуй, не психуй, всё равно получишь кирпичом по мозгам. Но если бы дёрганные тупые водилы поменьше психовали, и пробок было бы значительно меньше,— проворчал зять, и они в очередной раз остановились.

Ей показалось, что надолго, потому что задремала. А когда проснулась, машин не было ни перед ними, ни сбоку. Ехали по лесу.

— Ой, девки, а куда это нас мужики везут?

— Куда надо.

— Они с нами ничего не натворят?

— Ну, тёща, ты молодец!— Захлёбываясь смехом, выдавил из себя шофёр.

Она узнала голос и поняла, что спросонья сморозила что-то очень глупое. Хохот на первых сиденьях не унимался, зато соседки, щебетавшие всю дорогу, притихли, а Нинка вроде как и отодвинулась от неё.

— Скоро будем на месте,— всё ещё прыская, успокоил Васька.

Лес кончился. На обочине замелькали разномастные заборы с густо натыканными избами. Она ещё не успела отойти от очередного конфуза и осмотреться, а машина свернула в переулок и остановилась.

— Граждане новосёлы, прошу выйти и оценить.

— Пока ещё кандидаты в новосёлы,— поправила Нинка.

— Надеюсь, всё срастётся. Перечисляю плюсы: вода, электричество, рядом лесок с грибами, пригорок с дикой клубникой, озеро с карасями, и все перечисленные удовольствия в семнадцати верстах от городского дома.

— И это ты называешь удовольствием?— брезгливо хмыкнула Нинка, показывая на избушку.

— Зато практически даром.

— С лачугой я разберусь. Пригоню бригаду, и они за неделю поставят достойный дом,— вступился зять и повернулся к ней.— Ну что, тёщенька, за тобой последнее слово, ты здесь главной будешь, дыши свежим воздухом и любуйся пейзажем. Смотри, какая красивая рябина. Пела в молодости: «Ой рябина кудрявая, слева кудри токаря, справа — кузнеца»?

— Душевная песня,— робко согласилась она.

— А я что говорю. Если прикажешь, вскопаю тебе три грядки: одну для лука, другую для огурцов, а третью для моркови, она, я слышал, зренье улучшает. Грядки — это лекарство от ностальгии по деревне. Но только три, чтобы не урабатываться.

Зять говорил, а она смотрела на крапиву и лопухи за щербатым забором, на низенькую завалюху и вспоминала такую же избёнку в той деревне, куда их пригнали, вспоминала, как мужик, сопровождавший обоз, таким же бодрым голосом заверял отца, что им повезло, что других высаживают на голом месте, а ему по старой дружбе — в память об окопах на германской войне, где общих вшей кормили,— придержал освободившийся домишко. И тоже про реку говорил, про лес, которые не дадут умереть с голоду.

— Не хочу!— закричала она.

— Не хочешь грядок, не надо. Обойдёмся без закуски,— засмеялся зять.

И Васька засмеялся, да громко так, но как-то не по настоящему, притворяясь, будто ему смешно. Да и не Васька это совсем. Васька смеялся по-другому. Трудно было удержаться, чтобы не засмеяться с ним. А с этим смеяться не хотелось. Да и откуда ему взяться здесь, он поди давно уже помер. Теперь она рассмотрела его, и наваждение отступило.

— Не хочу здесь жить, везите меня обратно,— и заплакала.

— Мам, ну что ты как ребёнок,— прикрикнула Нинка.

— Не буду здесь.

Мужицкий гогот не унимался, и от него было ещё страшнее. Почему они смеются?

Нинка с товаркой взяли её под руки.

— Пойдёмте, тут через участок наш дом, у нас уютненько, цветов много.

Они пошли, а мужики остались возле машины.

Цветов было действительно много. Высокие, яркие, разноцветные. На клумбах, обложенных крупными камнями, в горшках, подвешенных на стену. Её усадили на лавочку возле высокой, в человеческий рост копёшки, густо усыпанной мелкими белыми цветами.

— А это что за прелесть?— спросила Нинка.

— Клематис, а вон там лаватера, пойдём я тебе мои гладиолусы покажу, и петуньи там чудесные.

Она осталась на лавочке в окружении цветов. От яркости и пестроты было как-то не по себе. Зачем их столько, она не понимала. За ними же постоянный уход нужен. В деревенских палисадниках росли по два-три георгина, и всем хватало. А здесь и названия какие-то страшные, злые.

Подошли мужики.

— Ну что, тёщенька, утопаешь в роскоши красоты?

— Шевельнуться страшно. Капризные они.

— Очень правильное замечание,—одобрил похожий на Ваську,—а наши городские дамы этого не желают знать и втридорога заказывают экзотичные семена.

— И места сколько занимают, могли бы что-то путнее посадить.

— Очень резонное замечание. Я своей давно говорю, но меня не слушают. Я здесь на правах подсобного рабочего,—и снова засмеялся.

А с какой стати—вроде ничего смешного не сказала. Она сердито отвернулась, и взгляд её упёрся в сиротский кочанишко капусты с листьями, изъеденными гусеницами. Рядом с ним был воткнут прут, на котором болталась белая скорлупа от куриного яйца, и снова цветы, не очень высокие, но с тугими ядовито-жёлтыми шапками.

— Ну как, мам, нравится?—спросила Нинка, вернувшись из похода по чужому угодью.

Видно было, что самой дочери здесь в радость, чтобы не портить настроение, она молча кивнула. Подмывало спросить про яйцо, но не решилась, чего доброго, снова засмеются.

— Ты посиди, полюбуйся ещё красотищей, а мы пойдём ужин готовить.

— По участку прогуляйтесь, может, чего интересное сорвёте. Слива уже поспевает, она мягкая,—разулыбалась хозяйка.

Пробовать сливы после обеденных неприятностей с желудком она остереглась. Дверь веранды оставалась открытой, но голоса пропали где-то внутри дачи. Она встала и, стараясь не задевать за нагнувшиеся цветы, добралась до калитки. Оглядываясь, словно ожидая погони, подкралась к дому, в который зять собрался выселить её. В ограду заходить не решилась. Глянула на ржавую крышу с заплатой возле конька и, задыхаясь от бега, кинулась назад. На сколько её хватило? Семь или десять шагов? А убежала будто бы на семьдесят лет. Большая машина с блестящими сытыми боками казалась ей защитницей. Дверца была приоткрыта. Она забралась на заднее сиденье и забилась в угол. Словно спряталась. И страх отступил. И озноб, который подкрался возле ограды, тоже пропал. Вжимаясь в мягкую кожу, старалась дышать как можно тише. К стеклу с наружной стороны прилепилась пёстрая бабочка. Она постучала ногтем. Бабочка упорхнула, и на душе потеплело, будто спасла её, несмышлёную. И совсем некстати появилась Нинка.

— Вот она где спряталась, а я бегаю по участку и не знаю, что подумать. Пошли, стол уже накрыт.

Она упрямо замотала головой.

— Ну что ты как маленькая.

— Не пойду.

— Люди ждут. Что ты меня весь день позоришь?—Нинка перегнулась над сиденьем, хотела схватить её, но она спрятала руки за спину.

— Не пойду!

Подоспели мужики.

— Ребята, помогите её извлечь. Снова раскапризничалась.

— Не пойду, не пойду,—повторяла она, пытаясь найти за спиной, за что бы ухватиться, но тугая кожа не поддавалась пальцам. От страха и бессилия она заплакала. Точно так же она плакала девчонкой, когда их увозили из родной деревни. Она даже спрыгнула с телеги и хотела убежать, спрятаться, но сопровождающий успел подставить ногу, и она упала, а тот поднял её, усадил рядом с отцом и велел держать.

— Володя, открой дверцу с её стороны и помоги выйти,—прошипела Нинка.

— Ну, тёща, отчудила.

— Отвезите назад в большой дом. Там радио есть и Татьяна Семёновна.

— Сколько можно капризничать,—взмолилась Нинка, готовая расплакаться.

— Отвезите.

— Да не может он везти, мы уже выпили,—сказал похожий на Ваську и снова захохотал.

— Когда успели?!—хором возмутились Нинка и подошедшая на шум подруга.

— Нашли возможность.

— Вы прямо как последние алкаши, ни на минуту нельзя оставить.

Она слушала, как девки ругаются с мужьями, и радовалась, что отстали от неё. Притихла, но слёзы не унимались. Потом все четверо ушли в дом. Ей показалось, что не возвращались они очень долго. Первым появился зять с пакетом и сумкой. Поставил вещи рядом с ней и, весело подмигнув, сел за руль. Нинку провожали хозяева дачи, в руках у неё был большой букет. Сорванные цветы казались не такими злыми.

— Пробки уже рассосались, прорвёмся,—успокаивал зять.

— А тебе не кажется, что Куницыным интересно не столько наше соседство, сколько твоя машина?

— Не без этого, конечно, но Андрюха парень надёжный, с ним расслабиться можно, от партнёров отдохнуть.

— Знаю, как вы расслабляетесь.

Зять что-то ответил, Нинка ему возразила,—да и пусть себе поспорят, радовалась она, лишь бы её не трогали. Машина шла, плавно покачиваясь, и она снова не заметила как задремала.

Елена Граменицкая

Песок и скамейка

Они любили именно такое море. Перламутрово-мерцающее, ртутное, прокладывающее тропу уходящему за горизонт солнцу. Любили перешёптывание прибоя, шелест песка, далёкие крики чаек. Терпкий запах подсыхающих водорослей и ракушек, сбитых волнами в огромные клубки. Любили гулять по берегу, смеяться, проваливаясь в зыбкие вымоины, шлепать босыми ногами по воде, по-детски брызгаться.

Вдоволь нагулявшись, отыскивали только им известную скамейку на гребне дюны. Там в зарослях седого тростника, они сидели до самой темноты, болтали обо всём на свете и забывали проходящий день.

Завтрашнее утро начнётся с чистого листа, игра покажется новой. Игра длиною в три дня, один раз в году.

Позавчера они вспоминали города, пробежались по алфавиту, привычно споткнулись на «Й» и сдались непобедимому «Ы». Вчера «придумывали облака». Или наоборот? Облака придумывались раньше? Какая разница.

Ещё они любили мечтать: иногда про себя, чаще на пару вслух.

Вспоминать бывшие подчас глупые желания и смеяться над ними. И лишь над одной мечтой не смеялись никогда — над выструганной кем-то из грубых досок скамейкой, занозы которой давно слизал ветер, а ноги с каждым годом всё больше и больше точил песок. Разве можно смеяться над их невидимым глазу уголком, где беззаботно, маленькими глотками пьётся вино прямо из бутылки, смеётся от души и беззаботно играется. Каждый раз, возвращаясь на свой берег, они мечтали, чтобы скамейка была на месте. Ждала их. Мечтали и боялись. Словно не станет её — не станет ничего. Песок съест выжженные солнцем доски, а время — людей.

Сегодня они играли в ассоциации.

— Мужчины похожи на сыр.

Хитрая улыбка скользнула по её губам, затаилась в ямочках.

Он промолчал, отхлебнул вина и приготовился слушать.

— Я буду приводить примеры, а ты говори: да или нет.

— Хорошо. Надеюсь, мой сорт займёт лучшую полку?

Она тряхнула кудряшками. Ямочки насмешливо дрогнули.

— Плавленый сырок. Ты какой любил? «Дружбу» или «Волну»?

— Не помню разницы.

— Я покупала «Янтарь» и варила из него удивительный луковый суп. Но я не об этом хотела рассказать. Хотя в следующий раз, — она на секунду задумалась. — В следующий раз придумаю для каждого мужчины из моей жизни подходящий суп. Напомни!

— Даже интересно, какой у меня рецепт. Хорошо, не отвлекайся.

— Итак, плавленый сырок. Сычужная смесь, творог, молоко, масло. Всё на скорую руку, на лету, раз-два, намазал на бутерброд, закинул в рот, запил сладким чаем. Милый безусый паренёк, первый неудачный секс, даже не секс, а так — одно разочарование. Слёзы в подушку, лекции под копирку, очередь в буфет, билеты в кино, молчание в телефонной трубке, опадающие шарики мимоз, мятые записки, обиды, ревность, прогулы, отчисление, армия, чувство вины. Ни стержня, ни капли уверенности, ни мужчины. Плавленый сырок принимал любую форму, прилипал к пальцам. Я его бросила.

— Жестоко. Согласен, сыр должен созреть. Тем более под названием «Дружба».

Она кивнула и продолжила:

— Рассольный. Для этого были созданы все условия, вся химия и биология, в три обхвата генеалогия и интеллект, ничего не делай, плавай себе и прорастай благородной плесенью. Идеальный вариант, торопиться не надо, мальчик станет мужем. Твоим. Не сразу, потом. Главное, не нарушать технологию и уметь ждать.

— Так можно прождать всю жизнь, пока заплесневеет.

— А пока ждёшь, нужно дегустировать дальше. «Камамбер». Нежная сердцевина, сливочно-текучая с бархатной, тающей на языке ореховой корочкой. Неожиданный, неизведанный, смелый вкус, как и тот, оставшийся в памяти почти идеальным. Рискованный, уверенный в себе, щедрый. Сказал — отрезал — не буду как все! Стану лучшим! Сейчас очень богат. Мы расстались давно. Он был женат и очень любил сына.

— Жалеешь?
— Уже нет. «Пошехонский», «Костромской», «Российский». Не чувствовала вкуса, не запоминала, заедала.
— Тот самый «Камамбер»?
— Ага. Помню, как он стоял на коленях, целовал мои ладони и говорил: — Боготворю. Но…
— Трогательно. Почти верю. Значит, был ещё один сыр?
— «Горгонзола». Пикантный, острый, глубокий. Провокация на провокации. Миланский шарм, преступная страсть. Глаза цвета пивного солода, медовые радужки, губы мягкие — не оторваться. Приклеиваешься! Любовь на грани фола, выигрыш за секунду до провала. Острая бритва по нервам, невероятное напряжение. Наркотическая боль. Ломало очень сильно и долго не отпускало. С тех пор избегаю итальянских сыров и мужей подруг.
— Разлучница.
— Нет. Жертва. Избегаю за малым исключением…
— Значит, есть ещё один сорт в запасе?
— «Пармеджано». Удивительно твёрдый и одновременно хрупкий, воспетый прохвостом Джакомо. Такой же непредсказуемый, взрывной любитель красоты. Наиболее зрелый из моих любимых сыров, познавший жизнь, вынесший из неё самую суть.
— Ты мне льстишь.
— Божественно вкусный, растекающийся по языку крупинками, они до самого утра хранят нежное послевкусие, и стоит забрезжить утру, соблазняют отломить ещё один кусочек.

Всё! Теперь твоя очередь.

Он внимательно смотрел на неё, словно видел впервые. Сдержанно улыбнулся.
— Одно не пойму, как ты, коварная, совмещаешь любовь к выдержанному рассольному, очень «генеалогическому» и «твёрдому, одновременно хрупкому и божественно вкусному»?

Она ничего не ответила. Ждала.
— Ладно. Так красиво, как ты, точно не придумаю. Любите вы, дамы, играть словами там, где можно сказать просто и ясно. Молодой, полутвёрдый и твёрдый.
— Давай-давай! Не нарушай правила. Фантазируй!
— Хорошо. Итак… женщины напоминают мне вино.
— Ого! И какой купаж у меня?
— До тебя дойдёт очередь, не торопись.

Он сделал глоток и подержал вино во рту, наслаждаясь обволакивающим терпким вкусом. Шато Лафит вынуждает ценить каждую каплю. Он всегда привозит с собой одну бутылку. Вечер — море — скамейка — Шато Лафит. Неплохая традиция.
— Сначала Десертное. «Улыбка». Помнишь это чудо? На нём изображена девушка с лозой. Сладкое, мускатное, очень душистое и очень доступное. Как и моя первая женщина. Она была старше и опытнее и многому научила. Стадию «плавленого сырка» я быстро миновал благодаря ей.

Полусладкое. «Арбатское», мягкое, бархатистое, запретный нектар в наше время, спасибо Михаил Сергеичу! Доставали с трудом, с чёрного входа на Столешниковом. По ночам дежурили. Затаривались надолго, потом до утра дымили в парадном, пели «Воскресенье» и БГ. Она жила в том самом подъезде, на верхнем этаже. Училась на вечернем. Лифт часто не работал, и ей было страшно продираться сквозь толпу. Стояла внизу и слушала наши вопли, пока я не заметил её. Милая девочка, простая и скромная. Растрёпанная как воробей.

Однажды я набрался наглости, постучал в её дверь и попросил стакан воды. Похолоднее! Из-под крана!

Первая любовь ушла. А вкус недорогого «Арбатского» до сих пор кажется мне лучше остальных.

Так, теперь столовое, домашнее. В кувшинах, графинах, бутылях с торчащими сосками.

Почти у каждого был или есть любимый сорт, плодово-выгодный. Другое дело в его хранении. Редко, когда столовое превращается в марочное, чаще переводится в уксус. От результата зависит срок потребления. Грустно это всё. Но грусть быстро проходит, на смену ей спешит весёлое игристое или божоле.

Куда без них? Никто не откажется от пузырьков, лучше любого насоса гоняющих кровь. Никто не откажется от молодого, шипящего на языке яда. От запаха фиалок, от ладони, полной упругой нежности, от тела — гибкого, как та улыбчивая лоза, от ночей без сна, от разрушительного безумия. После него домашнее вино кажется дистиллированной водой, а зрение вдруг обретает резкость. Ты видишь то, что раньше не замечал: заляпанный мукой передник, катышки на халате, надорванный карман, растянутый ворот, складочки, морщинки, трещинки. А потом закрываешь глаза и ощущаешь, как лопаются во рту беззаботные пузырьки. Наливай! Хоп-хоп!
— А говорил — не умеешь красиво рассказывать!
— Стараюсь. Не перебивай! Я сам собьюсь… Вино географического наименования.

Это женщины-интеллектуалки. Разновкусные, но с ними очень сложно. Порой не сразу угадаешь, где эта «лоза» произрастала и в каких условиях набирала силу. На южном или северном склоне. Сколько у неё было солнца и влаги. Такие вина затягивают, приручают, позволяют заглянуть внутрь. Но всему свой срок. Сначала хорошо идёт светлый «Рислинг», но быстро приедается, потом нравится тёмный «Карменер». Одно скажу точно — эти вина можно дегустировать очень долго. Но и не забывать про «пузырьки»

Теперь Ликёры. Это — засахарившиеся эгоистки. Ими становятся дорогие географические купажи, окончательно потерявшие берега. Красивые

женщины, они знают себе цену и заламывают её без стыда. Один вечер и пара бокалов уже кажется вечностью. После чего хочется вернуться в прокуренный и пропахший арбатским вином подъезд и материться-материться.

Ну и наконец, коллекционные. Редкие и порой забавные птицы. К ним не привыкаешь, их толком не разглядишь, летают в другом небе. Напоминают и интеллектуалок и простушек одновременно. Но почти всегда обманывают! Оставляют послевкусие эгоисток и ловят в сети, как игривые вертихвостки. Такое вино пьёшь редко, один раз в год, чтобы не забыть вкуса.

Она хихикнула, отломила маленький кусочек сыра и положила его в рот, прикрыла от наслаждения глаза, рассасывая на маленькие острые песчинки, разбежавшиеся по языку.

Он пригубил Лафит и улыбнулся. Она напомнила ему сейчас ту девочку из далёкого московского двора. Ночную, точнее, вечернюю птичку—воробья.

> …Я понял вдруг простую вещь:
> Мне будет сложно с ней проститься…

Незабытая девочка с верхнего этажа. Каким вином она стала? И чьим? Засахарилась или наоборот?

Она сейчас тоже улыбалась, наблюдая, как волны прибоя ловят чаек. Думала о своём. О том, что можно «любить два сорта» сразу. Домашний, выпестованный, выдержанный, разделивший беды и радости, не подавившийся пудом соли. Генеалогически вросший в тело, в мысли, в привычки. И другой, созданный по её отражению, созвучный, резонирующий мыслям, редкий, очень далёкий и потому желанный.

Один сорт для тела, другой для души. А как иначе? Если невозможно совместить несовместимое? И невозможно жить без того и другого. И остаётся только мечтать, чтобы всегда были она, он и он.

Он думал о своём. О том, что очень любит Шато Лафит Гран Кру, ценит его ни с кем не сравнимый букет и солнечное послевкусие. Что с радостью дегустирует молодое и географическое, а для разнообразия и десертное. Но порой готов душу продать за стакан холодной воды из-под крана. Закрыв глаза, он может чувствовать его тяжесть, покрытые влагой литые грани, лёгкий запах хлорки, слышать бренчание усталой гитары несколькими пролётами ниже, видеть удивлённый взгляд, вновь и вновь заводить остановившееся сердце.

Ветер принёс прохладу северных стран, запах сайрового улова, томившегося в ржавых трюмах, далёкие портовые «майна—вира», озорно взъерошил кудряшки на голове женщины, поиграл сединой её спутника и умчался прочь. Непоседа!

Им было хорошо вместе. Спокойно. Они любили гулять по берегу в ожидании ночи, болтать обо всём на свете, пить вино прямо из горлышка и играть. А ещё мечтать о возвращении на старую, выгоревшую на солнце скамейку, пока ту не съел песок, а их самих не стёрло время.

ДиН ревю

Татьяна Ягодинцева

Изоляция

Челябинск: «Цицеро», 2016

«Я думаю, самообман—это самое неприятное, что может позволить себе человек; это настолько же глупо, как если бы мышь сама сделала себе мышеловку, положила туда кусочек сыра получше, а потом, соблазнившись им, попала бы в ловушку.

Кажется, это было моё самое тихое лето. Первое лето практически без разговоров, потому что вдруг оказалось, что разговаривать о наболевшем, в общем-то, не с кем. Я не воображала, что меня не поймут, но боялась того, что все непременно начнут давать советы. Каждый человек ведь считает своим долгом что-то советовать. А иногда—и это уже давно не новость—советы совсем не нужны. Боясь ненужных слов, я сама себе выстроила крепостную стену, которая и не пропускала звуки из внешнего мира. Наверное, именно поэтому голос, звучавший в голове последним августовским вечером, был так важен. И всё, чего я боялась утром первого сентября, так это того, что ночное знакомство окажется плодом моего воображения, уставшего от тишины. Появление родственной души—и я не знаю, как назвать это по-другому—именно тогда, когда мне больше обычного хотелось разорвать молчание, радовало и настораживало одновременно. Может, это моё сознание, не имея другой возможности открыться, создало образ невидимки? Но я не могла дойти до того, чтобы придумывать себе друзей…»

Юлия Нифонтова

Давай просыпайся!

Кто богохульствует, тот наносит раны самому себе.
Святитель Иоанн Златоуст

Санька Струков отпирался до последнего. Нет и всё! Не делал. Не видел. Не участвовал! И кто во время уроков катал со страшным грохотом по школьному коридору эту дуру Лебедуху на подставке от телевизора — видом не видывал!

«Ну что ж, не пойман — не вор!» — угрожающе проскрежетала завучиха, и заложника пришлось выпустить из учительской.

Прокручивая в уме события прошедшего дня, Зоя невольно улыбнулась, припомнив тот эпизод. Какой же он смелый всё-таки — Санька! Ведь когда завуч Римма Георгиевна свирепеет, то не то что у ребят, а даже у самых стойких учителей дрожат колени. Верно, если не подчинишься — случится невозможная трагедия. Никто не мог устоять под её давлением, а Санька устоял!

Зоя привычно скользила взглядом по знакомым трещинам на асфальте. Дорога. Обыкновенная дорога до работы и назад. За восемь лет «пробега», кажется, можно идти по ней с закрытыми глазами. Механически всплывают в памяти: выщербленные ступени на подъёме, выломанный вандалами сектор чугунной ограды. И как они только тащили этакую тяжесть?

На перилах моста местный умелец соорудил скульптуру — одинокий лебедь смотрит вдаль и день за днём ждёт свою пропавшую без вести подругу. Коварные и, по-видимому, те же ночные злоумышленники, что нарушили целостность чугунного кружева, с маниакальной настойчивостью отрывали лебедю крылья, ломали шею, обливали краской из баллончиков, но самоотверженный скульптор каждый раз восстанавливал своё грустное произведение как символ того, что тоска по утраченной любви и одиночество в нашем мире — неистребимы.

Безглазой головой лебедь тянулся на запад, именно там на закате загоралось таинственным светом лиловое небо. Возвращаясь домой по железнодорожному мосту, Зоя всегда замедляла шаг, рассматривала устремлённые на землю из огромного облака серебристые лучи. Там, далеко, почти на горизонте, жила волшебная, колоссальных размеров светоносная туча. Зоя про себя решила, что это и есть — Бог! Она привыкла здороваться с ним каждый вечер, рассказывала ему свои большие и маленькие беды и просила-просила хоть какого-нибудь послабления доли, которая казалась отчаянно беспросветной.

Потом, правда, какой-то доброхот объяснил, что загадочный свет исходит вовсе не из чудо-тучки, а совсем наоборот, от ночных огней крупного тепличного хозяйства за городом. Зоя не приняла столь банально-приземлённую версию и продолжала ритуал благоговейного приветствия серебристого облака.

Однажды разговор с божественным нечто выдался чересчур эмоциональным. Зоя шла с работы, и как это бывает, когда меньше всего ожидаешь подвоха, случилось вовсе непредвиденное. Прямо перед глазами прогремел самый настоящий взрыв! Несколько секунд Зоя стояла оглушённая, впав в ступор…

Когда холодный шок ослабил свои щупальца, она осознала — перед лицом вдребезги разбилась бутылка. Совсем рядом из проезжающего на большой скорости автомобиля кто-то выбросил пустую пивную «чебурашку», та ударилась о бетонный столб и разлетелась острыми стеклянными брызгами!

Самое поразительное: взрыв, случившийся в десяти сантиметрах от лица, не поранил Зою не единым микроскопическим осколком. Она ошалело пялилась то на серый бетонный столб со следами атаки, то на дорогу, усеянную блестящими искорками. Нашла рядом уцелевшее бутылочное горлышко и зачем-то положила в карман.

Потом как пьяная, на обмякших ногах доплелась до середины моста, туда, где лучше всего просматривалось божественное облако, и стала молиться. Слёзы мешали смотреть на светящееся пятно, да и молитв она толком не знала. Шептала своими словами, что первое приходило в голову: «Спасибо, Господи, что оставил жить! Слава Тебе, Господи! Всё-всё в Твоих руках, и жизнь моя, и я сама…»

Теперь, проходя мимо столба-убийцы, как она его окрестила, с внутренним содроганием вспоминала происшествие и не переставала задавать вопросы: «Почему это случилось со мной? Что за странности? Бутылка перед самым носом

взорвалась, а на мне ни царапинки. Ещё чуть-чуть и размозжило бы череп напрочь. Что это? О чём Небеса хотели сказать? Предупредить? Может, у Всевышнего есть на мою жизнь какой-то свой, особенный план?!»

Ну вот и кончился мост, теперь спуск по ступеням через поросль хилых кустов городской вишни. Осталась лишь финишная прямая: пройти мимо трёх двухэтажек, свернуть во двор… и до́ма.

Несколько дней назад Зоя приметила маленькое деревце—яблоня-подросток была высажена недалеко от дороги вместе с другими своими подружками. Все товарки уже украсились нежными бутонами, а она была туго перемотана красно-белой лентой, которой заботливые коммунальщики щедро огораживают дома во избежание травм от схода снега…

Именно это хлипкое ленточное ограждение заставляет бедных пешеходов ковылять по обочинам дорог, лавируя между припаркованными автомобилями, захлёбываясь в грязи, летящей из-под колёс. Видимо, не натешившись проказами в снежный сезон, лента-змея решила вылить свой последний яд на беззащитный саженец. Связанная пленница сникла и обречённо чахла на глазах у прохожих.

Пробегая мимо, Зоя ежедневно порывалась помочь деревцу. До этой чужой молчаливой беды—лишь десяток шагов. Всего-то и надо—сойти с дороги и потратить несколько минут. Но каждый раз она откладывала спасение на потом: то опаздывала на урок, то слишком устала после рабочего дня. Вот и сегодня Зоя вспомнила о зелёной страдалице, уже проскочив злополучное место, а возвращаться назад, чтобы, пачкая руки, разматывать липкие целлофановые путы, конечно, было лень…

Остановившись у самого дома, словно рыцарь на распутье, Зоя задумалась: «Куда пойти? Свернуть в родной подъезд и провести тусклый вечер в компании телевизора? А может, всё-таки перебежать дорогу, купить пару бутылочек пива и поплыть по волнам мягкой добродушной расслабухи?..»

Да, это лекарство примиряло Зою с жёсткой реальностью, но она раз и навсегда решила, что никогда не будет пить без причины: «Я ж не алкаш какой-нибудь! А как-никак учитель музыки высшей категории!»

В детстве Зоя вообще считалась вундеркиндом и местной знаменитостью, однажды даже стала лауреатом престижного конкурса, но скрипача-виртуоза из неё так и не вышло… Хотя, и получилось бы, живи она с богатыми родителями, да в столицах, а на бабушкину пенсию по фестивалям не наездишься. Всегда появлялись другие неотложные дела: уборка, учёба, экзамены… так что музыкальная карьера не задалась.

Однако причина для принятия спасительного эликсира всегда находилась, нашлась она и сегодня.

В гимназии, где работала Зоя, очень заботились о психическом здоровье контингента. Нет, здесь не уменьшили нагрузки на несчастных детей, не убрали уроки по субботам. Наоборот: вал домашних заданий увеличивался, как и количество детей в классах. Руководство гимназии изобрело прекрасный трюк: как изобразить бурную деятельность и красиво преподносить районо инновационные достижения, ничего не меняя по сути. Находка проста, как всё гениальное! В штат были приняты несколько осатанелых психологов, обильно извергающих вал макулатуры: тестов, опросов, анкет. Чтобы исполнить начальственную волю, измождённых узников психологического произвола заставляли отвечать на массу нелепых вопросов. Результаты были неизменно пугающими, поэтому оглашались на каждой планёрке с особо торжественным злорадством.

Но если обычно миру являли свидетельства тотального падения интереса к чтению, к учёбе, собственному будущему, к жизни в целом среди детей и подростков, то сегодня печальные выводы коснулись лично Зои.

По итогам опроса учителей «Нравится ли вам ваша работа?» была выявлена анкета с чудовищными ответами. Когда, сверля коллег взглядом, завучиха театрально оглашала данный пасквиль, Зоя с ужасом узнала собственные опусы:

—На вопрос «Что вас не устраивает в расписании?» этот, с позволения сказать, пре-по-да-ватель навтыкал прорву критиканских шпилек! Например, не ставить уроки математики после физкультуры, а то мы сами, без умников, не додумались бы! Сдвоить уроки рисования. Вот ещё: сократить рабочий день в субботу, а лучше заменить уроки экскурсиями и занятиями в кружках. Неслыханно! Как будто расписание идиоты составляют! Да знаете ли вы, что школа переполнена в четыре раза! Мы с Элеонорой Матвеевной до двух часов ночи корпим как проклятые над этими графиками, чтобы всем удобно было. Одному надо по утрам к зубному ходить, другому, чтобы «окон» между часами не было. Мы вам тут, знаете ли, не фокусники!

Так, дальше. На вопрос «Нравится ли вам утверждённая районо система отчётности?» сей, не побоюсь этого слова, отщепенец заявил, читаю дословно: «Количество ненужных бумаг зашкаливает все разумные пределы!» А наш учёт процента удовлетворённости, это видите ли, вообще бред, который состоит из сплошных приписок и ничего, кроме потраченного впустую времени, не даёт!—докладчица сухо откашлялась и нервно поправила куцый пучок седых волос.—Но самое возмутительное, что этот ренегат ещё смеет поучать:

«Борьба за мифические баллы, которые влияют на нищенскую зарплату, оскорбляет человеческое достоинство. Школьное руководство, как господин, помыкает чернью, поощряет подхалимов и наказывает неугодных. Учитель в наше время и так уж поставлен в положение „чего изволите“, т. е. низведён до обслуживающего персонала, а прислугу современные дети уважать не привыкли. Назрела острая необходимость… и т. д. и т. п.»

Представьте только, уважаемые коллеги, до какой степени чужд этот человек всей системе образования и самим благородным принципам педагогики?!

Римма Георгиевна шарила ненавидящим взглядом по притихшим рядам, ища жертву. Зоя втянула голову и рада была провалиться сквозь дощатый пол кабинета. Она кляла себя за случайный импульс, тщетно пытаясь сдержать предательские слёзы: «Ну для чего эдак на откровенность понесло?! Кому нужна дурацкая правда в королевстве победившей бюрократии?! Выбрала бы, как всегда, один ответ „очень нравится„ на все вопросы сразу, и ни каких проблем. Ведь всем уже давно понятно, что самое главное ныне — поставить в нужной клеточке нужную галочку. Именно этому учит баба-ЕГЭ, как горько шутят старшеклашки. Теперь меня сожрут, причём тщательно и смачно пережёвывая…»

Зоя с содроганием ждала, что сейчас завучиха продолжит экзекуцию, предложив автору самому честно признаться и выйти к доске для общественного порицания. Педсоветы и показательные порки происходили в кабинете биологии, где, видимо, для наказания оппозиционеров в витрине вместе с черепами и побитыми молью чучелами грызунов имелся увесистый каменный топор.

Вспомнив унизительный момент, Зоя захлебнулась злыми слезами. От казни спасло то, что время планёрки было давно исчерпано, и все торопились в классы. К удивлению, стали раздаваться отдельные реплики в поддержку смутьяна, которые стремились перерасти во всеобщий ропот. Чтобы предотвратить бунт, завуч вынуждена была скоропостижно свернуть воспитательную беседу, пообещав напоследок непременно выявить и обезвредить зачинщика.

Зоя снова ощутила тяжкий острый камень, что неспокойно ворочался внутри. От душевных мук необходима алкогольная анестезия! Девушка без колебаний отправилась через дорогу к павильону «Выпить у Ирины». Пивной ларёк, что составлял единое целое с автобусной остановкой, был весьма популярной точкой у местных забулдыг.

Прошлым летом на крышу заведения упала большая ветка старого тополя, уничтожив заглавную букву «И», теперь на вывеске красовалось «Выпить урины». Надписи вторил стойкий аромат вторично переработанного пива, отпугивая потенциальных пассажиров, которые предпочитали под навес остановки не заходить.

— Две тёмного бархатного! — сумочка предательски выпала из рук Зои. Подняв её девушка, стала сосредоточенно копаться в содержимом и как бы между прочим буркнула — Нет, пожалуй, три!

Густо накрашенная торговка понимающе кивнула и выставила перед Зоей три бутылки. К стойке присоседился абориген Руздай, надеясь на угощение выпивкой.

— О, наяды, глаз услады!

— Привет, Руздайка.

— Слушайте анекдот. Свеженький!

Затея похмельного балагура удалась, девушки посмеялись от души. Не смутило их даже то, что речь в байке шла не о ком-либо, а о самом Иисусе Христе. Да ведь от выпивохи Руздая и не таких непристойностей можно было ожидать.

— Ой, не могу — не могу! Ржач! — продавшица пышной грудью легла на прилавок.

— А папа-Карло так и кинется на шею. Здравствуй, грит, сынок! — подогревая общее веселье, самодовольно повторял Руздай.

— Ну ладно держи. Заслужил, — раскрасневшаяся торговка налила хохмачу спасительный стакан.

Перед тем как открыть дверь в квартиру Зоя с тревогой вгляделась в сумрачное нутро почтового ящика. «Вроде нет никаких бумажек, слава Богу!» — с недавних пор она боялась этой жестяной коробки, которая ничего, кроме постоянно растущих счетов и грозных официальных писем, не приносила. Это раньше в почте можно было найти послания и поздравительные открытки от друзей и родственников. Теперь не так.

Войдя в комнату, Зоя первым делом привычным движением провела рукой по чёрному футляру — поздоровалась со скрипкой:

— Взять да и бросить всё! Сбежать из тюрьмы! Возьмут же меня в театр? Хоть билетёром, хоть костюмершей… а может, повезёт, и в оркестр со временем… А когда я как следует отдохну и снова начну любить детей, то можно и учеников взять, — она чуть заметно улыбнулась и вновь торопливо погладила футляр, будто соринку смахнула. — Ладно, дружище, поднимайся из своего гробика, — Зоя решительно взяла инструмент.

Но если на что-то долго не решался и наконец решился, то обязательно на пути встают нежданные препоны — выяснилось, что нет смычка. Зоя поискала его на шкафу и, к удивлению, не обнаружила, а ведь ей казалось, что именно туда она его когда-то положила. Пошарила взглядом по комнате — снова нет. Поиски досадно затягивались. Вместе с раздражением навалились сомнения:

— Да и ладно, не очень-то и хотелось. Всё равно позабыла, как смычок в руках держать. Навык, как говорится, утерян.

Подавившись комком колючей ненависти неизвестно к кому и за что, Зоя как заправский выпивоха откупорила пивную бутылку о край письменного стола. Пиво было густым с привкусом мёда, но сегодня не радовало. Девушка глотала его, как невкусное лекарство. Вскоре снадобье возымело своё спасительное действие: Зоя поплыла по тёплым ласковым волнам всеобщей любви и мирового созидания…

Наконец ей без удержу захотелось поделиться с кем-нибудь своим замечательным настроением. Она начала обзванивать знакомых, даже тех, с кем не виделась уже очень давно и кто с трудом мог её припомнить. У всех интересовалась делами и здоровьем, затем делами и здоровьем родственников. Куда-то ушло, спряталось наконец изматывающее одиночество. Зоя чувствовала безотчётную, прямотаки материнскую нежность к своим собеседникам, подчас случайным. Обильно сыпала слащавыми прозвищами: «котёночек», «солнышко», «ягодка», путая при этом имена и фамилии абонентов.

Каждому слушателю она взахлёб вливала в уши Руздайкин анекдот, и каждый раз сама бесшабашно в голос хохотала. Ей даже казалось порой, что анекдот до такой степени смешной, что не перестаёт искренне веселить, пересказанный даже в десятый раз. Хотя где-то в глубине души свербил неприятный холодок, а в подсознании нет-нет да и возникала мысль, что это зубоскальство выйдет боком.

Но разве может какой-то там слабый холодок, остановить удалой разгуляй широкой русской натуры. К вечеру под покровом темноты Зое пришлось в домашнем халате и шлёпанцах бежать за добавкой. Выдавая вторую порцию тёмного-бархатного, понимающая ларёчница сочувственно кивала, даже когда Зоя как на автомате ретранслировала ей историю с библейским сюжетом, забыв о том, что они совместно знакомились с данной балаганщиной в исполнении Руздая.

Кураж грозился перерасти в недельное плавание по блаженным тёмно-бархатным волнам, если бы не привычка тормозить любой шабаш одним лишь воспоминанием о том, что завтра ровно в восемь ноль-ноль, а точнее, за десять минут до начала урока учитель должен быть в школе. Ни потоп, ни война, ни смерч не могут остановить учебного процесса. Помня, что она лишь винтик в системе вечного двигателя и не имеет права на самовольные выкрутасы, поспешно прикончив остаток пива, Зоя замертво упала на свой диван, раскинув руки.

И снилось ей, что очутилась она меж двух огромных тёплых ладоней, как божья коровка из детства, которая ползала, ласково щекоча кожу. Было в этом волшебном укрытии спокойно, как новорождённому младенцу в колыбельке. Всесильные руки несли сквозь мир крошечную Зою, качали-баюкали. Рядом плыли пушистые облака, густо усыпанные яблоневыми цветочками. В лазоревом небе носились золотые стрекозы, синие ласточки стремительно прошивали пространство.

Вдруг Зоя услышала нарастающий гул, а с ароматных облаков, похожих на цветущие кроны, почему-то потекли чёрные, как дёготь, капли. С каждой минутой пугающий звук становился всё неприятней. Вскоре она с ужасом осознала, что падает спиной на землю: «Разобьюсь! Сейчас! Сейчас!» Девушка крепко зажмурилась, обречённо ожидая смертельный удар.

Она действительно ударилась, но мягко, словно кто-то невидимый продолжал контролировать её падение. Зоя плавно вошла спиной в воду и тихо легла на песчаное дно.

Когда все песчинки, потревоженные явлением Зои, улеглись в покое, она увидела, что прозрачная поверхность над ней, превращаясь в лёд, постепенно белеет — снежная крупа заметала отвердевшее русло. Вода становилось всё холоднее, вместе с этим коченело тело: «Я стыну… или, как замороженная лягушка, впадаю в анабиоз… нет, может быть, я — русалка во время зимней спячки! И как это раньше мне не приходило в голову, что подводные красавицы проводят зиму в этакой мучительной скованности…» Зоя считала удары своего затухающего сердца, вместе с ним угасали мысли, они становились вязкими, неповоротливыми и наконец вовсе оборвались. Казалось, что время остановилось. Осталась только полная апатия да возможность смотреть прямо перед собой в мутное «никуда», наверное, так всматриваются в равнодушную вечность серые речные камни…

Навязчивый рассвет растревожил тяжкое забытьё, и уже нет-нет, да и пробивалась назойливая мысль о трагически невозможном опоздании на работу. Развеяв слабую надежду на продолжение сна, будильник бодрой скороговоркой выдал незамысловатый рэп:

Эй, давай просыпайся!
Никогда не сдавайся!
Свобода внутри тебя,
Свобода внутри тебя.

Зоя сама выбрала радиобудильник, который бубнил ломким подростковым голосом, не давая не малейшей поблажки. Однако резвый юнец внутри часового механизма уже с десяток раз выкрикнул своё: «Эй, давай просыпайся!», а соня никак не могла оторвать голову от подушки. Наконец до сознания начали доходить страшные догадки о том, что эта немощь вовсе не результат лени, похмелья или недосыпа, Зоя не может встать, потому что руки и ноги просто не двигаются. Сонная муть сменилась удивлением, которое неотвратимо перерастало в ужас.

В панике носились обрывки мыслей — одна страшнее другой: «Всё. Допилась. Допрыгалась.

Парализовало. Инсульт. Каждая секунда на счету!» На лице застыла непроницаемая маска. Девушка могла только слабо шептать, до того тихо, что даже не слышала себя. Тем более громогласная скороговорка «Эй, давай просыпайся! Эй, давай просыпайся…» заглушала даже мысли. После многократно повторённого призыва никогда не сдаваться, назойливые часы обиженно смолкли, а Зоя, напрягая все силы, попыталась сосредоточиться и пошевелить пальцами правой руки. Но они оставались холодными и неподвижными: «А может, я уже умерла?!» От жуткого предчувствия надвигающейся на неё тьмы, от непонимания своего нынешнего состояния Зоя запаниковала.

В душе бушевало пламя, внутренний человечек прыгал на стены запертой комнаты, царапал и грыз в безумии руки. Но внешне ничего не происходило. Зое казалось, что прошло уже много времени, час или даже два, однако скосив глаза на говорящий будильник, она увидела, что лежит только десять минут. «Может, если поднатужиться, то можно как-нибудь встать, и всё будет как прежде, и, может, я ещё успею к первому уроку…», но все усилия были тщетны, тело перестало слушаться хозяйку.

В довершение ко всему отвратительная пивная отрыжка горькой волной подкатила к горлу: «Как я вообще могла пить вчера такую гадость?!» — сокрушалась Зоя.

Беспомощное положение и осознание того, что от тебя больше уже ничего не зависит, заставили смириться и взять себя в руки. Вспышками мелькали в памяти эпизоды прошедшего вечера: гогот в телефонную трубку, размноженный на десяток звонков; сочувственный взгляд продавщицы (а ведь Зоя так и не удосужилась узнать, как её зовут, может, она и есть та самая Ирина-урина); гнилозубый рот Руздая, осклабившегося в глумливой улыбке; постыдный поздний поход за хмельным в домашних тапочках и драном халате.

«Да это ж кара небесная! Чего тут раздумывать! Весь вечер трепала Имя Божье, вот тебе и расплата! Ржала как лошадь, да мало того, не одному, не двум, а целой куче людей пересказала мерзкий пасквиль. Именно за это! За это! Смаковала… как там… ручки-ножки на гвоздях… теперь сама вот и прибита!» — слёзы текли ручьями по неподвижному лицу, щекоча скатывались на шею, обильно орошая ситцевые цветы на подушке.

В полном отчаянии Зоя взмолилась: «Господи, прости меня, дуру! Я больше никогда-никогда не буду рассказывать таких гадостей! Никому, ни единого раза больше не перескажу этот поганый анекдот! И не притронусь даже к противному пойлу! Прости меня! Я верю в силу Твою, в справедливость и любовь!» От нечеловеческого напряжения из гортани самопроизвольно вырвался страшный хрип, переходящий в крик.

Стремительно, как отогревается в микроволновке замороженная куриная тушка, просыпалась жизнь в скованных мышцах. Миллиарды тоненьких иголочек вдруг впились сначала в ладони девушки, а затем испуганной стайкой пробежались по всей поверхности тела. Зоя с напряжением подняла руку и некоторое время с интересом её рассматривала. Затем с большим трудом девушке удалось приподняться на локте и спустить ноги с дивана. Это был миг небывалой радости, она ещё никогда в жизни не испытывала такого глубокого тихого счастья. Видимо, чтобы поддержать свою владелицу, запел взбесившийся будильник:

Эй, давай просыпайся!
Никогда не сдавайся!
Свобода внутри тебя…

«Свобода внутри меня… внутри меня…» — повторяла совершенно счастливая Зоя, шатаясь на ватных, словно отвыкших от ходьбы ногах. Она шла по своему ежедневному пути: «Вынырнуть со двора, пройти мимо двухэтажек, затем подъём по заросшим выщербленным ступеням, потом будет железнодорожный мост и одинокий лебедь, безнадёжно взирающий вдаль…» Зоя впервые шла по улице не накрашенной, но почему-то совершенно не стеснялась. Она сильно опаздывала к звонку, но могла ещё успеть, если бы побежала, однако ноги предательски подминались, словно ступали по мягким подушкам.

Зоя внезапно остановилась, невзирая на грозящее неприятностями опоздание. Свернув с привычного пути, она подошла к запутавшемуся в красно-белой ленте деревцу. Девушка любовно, не боясь испачкать руки, снимала путы, избавляя маленькую яблоньку от затянувшейся пытки. Во время этого блаженного акта спасения Зоя придумала, как напишет заявление об уходе, как решительно положит его перед завучихой. Представила, как будут раздуваться её свирепые тонкие ноздри, но от этого стало только веселее и легче, словно упал с души тяжёлый камень, что не давал свободно дышать много лет.

Проходя по мосту, она с удивлением обнаружила, что многострадальный лебедь теперь не одинок. Рядом с ним, гладким и обновлённым, красовалась белоснежная подруга. Видимо, неутомимый скульптор-романтик и не думал сдаваться в борьбе за лебединое счастье. Грациозные птицы нежно касались друг друга кончиками больших крыльев, будто собирались в долгий совместный полёт.

Зоя обернулась и посмотрела туда, где по вечерам зажигалось волшебное серебристое облако: «Спасибо Тебе! Спасибо за эту жизнь, за всё вокруг! Теперь я точно знаю, бывают на свете чудеса, и я на этой земле не просто так… Есть! Есть на мою жизнь какой-то Твой особенный план!»

Олеся Стасевич

Оськин локомобиль

— Оська, ты не бойсь… Ты лучше расскажи, как нефть на огороде нашёл. По телику вся страна узнает,— так посмеивались над Оськой товарищи-рыбаки с привалившегося копчёным боком к берегу баркаса. Устроились рядом на брёвнах, скребли коро́бливой робой по ошкуренной водой и ветром древесине, толкли сапогами мокрый лежалый песок.

Интервью, в котором участвовал Оська, вызывало у них любопытство. Когда оператор поворачивал камеру на их голоса, с деланным равнодушием смотрели они мимо объектива, отворачивали обветренные лица, прятали усмешку в складках по-бурятски наплывших век. Пожёвывали прилипшие к губам потухшие цигарки, снова затягивались, зажимая окурки меж кривых пальцев с окаменелыми ногтями, желтозубо щерились, отпускали незлые шуточки и замечания, покашливали в сторону, не отводя глаз от сетей.

В мареве вогнутой чаши залива плывёт голубой мираж далёкого острова. Водит, слепит бликами по смятому шёлку воды солнечный шар, уже успевший с утра распалиться. Тянут руки к пенистой кромке волны фиолетовые тени прибрежных сосен. Лебёдка натужно гудит, заводит большой дугой сеть от старенького «Ярославца». На поплавках в ожидании поживы покачиваются горластые чайки.

Оська молчит. Выпуклый глаз объектива его смущает. Он прижимает взбугрённые венами руки к худым коленям, коси́т глаза на шишку микрофона, которую ему подсовывает молоденькая Рыжуха-журналистка, и не находит слов. Ужасно неудобно, даже стыдно молчать. Сидят на жаре, на выбеленных до серебра брёвнах топляка уже битый час, и Оська отчаянно жалеет, что согласился на уговоры Татьяны, директора их школы, заглянувшей сегодня к нему во двор спозаранку. Упросила, уговорила дать интервью. Дескать, уважаемый в селе человек, открытый, душевный. В проём калитки было видно, как на улице, у ворот, нетерпеливо переминаются гости. Скрепя сердце согласился.

— Нефть?— журналистка недоверчиво смотрит на Оську, на рыбаков,— откуда?

— Из колодца. Колодец на огороде копал, нефть нашёл.

— И куда вы её дели?

— Никуда. Обратно закопал. Не нужна она. Приедут, вышки понаставят, испоганят всё вокруг. Вот я и закопал, от греха подальше,— усмехается Оська. Не верит Рыжуха, думает, смеются над нею. Пускай себе думает.

Оська оглаживает белую, застёгнутую на все пуговицы рубашку, охлопывает карманы старенького пиджака, надетого по случаю интервью, пытается выпрямить давно уже круглую спину и, прижмурив выцветшие глаза на ярком солнце, улыбается тихой светлой улыбкой ребёнка.

— Ладно, перекур,— оператор пристраивается на бревне рядом с Оськой, протягивает мятую пачку,— закуришь, дед?

Выключилась лебёдка. В оглохшие уши постепенно прорываются крики птиц, шершавый хруст островков прибрежной гальки, шелест волны. От разноцветных лоскутов палаток туристического бивака, устроенного за валиком кедрового стланца, подошли городские ребята. Уже успели хватануть коричневого байкальского загара, с усилием, споро, взялись помогать тащить отяжелевшую сеть. Острые силуэты людей на ярком солнце заставляют прикрывать глаза ладонью-лодочкой. Загорелые мокрые спины, песок, влажно прилипший к коже, углами торчащие робы, плотный запах водорослей и живой рыбы, всё враз смешалось, закрутилось в ослепительной круговерти. Отрывистые голоса, молодые звонкие, низкие гортанные, туго сплелись с ритмом длинных хрипатых рывков десятка рук, вытягивающих сеть на берег. Пятки голоногих городских девчонок, выбирающих из плетёных косматых колтунов улов, тонут в мокром песке. Рыба бьёт серебром по проворным рукам, чешуя перламутром налипает на волосы, руки, тело.

— Хех… Русалок поймали!— выдыхает Оська.

— Что, что?— наклоняется с микрофоном к нему журналистка.

— Русалок поймали!— звук подхватило ветром, понесло над водой, спутало в бьющих наотмашь чаячьих крыльях. Потом развернуло, раскинуло в душном разнотравье байкальского берега и поглотило гулом подлетающего к побережью красно-белого вертолёта.

— Похоже, начальство прибыло…

Павел Николаевич Земцов летать не любил. Вертолётом особенно. Как-то тоскливо становилось, когда винт пузатой машины отрывал его от земли. Терялась опора, становилось зыбко, неуютно. Смотрел в иллюминатор на скобу ярко-зелёной болотины, жухлую степную траву стремительно приближающегося лётного поля. В который раз задавался вопросом: «Да зачем мне это нужно?» Пора уж остановиться, оглянуться назад, оценить с высоты покорённых вершин всё, что наворочал в свои сорок с небольшим лет. Сыновей вырастил, посадил деревьев не счесть, а уж сколько домов построил за всю профессиональную жизнь. Но опять и опять, где-то там, в подкорке головного мозга, шалят неуёмные, неподдающиеся усталому ритму сердца, мысли: «нужно, Павел, нужно… Одну жизнь живёшь… и чтобы не было потом мучительно больно за несделанное…». Мало, всё мало. Уже и генеральство в строительном холдинге мелковатым кажется, в депутаты подался. На носу выборы. Устал, измотался за время этой избирательной компании. Надо выстоять, чтобы легко так, непринуждённо, перед конкурентами взять, да и вытащить на последних этапах гонки затаённый козырь. Двинуть, наконец, с мёртвой точки строительство ЛЭП в Алхатуйку. Село большое по местным меркам. Полтысячи человек, а до сих пор при лучине живут. И это сегодня-то. Советская власть не додумала, не дотянула в своё время электричество до Алхатуйки, а потом рухнула в тартарары. Утянула за собой сначала авиационное сообщение. Затем и старая посудина «Комсомолец», курсирующая по Байкалу меж такими же прибрежными посёлками, оторванными от большой земли, ржавым боком привалилась к гнилому причалу в порту Листвянки. Так и ушла в распил на металлолом. В прошлом году на остров Ольхон по дну Байкала кабель протащили. А тут по материку… Каких-то полста километров. Что, не протащим что ли? Дороги в посёлок нет. Вот дорога к линии и приложится.

Вертолёт резко болтануло. Тьфу, чёрт… Дорога нужна. По той, что есть, на лишь танке проехать можно, да и то в сухую пору. Местные летом по воде, на лодках, в райцентр добираются. В межсезонье село напрочь отрезано раскврашенным бездорожьем и ледяной кашей байкальской шуги. Когда лёд становится, зимник прокладывают… Зимник… его ещё «дорогой жизни» называют. Звучит как надежда. Правильнее будет «дорогой жизни и смерти». Каждый год сколько машин, груза, иной раз вместе с людьми, на свой жертвенник забирает Байкал. Перемалывает ледяными челюстями становых трещин, заглатывает чернотой стылых промоин. В прошлую зиму УАЗик-«буханка» с продуктами на такой становой застрял. Пока водитель до Ушканьих островов за подмогой туда и обратно бегал, льды сжевали машину в лепёшку, так и ушла под воду. Как люди тут живут? Живут… как могут…

Земцов сам был родом из этих мест. Мать рано умерла. Отец работал егерем. Мальчишкой Павел Николаевич каждое лето проводил на дальнем кордоне в тайге. В межсезонье, когда начинались занятия в школе, переселялся к родственникам, в деревню Харма, что притулилась, не доезжая по берегу километров семьдесят до Алхатуйки, в створе Харминского ущелья. В школу приходилось ходить в другое село. В дождь ли, в холод сбивались деревенские ребятишки стайкой и месили грязь по кривой дороге за несколько вёрст. Иной раз повезёт, так проходящий ЗИЛок с рыбозавода подбросит. Нет сейчас Хармы. Сгинула. Одни чёрные остовы от изб да порушенные временем прясла догнивают среди крапивы и тальника.

В постройках заброшенного рыбозавода пытались турбазу организовать. Не прижилась. Дороги почти нет, мощности по электричеству слабые. Да и Го́рная не жалует. Весной, осенью как дунет, свистнет ураганным ветром через узкий раструб ущелья с Приморского хребта. Гаркнет так, что крыши снимет с домов и на воду положит. Какой уж тут туризм.

А Алхатуйка живёт. Вопреки всему живёт. И школа в селе своя. В предыдущий депутатский срок, на столетний юбилей школы, выбил для неё компьютерный класс. Ох, как тогда пресса прокатилась по Земцову. В Алхатуйке электричество от дизеля всего на один час в сутки подаётся, какой уж тут компьютерный класс. Конкуренты в этой избирательной компании не преминули просклонять земцовскую инициативу на все лады. Дескать, бюджетные деньги на ветер бросает, прожектёрством занимается, а людям насущные проблемы решать нужно—завоз топлива, продуктов. Надо, надо дорогу делать. Разом всё. И дорогу и ЛЭП. Да что говорить, уж давно бы двинул все мощности своей компании на строительство. И деньги в бюджете отжал на это дело. Мелочь осталась. По закону сход жителей нужно провести, получить их согласие. Хороший случай представился, объединить предвыборную встречу с избирателями и собрание, где можно решить этот судьбоносный вопрос. Вот она, козырная карта. Коля, правая рука, главный пиарщик Земцова, всё руки потирал от удовольствия, приговаривал: «Теперь мы их сделаем, Павел Николаевич…» Оперативно организовал поездку, журналистов с телевидения отправил. С утра в селе работают.

С глухим стуком вертолёт коснулся земли. Двигатели начали медленно сбавлять обороты.

—Прилетели,—Николай, торопливо вытаскивал вещички из-под сиденья,—нас уже встречают. Пошли на выход, Павел Николаевич.

—Ну, с Богом,—Земцов встал, размашисто перекрестился, на ходу поправлял мятый пиджак, шагнул через открытый люк в горячую пыль,

поднятую всё ещё вращающимися винтами,—пойдём с народом общаться.

Спустя час Оська ходко семенил кривыми ногами к поселковой школе. Интервью так и не получилось. Пока сидели на берегу, прилетел вертолёт с депутатом. Рыжуха с оператором в спешке побросали свои сумки в УАЗик и поспешили на лётное поле. У крайних домов они высадили Оську, взяв с него обещание, продолжить съёмку позже. Свернул за угол, у дырявого школьного забора Оська увидел Алёшку, сына местного егеря. Мальчик сидел верхом на пузатом барабане большого металлического агрегата с красными колёсами и, наклонив голову-одуванчик, самозабвенно качал передний зуб. Рядом в тени крапивы лежали две патлатые, обвешанные кусками линялой шерсти собаки.
— Алёшка, слазь вниз. Инструменты принёс?—прищурив глаз, Оська любовно огладил пузатое брюхо машины. Согнулся, покряхтывал, помог достать Алёшке из-под агрегата ящик с инструментами.
— Отец уже приехал или на кордоне? Собаки, вижу, его здесь.
— Утром приехал. В контору сразу ушёл. А что с зубом делать, аба?—Алёшка протянул кулачок и разжал пальцы. На испачканной ржавчиной ладошке мраморно белел маленький острый зуб.
— Выпал зуб? Мы в детстве закатывали зуб в хлебный шарик, отдавали его собаке и приговаривали: «Собака, собака, съешь мой плохой зуб и дай мне взамен хороший»,—Оська потрогал на ладошке мальчика зуб, потом добавил,—чтобы новый вырос быстрее.
— Дуське отдать?—Алёшка кивнул в сторону собак. Одна из них, услышала своё имя, подошла, наклонила голову, боднула лобастой головой в коленки мальчика.
— Можно и Дуське. Она хорошая собака, сильная. Медвежатница. Вырастет у тебя новый зуб, как у медведя, крепкий, острый,—Оська ласково трепанул её жёсткую шерсть на загривке, потом хлопнул по округлому боку механизма так, что тот весело отозвался протяжным гулом,—посмотрим сегодня вот этот клапан, я у него прокладку заменю, а ты вентиль раскрути и вычисти.

Вдвоём обстоятельно, на промасленной ткани поверх травы, разложили инструменты и принялись за работу.

Этот ржавый паровой агрегат под радостный гомон ребятни Оська прикатил в начале лета с заброшенной лесосеки. Давно хотел это сделать, да всё руки не доходили. То трактора не было, то сам уходил в тайгу на промысел. Когда поставил его у школы, люди посмеивались. Зачем ржавоту сюда тащишь, мало её на старом рыбозаводском дворе валяется? Может, на металлолом хочешь сдать, в райцентр? А как повезёшь, здесь только баржей получится… Больше за доставку истратишь, чем выручишь от продажи. В ответ Оська только крутил головой, хитро улыбался. Сбивал кепку на затылок, прихлопывал по коленям, колченого выступал вперёд, к любопытным:
— Это ж раритет ещё позапрошлого века. Вот очищу его от ржавчины, покрашу и поставлю на постамент посреди площади. Памятник инженерной мысли человека будет.
— Хо, хо… чудит Оська,—отмахивались мужики от назойливых женщин, которым покою не давали Оськины занятия. Смеялись люди, шутили над его чудачеством, со временем попривыкли и отстали с расспросами. А Оська побурханил[1], как полагается, принял полстаканчика на грудь и взялся, как он выражался, «за реанимацию». Галдели у школы восторженные мальчишки, да так голосисто, что матери на другом конце села знали, толкутся их ребятишки у Оськиной железяки. Так, перебирая клёпочку за шурупчиком, шурупчик за винтиком, попривык, сроднился с машиной Оська, стала для него она, что конь для кочевника. Просиживал рядом с ней короткие серебристые ночи, пока не розовело небо на востоке. Любовно оглаживал выпуклый бок, похлопывал по железной обшивке, перебирал негнущимися пальцами, словно узду, сложный рисунок задвижек. И машина ему отвечала из своего переполненного медными трубками нутра глубоким протяжным звуком.

Из всей ватаги мальчишек всё чаще задерживался у Оськиного агрегата десятилетний Алёшка. Целыми днями возились они вдвоём с механизмом, чистили, собирали, подкручивали. А по вечерам, когда в воздухе терпко сгущались запахи земли, травы и навоза, далеко по степи становились слышны голоса людей, лай собак во дворах, сидели Оська и мальчик на штабеле досок и смотрели, как алеет степь под лучами уходящего солнца. Представляли, как закрутятся колеса их машины, запыхтит, зачавкает она шкивами и ремнями. И под протяжный гул её барабана над синими гольцами, над сиреневыми заплатками чабреца на степном покрывале будут плыть на закате розовые облака. А если подобраться к ним ближе, хотя б на макушку ближайшей сопки, то будет казаться оттуда Алхатуйка рассыпанной ненароком горстью домишек. С кривыми заборами огородов и выпасов, с едва заметным штришком дороги, что тянется вдоль берега по степи лишь в одну сторону, в далёкую, чужую, расцвеченную яркими огнями, горластую жизнь больших городов. А в другой стороне нет дорог, только тропы петляют по морянам, распадкам, сопкам, в тайге, меж деревьев, в кронах которых лишь байкальский ветер гуляет: «Аялха ту-у-уйл… аялха ту-у-уйлll… стой человек… конец пути… дальше дороги нет…».

1 .Бурханить—традиционный бурятский ритуал задабривания духов.

— Алёшка, где носишься? Мать тебя уже час как ищет,— Алёшкин отец, егерь Илья, шумно сел рядом,— здорово, Оська. Всё крутишь железки? На прошлой неделе ты с туристами был на ручье за Крестовыми озёрами?
— Я был. Намучился с ними. Приволокли с собой водки не меряно. Чуть зимовье по брёвнышкам не раскатали. Я бы ушёл, да пришлось за ними доглядывать, чтоб не пожгли.
— Больше туда не води. Там медведица с двумя пестунами появилась. На следующей неделе со мной на мыс Рытый нужно сходить. Лошадей с кордона дикие увели. Помнишь, табун, в котором вороной жеребец вожаком? Паслись внизу, в долине по реке, километров за десять. Я на кобыле саврасой тропой по верху сопки ехал, так он, надо же, вдаль такую, а всё равно увидел. По склону понёсся, камни от копыт отскакивали. Подлетел, встал на пригорке. Хвост, грива на ветру волной идут, пена с губ клоками. Кое-как отогнал. А он на следующий день увёл обеих кобыл. Прясла выломал и увёл. Пасутся сейчас на мысе. Отловить нужно,— Илья помолчал, покрутил пальцами сигарету, сунул её в зубы, долго чиркал спичками, так и не закурил. Думал о чём-то своём, покачивал большой головой с чёрной щёткой волос, щурил жёлтые бурятские глаза.
— Земцов, говорят, приехал сход проводить по поводу дороги и ЛЭП? Понятное дело, избирательная компания у него. Журналисты уже всё село проутюжили со своими интервью. Вон идут, легки на помине,— Илья двинул щетинистым подбородком в сторону оператора и журналистки, появившихся в конце кривого проулка. Рыжуха заметно потускнела. Сказывалась жара.

Оська вспомнил о своём обещании продолжить интервью. Но что он ей скажет? Он может рассказать ей, как степь весной, едва проснувшись, со своего тела стаскивает пятнистое одеяло талого снега, как коса гудит в духоте пряных трав на покосе, как в тёплые влажные вечера далеко по степи слышны мычание коров, голоса людей, ржанье лошадей, звук моторки. Но это ли она хочет услышать? Она спрашивает о строительстве дороги сюда, в Алхатуйку, о том, чего ещё нет. А что придёт к ним, живущим здесь, с этой дорогой? Как можно объяснить этой чужой бестолковой девочке, что лишь оседлав коня, узнаешь его норов?
— Иосиф Николаевич, как хорошо, что вы здесь,— присела на доски, теребит мятый уголок блокнота,— скажите, ну почему у вас такие люди? Добрые, отзывчивые, душевные, но интервью давать не хотят, отказываются сниматься. Мы обошли всё село, добирались в Алхатуйку с таким трудом, пыль глотали по ямам да колдобинам, и всё напрасно.
— А что вы хотите узнать?— Илья бросил окурок, даванул сапогом в пыль.— Вы с Земцовым работаете? Видел сегодня, как он с неба спустился. Прямо святой к нам пожаловал. Благодетель. Вот никак не могу понять, он сам из этих мест родом, а почему главное мимо него уплывает? Поговорить хотите? Давайте поговорим. Пойдёмте к нам, пообедаем. Приглашаю. Алёшка, беги мать предупреди, что гости будут.

Вошли в небольшой дом с синими ставенками. Жена Ильи, Марина, проворно собрала на стол, порезала высокую буханку хлеба, поставила в горшке густую сметану с воткнутой ложкой посередине. Густо, с горкой разлила в глубокую посуду борщ. Присела тихо у чистенькой белёной печки, огладила по коленям подол из простенького ситца, подобрала рукой со лба светлые пряди, подоткнув под наспех повязанную косынку. Алёшка привалился к материным коленям, голубоглазо, весь в мать, с любопытством поглядывал на чужаков, вертел в руках фонарик. Илья жестом пригласил к столу:
— Хлеб сами печём. В селе есть пекарня, но мы больше на кордоне обитаем. Туда хлеб никто не привезёт. Вот вы спрашиваете, как мы живём. Смотрите, всё как у людей. Работаем, хозяйство держим.
— Неужели не хотите всех благ цивилизации? Чтобы, как в городе, свет, тепло, вода? У вас же холодильники вместо шкафов стоят. По вечерам без этого чуда техники по деревне не ходите,— оператор показал на фонарик в руках Алёшки, обидно ухмыльнулся, потом продолжил,— общались с вашими односельчанами сегодня. Всё вроде нормально, улыбаются, кивают, а осадочек остаётся. Какое-то внутреннее неприятие. Только о Земцове, о местных властях заговорим, замыкаются, уходят от разговора. Понятно, что у Земцова выборы на носу, он сейчас только на это и работает. Но это же такой редкий случай, когда ваши интересы совпали с интересами большого человека. Пользуйтесь, пока есть возможность.
— Ну зачем вы так резко?— одёрнула оператора журналистка,— Земцов для решения проблем Алхатуйки прилетел. Павел Николаевич для людей старается, сколько усилий он приложил, чтобы выделили деньги на эту ЛЭП. Дело не в выборах и не в его депутатстве. Он душой болеет за людей.
— Не надо за нас болеть. Мы сами как-нибудь разберёмся со своими проблемами,— Илья положил ложку, жёстко, в упор посмотрел на гостей, медленно сжал ладони в кулаки,— что вы собственно знаете о нас, о нашей жизни? Линию проведёте, с ней дорогу. И придут люди по этой дороге. А человек человеку рознь. Сейчас туристы, если появляются здесь, то с поклоном, с уважением, с чистыми помыслами, обнажённые перед природой, подчиняющиеся её законам. Потому что людей с чернотой внутри Байкал наказывает. А по асфальту прикатят хозяева жизни, те, кто привык брать

не спрашивая. Не потому, что им надо, а потому, что им хочется. Что взамен нам они предложат? Словно перед туземцами монистом побрякают, лампочками, телевизорами, другой электробытовой всячиной, а данью нашей за эти бирюльки станет уничтожение всего, чем мы всегда жили и сейчас живём: ягодники, звери, рыбалка, наши священные места, наша нетронутая природа. Не слишком ли высока цена?

— Зря вы так резко. Что плохого, что здесь появятся кемпинги, турбазы? Люди, лишённые свежего воздуха в городах имеют право на общение с природой. Не любите городских?

— Не люблю. Потому, они приходят в мой дом, а всё, что вокруг меня здесь — это мой дом, детей моих, односельчан. И мне в моём доме начнут устанавливать свои порядки чужаки, не знающие и не желающие знать наш жизненный уклад. Вам, никогда не понять, почему при облаве волка, забежавшего во двор, ни один из моих земляков его не застрелит, а сделает так, чтобы он ушёл целым и невредимым. У нас каждая баба узнаёт по размаху шагов, по заломам сучьев след лыж своего мужа. Любой мальчишка помнит каждый камень, каждое дерево в тайге. И ни один из нас не сделает такого, что может нарушить законы жизни, установленные здесь. Куда приходит дорога, туда приходит браконьер. На моём участке весной четыре глухариных тока было. Птица уже крылом чертила по снегу, как у меня в начале мая мотоцикл сломался, и самый доступный остался без присмотра. Выбили весь ток. Появится дорога, и браконьеры здесь отстреляют всех диких лошадей, как на Ольхоне.

Илья помолчал, усмехнулся:

— Думаете, вот сидит мужик-деревня перед вами и пытается умно вкручивать? А я ведь тоже, как вы называете, из городских. Закончил охотоведческий в Иркутске, приехал сюда. Да у меня весь мир перевернулся в глазах, когда я здесь обжился. В этих краях мера жизни другая. У вас всё, что за порогом квартиры, всё ничьё. А ничьё беречь не принято, только брать. А у нас за порогом дома, всё наше. Значит, своё. Значит, беречь нужно. Поймите, любой человек хочет жить лучше. Здесь люди устали выживать. Все понимают, как крайне необходимо нам электричество. Но с лэп придёт дорога, а с ней, как вы считаете, наступит наше процветание. Да нет же, — Илья резко встал, звякнули чашки на столе, — это всё мишура, с дорогой придёт разруха в нашу жизнь. Да что там — в души наших детей, вот главное.

Оська слушал, согласно кивал, поддакивал. Всё отчётливей видел, словно семя на стылом камне, пропадали слова Ильи, словно Горная рёвом своим лишила слуха этих странных людей, уже тонущих в мусоре своих городов и рвущихся в Алхатуйку отстроить дорогу, чтобы привезти сюда удавивший их души хлам. Не дано понять им, что, всю свою жизнь, как и предки его, свободно ходил он по покрытым духмяными травами морщинистым склонам сопок, по песку и камням вдоль шумливой волны, сидел у костра под зеленоватым взглядом луны, а по утрам умывался из холодного ручья, уносящего течением жёлтый лист. Так и после него ничего не должно измениться. А потому для Оськи невозможна та мена, которую ему предлагают. Ибо только соблюдая заветы предков, можно сохранить чистоту в своём сердце, счастливо жизнь прожить здесь, в родной, пусть немного неустроенной, Алхатуйке.

В окно стукнули:

— Илья, журналисты не у тебя? В контору их зовут, там депутат сейчас подъедет.

— Земцов, работодатель ваш прикатил, — Илья кивнул спешно засобиравшимся гостям, — если резковато сказал, не обессудьте. Сказал то, что думал.

Машина остановилась у сельской Администрации. Земцов хотел переждать поднятую колёсами пыль, да куда там, районный глава Моконов ретиво рванул скрипучую дверцу машины:

— Добра вам, Павел Николаевич. Как долетели? А мы уж ждём, ждём… — подсунулся с рукопожатием. Скалил жёлтые крепкие зубы, жмурил хитрые бурятские глаза, подпёртые толстыми скулами.

— Долетели нормально. А ты на машине ехал? На Улан-Хане как по бродам перебирались?

— Проскочили. Сушь стоит, вода спала. Народ даже на «Жигулях» умудряется переплывать.

— Ладно, ближе к делу. Мне засветло нужно успеть вернуться в Иркутск, — Земцов повернулся к Николаю, — Коля, давай работай, руководи своей командой. Где журналисты? Пиарить кто будет?

Николай тотчас заорал, размахивая папкой в руке, на медленно выгружающую вещи из второй машины избирательную команду:

— Так, так, что встали? Все в Администрацию, — живо проскочил три ступени крыльца, рванул облезлую дверь, обернулся, ткнул пальцем приземистой, в нарядном платье, в новых туфлях на каблуках главе поселения, — а вы, пойдёмте в кабинет, нам нужно решить оргвопросы.

Бесцеремонно подхватил опешившую чиновницу под полный локоть. Та чуть не споткнулась, что-то начала с придыханием рассказывать, плавно разводила руками, согласно кивала.

Земцов задержался у крыльца. Курил, навалился на облезлый голубой штакетник, оглядывался. Панорама Алхатуйки выглядела пыльной, с перекошенными заборами, исчирканной штрихами подгулявших, с провисшими проводами деревянных опор линии электропередач. Кривые, поросшие измятыми кустами черёмухи, с разваленными кое-где у ворот штабелями сопревших

брёвен, с пучками полутораметровой крапивы в углах, улицы горбато уходили в степь. Сверху, над серой от жары степной плоскоти́ной нависала пила горной гряды, перед ней горбатились голубыми макушками гольцы, посреди которых где-то там, на высокогорном плато, начинала свой бег река Лена. Две сопки, подпёртые у подножья тёмными клоками леса, расступались глубоким распадком, уходящим в тайгу. А ведь туда дороги-то нет, даже просёлочной. Лишь тропа петляет меж валунов, словно случайно разваленных кем-то по оголённым корневищам сосен. Внезапно Земцов почувствовал всю тупиковую безысходность этого места. «Аялха туйл», в переводе — «место, где закончился путь». Село Алхатуйка, чуть больше сотни дворов с чёрными от времени и байкальских ветров избами, напрочь было отгорожено от большого мира. Всё здесь словно застыло в толстом куске прозрачного байкальского льда. Начиная от ещё сохранившихся домов-хайтар с земляными полами и вросшими в них по колено ножками кроватей до перекошенных прясел, огораживающих выпасы от коров и телят. Вон, бродят они по улицам, по лесу, по каменистым осыпям, как горные козы, с криво нарисованным зелёной краской на лохматых спинах тавром, не приученные, не приваженные к дому. Коров в деревне мало кто доит, скотина идёт больше на мясо. Огороды здесь почти никто не держит. Только в русских дворах кое-где картошка цветёт за забором. Люди живут спокойной размеренной жизнью. Иной раз могут в подпитии чуть пошуметь, поскандалить, но здесь не принято сильно горло драть. Пьют все. Тихо, печально, от глубокой безысходности отрезанной от мира жизни. Да и как не пить, если до сих пор водка в этих краях наравне с деньгами ходит в обороте. Земцов вспомнил, как несколько лет назад по весеннему льду ушёл в промоину грузовик с водкой. Парнишка-шофёр, из местных, не выбрался, не смог. За несколько часов на морозе полыньи затянуло льдом. Полсела кинулось вырубать вмёрзшие в лёд бутылки. Здесь же открывали и пили. Потом садились на мотоциклы, тащили гружёные санки пешком, влетали в прикрытые снежком, торосами трещины, провалы, даже не успев в пьяном бреду, осознать свой конец.

Странное дело, сколько Земцов ни пытался понять живущих здесь людей, никак не укладывалось у него в голове это покорное принятие жителями Алхатуйки такой полуразваленной жизни. Как часто Земцову в ответ на молчаливую неспешность местных жителей хотелось рубануть с плеча. Загнать, заставить их хотеть жить, как все живут. Именно заставить хотеть. Понастроить вместо этих лачуг просторные дома с большими окнами, выгрести бульдозером залежи уличной пыли, асфальтировать дороги и повернуть всю эту оцепенелую алхатуйскую жизнь в созидательное русло. Кто же, если не Земцов, выведет на свет божий этих людей, загнанных в тупик не только природными условиями, но и добровольно ими принятым заточением здесь, на малом клочке степной земли, прижатом горами к серой песчаной косе байкальского побережья?

— Павел Николаевич, отобедать бы не мешало с дальней дороги, — к Земцову подошёл Моконов, за спиной маячил молодой бурят. Сытый, откормленный, полоски рубашки дугой выгнулись на выпяченной груди, поигрывал в руках ключами от машины, — от, племянник мой, Борис, приглашает. Уважьте… Тут рядом, на той стороне улицы.

Идти не хотелось, но уважить было нужно. Земцов знал, не пойти, обида будет большая, а ему с Моконовым ещё работать и работать.

— Пошли, пообедаем. Приглашают, — махнул рукой, вышедшему на крыльцо Николаю, своим объяви перерыв. В школе столовая есть.

В недавно отстроенном доме моконовского племянника смолисто пахло сосной, полы настелены оструганной розоватой плахой листвя́ка, стеклопакеты на окна, видать, в Иркутске заказывал. По воде, наверное, везли. У стены гудел большой холодильник, потёртый ящик телевизора воркoвал в углу. На вопросительный взгляд Земцова, Моконов махнул рукой в сторону родственника:

— Дизель у него свой, сам себя обеспечивает, у государства не берёт.

— И соляру сам возит?

— Какие вы вопросы задаёте, Павел Николаевич, — Моконов, следом за ним и племянник разулыбались, — договаривается, привозят вместе с поселковым. Но Боря честно, без всяких уловок, платит за неё. Всё по квитанции. Садитесь, садитесь, гости дорогие. Павел Николаевич, вам во главе стола, как самому уважаемому гостю.

Земцов пристально посмотрел в глаза Моконову. Тот не отвёл, стоял прямо, губы растянул в широкой улыбке, руки развёл в гостеприимном жесте. Чёрт знает, что делается в его башке. Неужели не понимает? Или такой умный, что может вот так, за дурака, самого Земцова держать? Заброс солярки в Алхатуйку строго лимитирован. Получается, ворует, не отходя от бочки. И ведь не подцепишь, солярка оплачена. А что от нужд села оторвана, то тут такая круговая порука, концов не найдёшь. Да и с трапезой этой. Не зря, не зря хлопочет. Хитрит. Что-то просить будет.

Стол уже был накрыт. На подносах разложили омуль копчёный, солёный. В чашке томился душистый, сильно сдобренный перчиком сагуда́й из сига. Рядом округлой горкой лоснилась и истекала горячим соком из-под золотистых поджарок печёная рыба. Икра омулёвая стыдливым коралловым оттенком поблёскивала зёрнами среди изобилия зелени, огурцов и помидоров. Деревенский хлеб, порезанный крупными ломтями, развернул свои

пористые бока в коричневой хрустящей корочке к изнемогающим от внезапно проснувшегося аппетита гостям. Рядом с дымящимися позами притулилась пара мутных бутылок тарасу́на, бурятской водки, как непременного атрибута праздничной трапезы.

— Только, только въехали, в новый дом, и вот первый гость. Такой уважаемый человек,— Земцову поднесли на блюде баранью голову.

Со знанием дела он отрезал ухо, бросил в открытый зев новой, ещё неоштукатуренной печи. После ритуального брызганья пригубил терпко пахнущий спиртом и простоквашей тарасу́н. Пить не стал. Поначалу ели молча. Подавали женщины, молодая и старая. Земцов поглядывал на молодую. Красивая, длинное лицо, тёмные влажные миндалевидные глаза, высокие скулы, густые чёрные волосы завязаны тугим узлом.

— Моя жена,— поймал взгляд Земцова племянник,— четыре года назад возвращался из Иркутска, в Усть-Орду заехал к знакомым. Вижу — девушка с красивыми длинными косами. Она после окончания техникума с узлами, подушками, другими вещами добиралась домой. Оказалось, по пути. Взял её, загрузил вещички, так и увёз к себе. Можно сказать, украл невесту.

Земцов качнул головой, отметил про себя, хват племянничек у Моконова, своего не упустит. Вся родова, видать, у них такая.

— А дети есть? — понимал, что резковат, но не мог и не хотел потакать обычной восточной нерасторопности. Слишком большой роскошью считал потерю времени на все эти бурятские ритуалы. Пока не обсудят весь порядок вопросов, начиная от: «Как здоровье? Как семья?» — и так до седьмого колена — и заканчивая: «Как бараны в поле? Как лошади на выпасе?» — не подойдут к главному.

— Двое. Молодой, а семью кормить нужно. Этакую красоту наряжать, украшать,— Моконов согласно кивнул, понял, что гость не желает долгие разговоры разводить,— Боря, парень умный, оборотистый. Сейчас организовывает маршруты для туристов, домики поставил для постоя охотникам, рыбакам. Ему бы крылья расправить. Ох, как развернётся. И себе, и людям добро сделает. Кемпинг здесь хочет построить. Как думаете, Павел Николаевич, можем мы доверить такое дело ему?

Земцов слышал об оборотистости моконовского племянника. Все три магазина в Алхатуйке принадлежали ему. Денег у селян было мало, товары часто давались в долг, под запись. Самой большой популярностью в этой меновой торговле пользовалась водка. Тетрадки, где велись долговые записки, так и назывались «пьяными». Долги копились особенно у тех, кто промышлял охотой, ловил рыбу. Листая замятые углы тетрадок перед должником, предприимчивый племянник вынуждал его сдавать по дешёвке, в счёт долга, дикое мясо, рыбу, кедровый орех, омуль. Не было ни одного двора в селе, где бы ни поживился родственничек Моконова. Глава района похлопотал, чтобы у племянника в селе на торговом поприще не было конкурентов.

— Что задумал, Моконов, договаривай?

— Помоги, Павел Николаевич, нужно в Иркутске, замолвить нужным людям словечко. В Луковой пади, место хорошее, красивое. Вот там и отстроиться бы.

— Это где минеральные источники? Там же земли нацпарка. Как ты это обойдёшь?

— Так мы не будем писать, что кемпинг. Мы укажем, что это место отдыха организованных туристических групп. Или выведем из земель нацпарка в земли туристическо-рекреационного использования,— Моконов поднялся из-за стола,— пойдём, Павел Николаевич, покажу тебе всё.

Прошли через двор, по деревянной лестнице поднялись на площадку второго этажа. Прямо за тонкой полосой стланика ворочалась тяжёлая синь Байкала. Направо пыльная улица уходила за село, дальше путалась в прибрежной степи в клубке других грунтовых дорожных отметин. Подумалось, ранимая здесь степь, раз машина пройдёт, рубец остаётся надолго. По левую сторону стеной стоял лес предгорья.

— Оттуда дорога придёт,— Моконов махнул рукой влево,— вы, Павел Николаевич, её построите. От дороги, в пяти километрах источник. Самое место кемпингу. Сейчас здесь богатеями считаются бюджетники да пенсионеры. Потому что деньги получают. А другим как жить? Водку пить? Дорога будет, туристы приедут, деньги платить будут, люди работу получат. Заживёт Алхатуйка новой жизнью.

— А ты людей, о которых так заботишься, спросил? Там же ваше сакральное место. Как же Боги ваши, Эжены, посмотрят на твою инициативу?

— Эээ, лукавите, Павел Николаевич,— Моконов говорил неторопливо, обстоятельно,— кому как не вам знать, что кого заботит своя рубаха, что поближе к телу, тому и Боги благоволят. Вы подрядный контракт на лэп и дорогу себе отжимаете, я тоже хочу о своих интересах позаботиться. Мы здесь одной верёвочкой завязаны. Вы мне поможете, а я, глядишь, тоже вам пригожусь. Построить и дорогу, и лэп дело нехитрое, а вот содействие местных властей, сами знаете, дорогого стоит. Национальный вопрос ещё никто не отменял. Помните, как лет двадцать назад буряты машины с туристами в Харме переворачивали? Техника дорожная тоже ломаться умеет. Всё на Эженов спишется. Но я так понимаю, что вам, Павел Николаевич, не столько эти подрядные контракты нужны, сколько в Областную думу нацелились пройти на выборах. Вот только незадача получается, географическая. Вы там, в Иркутске, а электорат ваш здесь обитает,

в Алхатуйке, Харме, Узуре. Так что подумайте над моим предложением. Мы с вами и на лечебных грязях Крестовых озёр туркомплекс построить могли бы. Совместно.

Земцов молчал. Моконов дальновиден. Земля в доступной части побережья давно стала золотой. Дорогу сюда проложат — и здесь цены ей не будет. Но каков наглец. Прямо говорит, не боится. А чего ему бояться? Он здесь хозяин. Местный князёк. Как он скажет, так люди и будут делать.

— Угрожаешь или договариваешься, Моконов? Аппетиты у тебя большие. Хорошо, что делаешь это сейчас, пока мы ещё на берегу. На переправе поздно будет. Только я сейчас тебе не отвечу, подумаю ещё немного. Пошли. Скоро сход проводить.

— Подумайте, подумайте, Павел Николаевич. Приятно с умным человеком дела иметь.

Когда журналисты ушли, Илья достал початую бутылку водки, разлил по гранёным стопочкам.

— Выпьем по маленькой.

За спиной шумно вздохнула Марина. Принялась мыть посуду, гремела тарелками. Илья помолчал, потом медленно с расстановкой произнёс:

— Станем ли жить лучше? Степь живая. Раз по ней машина проедет, у неё на теле рубцы от колёс остаются. А с дорогой к нам не одна машина приедет. Десятки машин. Со степи шкуру снимут, как сняли там, где берег доступным стал. Был сегодня в конторе. Начальство начало давить, хотят, чтобы я акт отвода под турбазу в Луковой пади согласовал.

— Да как же, Илья? Залезет туда Моконов? Оно понятно, своя рука — владыка. Но он же знает, что туда идти можно только с поклоном. Это священное место.

— Священное. А если по закону — там земли нацпарка. Понимаешь? Там в принципе нельзя ничего строить. Теперь понятно тебе, в чём вся соль? Дорога придёт. Сначала туда, потом до Крестовых озёр, потом дальше. И начнут выгребать тайгу. Работу они дадут… Нет. Детей они наших холуями сделают.

— Илья. Да куда же тебе с ними тягаться? Уступи, — всхлипнула за спиной Марина.

— Молчи! — Илья обернулся к жене, шумно встал из-за стола, уронил стул, — всё. Мне пора ехать. На сход не пойду. Пустое. Дел на кордоне много. А ты, Оська, сходи, послушай.

Шустрый Алёшка стукнул в окно:

— Аба, там приезжие нашу машину смотрят.

Оська заторопился:

— Ладно, Илья. Не шуми, не торопись, всё как-нибудь сладится. Люди разные, как трава, деревья, животные, но все они — люди. Правильно ты говоришь. Но как быть? Дорогу будут делать. И линию проведут. Нас не спросят. В сомнении я. Может, всё к лучшему, может, жить, как люди начнём? — водка уже тёпленьким разлилась по Оськиным жилам, и ему уже не казалось столь значительным, придёт дорога в село или нет. Скоро подхватившись, мелкими шашками заспешил вслед за Алёшкой.

На площади перед школой, в тени пожухлой на жаре черёмухи Оська увидел группу приезжих людей. В центре стоял большой человек с портфелем из бугристой кожи и разговаривал с главой администрации, Натальей. «Депутат Земцов, — подумал Оська, — ишь, как Наталья мельтешит. Старается». Работал давешний оператор. Камера была направлена на депутата. Несколько журналистов тянули к нему микрофоны, строчили в блокнотах, щёлкали затворами фотоаппаратов. Рыжуху оттёрли. Она пристроилась с краю, выглядывала из-за чьей-то спины, быстро писала. Несколько односельчан внимательно слушали гостя. Рядом поверх голов орлиным взором оглядывал покосившиеся заборы Моконов, глава района. Улица была пустынной, только ребятишки жались к забору, зыркали любопытными глазёнками. Шуганув роющихся в пыли кур, Оська приосанился, держась за крестец и округлив птичью грудь, важно подошёл поближе к гостям.

— А это что за экспонат? — депутат указал пальцем на Оськин агрегат, — паровоз напоминает. Как он здесь оказался?

— Английская паровая машина ещё довоенной постройки, локомобиль называется, — выступил из-за людей Оська, я его трактором со старой лесопилки притащил.

— И что же делает эта машина?

— То же, что и раньше. Электричество, — удивился Оська недогадливости гостя, погладил выпуклый клёпаный бок, — сюда закладывают дрова, здесь пар крутит шкив, получается электричество, которое запускает пилораму.

— Этот локомобиль, он и сейчас может работать? — масляно улыбаясь, выступил вперёд Моконов.

— Конечно, — Оська чувствовал подвох в вопросе, но всё же обстоятельно продолжал отвечать, — вы не смотрите, что ржавый. Ревизию я недавно проводил, машина полностью укомплектована нужными узлами, вентили всё на месте.

— Надо же, — Моконов хлопнул себя по бокам и громко засмеялся, — надо же. А я думал, что Алхатуйка живёт без электричества, в темноте, а у нас, Павел Николаевич, тут целая паровая электростанция. Может, нам и лэп не нужна? Напилим дровишек и реализуем здесь Алхатуйский план гоэлро, денежки бюджетные сэкономим.

Все дружно засмеялись. Хохотнули сопровождающие депутата гости, журналисты, раскатилась, как горошек рассыпала, глава посёлка Наталья, заржал моконовский племянник Борька, зажмурил, ухмыляясь, и без того узкие глаза глава

района Моконов. Лишь односельчане, смущённо улыбались, исподтишка поглядывали на депутата, на Моконова, на других гостей.

Оська недоумевал, что тут такого смешного люди нашли в его машине. Смотрел на улыбающегося Земцова. На его густую, словно приперчённую, седину гладко уложенных волос, крупный нос, которым тот поводил, будто не смеялся, а принюхивался, на ровные белые зубы, как у молодого волка. И вдруг подумалось, так вот он какой, хозяин жизни, который проложит к его селу дорогу. И приведёт он сюда свою стаю, таких же хозяев, похожих на него, держащих в своих сильных лапах портфели из бугристой кожи, набитые бумагами. И будут они въезжать в Алхатуйку по этой самой построенной им дороге на чистых, словно навощённых, больших автомобилях. И Алёшка с другими чумазыми мальчишками будет бежать за этими машинами, заглядывать в их окна, где разнаряженные дети Земцовых будут есть мандарины и равнодушно поглядывать сверху. Оська молча повернулся и поковылял по горячей пыли прочь от этих без причины заливающихся смехом людей.

В поселковом клубе народу набилось — не продохнуть. Люди устроились на длинных лавках, приставленных ящиках, стояли у стен. Земцов сидел в президиуме на выщербленной сцене и рассматривал ленты лиц в рядах перед собой. Лица казались одинаковыми, словно двоились, троились, казались множеством повторений одного и того же исчирканного жёсткими морщинами скуластого лица. То в обрамлении из яркого, с фиолетовыми цветами, платка, то в сдвинутой на затылок засаленной кепке с торчащим из под неё ёжиком чёрных волос. Искал глазами маленького пожилого бурята, что встретил у локомобиля. Вышло неловко. Никак не ожидал, что тот обидится. Не учёл, буряты вообще народ обидчивый. Неприятность эта осадочком отложилась в душе.

Тем временем вступительное слово взял Моконов. Долго что-то говорил, часто поворачивался к Земцову, уважительно наклонял голову и продолжал дальше свою речь. Рядом сидел Николай, несколько раз повторил в адрес оратора: «Ух, чешет, как по писаному…». Потом выступила директор местной школы. Молодая, энергичная, упомянула о юбилее школы, о том, как строили её сто лет назад алхатуйцы, собирали с каждого двора по три бревна. Энергично благодарила Земцова за компьютерный класс. Так же энергично жестикулировала, рассуждала, что работает этот класс только по вечерам, когда в посёлке включают дизель.

— Внучка первого учителя школы. Историю преподаёт. Династия, — тихо прошептал Николай.

Надо же. В этой дыре, в школе на полсотни детей учительская династия есть. Земцову вспомнилась его школа. Такая же маленькая в несколько комнат с белёными печками в каждой. Помнил, как приходил с мороза и первым делом пригревался у печки. Один раз так и уснул, привалившись к её тёплому боку в закутке, пока истопник не разбудил его после занятий. Отвёл к учительнице. Как она жалела его, всё расспрашивала о родителях, о том, как живут, напоила травяным чаем с мёдом. Недоучился Земцов в этой школе. Когда погиб отец, забрали его к себе родственники в Иркутск. Потом институт, карьера пошла в гору. С два десятка лет не появлялся совсем на своей малой родине. Лишь недавно, когда в депутатство рванул, приехал. Походил по заросшему кустарником заброшенному кладбищу. Не нашёл ни могилы матери, ни отца. Забыл по давности лет, а спросить уже не у кого было. С тех пор вину эту камнем носил в себе, без надежды на искупление.

Тихо работала камера, жужжали мухи на окнах, речь ораторов изредка перекрывало покашливание то в одном, то в другом углу. Дизелист говорил о нехватке топлива, о том, что из двух агрегатов работает только один, а ревизию не проводили уже лет пятнадцать. Земцов слушал, как перемерзают трубы зимой у водокачки от перебоев в электроснабжении, как воду развозят по дворам в бочке, потому что немыслимо за водой ходить с вёдрами на берег обмёрзшего Байкала, а колодцы леденеют ещё в декабре. Такой безнадёгой сквозило от всех выступлений, но Земцов уже совершенно не ощущал, что слова этих уставших от невозможной борьбы за существование людей уже не доходили до его сердца.

— Ну всё, пора Павел Николаевич, все подогрелись, прошептал Земцову Николай, сейчас ваш звёздный час.

Земцов встал, обвёл глазами зал. Ещё минуту назад казавшиеся лентами одинаковых лиц ряды сидящих напротив него людей стали вдруг разными, пёстрыми, многоликими. В упор на него смотрели глаза усталые и бодрые, нахмуренные и весёлые, настороженные и благодушные, но все одинаково наполненные любопытством. Они ждали. Ждали, что скажет. Ждали и отказывались верить, что вот он, Земцов, чужой для них человек, прилетел сюда, в Алхатуйку, из совершенно другого мира, почти с другой планеты, чтобы раскрыть для них врата рая за просто так, не требуя никакой дани взамен. Где-то в затылке шевельнулась предательская мысль. Имеет ли он право, исходя из собственных представлений о правильности жизни, принимать на себя смелость указывать, как жить этим людям? Боль вошла, сжала сердце и уже не исчезала. Он, так же как и они, родился и вырос здесь. Когда-то давно он уехал отсюда и там, шагнув в развесёлую студенческую жизнь, поторопился плотно закрыть за собой дверь. А теперь он хочет рвануть её обратно,

распахнуть и вдруг отчётливо понимает, что не в рай ведёт дверь, а выстилается за ней для этих людей путь в ад, потому что, как Горная сносит в Байкал всё, что попадается на её пути, так снесёт и их ураганным потоком в эту открытую дыру, оторвёт, как его в своё время оторвало, от дома родного, от корней, от памяти предков. Но может, он ошибается? Моконов-то здесь живёт, здесь его корни. Он-то наверняка знает, что нужно этим людям. Движущей силой здоровой предприимчивости этого местного князька можно обеспечить им условия достойного существования. Значит, прав Земцов, значит, имеет он право сделать то, что задумал. Объективно ничто не возникает из пустоты, значит всё должно́ быть как до́лжно.

— Уважаемые жители села Алхатуйка,— начал Земцов и понял, что нельзя, нельзя сейчас здесь строчить заученной речью. Нельзя под этим всеобщим рентгеном сотен глаз лукавить дешёвыми штампами,— дорогие сельчане… Я буду краток. У бурятского выражения «Аялха туйл», кроме понятия «конец пути», есть ещё другой перевод. «Середина земли». Я хочу, чтобы село Алхатуйка стало, действительно, серединой земли. Я даю вам слово, что построю недостающие полсотни километров линии электропередач до села. Мне нужно только ваше согласие.

Земцов замолчал. Молчали и люди. В тишине было слышно, как далеко в густеющих сумерках перелаивались по дворам собаки.

— Граждане алхатуйцы, давайте голосовать,— прервал молчание Моконов,— кто за то, чтобы в селе Алхатуйка были свет и тепло, работали телевизоры и холодильники, чтобы ваши дети получали в школе образование на современном уровне, чтобы постоянно была вода, чтобы можно было построить наконец туристические объекты и рыбоводное хозяйство, чтобы вы, дорогие алхатуйцы, начали жить в современных цивилизованных условиях. Кто за? Поднимите, пожалуйста, руки. Ну что так нерешительно? Смелее, смелее.

На сход Оська пришёл рано, но в клубе было уже много народу. Устроился в самом дальнем углу, на уголке последней скамейки. Было плохо слышно и совсем ничего не видно. Оська тянул цыплячью шею и прислушивался к шепотку сидящих рядом женщин, комментирующих происходящее на сцене. В покосившееся окно сквозь зелёные листья берёз Оська смотрел на свой локомобиль. Последние лучи солнца цеплялись за его выкрашенную синей краской трубу и, вспыхнув напоследок, гасли. Небо густое и звёздное опускалось на крыши домов. С сиреневых склонов сопок степной воздух нёс терпкий запах цветущего в эту пору чабреца. Оська вспомнил, как в его детстве так же цвела степь, овцы паслись на морщинистых склонах сопок, травы в распадках стелились под тонкими ногами лошадей, лежали горбато перевёрнутые лодки на берегу. А у маленького Алёшки не будет такого детства. Построят дорогу. Придут чужие люди, и начнёт он в глубине души стыдиться своей кочевой сути и благоговеть перед яркими лоскутами ворвавшейся в его детство чужой жизни.

Внезапно Оська понял то, что лишь смутно бродило в его голове с самого утра. Нельзя терять силы на этой стремнине, когда тебя уже несёт поток. Иначе не выплывешь, расхлещет, как волну о каменистый порог, на мелкие брызги. Кто скажет за рассудительных и немногословных его земляков, где каждый второй прямой родственник, а другой каждый второй почти родственник? Кто скажет вслух то, о чём они думают на самом деле, то, о чём разговаривают между собой у ворот своих домов? Не принято здесь вперёд вылезать, привыкли поступать, как начальство скажет. Начальству виднее. Даже если не по сердцу, не к душе. Но это же ему, Оське, только ему, по праву одного из старших в этом селе, дано сказать слово за всех, кто здесь жил и живёт на этой земле. Уже начали вставать люди со скамеек, уже нехотя потянулись вверх руки.

— Подождите, подождите, послушайте, что скажу я,— Оська рванулся к сцене, с трудом пробирался между людьми, спотыкался о ящики, чуть не падал. Но странное дело, люди начали расступаться перед ним, помогали перешагивать через скамейки, подталкивали, торопили. Когда Оська добрался до сцены в клубе стоял такой шум, что Оська испугался, его никто не услышит. Он залез на ящик перед сценой и повернулся к залу. Наступила тишина. Оська прокашлялся и тихо сказал:

— Не нужна нам дорога, а значит, не нужна эта лэп.

И вздох облегчения прокатился по клубу.

— Постой, что ты говоришь дед? Ты посмотри, как вы живёте…— один из гостей развёл руками.

— Как мы живём… Хех, вот вроде ты умный человек, из города, а не понимаешь. Нам в жизни нужны самые простые вещи. Чтобы мора на зверьё не было, чтоб плодились, чтоб лес не высыхал, чтобы реки текли, чтоб вода была как слеза. Мы берём у природы ровно столько, сколько нужно. Нельзя убивать зверей напрасно, подранков оставлять, нельзя землю рыть, нельзя жадничать безмерно. У жадных людей дети не родятся. А нам важно жить так, как жили наши предки.

Люди оживились, зашумели:

— Правильно Оська говорит. Правильно. Не нужна нам лэп.

— Прав Иосиф Николаевич,— резко жестикулируя, заговорила директор школы,— наши дети должны расти в чистоте. В гармонии с окружающим миром. Мы от пьянства не можем освободиться. С чужими людьми до нас дойдёт вся грязь городской цивилизации — наркотики, распущенность.

— Туристы-варвары на Кривой косе бутылок набили, сосну почти всю на дрова для кострища извели. Что будет, когда здесь всё станет доступным? Они землю изроют своими колёсами.
— В Узуре турбазу элитную построили, а люди как жили в нищете, так и живут. Всех спаивают подчистую. А посмотрите, в какую помойку там берега превратились.
— Да вы что несёте? — громовой голос Моконова чуть не столкнул Оську с ящика. Оська медленно повернулся. Моконов стоял, возвышаясь, на сцене. Жёстко, уверенно выхватывал цепким взглядом тех, кто только что кричал. Указательным пальцем проткнул воздух:
— Ты… сейчас зарплату на своей водокачке получаешь, можешь завтра её лишиться. Ты… в долгах как шелках, когда отдавать будешь? А ты? Чей хлеб сегодня ешь? Кто тебе работу даёт? Вы все… привыкли жить с протянутой рукой, — палец ткнул в зал, — кто вам без конца дотациями из бюджета помогает?

Повернувшись к сцене, Оська встретился глазами с Земцовым. И вдруг понял, что не враг он им, что стоит этот большой человек сейчас вот здесь, на сцене, перед ним, Оськой, и понимает, что пришёл он не с тем подарком и не о том, что нужно его односельчанам, речи вёл. Понял Оська, что не на моконовской стороне сейчас Земцов, что засомневался он в своей правде, что ждёт он от него, Оськи, того слова, которое примет безоговорочно, потому что веру потерял в себя. Оська повернулся к людям и в наступившей тишине громко отчётливо произнёс:
— Мы не скот, чтобы ходить в ярме и ждать, когда Моконов накормит. Здесь мы живём, и мы решаем, как нам жить.

Зашумели, заговорили все враз алхатуйцы:
— Моконов землю присмотрел в Луковой пади для себя, вот о дороге и хлопочет. Племянник его таскает сюда городских браконьерить. Это им дорога понадобилась.
— Нет, не будем мы голосовать. Не желаем…
— Раз деньги есть, лучше пусть дизель новый привезут, а старый в ремонт отправят…
— Оська, запускай свой локомобиль, пусть видят, что и мы не лыком шиты…Запускай, запускай…
— Хех… была не была, Алёшка, беги, закладывай в барабан дровишки, — Оська ходко заковылял на выход к дверям, к своему железному детищу. Люди весело похохатывали, двинулись в узкую дверь, на крыльцо, на улицу, за ним. Оглядывались на Земцова, подмигивали. Вот так-то, депутат. Отворачивались от Моконова, не хотели смотреть, как он рухнул на стул, в бессильной ярости сминал в комки бумагу на столе, торопились из душного помещения. Скорее, скорее на свежий воздух, где дышится полной грудью пряным воздухом вечерней степи.

Железная машина тускло отсвечивала под неясной луной своими начищенными вентилями. Все столпились вокруг, ждали, подталкивали, подбадривали друг друга.
— Всё, сейчас начнём, — Оська закрыл задвижку. Медленно разгорались дрова, чуть потрескивали. Но вот вода в барабане начала сначала тихо шуметь, затем всё громче и громче. Засвистели клапана, забулькало, заворочалось. Стрелка манометра поползла вверх. Оська положил руку на вентиль:
— Ну не подведи, родной, — и повернул.

Медленно тронулся вал под давлением пара, дёрнулись шкивы. Машина начала набирать обороты. Алхатуйцы заворожённо смотрели, как вот-вот сейчас, сдвинется всей своей массой от неведомой силы этот тяжёлый железный конь и пойдёт, всё быстрее, всё дальше, дальше, и понесётся над степью в густое звёздное небо, вдоль зубчатой линии ночных гор, вслед за последними закатными сполохами. И замерцает небо разноцветными огнями, как зазывно мерцает далёкая чужая жизнь, так настырно рвущаяся сюда. Шкивы начали вертеться всё быстрее, загудел генератор, и вдруг вся площадь, берёзы, лица людей осветились разноцветными лампочками ёлочных гирлянд, развешанных по забору.
— Ура! Свет, свет, — кричали мальчишки, — ура, у нас будет свой свет!
— Хо… Хо… Давай, давай, Оська, кочегарь свою машину, — похлопывали его по плечу мужики, — покажи им, что и мы не лыком шиты.

Оська повернулся от дышащей жаром топки локомобиля и увидел Алёшку. Мальчик сидел на штабеле досок, мечтательно запрокинул голову к чёрному небу. Остро чиркнула падающая звезда, и Оська подумал, что пройдёт какое-то время и наступит срок ему плыть по родовой реке в места, откуда не возвращаются. Но будет всё так же ночная степь кружить душистым мороком голову, светить желтоглазой улыбкой луна, молчаливо пасущая у подножья гольцов отару горбатых сопок. А весной, лишь земля покроется молодой травой, повзрослевший Алёшка, как когда-то его отец, доверит помогать своему сыну на стрижке грив и хвостов у лошадей, будет делать брызганье и бросать в огонь кусочки мяса вместе с вырванными из грив и хвостов белыми волосами, а затем угощать собравшихся. Потому как очень надеется Оська, что поймёт его Алёшка, сердцем поймёт, как невозможно, невыносимо было сегодня допустить, чтоб поток, отвернул от веками намытого русла.

Долго потом расходились алхатуйцы со схода домой, переходили от дома к дому, медлили, стояли у ворот. Долго раздавались возбуждённые голоса в темноте от распахнутых калиток, с завалинок под тёмными окнами изб. Тихо сгущалась ночь над уставшей от событий этого долгого дня Алхатуйкой.

Земцову не спалось, встал, по кривому настилу через двор вышел за ворота. Светало. Туман растянулся слоистыми прожилками меж редких кустов, перетекал по кочкам и холмикам болотины, отделяющей берег от окраины села. Воздух тепло и влажно застыл в устоявшейся тишине. Луна поглядывала своим тёплым охристым оком, перемигивалась с невидимым солнцем, просыпающимся за горбом острова. На западе распласталась широкая степь, окаймлённая пилой сине-зелёных гор, там, где небо медленно таяло, оседая лоскутами облаков на острых гребнях. В конце улицы на заборе, на кустах горели разноцветные огоньки, что-то гудело, ритмично поскрипывало, покряхтывало. Земцов пошёл на свет.

У извергающего пар и дым локомобиля сидел дед, который накануне расстроил все планы Земцова. Подошёл, поздоровался. Присел рядом. Сидели. Молчали. Спустя некоторое время Оська спросил:

— Что не уехал?

— Места не хватило. Роженицу вашу срочно пришлось отправить.

— А почему кого-нибудь из помощников не оставил?

— Не захотел.

— Вот так в жизни и бывает. Судьба повернёт и, смотришь, а тебе уже и места нет, а занять чужое нельзя, потому что не по-человечески будет.

— Можно, я поживу у тебя несколько дней?

— Поживи.

— Как же ты придумал, дед, локомобиль свой запустить?

— Я не придумывал. Люди так захотели. Я, когда на лесосеке его всего прошерстил, смотрю, он работать, вроде, может. Притащил к школе, думал сюрприз сделать. Отремонтировать, да под Новый год на ёлке во дворе школы лампочки зажечь для ребятни. А оно вон как получилось неожиданно. А что? Расстроился, что люди тебя не поддержали?

— Нет. Это ваша правда верх взяла. А моей тут места не нашлось. И всё же плохо укладывается решение схода в моей голове. Любой человек хочет жить как лучше, а алхатуйцам как будто это не нужно. Скажи, дед, почему вы отказались?

— Эээ… Ничего ты не понял. Снег растает, когда время придёт. Сегодня люди поняли, как им вместе жить дальше, а завтра они поймут, что нужно вместе делать. И тогда будет у них и дорога, и электричество, и та жизнь, которая им нужна, а не которой ты хотел их заставить жить. Не торопись, подепутатствуй, и всё придёт через годик-другой. Жизнь насильно ломать не надо, она сама постепенно изменится.

Прикрывая рукой лицо от жара, Оська подкидывал в гулкое нутро локомобиля дровишки, которые ему подавал Земцов. Генератор гудел, наддавая света лампочкам, уже меркнувшим в предчувствии рассвета.

— А ты не Коли Земцова сын будешь?

— Да, его… Ты его знал?

— Знал. Хороший человек был, умный. Давно на кладбище был?

— Весной ещё. Только ничего не нашёл.

— Когда человек дорогу домой забывает, время её стирает с земли. Не должен ты был отрываться от корней своих. Свожу тебя к отцу, покажу его последнее пристанище. Тебе сейчас это ох как нужно, поговорить, потолковать с ним, научиться слышать его голос.

Ещё в предрассветном небе висел улыбчатый диск луны. Ещё солнце не насмелилось позолотить горбину острова на востоке. В топке английской паровой машины гудел огонь, весело проворачивался шкив, приводя в движение зубчатые шестерёнки, цепи, валики. Под разноцветными лампочками ёлочной гирлянды, укрывшись телогреей и подоткнув под голову её рукав, на штабеле досок крепко спал Земцов. В танцующих сполохах священного огня тихо камлал Оська, негромко ударял в шаманский бубен и горловым звуком протяжно тянул свою заунывную ноту:

— Птица летит в гнездо, туда, где была птенцом. Рыба плывёт в родную реку, где родилась из икринки. Так и человек, если не стал человеком без памяти, должен вернуться туда, где бегал босоногим ребёнком, где впервые познал мир, где сделал первые шаги и в первый раз позвал мать. Он должен вернуться и поднимать опустевшее родовое кочевье, деревню, улус, туда, где его жизнь связана с памятью предков.

Екатерина Сергеева

Non capisco, signora…

В ноябре

Проснувшись, Тамара Фёдоровна ладонями потёрла уши, шею. Села. С трудом спустила с кровати тяжёлые, отёкшие за ночь ноги. Приняв часть лекарств до завтрака, а часть—после, Тамара Фёдоровна вслух произнесла:
— Воскресенье!

Воскресный день был особенным. Она ждала его всю неделю, улыбаясь своим мыслям и предвкушая…

Собраться, дойти до остановки. Плотный воздух ноября обволакивал унылые серые девятиэтажки, безжалостно обкорнанные облетевшие тополя. И, казалось, как линза, увеличивал всю унылость и убожество окружающего мира. Но ноги были лёгкими, сами несли вперёд, на остановку. Дождаться автобуса. Ехать в нём по воскресеньям—одно удовольствие. Пусто, просторно. Конечная—Студенческий городок. Затем пройти метров сто, и вот она—Берёзовая роща. Тамара Фёдоровна медленно побрела по узенькой тропинке, засыпанной зелёными, пластмассовыми от холода листьями, похрустывающими под ногами. Холод резко сменил тепло—пожелтеть они не успели. Минут через десять появилась первая белка—тёмная, почти чёрная, с пушистыми кисточками на ушках. Чрез некоторое время—вторая, рыжая. Чёрная сердито зацокала на конкурентку, погналась за ней. Рыжая прыгнула на дерево, ловко взбежала вверх по стволу. Чёрная не отставала.
— Ну, будет вам, будет,—сказала Тамара Фёдоровна, с улыбкой наблюдая за зверьками,—Всем орешков хватит, никого не обижу.

Тропинка вела всё дальше и дальше, но больше белок не встретилось. Побродив ещё с полчаса, пожилая женщина направилась в обратный путь. Мимо ларьков, торгующих фруктами и мороженым, мимо хрущёвок, выстроившихся кривоватым четырёхугольником.
— Аха-ха, ну прикольно же, глянь!—раздалось совсем рядом.

Две девчонки лет двенадцати. Одна из них, в короткой юбчонке, пёстрой курточке и колготках в сетку, хохоча, смотрела куда-то вверх, на балконы пятиэтажки. Другая, в джинсах и сером пуховике, стояла с красным и гневным личиком, сжав кулачки. Тамара Фёдоровна невольно подняла глаза. И застыла, остановившись. На одном из балконов второго этажа натянутые верёвки для белья были сплошь завешены беличьими шкурками. Их было множество—тёмных, рыжих разных оттенков… Одна из шкурок была совсем светлой, соломенно-жёлтой. И Тамара Фёдоровна вспомнила встретившуюся ей однажды маленькую светлую белочку, робкую и пугливую. Эта белка долго держалась в отдалении, но потом приблизилась, преодолев страх. И доверчиво ела орешки прямо с ладони.
— Он их прямо руками наловил, раз—и всё!—продолжала веселиться первая девчонка.

Тамара Фёдоровна судорожно вздохнула. Как-то внезапно ослабев, с трудом дошла до остановки, доехала до дома. Тяжесть в груди нарастала, превратившись в знакомую сжимающую боль. Присев на лавочке у подъезда, достала из сумочки упаковку таблеток нитроглицерина, положила одну под язык. Нитроглицерин всегда хорошо успокаивал эту боль, баюкал её, усыплял. Но не в этот раз. Боль не давалась лекарству, не стихала. Становилась резкой, кинжальной.
— Эй, Фёдоровна, что с тобой?—откуда-то издалека донёсся испуганный голос соседки.
— Скорую, скорую вызывай,—суетился и кричал кто-то рядом.

А вокруг Тамары Фёдоровны мелькали солнечные пятна, и, казалось, ужасная, раздирающая грудь боль менялась, трансформировалась в какой-то блестящий предмет. Название этого предмета было знакомо, но никак не вспоминалось. Шар! Яркий шар на новогодней ёлке с нарисованной на нём белкой, там, в детстве…
— Мама, шарик!

Мама подхватила на руки маленькую Тамарочку, прижала к себе. И всё исчезло. Остались только свет, тепло… И солнечные пятна, играющие, кружащиеся друг за другом, похожие на белок из Берёзовой рощи.

Non capisco, signora…

Самолёт Москва—Сочи приземлился в 17.50 по местному времени. Юлька с Настей, сестрой, нашли такси до Адлера. Водитель, весёлый дядька средних лет, всю дорогу уговаривал остановиться не в Адлере, а в Гаграх, у брата.

— Как родных примет, эх… Поехали, красавицы!

На дядькиной шее была двойная золотая цепочка сложного плетения. Одна нить состояла из чередующихся крупного и трёх мелких звеньев. Плетение другой было более интересным — просветы между соединёнными звеньями чем-то напоминали крохотные птичьи глазики.

Дорога промелькнула быстро. И вот уже нашли нужный дом — он был двухэтажный, каменный, с маленькими балкончиками и башенками.

Хозяйка, цыганистая старуха, с покрытыми коричневыми пигментными пятнами шеей и руками, придирчиво осмотрела девушек и их небольшую дорожную сумку:

— Что-то мало нарядов взяли, в чём на свидания будете бегать? — усмехнулась она.

— Для свиданий с морем у нас всё есть, а другие свидания не очень интересуют, — ответила Юлька.

— Ну-ну… — недоверчиво буркнула Зоя Ивановна, так звали хозяйку.

В большом доме мест уже не было, поэтому сестёр поселили в домишке, стоявшем в глубине фруктового сада. Комната с двумя кроватями и крохотный тамбур — прихожая. За окном цвёл розовый куст — страшненький, голенастые стебли с огромными шипами заканчивались мелкими растрёпанными жёлтыми розочками. Отдыхающих было человек десять. Всю работу по дому выполняли хозяйка и её внучка, безмолвной тенью сновавшая по двору.

— Дурная она у нас, Зинка — сокрушённо вздыхала хозяйка, — Ишь, не хочет постояльцами заниматься, всё чудит… Украшения ей, вишь ты, делать охота. Дед-то у нас ювелиром был, инструмент от него остался. Так утащила его к себе, мастерит что-то ночами. Я взглянула как-то — страхота такая, что и не проглотить, не выплюнуть…

— Делает украшения, надо же, — думала Юлька, — ювелирша… Бледненькая, худенькая, с тонким прозрачным личиком. Большие глаза с чуть приподнятыми внешними уголками, непонятного цвета. И лишь присмотревшись, можно было понять, что они — тёмно-голубые. Зина всё время всматривалась во что-то. В резной виноградный лист, чуть тронутый розовым, в причудливый узор деревянного среза столешницы… А ещё она часто роняла и била старухину посуду. Юльке порой казалось, что делает она это нарочно и с удовольствием.

А вокруг был Юг, жаркий, ароматный… Пропитанная йодом морская свежесть, запах жареного с травами и специями мяса, нежный, тонкий аромат бледно-золотых крупных абрикосов, необыкновенно сладких и сочных. Юльке нравилось бродить по набережной — там росли невысокие деревья с цветами, похожими на разноцветные пушистые кисточки. Насыщенные, но нежные оттенки плавно переходили один в другой.

Мелькали дни, раскрашенными ракушками нанизываясь на яркую солнечную нить. В последний вечер перед отъездом, собираясь на сеанс в летний кинотеатр, Юлька вертела в руках бусы — несколько ниток, привезённых из дома. Матово-жёлтые лепёшечки янтаря из Паланги, тройная нитка густо-бордовых гранёных бусин — гранатовые из Чехии… Хотелось чего-нибудь нового, свежего. Ненадёванного. В полуоткрытую дверь можно было увидеть летнюю кухню. Там, в отгороженном закутке обитала хозяйкина внучка. Мысль пришла внезапно…

— Попрошу взглянуть, если что — куплю… Может, не всё страшное, — Юлька целеустремлённо направилась к Зине. Дверь в закуток была прикрыта, но не заперта. Юлька стукнула раз, другой. Затем вошла. Комнатка была пуста — Зина, видимо, хлопотала где-то по хозяйству. Низкий топчан, накрытый серым покрывалом, широкий деревянный стол в углу, стул. Полки с книгами. На одной из полок стояла большая деревянная шкатулка. Юлька подошла к ней. Минутное колебание. Решилась. Осторожно сняла, поставила на стол. Открыла. И замерла. Неожиданные сочетания полудрагоценных камней, металлических деталей разного цвета, раковин, кусочков дерева, перламутра. Девушка осторожно начала вынимать вещи из шкатулки, рассматривать. Ожерелье, в нём перламутровые пластины были скомбинированы с лиловато-сиреневыми прозрачными бусинами неправильной формы. Подвеска, центральный элемент которой — крохотные причудливые дамские часики. Браслет — бирюза, медные бусины, кусочки горного хрусталя. Украшения заколдовывали, завораживали… С трудом очнувшись, бережно сложила всё обратно, поставила шкатулку на полку. Тихо вышла, прикрыв за собой дверь.

Рано утром Юлька улетела домой, в Москву. Весь следующий год она часто вспоминала украшения. Мысленно перебирала их, примеряла на себя. Ждала лета. И вот опять аэропорт, дорога, знакомый дом.

— А где Зина? — спросила Юлия у Зои Ивановны после первых приветствий.

Отвернувшись, та ответила:

— Пропала наша Зинка. Ещё прошлым летом. Может, сманил кто. Может… — голос хозяйки прервался, задрожав, — искали её, искали. Да так и…

Не договорив, Зоя Ивановна ушла. Юлька не смогла, не осмелилась спросить о судьбе шкатулки и её содержимого. Отпускные дни прошли быстро, но были какими-то блёклыми, тусклыми. С погодой не повезло. Небо походило на остывшую манную кашу, голубовато-серую, зернистую. Какой-то совсем не южный ветер бросался мелкими водяными шариками, от которых по шее и спине ползали противные зябкие мурашки. Уезжала Юлия, зная, что никогда больше сюда не вернётся.

Много лет спустя, уже в нулевые, Юлия Васильевна отдыхала в Италии. Однажды, бродя по улицам в одном из приморских городков, случайно заглянула в спрятавшуюся между двумя большими каменными домами лавочку. На витрине лежали необычные украшения. Одно из них, ожерелье, в центре которого находились ажурные часики, Юлия рассматривала особенно долго. И вдруг вспомнила. Адлер, восьмидесятые… Попытки выяснить у пожилого итальянца, владельца магазинчика, имя мастера, изготовившего украшения, ни к чему не привели. Вопросы на неплохом английском, ломаном итальянском ожидал единственный ответ:

— Non capisco, signora…[1]

Димитрос и Мария

В отеле два магазинчика для туристов. На втором этаже и на шестом. Здание отеля встроено в гору, поэтому центральный вход в отель — большая каменная площадка, клумбы, пышные кусты гибискуса, усыпанные алыми пятилепестковыми цветами, оливковые деревья с толстыми, сплетёнными из множества изогнутых бугристых прутов стволами, тоже на уровне шестого этажа. На втором этаже торгует Димитрос, а на шестом — Мария. У Димитроса почти всё пляжно-купальное, кроме обязательных сладостей и ликёра из кумквата. Кумкват — это маленький апельсин, на Корфу из этого малыша делают почти всё. Даже духи. Ассортимент Марии более разнообразный — косметика из оливкового масла, украшения… Мария хороша — гладкая шёлковая кожа, смуглая и нежная, без малейшего следа тонального крема, пудры, румян. Жёсткие, буйные колечки тёмно-каштановых волос. Чёрные, живые глаза — в них смеётся греческое солнце… Оно совсем не такое, как у нас, в Сибири. Мария всегда радуется чему-то. Она выросла возле чистейшего моря, здесь стайки разноцветных рыб играют с тобой в догоняшки и выхватывают из рук кусочки хлеба. Воздух хочется попробовать на вкус — в нём смешались острые и свежие морские запахи, аромат цветов, оливковых деревьев…

Димитрос торгует весь день, а Мария — только утром и вечером. Часто вижу, как она идёт на свою вечернюю смену. Тонкая, лёгкая, вокруг летают жёлтые крупные бабочки с необычной, угловатой формой крыльев. Димитрос под стать Марии — высокий смуглый атлет с серебряной серьгой в левом ухе. А у Марии множество серебряных браслетов на руках, серебряные цепочки на шее.

— У нас всё решают семейные кланы, — говорит мне Александра, или, как она просит называть её, Сашá, с ударением на последнем слоге. Саша работает в баре возле бассейна. У неё очень хороший английский — она родилась в Америке, окончила там школу, но вернулась в Грецию. — Если кланы в ссоре, никто не позволит жениться.

На стойке — несколько бокалов с коктейлями, среди которых есть кровавая Мери и Мери девственная — virgin Mary. Девственная Мэри — без алкоголя. Оса пикирует прямо в кровавую Мэри, девственная её почему-то совсем не интересует.

Димитрос время от времени проходит мимо магазинчика Марии. А иногда Мария спускается на второй этаж. Они бросают друг другу небрежное «калимэра» — здравствуйте. И — всё. Но взгляды… Читаю в этих взглядах целую историю, не уступающую по накалу страстей знаменитой веронской.

— Очень уважают здесь адмирала Ушакова, — Вано переехал на Корфу в девяностых из Сухуми, теперь он владелец небольшого ресторана. — Скажете — Ушаков, любой поймёт, любой подскажет, как к памятнику пройти.

Узкие улицы Корфу-тауна, или Керкиры, кафешки, магазинчики. Продают украшения из золота и серебра. Чуть не убедили купить комплект из белого металла — колье и браслет, грубоватые, причудливо изогнутые загогулины. Всего пятнадцать евро. Совсем не дорого. Украшения чем-то похожи на те, что носит Мария, но у Марии — лучше, интереснее. Наверное, подарок Димитроса.

К ужину возвращаюсь на автобусе в отель. Смотрю Morning news — ежедневную красочную брошюру, посвящённую событиям дня. Сегодня после ужина — шоу латиноамериканских танцев на пляже.

Веселье в разгаре, пряные, наглые мелодии… Вижу, как Димитрос танцует с немолодой, упитанной немкой. Ещё несколько танцев — и пара, обнявшись, удаляется. А вот и Мария. Рядом с ней — генеральный менеджер отеля, грек лет шестидесяти, с лицом, похожим на мордочку старого, хитрого хорька.

— Аха-ха-ха! — смеётся Саша, и даже в неярком свете разноцветной иллюминации бара можно увидеть, что зубы у неё удивительно белые, — Димитрос и Мария, ха-ха-ха! А ты ведь говорила, что придумываешь всякие истории… Конечно, нет. У нас мужчины вообще не женятся до 40–45 лет. А уж Димитрос… У него же тут такие заработки. А Мария, может, и выйдет замуж. За господина Ставропулоса.

Иду вдоль берега, подальше от суматохи и громкой музыки. Вокруг становится совсем темно. И тихо. Только звуки моря.

1. Не понимаю, синьора…

Тамара Хведченя

Исповедь

Непридуманная история

Светлой памяти бабушки моей
Анастасии Иннокентьевны
Бурлаковской посвящаю.

Маруся торопилась. До работы оставалось два часа, а ещё нужно было забежать к тётке Настасье, обязательно забежать — прочитать Мишенькино письмо, порадовать мать жениха. Бежать не близко: через железнодорожные пути, потом по узкому мосточку через речку, потом лугом, потом две горки преодолеть и остановиться у колодца — дух перевести, чтобы со спокойным лицом постучать в заветное окошко.

Весной Марусе исполнилось уже 25 лет, возраст не юный, если учесть, что все девчонки до 20 лет старались обзавестись в то время семьями, а тут — война, которая тянулась уже два года, выкашивая, как траву, женихов.

— Проходи, Марусенька, в спальню, мне что-то нездоровится. Приболела, простыла, никак, — услышала Маруся голос тёти Насти, глухой, простуженный, больной.

Тётя Настя лежала под ватным одеялом, её знобило. Лицо серое, потное.

— Как вы умудрились простыть в июле, тётечка Настя? — Маруся присела в ногах, дотронулась до руки. Горячая.

— Картошку огребала, устала, воды из колодца напилась. Вот и лежу теперь. С чем пришла-то?

Тётка Настасья старалась изо всех сил казаться бодрой и весёлой: не хотела омрачать Марусю. Любила она эту славную девушку. Хотела, чтобы они с Мишей поженились, когда кончится проклятая война.

— Письмо от Мишеньки получила! Щас прочитаю!

И полились строчка за строчкой простые, бесхитростные, искренние слова солдата, тоскующего по родному дому, своей верной девушке, по мирной жизни. Маруся не прятала слёз, плакала вместе с ней и тётка Настасья.

Вытерли дружно слёзы обе женщины, улыбнулись, вздохнули.

— Мне пора, тётечка Настя, на работу. А завтра я в ночь, днём добегу до вас. Маруся склонилась, чмокнула тётку Настасью в щёку. Та горячей рукой обхватила девушку за шею, поцеловала её в открытый чистый лоб благодарным материнским поцелуем.

— Беги, стрекоза!

Тётка Настасья разболелась не на шутку. Горела огнём испепеляющим. Не помогали компрессы, травы, полоскания, растирки. «Скорая помощь» не выезжала на вызовы, таблеток не было — война…

Маруся все свободные дни и ночи сидела у постели тётки Настасьи, спала урывками, осунулась, погрустнела. Она работала санитаркой в горбольнице, понимала, что это серьёзно, опасно, лёгкие, видимо, задеты. Но чем лечить? Что делать?

А тётка Настасья умирала. Лежала молча, уставясь в одну точку, видела то далёкое-далёкое, что не забывается никогда, потому что это — твоя прожитая жизнь. Захотелось облегчить душу, исповедаться перед смертью. Собрала последние силы и тихим, прерывающимся голосом заговорила:

— Слушай, Марусенька, я это никому не рассказывала, тебе первой. О своём самом большом грехе и своём самом большом счастье.

Замолчала надолго. Маруся не торопила.

— Мы приехали в Ачинск из-под города Ровно. Все ехали в Сибирь счастье искать, — царь так велел. Семьями, на подводах, долго добирались. Я замужем была, уже дочка Гутя родилась, годик ей был с небольшим. А мой муж, Степан Григорьевич, царство ему небесное, красив был, высокий да широкоплечий, усы, чуб — девки заглядывались. Не любила я его, не мил был. Данилка, соседский сын, мне нравился больше. Чё же, молода была, своевольна. Мои родители ни в какую не хотели нас женить. Степана-то родители жили зажиточно. А кто меня спросил? — под венец — и живи.

Тётка Настасья хлебнула глоток травяного настоя, потёрла пылающий лоб и продолжала:

— Мои родители стали жить в деревне Ястребово, недалечко отсюда, а мы вот этот самый дом построили. А тут Степана под ружьё поставили, война ведь шла. Осталась я в 18 лет с дочкой, свёкром и свекровью. Ох, люта была, шагу не ступишь без её разрешения. А тут, на мою беду, на постой привели офицера, казачьего командира. Сотня казачья на нашей улице стояла. Я прихожу с покоса, вхожу в дом — и солнце засияло, и гром ударил, и цветы расцвели — вот так мне этот казак

понравился. Красивый, чистый, обходительный. И такой простой! Чужой — а родной-пpeродной. Вот что с нашей сестрой любовь делает.

Голос у тётки Настасьи охрип, забулькало в простуженной груди, потемнело в глазах. А на обмётанных губах — счастливая улыбка. Помолчала, провела слабой рукой по лицу, будто стёрла давнюю горячую радость.

— Все ночки были наши, пока свёкор на покосе был. Свекруха умается за день, храпит в кладовке — лето, жарко. А я… Прости меня, господи, грех сказать… Я крест поставила на себе, знала ведь, что не всё коту масленица… Отлюбила своё, отмиловала…

Маруся замерла. По меркам её времени рассказанное тёткой Настасьей — неслыханное зло, а ведь тогда, в те суровые времена, венчанная, была великая грешница. Подкатил к сердцу вопрос: а как бы она поступила на месте тётки Настасьи?

Старая женщина хрипло вздохнула и зашептала горестно:

— Понесла я от Евгения, так звали мою звёздочку ясную, моего кавалера любимого. Что делать? Осень. Скоро живот не скроешь… И решила я с Гутей к маменьке в Ястребово у свёкра отпроситься. Отпустил. Уважал сватов. Уехала. Распутица, ледостав, тонкий лёд — всё мне на руку. Только по ледовой дороге я смогу домой вернуться. Пала я в ноги маменьке родной, выплакала своё горе горькое. Зарыдала и она, захлопала руками по бокам: как дочь выручить?

Сбегала к знахарке. Та пришла, напоила меня кореньями страшными. Схватки начались. А в бане же всё это делали, чтобы батюшка не слыхал. Запищал ребёночек, девочка была, слабенькая, бледненькая. А вскоре и затихла. Что ж, ей и шести месяцев не было, не жилец на белом свете. Маменька завернула её в лоскуток, положила за ларь. Назавтра папенька собрался ехать за дровами. И покрыла мой грех великий матушка: выкопала в подполье ямку, положила в неё мою кровиночку и закопала. Так, она сказала, верней будет, никто не узнает.

А Гуте уже четвёртый годок шёл, такая лопотунья была, смекалистая. Ночью она проснулась, испугалась и прибежала в баню. Увидела мою девочку, сестрёнку свою мёртвую. Мы с маменькой и не придали значения, дескать, мала, ничего не поймёт.

Оправилась я, пополнела снова, ладная да красивая стала. Степан-то меня за пригожесть любил, миловал нежно.

Приехали мы с Гутей, зажили по-старому. Вся работа на мне, а дочка с бабушкой остаётся. И рассказала Гутя бабушке, что мамка родила мёртвую девочку и что зарыли её в подполье. Свекровь, понятно, никому ни слова, ждала Степана с войны. И я ничего не заподозрила: кричит, как всегда, ругает привычно, не жалеет нисколько.

Тётка Настасья съёжилась под старым одеялом, затихла. Маруся сидела ни жива ни мертва. Хотела остановить — не могла, пусть исповедуется. Погладила небольшую шершавую руку умирающей:

— Тётечка Настя, отдохни, ты устала. Я тебя люблю, я тебя не осуждаю. Это не ты виновата, ты же не любила мужа. А как же женщине без любви прожить? Бог тебя простит, милая моя!

Тётка Настасья открыла страдальческие глаза:

— Это ещё не всё. Свекруха рассказала Степану, но без меня, я не слышала. Вот легли мы спать, а он тихим голосом и говорит: «Ну, жена, расскажи, как ты ждала меня?» И после каждого слова берёт мою кожу двумя пальцами и крутит, щиплет, да ногтями старается, чтобы больнее было… Слезами обливаюсь, а терплю: грешная, виноватая, нечистая перед мужем. А что в церкви на венчании говорила? То-то. И так каждую ноченьку всю жизнь меня щипал. Я в баню ходила одна, после всех, вся синяя, чтоб никто не видал. Стыдно ведь. Вода в котле со дна уже мутная, а моюсь, плачу, жалею себя.

Тётка Настасья, бессильная, замолчала. Маруся безутешно плакала, глотала слёзы, но они катились и катились, капали на старое одеяло и холодеющие руки великой грешницы, великой страдалицы, женщины, преступно и крепко любившей один раз в жизни.

Владимир Берязев

Сумасбродные мысли о выборе веры

Главы из книги-потока

Заходит ко мне как-то Василий Васильевич Розанов, пенсне поправил и говорит:
— Берязев, кончай заниматься ерундой!
— М-м-м…
— Берязев, кончай заниматься ерундой. Я уже всё написал.
— Гм-м… А я ещё не всё…

Один мой старший товарищ, или не товарищ, скорее друг… словом, человек, которого я весьма и весьма уважаю, так вот он любит иногда полушутя по мне пройтись (особенно это касается моих восточных поэм — «Тэмуджина-Чингисхана», «Дервиша», «Гуннской легенды»):
— Берязев! — кричит он из дальнего угла, развалясь на диване, — Берязев, когда ты, такой-сякой, прекратишь монголоизировать нашу действительность?!
— Не я первый начал.
— ??..
— !!..
— Ты о том, что «Слово о полку» написал половец?
— Не обязательно.
— Ну, нельзя же до бесконечности пересказывать нам «Сокровенное сказание» и «Алтан тобчи».
— Да при чём здесь я?!

Сорвите с Пушкина посмертную маску масона, и вас свалит с ног большой евразийской метелью…

(Дом скорняка)

<…>

…Приватная информация.

Президент наказал всем журналистам, чтобы они не засоряли русский язык всякой там иностранщиной. «Ваучер! Ваучер! Понапридумывали, понатаскали из-за кордона всякого барахла. Хотя есть нормальное русское слово — «приватизационный чек». Иду по Красному проспекту. Под витриной фитобара для сексуальных меньшинств (бывшая «Кофейня») расположились религиозные меньшинства. «Белое братство». Православные кресты на груди и на листах наглядной агитации (фотоспособ). Белые широкие одеяния (очень похожи на сестёр и братьев милосердия). Белые славянские лица. И не то индийское, не то сиротское пение гимнов любительского сочинения под удары восточных колокольцев. Трепетно всё это, трогательно. И жалко ребят, и подсознательно ищешь глазами шляпу, куда надо бросить червонец или два за спектакль.

Вру, конечно. Жалко червонца. Но, с другой стороны, и шляпы нет. Есть фотографии Марии Деви и Иоанна Свами, коих следует понимать — как современные воплощения Иоанна Крестителя и, страшно подумать!.. Богоматери. Ересь неописуемая. Но дело не в этом. Эти два красивых молодых человека: молодая русская женщина с одухотворённым милым лицом и седовласый священник Братства, пенсионных уже годов, собираются через год, по осени, пожертвовать собой ради спасения человечества.

А по низу фотоплаката крупно, жирным шрифтом, видимо, квинтэссенция теологических изысканий «Белого братства»:

> «Не берите ваучеры! Они закодированы! Всякий, кто соблазнится ваучером, получит на чело знак зверя».

Какова же разница между ваучером и приватизационным чеком?

Недавно мне разъяснили.
«Ваучер» минус «приватизационный чек» = 666
И наоборот.
«Приватизационный чек» минус «ваучер» = 666
Так в «Белом братстве» считают.

И мне им нечего возразить, в математике не силён, два эти уравнения в одно свести не могу. Может быть, так оно и есть? Вот лингвистика и филология — это другое дело. Что? Ну, например, то, что фонетически слово «ваучер» напоминает мне окликание «чёрта»: «Ау-у-в-а-у-у, чёрт!».

Погребение…

А я вижу погреба, погреба, погреба, рыжие глинистые холмики, квадратные творила из бруса, крышки из трёхмиллиметровой стали, большие амбарные замки в мутных полиэтиленовых мешках, все свободные площади Новосибирска между домами, детсадами, дорогами, гаражами, все клочки пустовавшей земли за последний год покрылись этими холмиками.
— Национальное погребение, — говорю я приятелю.

— Рано хоронишь, Вова! — доносится голос приятеля из погреба. — Держи полмешка картошки.

Да, да, да. То есть нет. До обряда похорон ещё очень далеко.

Пока всё это жутко напоминает усиленную подготовку к военным действиям. Народ окапывается, уходит в почву, сливается с ландшафтом, растворяется в пространстве…

Россия — это страна-призрак, это пустыня, её невозможно завоевать. Национальное содержимое этого континента всё время перетекает из состояния в состояние от кристалла до инертного газа.

Меч завоеваний проходит сквозь пустыню, никого не задев, чужие деньги, готовые всё *купить*, исчезают в этой бесконечности бесследно, подобно пеплу. И лишь изнутри можно было разрушить эту гигантскую чашу наций, чашу, в которой вскипал небывалый доселе суперэтнос. И это было сделано. Но не довершено. Блок, Блок вас предупреждал. Великая Скифия осталась великой. Не трогайте, ради Христа, не трогайте. Больше мы между собой воевать не будем. Не-ет, не будем. Не хотим больше. Спасибо за науку. А с вами, возможно, и придётся, заставите. А пока — окапываемся, окапываемся, окапываемся. Нам не привыкать…

В огромную лужу за коопторгом «Кедр», в грязь и снег два КАМАЗа вываливают терриконы угольно-чёрного дымящегося асфальта.

Пьяный, вскидывая голову, бормочет:

— О! Из дурдома привезли…

Телевидение — дурдом. Политика — дурдом, даже название медицинское: Белый дом. Кремль — центр наркологических исследований.

А асфальт… Что асфальт? Люди работают…

…Кастанеда пишет, что совершить революцию легче, чем бросить курить.

Но у нас-то «революция» до сих пор звучит гордо.

Нет ничего мощнее и захватывающее революционных песен. «Варшавянка»…

«Интернационал»…

Песни смерти. Песни гибели и разрушения.

Но коллективной, на миру.

Оттого так притягательно и сладко было русскому человеку их петь. Всё одно, мол, все погибнем, разнесём всё к чёртовой матери, развеем в пух и прах и сгинем. И гори оно синим огнём!..

Только Христос мог от этой чертовщины избавить.

И может.

Для начала надо бросить курить.

И причаститься.

Всё начинается с символа.

Значок, крючок, звёздочка, крестик и дальше, и дальше, спиральки всякие, монограммы, пентаграммы, идолы и тельцы, овны-жертвы и орудия-гвоздики-шпаги, магические круги-квадраты-кристаллы и лампадки-свечки-образа, да-да, образ Божий, ладанка, складничок, охранительная иконка на груди, чудотворные мощи… символы, символы, символы…

И Россия как один великий нераскрытый символ витает над миром, над планетой то сияющим, то кровавым облаком… Скульптор Клыков всё время твердит об этом. О символике.

Его Сергий Радонежский, высеченный из серого камня, серебрится на зелёном русском холме, словно чудесная, устремлённая ввысь ракета. А на груди шестиметрового каменного старца круг-иконка со вполне земным личиком отрока Варфоломея.

Клыков кричит на всех углах: «Смените символику!»

И я кричу, сидя за печатной машинкой: «Прав Клыков! Смените символику, посшибайте рубиновые звёзды с башен Кремля, водрузите орлов двуглавых! Хотя можете не сшибать, можете снять вертолётами, рубины продать за кордон. Тогда, может, и денег хватит на то, чтобы орлов двуглавых отлить. А как только они заново на башни вспорхнут, всё разом изменится. Вот именно, разом».

Потому что всё с символа начинается.

Как только в священном, сакральном для России месте на холме у Москвы-реки свершится ритуал смены символов, сразу начнётся подсознательная цепная реакция в недрах этноса и суперэтноса.

Колокола на Иване Великом.

Богослужения во всех храмах.

Остаётся только пирамида у стен Кремля с каждодневной бесконечной чередой идущих на поклонение к коммунистическому идолу. Большая часть из них сегодня просто любопытствующие. Но обряд поклонения совершается и любопытствующими.

Пирамида пусть останется. Напоминанием. Но некрофилия — дело дохлое во всех смыслах. Поэтому надо решиться после церковного отпевания — как бы там ни было, усопший был крещёным человеком — после христианского отпевания оставить покойника в этом гигантском склепе, замуровать и не тревожить его больше.

Хватит. Сколько можно попирать ногами труп и через любовь к смерти получать всё новые и новые силы для строительства континентальной пирамиды Власти?

Ведь у нас есть и другая архитектура.

Китеж, Василий Блаженный, Небесный Иерусалим, Святая Русь…

Свет.

Восходящий свет.

Золотая пирамида любви.

<…>

— Берязев, ты когда крестился?
— В год тысячелетия Православия, в день Владимира Святого, сдаётся, этак 24 июля…
— Так значит, Владимир Святославович — твой святой?
— Ага…
— Этот язычник, развратник, пьяница и кровопийца, приносивший человеческие жертвы Перуну?..
— Ага. Безобразничал, так ведь до того, как крестился.
— Но как может быть святым человек, на чьей совести столько крови своих же сограждан? Он ведь во время смуты всю Русь пожёг и вытоптал, усмиряя непокорных.
— В папашу пошёл нравом.
— И брата своего Ярополка во время переговоров в шатре зарезал… Варяжскими мечами!
— Циник. Все политики одинаковы. Михаил Сергеевич вон всё правительство вместе с председателем Верховного Совета зарезал. И тоже варяжскими мечами. И ничего. Великий человек.
— А сотни наложниц? А то, что он пленную княжну Рогнеду на глазах у всей дружины, во время пира в гриднице изнасиловал?!..
— Зверь. Зверь похотливый, да и только. Но то ж до крещения. А потом он её в жёны взял. Покаялся.
— И после всей этой мерзости вдруг великая святость и почитание в веках как Равноапостольного, то есть сразу за апостолом Андреем Первозванным, который в первом веке от Рождества Христова на холме Крещатика деревянный крест установил. Но Андрей-то сподвижник Христа и великомученик, а этот воин и политик. Однако не только у церковников, но и в былинах, в народе.
— Красно Солнышко, князюшко стольно-киевский, то есть кругом, как ни рассуди, Владимир Святославович почитается как великий, добротолюбивый и святой. Ерунда-то какая!
— А может, и не ерунда. Смутное времечко было. А Владимир смог из него Россию вытащить. За то и любят его. За то и все прочие грехи прощают. Аж на тысячу лет вперёд деяние совершил. А мог ведь из-за моря, от варягов не возвращаться, жить себе благополучно за границей. Не только же ради власти вернулся, что-то ещё в душе берёг, иначе бы не поверили…

До чего славно ездить на электричках и смотреть, смотреть в лица…

Каждое сиденье — как своя деревня или улица. Сон, дремание, игра, чтение, детские капризы, разговор, а то и спор, а то и скандал, но тут же улыбка, милая, родная улыбка, через которую то и дело переливаются волны смеха. Электричка — бывшая, бывшая птица-тройка, общинная Россия… колхозом, не состоявшимся колхозом так и живём. Кругом родня, и на том сиденье, и на противоположном, глаза у женщин такие здешние, такие родимые, что сердце щемит и в уголках глаз чувствительная щёлочь собирается.

Об этом православный Пастернак писал после войны — см. стихотворение «В электричке». (Хотел было процитировать, да не нашёл полного тома Пастернака.)

И Венечка Ерофеев об этом же плакал в тамбуре, беседуя с ангелами, взаправду беседовал… и плакал взаправду, от любви, хотя по тексту в это время блевоту сдерживал всем напряжением сил и самой истовой молитвой. «Москва — Петушки». У нас в любой электричке — Москва, а в Петушки эти вечные, как в Беловодье раскольничье, никак доехать не можем. Это не английская рассудочная Утопия, не шиза, не тупая паранойя, это стремление Туда не знаю Куда…

Но, может быть, поэтому и живы до сих пор.

Русскоязычный американец Иосиф Бродский в своей нобелевской речи с горечью или с презрением произнёс, что человечество вряд ли что-либо или кто-либо может спасти; оно обречено, мол, и единственное, что ещё возможно, это спасение отдельного человека, отдельной живой души. Спасайтесь, братие, каждый как умеет, всяк на свой манер, ибо нет нам коллективного спасения, ибо погибели и поруганию обречена земля наша прекрасно украшенная, берите, что можете поднять, что по силам для души вашей богоспасаемой, вот вам Белое Братство, вот учение Живой Этики и Агни-йоги, вот дзэн-буддизм, вот Кастанеда со своим колдуном доном Хуаном, вот движение Гринпис, а вот шоу-фестиваль Иисуса Христа на стадионе «Спартак» и…
— Брешешь, Иосиф!

И все вы, пророки лукавые, брешете о том, что невозможно общее наше спасение, только общее и возможно. Разве не в любви спасёмся? В ней и только в ней! А как же, лишь собой занимаясь, лишь свою душу лелея, подлинную любовь обрести возможно? Ведь даже если ты Бога возлюбил больше всего на свете, и молишься, и постишься, и аскезу на себя наложил, но никого и ничего, кроме этого высочайшего Идеала, не признаёшь вокруг, значит, суть никого, кроме себя, и не любишь, поскольку есть несовершённое отражение этого Идеала. Ещё Фейербах, столь любимый Марксом, по сему поводу дал исчерпывающее толкование. (И, вообще, я думаю, — жвачку впервые придумали немцы, но у них она была интеллектуальной.)

А Владимир Красно Солнышко Родину любил.

И дружину свою любил.

И бабку свою Великую княгиню Ольгу любил и почитал.

И русских людей, губящих себя в смуте и неверии, жестокой любовью воина — любил.

«…Пришли хазарские евреи и сказали: „Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова". И спросил Владимир: „Что у вас за закон?" Они же ответили: „Обрезываться, не есть свинины и заячины, хранить субботу". Он же спросил: „А где земля ваша?" Они же сказали: „В Иерусалиме". Снова спросил он: „Точно ли она там?" И ответили: „Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, землю нашу отдал христианам".

Сказал на это Владимир: „Как же вы иных учите, сами отвергнуты Богом и рассеяны: если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?"»

(Повесть временных лет)

Нет, не мог Иосиф Бродский сказать «братие», не найти ему брата на земле.

Есть одни только соплеменники.

Родина — она далеко, она за шеломянем еси.

И близко, совсем близко, тутока — под телогреечкой хоронится.

<…>

С полуночным снегом сталкиваешься, как с призраком или чудесным знаменьем…

Явление ирреальное, бесшумное и непостижимое.

…А ты из гостей, и уже нет прохожих, и город пустой, как бы повисший в воздухе, город звуконепроницаемый и неведомо светлый, каким светлым можно быть в полночь — светлый изнутри.

Идёшь по щиколотку, полное одиночество.

Идёшь, как будто молишься…

После этой гнусной перестройки у меня возникла огромная всепобеждающая любовь к бюрократии и чиновничеству. И к бывшему советскому и к нынешнему постсоветскому, российскому.

Чиновникам державы надо поставить памятник! Маяковского снять с его площади в Москве, памятник чиновникам поставить.

Заслужили, ей-богу.

300 лет уже берегут государство.

Не дают пропасть.

Кабы не они, с их канцеляриями, печатями, разрешениями, резолюциями, хождениями по кругу, взятками, прочим мздоимством и всякой другой нормальной российской тягомотиной, — давным-давно бы уже растащили всё, что гордо именуется «национальным достоянием».

А здесь, у чиновника, — «и сам не гам, и другому не дам».

Пусть в кладовочке лежит, гниёт спокойно. Может быть, хоть мыши досыта наедятся.

В вязкости нашей бюрократии наше спасение. Слава богу, что глупы, неповоротливы и любят покуражиться перед клиентом-посетителем. Зато инициативы не проявляют; какой-никакой, а Закон блюдут.

Не приведи Господь — умного и инициативного Бюрократа на наши головы…

Ещё бы табель о рангах новый принять. Тогда уже никто не скажет, что «процесс пошёл».

Все процессы остановятся.

И оч. хорошо.

Брат с сестрой уехали в Тамань.

Полжизни прожили в Прокопьевске, детей там нарожали, добром обзавелись, обросли и укоренились… ан, нет.

Всё продали и в одночасье уехали во княжество Тмутараканское.

А могилы деда с бабкой остались в Прокопьевске, на старом городском кладбище с названием «Буфер», которое разрослось в годы войны. Деда там в 43-м похоронили недалеко от братских могил военного госпиталя — чахотка выела ему лёгкие. А бабка вместе с Леонидом Ильичом Брежневым успокоилась, не на Красной площади, конечно, не в обнимку с генсеком, по времени — грустной пьяной осенью 1982 года.

А теперь шахты закрываются, угольные пласты консервируются, кладбище на Буфере вот-вот под землю провалится и быльём зарастёт.

А брат и сестра — в Тмутаракань.

А мама плачет.

А отец пьёт, не переставая, вот уже сорок лет кряду.

И что же это будет в конце концов?

Какому-нибудь миланцу приехать в Париж или даже в Нормандию на могилы своих предков не составляет труда. Не говоря уже о немцах и разных прочих шведах. Но для русского человека нужно пересечь континент.

Мы полукочевой народ.

Поэтому, когда мне «шьют» пантюркизм и говорят: «Берязев, ты азиат, татарин, тюрок!» — я не спорю. Я отвечаю — да, мы полтора тысячелетия, может быть, и больше кочуем туда-сюда, кочуем по этому пространству, называемому Дешт-и-Кыпчак. Да, мы кочевники, хотя и земледельческого толка. Господи, так получается, что мы зачастую не знаем и не помним, где похоронены наши предки.

Но разве не небесный промысел толкает разрозненные души, семьи и целые гнёзда из края в край великой земли?

Или это всё от лукавого?..

Что-то же держит на плаву! Словно блазнится, словно начертано в сердце, что сегодня мы завершаем какой-то гигантский круг, снова неисповедимая дуга истории вывернула русских к Азову

и Корсуню, снова зарезан Редедя перед полками касожскими, снова Игорь к Дону воинов ведёт, снова дети не узнают, не изведают, где зарыты кости их отцов, но, когда вырастут, поступят так же. Точно так же.

Есть, видно, воля над…

Но как же быть с отеческими гробами?

Иван Непомнящий…

Или всё дело в православии, воспринявшем сердцем завет Спасителя: «Оставьте мёртвым хоронить своих мертвецов»?

В России нормальное состояние кладбища — это заброшенное. Покойных поминают в молитвах, в заупокойных записочках в церкви, а на кладбище ходят лишь в Родительский день.

«…прости им все прегрешения вольныя и невольныя и даруй им Царствие небесное».

А могила — прах.

Даже коммунисты не позволяли себе такой концентрации лжи на один квадратный сантиметр информационного поля.

Там, где нельзя было сказать правду, они больше помалкивали.

Но ложь, текущая щёлочно-кислотным потоком с экран ТВ, до того агрессивного свойства, что в первую голову разрушает своих создателей и измыслителей. На глазах разрушаются, искажаются злом и внутренней чревоточиной лица телеведущих и журналистов, ещё недавно красивых, молодых и обаятельных. За какие-нибудь три-четыре года их образы словно покривились (все эти политковские, гурновы, митковы, киселёвы и пр. и пр.).

Печать несвободы.

Цензура в душе.

Они страстно хотели победы над коммунизмом, готовили её и устраивали триумф Победителю.

Они признали хозяина и верно ему служат, врут, когда искренне, когда неискренне, но уже сомневаются — жизнь в России не течёт по прямой — вдруг да Хозяин не устоит…

Червь сомнения выползет на телеэкран в виде ухмылки. Ах, эта знаменитая ухмылочка наших комментаторов!

В ней нет ни веры, ни добра, ни сочувствия. «Информация должна быть бесстрастной. Голые факты!» Это краеугольный камень лжи. Не бывает такой информации, равнодушны только роботы и демоны. Последние, правда, вовсе не бесчувственны, они испытывают наслаждение от мучений других и люто ненавидят Бога. Как был осанист Егор Яковлев, сладострастно режиссировавший перед телекамерой подписание отставки Горбачёва. За год службы на Вавилонской башне он превратился в ядовитую развалину и добит своим же крёстным отцом.

Им несть числа.

Тем, кто поклоняется Цивилизации.

Они всех жаждут научить этому поклонению, всех обратить в правую демократическую цивилизованную веру.

И когда умирает Сахаров, самый правоверный и искренний из идолопоклонников Цивилизации, его сподвижники кричат на весь мир, что «не выдержало сердце великого борца за правду».

Хотя, например, китайская традиция вовсе отвергает такую борьбу, говоря, что она больше принесёт вреда, чем пользы.

Увы, не во имя Бога-Сына страдал Сахаров — во имя технократической иерархии за Царство разума сражался, будь оно проклято!

А последние кристаллы разумной правды Сахарова состоят в том, что:
— русский солдат — убийца;
— все мои предки есть рабы и черви у ног тиранов;
— Россия не достойна никакой участи, кроме как расчленения на 60 или более автономий и областей в качестве самостоятельных государств под протекторатом ООН.

Это новое фарисейство.

И ответ «сынам Божиим» и поклонникам единого бога Цивилизации давно дан: «…если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшёл и пришёл; ибо Я не Сам от Себя пришёл, но Он послал Меня… Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи».

(Иоанн 8: 42–44)

Демократы у власти — это проявившиеся, но пока ещё не закрепившиеся воры и честолюбцы.

И не известно, какого качества больше — первого или второго.

Но второе явно опаснее. В честолюбивом кураже, в порыве реформаторства они (оставаясь плотью от плоти русской жизни) стремятся непременно совершить этакий исторический подвиг, нечто в мире невиданное…

Есть желание служить, но служить и присягать некому. Поэтому возникает служение головным умозрительным конструкциям, программам выхода из кризиса, командам президента, партиям.

Таковой разброд всегда в России кончался дракой и свалкой.

А воруют — так, больше по привычке. Как же не своровать, если никого над тобой нет, никто не наблюдает, по рукам не бьёт?

На приватизированных предприятиях воруют не меньше, иногда и больше, чем при коммунистах. Тянут почём зря. Но в глобальном плане по сю пору, Хрущёв был прав: грабёж наладить так и не удаётся. Из страны трудновато вынести — и бюрократов много, и страна шибко большая.

А патриотов жалко.

Патриоты родные наши — либо плохие провинциальные актёры, либо просто безумцы. Больные люди. Ей-богу, смотреть больно.

Безумцев пруд пруди, но ни одного юродивого, чтобы по-настоящему блаженный.

Как же так случилось?

Патриоты должны быть сильными, богатыми и уверенными в себе. Они должны обладать внешностью благородной, внешностью знающих правду и имеющих власть (не власть имущих).

Тогда поверят.

Это не внешность истериков, кричащих на митингах и сбивчиво говорящих оппозиционные речи в микрофон — в боязни, что не успеют всего сказать в пять минут отведённого эфирного времени.

Это образ индейцев из резервации, но не великого народа.

Трудно поверить, что перед предками этих людей (и людей из противоположного лагеря, вещающих о чудесах западной жизни) ещё менее столетия назад лебезила вся Европа. А всё потому, что русские были богаты, сильны и образованы.

Патриоты гонят волну на демократов.

Но веры-то, веры, которая любовью питается, нет ни у тех, ни у других.

Эх, если бы можно было обняться и примириться…

Тогда бы и вера появилась, и власть, и сила, и богатство!

Хочу написать строку, и руки опускаются.

«А зачем?»

Самая жуть в том, что ничего нового и придумать-то невозможно. А и не надо придумывать.

Тем более — что-то новое.

Если новое, значит искажение, извращение старого, традиции, истины, Слова.

В арабском халифате поэтам за каждую новую рифму выбивали по зубу.

На Руси богомазов, отступивших от канона, сажали в холодную яму на хлеб и воду мало-мало остудиться. Или вовсе отлучали от церкви.

Новое — это неспособность понять Вечное и бессильные попытки сотворить своё.

Некто, предлагающий превратить камни пустыни в хлеба.

Авангард — продукт гордыни. На месте светлого целебного источника начинает хлестать нефтяной фонтан.

— Глядите! Это я продырявил пузо Земле-матушке. Я гениален. Ещё две-три таких дыры — и всем будет тепло и светло.

Славьте меня, славьте! Ибо я есть творец будущего.

Но когда камни превращаются в хлеба, одновременно сады и нивы превращаются в пустыню, которая уже никогда ничего не родит, кроме ядовитых злаков.

Технический прогресс есть глобальное осуществление первого искушения Христова.

Особенно в Европе и Америке.

Цивилизованное человечество приказывает камням: «Станьте хлебами!»

И на головы европейцев, как из рога изобилия, сыплется жратва, жратва, жратва…

«Не хлебом одним будет жить человек, всяким словом, исходящим из уст Божиих».

Ежели в России забудут об этом ответе Христа Сатане, то на земле восторжествует сытое настоящее и вовсе не останется никакого будущего, не говоря уже о бессмертии…

У Римской империи Октавиана после окончания гражданской войны было впереди ещё пять веков истории, но не было будущего.

В сосцах древнеримской волчицы перегорело молоко, нечем стало питать души римских граждан, всё — и доблесть, и вера, и величие духа, всё было в прошлом.

…После золотого века Октавиана Августа родился Христос.

Послевоенное благоденствие европейской цивилизации — это дом престарелых для тех, кто скопил капиталец за долгую жизнь. Этот дом полон маразма и обжорства. Там, в светлых палатах, полных зелени и покоя, перемещаются существа, утратившие пол и возраст, утратившие желания и чувства, кроме чувства собственной значимости. Этих склеротических стариков в пледах, креслах и инвалидных колясках не согреют даже юные нянечки-негритянки.

К их столу подаются плоды и блюда со всего мира. Но вкус к еде давно утрачен, и плохо пережёванная пища вываливается на белоснежные скатерти сквозь непослушные пластмассовые челюсти.

И этих полудохлых учителей я должен сегодня слушать?..

В нищей разрозненной Монголии конца XII века почему-то возникла такая концентрация жизненной силы, что её биологический взрыв развалил и преобразил всю Евразию. В эпицентре были всего лишь несколько тысяч юношей под предводительством Тэмуджина-Чингисхана.

Они любили своего Хагана и свою Землю.

На их знамёнах было начертано: Честь, Доблесть, Верность, Дружба, Правда.

Они воевали с ложью, подлостью и предательством (поэтому воевали со всем миром).

Но самое потрясающее — они всех победили.

Россия, Китай, Индия, страны Ближнего и Среднего Востока — все проросли из крови и духа монгольских завоеваний.

Огромная воля к жизни.

Вот чего не может простить и чего боится Европа.

Был в Москве.

Москва похожа на огромную свалку, затянутую смогом.

Конец ноября.

Все терзаются — доколе же эта свалка будет чадить. И гадают — с какого конца вспыхнет по-настоящему.

Пересёкся в Москве с одним диссидентом. Этакий благородный еврей по фамилии Макаренко. Лет пятнадцать назад был замечен сенаторской комиссией США и надиктовал этой комиссии 7 томов информации о нарушении прав человека в СССР. Прославился тем, что в 1969 году захоронил у подножия Кремлёвской стены прах репрессированных в эпоху сталинской диктатуры.

Мистер Макаренко рад тем переменам, которые застал в Москве. Он справедливо полагает, что и сам немало потрудился на этом революционном поприще.

Но когда в вопросе или в беседе он слышит слово «мы», то приходит в ярость и неистовство:
— «Мы» — это рецидив большевизма!..

Стало быть, для мистера Макаренко существуют только «я» и «они». Быть частью чего-то, пусть даже великого и прекрасного, для него нестерпимо и отвратительно.

Но в стране, где отсутствует слово «мы» как объединяющее понятие, нет органичного государства, нет нации и народа, нет духовного поля. Ведь как приятно иногда произнести: мы — русские...

Или выругаться: мы — русские...

И самое главное: мы — живые люди. Ибо «мы» говорит любящий человек, одиночество — удел мертвецов.

Сам погибай, а товарища выручай!

Прежде чем стать русской народной пословицей, эти слова были основным лозунгом тюрко-монгольского воинства.

За невыполнение сего Закона — смерть.

Причём это не было в полном смысле казнью, смерть воспринималась как избавление от позора — с благодарностью.

Позавчера у меня был в гостях один швейцарский барон.

Ханс Питер и пр.

Дальше не запомнил.

Заехал на пельмени и так — поговорить по душам. Уж очень ему нравится, бывая в России, разговаривать по душам. Нигде больше этого всего нет и в помине. А тут у нас заповедник как бы: и душевность, и пельменями до отвала накормят.

Заходит, мы как раз лепим.

Я ему, поздоровавшись:
— Ханс Питер, однако два года назад у тебя борода седая была, а сейчас чернёхонькая?
— Я, — говорит, — седину повыдергал.
— Садись с нами пельмени лепить.
— Я в гостях, — лопочет, — отдыхать буду.
— Ну тогда баночку с красной икрой раскупоривай! — (как раз для гостей заначка) и ключ ему русский консервный сую, который применения силы требует...

Ох, как бедный сокрушался, пока вскрывал баночку. Так и вскрыл только до половины. Надо, говорит, из Швейцарии механический ключик привезти.

Так ведь Россия большая, никаких Швейцарий не хватит.

Опять же, мы тут прекрасно грубой силой обходимся безо всякой механизации. Это же в радость — как дров порубить.

Но разве можно объяснить барону, что такое «рубить дрова».

Даже в разговоре по душам.

За тарелкой пельменей.

Нет, невозможно.

Следуя за поэтом Владимиром Владимировичем Маяковским, я бы мог сравнить это с любовью к женщине, но, боюсь, меня и тут не поймут. Ханс Питер пять лет назад стерилизовался и с гордостью, со значением об этом рассказывает.

Что тут скажешь? Европа!

Вся как есть тутока...

Грешен, грешен, грешен... Тысячу раз грешен.

А в зеркало глянешь поутру...

И ничего себе, вроде бы даже симпатичная морда, и ум в глазах, и фигура ещё стройная.

И тихонько думаешь, ощущая талый ручеёк в груди: «Чем бы можно себя ещё потешить?»

Русская интеллигенция до сих пор существует.

К сожалению.

Один поэт всё кричал: «Есть! Есть!» — и дико радовался по этому поводу.

Ну, есть, и что хорошего?

Почему нас так радует, восхищает, возносит то, что мы умнее, образованнее других?

А если ещё какой-нибудь, на внешний взгляд, тупорылый чиновник занимает высокий пост? Да не дай Бог у него не совсем ладно с русским языком или с пониманием абстрактной живописи...

Как по-английски слово «начать»? Правильно — «бегин»...

Сегодня в бане новосибирский интеллигент С. С-ко привязался к Г-му:
— Разве может человек с фамилией Черномырдин быть премьер-министром? У него ж на роже всё написано. Его же слушать невозможно. Помилуй, Володя, у тебя бы, ей-богу, лучше получилось, ты, по крайней мере, без пяти минут профессор экономики.
— О чём ты говоришь, Станислав, власть и наука — абсолютно разные вещи…

Но мы не понимаем, что есть власть, и не хотим понимать.

(В бане за покером)

Сюжет из коммунистического прошлого.

Секретарь обкома по идеологии уламывает по телефону поочерёдно партком и ректорат пединститута, пытаясь пристроить на место ректора (ставшее вакантным) своего надёжного человека.

На другом конце провода упираются.

Упираются дружно, изо всех сил.

Секретарь делает передышку в трудной работе и набирает Москву — общий отдел ЦК партии.
— Алло, здравствуйте, вы нам выписали путёвку в Пицунду на моё имя (имярек, Новосибирск)? Да-да, очень хорошо, спасибо. И билет заказали? Прекрасно. До встречи.

Выкурил сигарету. Что-то наказал секретарше. И снова звонок в пединститут:
— Алло, это опять я, вот что, дорогие товарищи, мне тут пришлось специально по вашему вопросу звонить в ЦК партии, я объяснил ситуацию и должен вам сказать — ЦК полностью поддерживает кандидатуру NN…

На другом конце провода молчание. Крыть нечем.

(Из рассказов «масона»)

В сегодняшних демократических условиях подобные ситуации решаются при помощи лобби, борьбы группировок, взяток и откровенного силового нажима — шантаж, угрозы, наёмные держиморды.

А при царе?

При батюшке-императоре?
— С назначеньицем, милостивый государь! По высочайшему указу изволили прибыть, подумать только, какая милость.
— Да, но перед этим были представлены исчерпывающие рекомендации и настоятельные просьбы с мест…

Коммунистическое «искусство возможного» — это лишь некий гомункулус, выращенный на месте традиционной императорской власти.

Но даже эта искусственная по своей природе власть и политика, лишённая материнской истории и культуры, сумела остаться государственной и имперской.

И прежняя власть мне во сто крат милее волчьих законов демократии, где каждая ничтожная группа, имеющая в руках либо деньги, либо оружие, либо информацию, объявляет себя народом и требует своего права и своего времени у микрофона, у телекамеры, у кормила…

«Партия, дай порулить!!!»

«Да нате вы!..»

И пошло, и поехало.

Имперской в римско-византийском смысле, когда никто и не думает посягать на национальные особенности, на традиции и культы, но от граждан неукоснительно требуют соблюдать интересы державы прежде всего, сложившийся миропорядок почитается единственно возможным, благословенным Богом.

Было море русской жизни, плескалось оно по всему периметру евразийского континента, и всякой живности в нём полно было.

Но кто-то подумал: вольно ж ему плескаться без границ?

Давайте изладим прозрачные хрустальные аквариумы и посадим туда интеллигентных хвостатых пучеглазых рыбок. Так и сделали.

Поначалу рыбки были разные, всех оттенков, с забавными латинообразными названиями.

Но вскоре остались одни серебристые пираньи.

Этим тварям всё время хотелось, чтобы корму было как можно больше, чтобы было много света и много свежих пузырьков воздуха, чтобы глупые зрители постоянно ими любовались и восхищались.

Но не дай Бог, рука кормящего или чистящего аквариумы на лишнюю долю секунды задерживалась под водой. Пираньи моментально могли оставить несчастного без фаланги, без пальца, без целой кисти.

Интеллигенция сожрала Россию.

Из чувства несправедливости.

Или из благородного желания — спасти.

Как научиться не считать себя умным?

Я умный. Значит, мне нельзя говорить и делать глупости. Я связан по рукам и ногам.

А дурак всегда свободен.

Хотя бы на одного из прежних аристократов глазком глянуть.

Дикое поле.

Земля незнаемая.

На крик «ау-у!» эхом доносится «увы-ы». Повывели породу.

Актёрско-медийная содомократия отводит глаза толпе. Заговаривает, закруживает, задуривает. То смехом, то всерьёз, то соло, то целыми тусовками. Но смысл этих бесконечных представлений

остаётся неизменным: посмотрите, какие вы все выродки, бездари, недоумки, и как мы высокоинтеллектуальны и чрезвычайно талантливы.

И толпа смотрит.

Смеётся над собой.

Вповалку ложится.

Дуракам закон не писан. Дурак счастлив. Чего ему себя стесняться. А на умного смотрит и жалеет беднягу. Сострадает.

— Эк тебя, сердешный, ломает. Всё от ума. Горе одно. Ты, вот что, в церкву сходи. Или давай я тебе бабу найду добрую…

Владимир Ильич Ленин, эталон русского интеллигента в его развитии через двести лет, всё жаловался Алексею Максимовичу Горькому, что не встретил среди русских ни одного умного человека (исключая себя).

— В России умны одни только евреи,—говаривал Владимир Ильич.

Но не глупа ли сама мысль искать ум на родине Ивана-дурака?

Причём ум, понимаемый как гордыню и способность поверить алгеброй гармонию.

Сам марксизм—порождение великого европейского ума, смесь еврейского материализма и немецкой логической философии, был понят здесь как миф о справедливом царствии Божием, которое очень просто можно устроить на земле, т. е. понят по-дурацки.

А наивные, счастливо, доверчиво улыбающиеся дурни и дурочки на передаче «Поле чудес»? Как они самозабвенно крутят барабан в надежде на приз от заморского дяди.

Но к ним, к участникам, ничего не пристанет, они чисты.

Блаженны нищие духом. Блаженны чистые сердцем. И—«будьте как дети».

Но—режиссёр…

Но—сценарист…

И эти—хохмачи-шоумены!

Эти—замыслившие слегка закамуфлированное унижение и глумление, когда за конфетку, которой трясут у самого носа, тебя заставляют встать на задние лапки—уж вам-то воздастся в полной мере; пять золотых монет, отнятых у Буратино на Поле Чудес, давно уже колосятся десятками и сотнями тысяч долларов…

Но забываете, всё время забываете, что жизнь иррациональна.

Есть у Буратино Золотой ключик, у Ивана-дурака—крестик нательный.

Недопитая чашка кофе на блюдце с бабочкой. Чашка тёплая с выщербленным краем, с пятнышком не отмытого варенья, с полустёртой позолотой по ободку…

Почему целая чашка не так дорога, как эта со щербинкой?

Почему мы любим не сам родительский дом, а дыру в крыше из тёса, из-за которой тёк потолок во время дождя и приходилось на табуретку ставить эмалированный таз, в который звонко шлёпались капли?

Потом крышу покрыли стальным жестяным листом, и мне приходилось каждое лето красить её, привязавшись вожжами к телеантенне.

Потом я уехал в Новосибирск.

А через несколько лет под домом загорелся тлевший ещё со времён войны угольный пласт… И дом вместе с целой улицей Циолковского и двумя соседними Покровского и Манеиха снесли бульдозерами.

Но дыра в тёсе, затянутая жёстким малахитовым мохом, так и жива в памяти, как жив звук разбивающихся о дно эмалированного таза дождевых капель в центре моей спальни.

Где же и вправду откопать для образца хотя бы одного живого всамделишного аристократа?

Власть знати.

«Власть наилучших» в дословном переводе с греческого.

На чём она была основана?

1. на воинской доблести в первую голову. Знатный род—род героя, багатура;
2. на знании культа и обрядов, также всех тонкостей управления массовым сознанием (жрецы). Это знание было традиционным и сокровенным. Русские цари были к нему приобщены;
3. и, конечно, на собственности, на экономике. Хотя здесь никакой прямой зависимости нет. «Знатный» совсем не обязательно «богатый».

Коммунистические идеологи были неплохими жрецами.

Они понимали толк в массовых действах, обрядах и культах. Но всякий культ должен иметь под собой мистическую основу. А какую мистическую основу имели под собой первомайские демонстрации или, например, обряд принятия в пионеры?

Если напрячься и заглянуть в разные умные книги вроде энциклопедии Мэнли Холла, разумеется, можно на это что-нибудь ответить.

Но вообще для подобных действ нужна глубокая, осознаваемая самими жрецами традиция—тысячелетняя по своим корням. У коммунистов её не было. У немецких нацистов, судя по всему, очень быстро формировалась. Но Германия рухнула, русские постепенно перестали верить в живого мертвеца. Два раз в год коммунисты поднимались на Мавзолей, но до прямого сатанизма так и не дошли.

Жрецы потеряли авторитет.

Военной знати постепенно не стало—маршалы Великой войны один за другим вышли на пенсию.

Аристократии не получилось.

Плутократия…

Охлократия…

Бюрократия…

Потом всё это сдохло и превратилось в большую вонючую демократию.

Где наилучшие?

Прежних—к сожалению или к счастью?—уже не возродить.

Члены императорской фамилии живы и здравствуют. По всему миру рассеялся и многочисленный рюриковский род.

Но породу повывели.

«Люди длинной воли».

Это молодёжь, отказавшаяся подчиниться законам рода в дочингисовой Монголии. Они селились отдельно от рода и жили по законам воинского братства. Они положили начало новой аристократии в империи Чингисхана. Это круг верных и круг сильных.

Таких уже много. Их становится всё больше. Они владеют оружием, деньгами, информацией. У них жесточайшая дисциплина, а предавший карается смертью. Когда они победят, в России перестанет существовать интеллигенция.

И наступит новая эра.

(Да, но в этом случае кто бы мне объяснил разницу между разбойником и героем. Например, где в современной Грузии банды, а где любимые народом политические лидеры? Т. е. победивший бандит становится национальным героем, а проигравший—остаётся бандитом.)

А я—либо перестаю существовать, либо беру в руки автомат Калашникова (гениального русского человека).

Брось, Юра, брось!

Не было никогда никакого мальчика, была девочка по имени Сонечка Мармеладова, но, увы, и девочкой её в сегодняшнем смысле назвать трудно, так как девственность утрачена в подростковом ещё возрасте, в заповедные времена.

Интердевочка!

И очень кокетливая.

(На статью Ю. Горбачёва в «Вечернем Новосибирске» о судьбах русской интеллигенции «А был ли мальчик?»)

Сезонные птичьи перелёты…

Гуси, чирки, славки, скворцы, малиновки, журавли, цапли, вальдшнепы и пр., и пр., и пр.—свободны?

Они движутся по каким-то невидимым, начертанным в небесах линиям на протяжении тысячелетий, погибая во времена своих кочевий целыми тучами.

Свободный птичий полёт…

Дмитрий Никулин.

По признанию Оксфордского университета—человек 1992 года. Парень неполных тридцати лет, полиглот и философ, издавший крохотную книжицу «Метафизических размышлений», где XXI философская миниатюра соседствует с двенадцатью графическими изображениями каменных палеолитических орудий—чопперы, рубила, резцы, просто странные, непонятно зачем обработанные камешки. Из их каменных наплывов и углов удивительным образом проглядывают то ли звери, то ли птицы, а может быть, и жители иного мира.

Метафизические эксперименты.

Никулин перебирает древние камешки.

Никулин произносит: «…самое главное не в том, что мы можем, и даже не в том, что не можем, но в том, чего не можем не делать. Не просто выбор и отказ,—самый отказ от всякого выбора делает нас впервые ответственными и свободными».

Вот она—обнажённая и посрамлённая исходная глупость экзистенциализма.

Не надо выбора.

Не надо брать на свою душу этот неподъёмный груз.

Выбор давно сделан за нас.

Ещё на Голгофе.

Надо просто слушать и следовать.

Надо подобно перелётным птицам знать свой «компас» и своё место в кочевье, чтобы спокойно и размеренно двигаться по начертанным в небесах путям.

Это и есть свобода.

Солдаты Великой Отечественной войны и воины Чингисхана были подлинно свободными.

Выбора и не было.

С самого начала:

«А теперь иду к Пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идёшь? Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше. Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошёл; ибо если Я не пойду, Утешитель не приидет к вам; а если пойду, то пришлю Его к вам…»

(Иоанн 16: 5–7)

Христос тоже не выбирал.

Он исполнял волю отца.

Страдал и сомневался вполне по-человечески, но шёл по начертанному пути.

«Свобода совершается через добровольный отказ от неё: только отрешившись от стремлений, мы отказываемся действительно стремящимися и устремлёнными. У свободы нет выбора — мы вольны выбирать только в отказе от самовольного выбора: потому свобода и свободна, что знает только один путь, — только одно, только одну, только одного».

(Д. Никулин. Метафизические размышления. Глава XIV)

Разбойники — это воля.

Волюшка. Вольная воля.

Это стихия, а значит — своеволие, а значит — разрушение.

Монашество — это свобода.

Недавно братья-разбойники собрались на большой банкет, откупив для этого целиком ресторан в интуристовской гостинице «Сибирь».

Поводом послужил день рождения кого-то из «авторитетов».

В зал ресторана стеклось около четырёхсот человек. По периметру сидели бритоголовые боевики и рэкетиры в «адидасах», сидели не проронив ни слова, лишь обратив взгляды восхищения и гордости во главу стола.

В отделе по борьбе с организованной преступностью есть видеозапись этого впечатляющего торжества. Хотя я в ОБОП и не работаю, мир, как известно, тесен. Тесен он настолько, что некоторые из моих близких знакомых были в числе тех нескольких приглашённых «гражданских» лиц, т. е. лиц со стороны. Их свидетельства, их эмоциональные фотографии о многом говорят и о многом заставляют задуматься.

Например, сидевшие за основным столом ни на первый, ни на второй взгляд не производили впечатления людей преступных, уголовных, более того, судя по одежде, по осанке, по манерам, в них ощущалось некое своеобразное благородство — сдержанная сила, достоинство, прямота. Поражала железная дисциплина и организованность внутри всего действа.

Когда «авторитет» говорил тост, в зале стояла полная тишина, вилка ни разу не звякнула, стул не скрипнул.

Пить — пили. Но даже к концу вечера в зале не было ни одного пьяного. На столе стояло в основном шампанское, хотя желающие наливали и коньяк.

За весь вечер было всего три или четыре тоста, которые повторялись в той или иной интерпретации.

Первый: «За родителей!»

Второй: «За дружбу и верность друзьям и Отечеству!»

Третий: «За погибших!»

Прослеживалась очень жёсткая иерархия: бокалы поднимались лишь после того, как они поднимались во главе стола, никто никого не перебивал, каждый знал свой ранг, свою ступеньку.

Ближе к середине вечера в зале появился Олимпийский Чемпион вместе с известным рок-певцом Андреем Макаревичем.

Публика встретила их с воодушевлением, хотя благопристойности и чинности происходящего появление знаменитостей не поколебало.

Чемпион быстро уехал, а Макаревич дребезжащим голосом пел свои демократические песни.

Милиция хладнокровно продолжала снимать застолье.

Официанты удивлялись порядку и трезвости в зале…

А цемент уже начал схватываться.

Цемент новой структуры и новой организации.

Он начал схватываться уже на нашем, губернском, уровне.

В его основе то, что Лев Николаевич Гумилёв называл пассионарностью.

Люди, которые сталкивались со специфическим миром группировок либо случайно, либо по долгу службы (милиционеры, журналисты), с удивлением повествуют о незаурядных способностях воров в законе и «авторитетов». Прежде всего это уникальная воля, которой зачастую хочется подчиниться, и, как правило, выдающиеся организаторские способности.

Но даже это, возможно, не самое существенное. Жизненная сила, энергетика, проявленная в этой породе людей, заставляет вспомнить об эпических временах. Так, описан случай, когда священник, похожий на берсерка, в недостроенном Бердском остроге вдвоём с беременной попадьёй и в отсутствие служилых казаков перебил неожиданно напавший конный отряд татар дрекольем, т. е. чуть ли не голыми руками, а потом попадья суровой ниткой и толстой цыганской иглой зашивала мужу распоротую саблей брюшину.

После чего рана затянулась чуть ли не в одночасье.

Нечто подобное рассказывают и о нынешних.

Увы, пока они не стали священниками. Один из лидеров Первомайки — знаменитый пассионарий по прозванию Партизан, говорят, был оглушён на короткое мгновение своими недоброжелателями, после чего они его связали и засунули в петлю. Так оно было или не так, но предание утверждает, что Партизан сумел так напрячь мышцы шеи, что дыхание не прервалось, и он продержался в этом полузадушенном состоянии до прибытия подмоги.

Всего комплекса мифов и былей о Партизане я не знаю, но вот последняя, вполне достоверная история.

Партизан попал в какую-то страшную автокатастрофу и на «скорой» с проникающим переломом черепа был доставлен в Новосибирский НИИ травматологии и ортопедии. Кто только не побывал в этих стенах на улице Фрунзе.

Воспитанники Цивьяна, специалисты по разбитым черепным коробкам, поставили однозначный и категорический диагноз: «С такой травмой не живут. Не приходя в сознание, кончится».

Правда, то, что от них требуется в таких случаях, сделали исправно.

Но пациент попался с причудами. Через шесть с половиной часов он пришёл в себя. Через сутки встал на ноги. И мигом — сначала в палате, а затем и на всём этаже стало чисто, спокойно и надёжно, как в передовой воинской части. Даже тараканы куда-то поразбежались.

Всё это происходило совсем недавно, как раз в то время, когда Андрей Макаревич пел своим новым друзьям в ресторане «Сибирь».

А мои бывшие приятели, бывшие журналисты, бывшие бизнесмены (а ныне неведомо кто) — Коля Шемякин и Саша Безрядин создавали фонд трижды олимпийского чемпиона с Первомайки, величайшего спортсмена планеты, русского богатыря Александра Карелина.

Много чудес на свете, но, странное дело, в России их случается больше всего.

Ей-богу, это не так плохо. Это хорошо.

Лабиринт — апокалиптический символ.

Японцы поставили эксперимент над крысами. Был создан лабиринт в древнеегипетских традициях со множеством ловушек, капканов, западнёй и прочих испытаний, а в конце его сверхудачливую и сверхталантливую крысу, если таковая находилась, ожидало и вовсе смертельное препятствие, препятствие непреодолимое — некий Минотавр.

В результате множества экспериментов удалось найти крысу, обладавшую такой интуицией и ловкостью, каковая спасла её во всех ситуациях и помогла преодолеть все препятствия, кроме последнего. И вот, когда гибель была неизбежна, экспериментатор пришёл на помощь и выхватил крысу из пасти уже неминуемой смерти.

Эта божественная, для крысы, помощь подействовала на неё самым чудесным образом. Она почувствовала себя как бы под небесным покровительством. Когда её вновь запустили в лабиринт, она с невиданной лёгкостью преодолела все прежние препятствия и западни, но самое непостижимое — она прошла и последнее препятствие — Минотавра, Сциллу, Харибду, огонь, воду и медные трубы, вместе взятые, — т. е. она совершила то, что совершить было практически невозможно.

Крыса просто-напросто отказалась от выбора.

Она полностью следовала по пути, указанному свыше.

Она ощущала себя бессмертной и, в сущности, была бессмертной.

Чингисхан говорил, назначая нового военачальника: «Можешь казнить и судить своим судом всех своих воинов, за исключением тех, кого я знаю лично. Ежели они преступят закон Ясы, приводи их ко мне. Их судьба — в моих руках. И ещё: заранее прощаю тебе девять твоих преступлений. Но за десятое ты будешь казнён».

Девять степеней защиты!

Девять жизней, по сути, имел каждый из Чингисовых темников.

Такого не знала ни одна армия, ни одно государство.

Его воины были бессмертны.

Поэтому пали Китай, Азия, Кавказ, а под деревянным помостом Калки была раздроблена и смешана с кровью и прахом княжеская доблесть и княжеская слава Руси и половецкой Степи.

Ещё через некоторое весьма короткое историческое время монгольские кони оказались под Краковом, под Иерусалимом, на берегах Адриатики и перед мутными потоками Ганга.

«Почему ты считаешь, — диктовал письмо римскому папе неграмотный Чингисхан, — что ты выражаешь волю небес? Я сегодня хозяин большей части Вселенной, и, значит, я выражаю на земле волю Всевышнего».

Иду по долгой-долгой снежной аллее, простоволосый и счастливый.

Время вечернее, тени исчезли, но тьмы ещё нет. Небо чистое, без подсветки и напоминает вертикальную фиолетовую льдину. Снег отзывается влажным виноградным хрустом. Тишина да извилистая графика зимних деревьев.

Аллея уходит куда-то в сторону Юго-Запада (путь в Назарет), а в конце, в градусах 20 над горизонтом висит чудесная многолучистая звезда, похожая на небесный орден Андрея Первозванного.

Так и сияет — одна-единственная на всё вечернее небо.

Видимо, нечто похожее должны были ощущать волхвы.

Так бы идти и идти…

Господи Иисусе Христе, сыне Божие, помилуй мя грешного.

Так-то легче…

Невероятно, но и незыблемо то, что все мы (все-все в России) идём по этой тёмной аллее в направлении вечереющего неба и ведомые дивным знамением.

Даже когда враждуем, всё равно — родные, близкие, свои.

Внутренней войны не получается, каинова ненависть осталась за неким рубежом, за пределами круга спасения.

Ни Лос-Анджелес, ни Нью-Йорк, ни Рим, ни Коза-Ностра, ни «Спрут», ни Медельинский картель, ни Пен-клуб, ни Международный Валютный фонд, ни масоны, ни сионисты нам, похоже, не указ.

Вера в чудесную звезду, звезду путеводную, единственную и недосягаемую (по меньшей мере, в этой жизни), как бы объединяет всю эту внешнюю глупость и грязь. Луч её пронзил всю русскую поэзию одним дивным светозарным вектором:

Редеет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и чёрных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине…
А. Пушкин

Казбек… на нём громады льда,
А над челом в его тумане мутном,
Как Русь Святая, недоступном,
Горит родимая звезда.
Д. Давыдов

Кругом блестят ковры лугов,
Зелёным морем льётся поле,
И много роз и соловьёв,
И всё душа как не на воле!
Но вот ей, звёздочкой во мгле
Блестит святое упованье,
Что где-то, тёмное земле,
Поймётся же её страданье…
Ф. Глинка

Но в искре небесной прияли мы жизнь,
Нам памятно небо родное.
В желании счастья мы вечно к нему
Стремимся неясным желанием…
Е. Баратынский

Тихо горишь ты, дочь неба прелестная,
После докучного дня;
Томно и сладостно, дева небесная,
Смотришь с небес на меня.
Жителя севера ночь необъятная
Топит в лукавую тьму,—
Ты, безвосходная, ты, беззакатная,—
Солнце ночное ему!
В. Бенедиктов

Там за далью непогоды
Есть блаженная страна;
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.
Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Н. Языков

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.
М. Лермонтов

Вон там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.
Чего от сердца нужно ей?
Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней
Душа моя прикована…
А. Григорьев

Моя вечерняя звезда,
Моя последняя любовь!
На потемневшие года
Приветный луч пролей ты вновь!
П. Вяземский

Взглянул я на небо—там твердь ясна:
Высоко восходит она
Над бездной;
Там звёзды живые катятся в огне,
И детское чувство проснулось во мне,
И думал я: лучше нам в той вышине
Надзвёздной.
Л. Хомяков

Фёдор Иванович Тютчев с каким-то даже упрёком и сомнением, как бы не веря в реальность и истинность этого высокого ориентира, воскликнул:

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?
Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?

Александр Блок всю жизнь словно избегал этого образа, но тем не менее написал одно загадочное стихотворение:

Да, знаю я: пронзили ночь от века
Незримые лучи.
Но меры нет страданью человека,
Ослепшего в ночи!
Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля всё до дна,
Что ищет нас, что в свисте ветра длится
Иная тишина…
Но страннику, кто снежной ночью полон,
Кто загляделся в тьму,
Приснится, что не в вечный свет вошёл он,
А луч сошёл к нему.

Весь поздний Пастернак насквозь пронизан лучами светлыми и древними, он, особенно в библейском своём цикле, доводит это радостное сияние до подлинного совершенства. И, наконец, «Звезда полей» Николая Рубцова:

Звезда полей во мгле заледенелой
Заворожённо смотрит в полынью,
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою…
Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром…
Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливо касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.
Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей…

И я счастлив.

Все видели, все сердцем понимали свет сей.

Родное это, родное…

Счастлив.

Россия — не нация.

Россия — континент.

<…>

Когда в огород с обширными грядами какой-нибудь редкоземельной капусты запускается чужой блудливый козёл, козёл и знать, может быть, не знает, что этой капустой кормятся не только сотня-другая кроликов, но ещё два сторожа с ружьём и два волчьих выводка как минимум.

Не дай Бог наши кремлёвские правители надумают запустить бородатого заморского козла Бафомета в наш огород на свободный выгул. Может статься, что сторожа и волки выступят на защиту кроличьей капусты единым фронтом. И останутся от козлика — рожки да ножки.

А уж объединившись, они смогут слопать кого и что угодно… Включая президентскую республику.

Серое первое мая.

Идёт дождь.

Мокрый нерешительный снег пару раз пытается перебить его шёпот и шлёпанье.

Но дождь идёт.

И продолжает идти.

Время дня, время года и время как таковое как бы смикшировано, смазано. Его нет.

Нет времени моей жизни.

Нет исторического времени.

Есть серое тусклое пространство, в котором идёт дождь.

Вот это и есть средневековье, когда твоя душа затеряна в серых просторах среди дождей и ночного мрака.

Она свободна.

Она пробует свои силы.

Она открыта для молитвы.

Душа не терпит хронологического времени и механических теорий прогресса. Она непременно норовит сорваться с этих монорельсовых катушек в экзистенциализм и самоубийство.

Как только её возвращают в замкнутый, запрограммированный мир, в линейную систему координат (конец XX века, например), ощущение целостности и ценности бытия исчезает, утрачивается.

Время с тиканьем часов и сторожевыми курантами похоже на клетку. Щегол в клетке сдохнет рано или поздно, а его пение сменится щебетанием канарейки или неразборчивой чушью попугая.

Пусть будет средневековье.

Пусть идёт дождь.

Сын спрашивает старенькую мать, которой уже под восемьдесят:

— Мама, как ты будешь голосовать на референдуме?

— Наверное, против президента, сынок, много неправды от него…

Через пару дней звонит сын в городок Каргат, спрашивает у матери — как доехала из Новосибирска домой, как проголосовала.

— Всё хорошо. Всё слава Богу. А проголосовала за Ельцина.

— Что так? Ведь не собиралась.

— Не собиралась, Саша, но, знаешь, он всё-таки русский человек…

Упрекаю себя за то, что не смог заставить себя не участвовать в этом глобальном лицемерии, гордо обзываемом «свободным волеизъявлением народа». Наивная иллюзия, что от твоего голоса что-то может измениться. А твой голос нужен только для того, чтобы размахивать им, как дубиной, круша оппонентов и противников. А потом, когда ни оппонентов, ни противников не останется, красномордый дядя, устало опираясь на дубину, скажет:

— Так хотел народ.

Журналисты — особая порода людей — своеобразный подотряд в биологическом виде «человека разумного». Они обладают крайней степенью внушаемости.

Глашатаю на какой-нибудь из площадей Египта вовсе не обязательно было обладать большим

умом и талантом, от него требовалось лишь внятно и толково донести до жителей Великого царства Слово фараона и жрецов.

Наши журналисты-зомби прекрасно справляются с этой задачей, причём установка на трансляцию чужих мыслей и идеологических формул одинаково присутствует в сознании всех поколений этой профессии: коммунистической, перестроечной, постперестроечной. Способность к мимикрии необыкновенная.

Цензуры нынче нет.

Но есть чёткое следование тому, что придумано яйцеголовыми боярами в одном из домов на Старой, Новой, Красной и др. площадях столицы.

Звонят мне с телекомпании НТН:

— Вы не могли бы высказаться по поводу референдума?

— Отчего ж, могу.

На следующий день уже на студии:

— Кого вы представляете?

— Самого себя и своё издательство «Мангазея».

— Ну, и как относитесь?..

— Ко всей демократической затее «всенародного» и «поголовного» отношусь резко отрицательно. Это не форма народовластия, а яблоко раздора, брошенное в толпу. (На этом речь моя в телевизионном эфире была прервана, хотя главное содержалось не в этой первой фразе, а в том, что за ней последовало.)

Попытаюсь восстановить на бумаге то, что не вошло в телеинтервью.

Прямые оценки никогда никого не убеждают. А вот исторические аналогии заставляют задуматься.

На чём сгорел в своё время (смутное время) Самозванец, боярский сын, монах-расстрига, т. е. выгнанный из партии Гришка Отрепьев?

Он, надо сказать, был очень добрым, обаятельным человеком, любил раздавать народу обещания, дарить подарки, поить дармовым вином, любил всё западное, изысканное, цивилизованное, т. е. как бы мы сейчас сказали — Лжедмитрий был большим демократом и популистом.

А сгорел он на простой вещи.

Когда свадебный поезд поляков с новой русской царицей Мариной Мнишек прибыл в Москву, польские шляхтичи стали исподволь навязывать москвичам свой устав. Но всё бы ничего, если бы не один казус. У католиков в костёлах тоже есть иконы, но там к иконам не прикладываются, им кланяются. Марина Мнишек, присутствуя на праздничном богослужении в Кафедральном соборе, решила продемонстрировать свою приверженность православным обычаям перед всем честным народом. Она подплыла к иконе Божьей Матери и, вместо того чтобы приложиться к руке Приснодевы, как и полагается на Руси, поцеловала образ Богоматери в губы.

Для русских людей это было шоком неописуемым.

Вот на этом Самозванец и сгорел.

Сгорел в полном смысле.

Пеплом его зарядили Царь-пушку. И она выстрелила первый и пока единственный раз в истории России.

Не надо чужого устава. Не надо пытаться целовать Богоматерь в губы.

Не надо устраивать пляски хасидов в московском Кремле.

Не надо пускать по ветру фонды Румянцевской библиотеки, то бишь Ленинки.

Не надо продавать Питер, Москву и другие земли оптом и в розницу.

И прежде всего, не надо Самозванства. А нужен Земский собор и сословное представительство без референдумов, без раздоров и раздрая.

Чеченцы — красивый народ.

Они не только не погибли в сухих степях Казахстана, но, сдаётся, что военная высылка этого горного племени с родного Кавказа пошла ему только на пользу.

Народ закалился и сплотился до степени кристалла, попав в тяжёлый жёрнов истории.

Чечня стала очагом пассионарности.

Чеченцы готовы жертвовать собой, они воюют в Карабахе и в Абхазии, в Осетии и в Средней Азии, они участвуют во всех мафиозных разборках от Владивостока до Варшавы. Они стали своими людьми во всех европейских столицах и уже довели Интерпол до состояния крайнего нервного возбуждения своими дерзкими, нецивилизованными преступлениями.

Энергия уходит в пустоту.

Ещё три-четыре года — и уникальное явление исчезнет, погибнут самые лучшие и сильные в тюрьмах и междоусобице.

Великому порыву нужна великая идея.

Такой идеей может стать лишь идея Великой России.

Пассионарные чеченцы и ингуши могли бы составить отборные части кавказской гвардии у престола Государя-императора возрождённой Российской Империи. Могли бы…

А пока, кажется, начался процесс самоуничтожения.

Растёт количество «кровников».

Это значит, что всё большее число родов должно мстить другому чеченскому роду за смерть своих близких.

Случаи примирения единичны.

Око за око.

Смерть за смерть.

Дерзость этого племени необыкновенна и может быть сдерживаема лишь уверенной силой и спокойным достоинством (т. е. тем, чем всегда обладал российский престол).

В контору одного белорусского колхоза врывается пожилой чечен Исмаил в сопровождении четырёх молодых соплеменников — молодцы как на подбор с чистой светлой кожей лица, баскетбольного роста, с холодным металлическим блеском в глазах.

Исмаил хватает председателя колхоза за шиворот в присутствии многочисленных свидетелей — местных жителей — со словами:

— Пётр Степанович, ты почему не возвращаешь долги, почему вовремя не расплатился, сукин сын, подлец, нечестный человек?

Начинает методически и смачно плевать в лицо бедному председателю.

Он плюёт до тех пор, покуда хватает слюны.

Потом резко отбрасывает должника и обидчика прочь, разворачивается и уходит в немой тишине, под охраной молчаливых спутников. В дверях он оборачивается и кричит, что даёт двое суток на размышление. Через день председатель возвращает все долги и неустойки.

Маленький этнос знает и свято чтит лишь свою старину, лишь свои обряды и обычаи.

Идея государственности не умещается в сознании малого этноса.

Государственность на уровне ущелий и долин ничего, кроме партизанщины, мародёрства и крикливых амбиций (за которые уже заплачено кровью сограждан) — ничего, кроме всего этого, не принесёт.

Представители малых этносов, самые талантливые, могут по-настоящему реализоваться, лишь почувствовав себя частью великого целого.

Так было всегда.

Так было с татарами Синей, Белой и Золотой Орд и с татарами крымскими. Так было с грузинами и армянами, бурятами и кыргызами.

Так есть.

Кем бы был Багратион у себя в Грузии или врач царской семьи Бадмаев у себя в Бурятии?

И с другой стороны — кто такой сегодня Шеварднадзе?

Человек, которого никто не принимает всерьёз, который ничего не может, говорящая политическая мумия — декорация-камуфляж на фасаде разбойничьей республики.

А чечен Хасбулатов, глава нашего парламента, понимает и отстаивает державное значение России. И, надо сказать, пока он это понимает и отстаивает, он будет оставаться «видным политическим деятелем».

Лишь самим русским, а также их министру Козыреву, позволено обливать грязью, унижать и оскорблять свою страну.

Представителям национальных меньшинств этого делать нельзя ни в коем случае.

От них (других россиян) ждут преданности гораздо большей, чем от голубоглазого новгородского аборигена, который давно спит и видит себя где-нибудь на барахолке в Германии. И чечен эту преданность проявляет, в отличие от еврея Козырева (козарова, козарьева, хозарова), который пристраивает жену в Колумбийский университет федерального округа Вашингтона и, даже будучи министром, ничуть не отягощает себя заботами о державе и государственной идее.

И это правильно.

У еврея, кроме семьи, существует исключительно лишь то, что хоть как-то касается его семьи. Это великая традиция, оберегавшая и сохранявшая еврейскую нацию. Я думаю — ни Курилы, ни Босния, ни Молдова, ни Абхазия, ни Таджикистан семьи Козырева впрямую не касаются.

А вот Америка касается самым непосредственным образом.

Видимо, там ему и жить.

Со временем.

И погорельцы, погорельцы

Кочуют с запада к востоку…

Забредёшь на вокзал Новосибирск-Главный и ощущение в точности такое же самое — погорельцы.

Нищее, скорбное кочевье.

С горечью думаю — довольно многим из тысяч этих беженцев и бродяг сегодня по 17–20 лет, возможно, через четверть века один из них — талант, преодолевший все лишения, подобно Давиду Самойлову, напишет ностальгические строки:

Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Напишет — пусть не такие, но подобные, где «сабельная» молодость, жажда жизни, любви и подвига совпала с междоусобицей, ненавистью, разрухой и разломом общества.

Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла!
До каких же пор?..

Каждая новая поросль юношей восходит из костей и крови — христианской, мусульманской, братской.

О романтизме ли речь?

Возле одного из киосков у моего плеча возникает скрюченный старик в байковом халате и в чалме, по-русски он не говорит вовсе.

Глаза у старика глубоко впали, тонкий, по-птичьи изогнутый нос индоария делает выражение лица особенно трагичным.

— О, Аллá! О, Аллá!.. — прорывается из невнятного пробормативания молитвы, которая, что и без перевода понятно, — о милости и милосердии…

Старого таджика жалеют.

Он, конечно, не помрёт с голоду на сибирском вокзале.

Но в голове никак не укладывается: человек прожил долгую жизнь, видимо, собирался через год-другой на родное кладбище, видимо, и место знал, и памятник приготовил, и вдруг — погорелец, беженец!

Вся жизнь, всё имущество, вся земля, близкие и соотечественники, могилы — остались далеко-далеко за чертой войны.

Чёрные, изработанные в камень на тяжёлой среднеазиатской земле руки таджика трясутся.

От старости…

От горя…

От унижения…

О Аллах, милостивый и милосердный!

Государство — есть насилие.

Иногда насилие, несущее боль, смерть, утеснение свободы и достоинства.

Но когда я смотрю на этого неприкаянного старика, на чумазых пятилетних, неделями немытых ребятишек таджикских, просящих подаяние, ползая на коленях по Красному проспекту, я говорю: «Да, государство — это насилие, но отсутствие государства — насилие многократное».

Поэтому насилие, которое несёт государство, должно считаться великим и охранительным благом. Тяньаньмынь — великое благо.

Казнь Пугачёва и Разина — великое благо.

Выстрел из Царь-пушки в сторону католического Запада, развеявший прах сожжённого самозванца — великое благо.

1937 год, уничтоживший под корень племя революционеров в России, — великое благо.

…И да простит меня Господь за дерзость и невоздержанность в суждениях.

В мастерской художника Сергея Меньшикова заспорили о том, можно ли, используя стилистику икон Божьей Матери, изображать женщину в позе лежащей Венеры (одетую или полуобнажённую, не в этом суть).

Насколько совместимы святость и эротизм?

До какой степени может быть единым (и может ли вообще) пол и духовное начало в человеке?

В конце концов, после четвёртой рюмки я громко и решительно заявил, указывая на недописанную картину:

— Хрен с тобой, если ты решил рисковать по-настоящему, рискуй, делай, как тебе хочется! Но сделай так, чтобы женщина на картине не была символом при всей её святости, пусть она возбуждает желание, пусть плодоносной будет! И непорочной одновременно…

А я и раньше замечал, заходя в церковь, что не могу, даже мысленно, обратиться с молитвой к иконе Божьей Матери, боюсь поймать себя на грешной мысли.

Напротив, лики Спаса притягивают, дают великую поддержку и уверенность в незыблемой высоте и чистоте этого образа.

А Матерь Божия, Дева Мария — образ в высшей степени поэтический, присущий искусству, области сердца.

> Тёплой заступнице
> Мира холодного…

Матерь Иисуса, мать, женщина, слишком много в ней человеческого, родного, нежного… теплота кожи, ласковые руки, молоко, поцелуи, любовные игры с малышом, голос и улыбка…

Всё это было в детстве Иисуса, всё это свято. И в то же время сколько во всём этом человеческого, плотского, живого…

Василий Васильевич Розанов предлагал и предполагал устроить в будущем в православных храмах специальный брачный придел, в котором под святой сенью новобрачные проводили бы десяток или два-три десятка дней после венчания — до зачатия младенца.

Розанов всю жизнь искал пути снятия с пола, с близости между мужчиной и женщиной печати греха.

Храмовый культ брачной любви, перевоплощающий разрушительную телесную страсть в плодоносящую, чистую, словно эфирный свет, любовь, освящённую Богом и Пречистой Девой, — один из таких путей.

Возможно, в подобном храме и должна висеть картина из мастерской Сергея Меньшикова.

Так случается в троллейбусе, в булочной, на станции метро или в перекрестье улиц — вдруг захватит тебя будто светлым облаком женское лицо.

И долго тянешься ему вслед, встаёшь на цыпочки.

И долго не можешь прийти в себя.

Просто сбой ритма, ах… и видение исчезло.

Лирический герой — то, чем бы и кем бы я хотел быть.

Чаще всего этот образ стремится к большому, ко всеобъемлющему чувству любви. Иногда идеальной, духовной, иногда разрушительной, страстной.

Так или иначе, образ этот не принадлежит миру сему. И, если в своём стремлении достичь идеала, поэт в какой-то момент сливается со своим лирическим героем, он должен погибнуть.

Геннадий Кацов

По законам гравитации

• • •

Звёзд, говорят астронавты, примерно, пять-шесть мириад,
если на них посмотреть, свой корабль ненадолго покинув,
выйдя в загадочный космос—созвездия пялятся в спину,
сверху глядят, да и снизу, в глаза немигая глядят:
так одиноко, вздохнут астронавты, что звёздам не рад.

Там, говорят астронавты, везёт, если ты пейзажист—
вся целиком панорама в полёте смещается сразу
в каждом мгновении; твой же, единственный в космосе разум,
не успевает всё это в единственный ребус сложить
и не помогут ни опыт, ни разом прошедшая жизнь.

Смерть, говорят астронавты, совсем не загадка: легко,
долго летишь в невесомости не вертикально, не сидя,
даже не лёжа, как будто к бездонным отверстиям сита
или сачка; и как выстрел, что дальше забвеньем влеком—
мимо десятки в мишени, девятки… В себя—«в молоко».

Невстречи

Что-то в прошлом далёком такое было—
надо только внимательнее вчитаться:
ржавый воздух, как выцветшие чернила,
на какой-то, из юности, автостанций
без названия, с нишей пустой буфета,
с пассажирами в полночь, со скрипом кресел,
(так читай побыстрее—сейчас об этом!)
с сотней запахов той привокзальной смеси
из тоски, ожидания, пищи, пота,
с одиноким «Икарусом» у платформы,
(так вчитайся—оттуда посмотрит кто-то
и неслышно прошепчет под шум мотора)
с одиноким анфас женским ликом, с очень
долгим взглядом, как будто давно знакомым,
(так припомни: уже наступила осень
или позднее лето лежало в коме?)
с ощущением, что в этот миг промчались
с этой женщиной годы, не став судьбою,
в неслучившихся радостях и печалях
между ней отношения с тем тобою,
(так всмотрись: где-то в прошлом сигнал автобус
подаёт и отходит, шурша, к конечной)
между нами тогда не сложилось—чтобы
быть вдвоём, с той поры безымянным, вечность.

• • •

Вспоминать о приметах прошедшего—кресло качать,
хрустнуть пальцами, горло прокашлять, уставиться в стену:
«Есть над сущим—несущая горе и ужас печать»,—
Разрабатывать тему.

Помня, как чья-то память в тебе бесконечно болит,
полететь вдоль границы земного и сферы небесной,
как по чёрному небу случайно оживший болид—
шестьдесят лет над бездной.

Первый снег

Над опавшими листьями белые строчки метель
Иероглифами заполняет морозною ночью:
Проступает во тьме городок, придорожный мотель
Рядом с ним, из случайных штрихов и кружащихся точек.

Уже можно прочесть побелевшего леса абзац
И над ним, сверху вниз, в грамматических знаках страницу—
В ней, должно быть, о том, кем мы были столетья назад,
И зачем после смерти ещё предстоит нам родиться.

Сам себя повторяет автобус—и белых чернил
Вдоль маршрута хватает его дописать до конечной,
На которой сойдёт пассажир и расстает в тени
Переулка, откуда весь путь открывается Млечный.

• • •

Она смотрела в зеркало—за ней,
вернее, перед ней, застыли тени:
знакомый с детства сад земных теней,
сон декораций из живых растений,
что вырос вместе с ней, но стал велик
для узкой рамы, чтоб считаться фоном,
как будто содержанию велит
с годами время становиться формой.

И пустота из верхнего угла,
как занавес, замедленно сползала,
и становилась тенью, что была
длинней пространства зрительного зала,
где пыль от рампы долго по лучу
стекает в задние ряды партера,
чтоб, расставаясь, гладить по плечу
её—из строчки в этом тексте первой.

• • •

В небе крыльями ласточка себя листала,
как страницами ветром раскрытая книга—
и семейство сугробов в конце квартала
эпилог краткий мартовский прочитало,
где истаяло с первым апрельским мигом.

Там всё длится далёкий забытый вечер:
в нём из детского сборника, слог за слогом,
дочке долго читает рассказ человечек,
полусонную обнял её за плечи—
лет истаявших много назад. Очень много.

Залив Лонг-Айленд

Как стадион под гол заглатывает
болельщиков разъятой глоткою—
Залив с утра в глаза заглядывает
своими яхтами и лодками.

К буйку подводные течения
подводят косяки представиться
и днём зеркальное свечение
находит под водой пристанище.

А ночью всплыв спиной, залитою
чешуйчатой дорожкой лунною,
под звёздами плывёт Залив на юг,
нагнав волну руками-дюнами.

Лица не увидать—он, плавая
один в Атлантику и далее,
в который раз откроет главное:
им созданное мироздание.

Игра в прятки

Ты ведь спрятался там, где тебя не найдёт никто,
И пока сосчитают, чтоб крикнуть: «Иду искать!»—
Ты собой заполняешь ближайшую из пустот,
И последнюю—по лабиринту—порвёшь из карт.

Здесь тебя не найдут, то есть выигрыш за тобой.
Ты и есть чёрной пылью шуршащая темнота,
А вокруг проигравшие ищут тебя гурьбой,
И весь вечер зовут, и всю ночь до утра, представь.

Детство склонно вверять безучастной разлуке связь
Меж любовью и жутким отчаяньем—и кричат
Там, снаружи, до хрипа, покуда во тьме, трясясь
От беззвучного смеха, ты гробишь за часом час.

Так в грядущем «однажды», спустя много летозим,
Голоса узнавая родных, навсегда прощён,
Ты лежишь, заполняя пустоты, совсем один,
Обнимая всех тех, кто искать тебя обречён.

Евгений Минин

В нирване вдохновенья…

Философское

Герои занимались героизмом.
Злодеи тупо совершали зло.
………………………………
И мальчики кровавых революций
опять не успевали повзрослеть
Геннадий Русаков

Герои занимались героизмом.
Злодеи тупо совершали зло.
Поэты занимались поэтизмом—
Мне в этом смысле больше повезло.
Хотя я не Гомер и не Конфуций,
Но как-то был везде не при делах,
И мальчики кровавых революций
Не мельтешили у меня глазах.
Не получал ни ордена, ни сроки
Я не был ни герой и ни злодей,
Да лишь сложить не удаётся строки,
Чтоб тоже стать заметным средь людей.

Уходящее в бега

спасти блондинку, оживить врага,
убить блондинку и уйти в бега…
Андрей Фамицкий

включить компьютер, подготовить ворд,
откинуться на кресле, как милорд,
войти во вдохновения нирвану.
затем писать, что в голову придёт,
читатель—не последний идиот,
придётся напустить в стихах туману…

спасти блондинку и убить потом,
на велике проехаться с котом,
на сверхдалёкой побывать планете,
а цель, конечно, проще утюга—
всё напечатать и уйти в бега,
но только, где укрыться—не наметил…

Оксана Горошкина

Никто не умер

● ● ●

Посадите кедры, много-много кедров,
Рощу юных кедров за моим окном!
Пусть они не гнутся под напором ветра,
От людей и взглядов защищая дом.
Пусть идут незримо тоненькие нити
От хвоинок нежных к донцам альвеол,
Чтоб стремился в небо, подчинясь наитью,
Непоколебимый деревянный ствол,
Чтобы ты однажды посмотрел на чудо,
Будничное чудо, чудо из чудес—
Как в едином ритме на Земле повсюду
С каждым нашим вдохом прорастает лес.

● ● ●

Луна плывёт медузой за бортом.
Ночь ловит нас ленивым влажным ртом—
Но мы с тобою падаем на спины
Огромных неподатливых китов.

Так в каждом пробуждается любовь,
И нас уносит по волнам на льдины.

Попробуй научиться у кита
Доверию, а после—испытай
Желание, которое свободно,
Как плаванье. Прими его легко—
Пусть пенится морское молоко,
Пускай оно урчит, как зверь голодный.

Отчаянье—привычная цена
Для тех, кому отсюда не видна
У горизонта ледяная глыба.

Но если глыбы не было и нет?
А только есть луны спокойный свет
И звёзды—будто маленькие рыбы…

● ● ●

Хочется именно этого:
В вечной сырой тиши
Перебродить с рассветами
В яростный взрыв души.
Хочется именно этого:
Без сожаленья пасть
Яркой шальной кометою
В чёрную мира пасть.

● ● ●

Без лишней драмы и без претензий
Пиши о том, что тебя не ранит:
Вот жук уселся в букет гортензий,
Вот сад цветущий покоем залит.
А душной ночью в безлунной гуще,
Забившись в угол, обняв колени,
Тверди бездумно: вот жук цветущий,
Вот сад уселся в букет сирени.

● ● ●

И приходит слово. Оно как солнце:
Закипает, жалит, наружу рвётся,
Затяжным каскадом фотонных порций
Пёстрых мыслей взбивая взвесь.
Исступлённо буквы-протуберанцы
Изнутри буравят защитный панцирь.
Это время выйти на свет. Признаться:
Я живая ещё. Я есть.

● ● ●

Пока не вылетел на землю
В последний рейс—
Сиди, синичьим спорам внемля,
И мёрзни здесь.
Следи, как снег летит колючий,
Ползёт трамвай.
Смотри внимательнее. Слушай.
Запоминай.
Как недосказанность привычна
В конце строки,
Так на снегу уместны птичьи
Черновики.
Да ты и сам уже уместней
Среди следов.
Не надо громких слов и песен,
Но будь готов—
И, ветром сорванный однажды
И им ведом,
Стань лёгким вестником отважным—
Простым письмом.
Лети туда, где свет бездонный,
Где встретит та,
Что наизусть тебя запомнит,
Прочтя с листа.

● ● ●

Самый-самый
вкусный
кофе
варит седой араб
с чёрной от солнца кожей
и белыми как снег волосами
на краю пустыни,
не имеющей названия
и не обозначенной ни на одной карте.
Длинные сухие пальцы
отсыпают заветный
чёрный порошок
точнее, чем пальцы ювелира.
И долго-долго
в горячем песке
джезва вычерчивает «бесконечность».
Ты знаешь, что произойдёт дальше.
Он предложит кофе самому дорогому гостю.
Тебе.
Губы коснутся горького напитка,
и в этот момент
слово «вкус» потеряет смысл,
как теряют смысл одномерные понятия
в трёхмерной системе координат.
Так,
как будто этот кофе
сварил Бог.

● ● ●

Пока не вылетел на землю
В последний рейс—
Сиди, синичьим спорам внемля,
И мёрзни здесь.
Следи, как снег летит колючий,
Ползёт трамвай.
Смотри внимательнее. Слушай.
Запоминай.
Как недосказанность привычна
В конце строки,
Так на снегу уместны птичьи
Черновики.
Да ты и сам уже уместней
Среди следов.
Не надо громких слов и песен,
Но будь готов—
И, ветром сорванный однажды
И им ведом,
Стань лёгким вестником отважным—
Простым письмом.
Лети туда, где свет бездонный,
Где встретит та,
Что наизусть тебя запомнит,
Прочтя с листа.

Никто не умер

Давай представим в порядке фарса,
В порядке бреда, бадьи с лапшой:
Случилось что-то—и в нашей сказке
Никто не умер. Всё хорошо.

Жиреют принцы: казна, корона,
Охота, девки, пиры, кровать…
Зачем пытаться убить дракона?
Ведь можно просто не умирать!

В высоком замке сидит принцесса:
Томится, плачет—совсем одна.
Никем, кто вышел с конём из леса,
Она, конечно, не спасена,

И дни проходят без толку, то бишь,
Подобно водке сквозь решето,
Ведь в нашей сказке (ну, ты же помнишь!)
Никто не умер. Совсем никто.

В расход пуская сараи, фуры,
Дома, деревья,—да всё подряд!—
Летает в небе дракон понурый
(Совсем не мёртвый летает, гад).

Пытать удачу к большой дороге
Выходит каждый—и стар, и мал,—
Ведь смерти нету, и можно много
Тому, кто в жизни не умирал.

Как будто резко врубился тумблер,
И счёт безумный уже пошёл.
Но в нашей сказке никто не умер,
И значит, в целом—всё хорошо.

● ● ●

Мимо проносятся светофоры.
Ночь наползает на сонный город.
Время, стекающее за ворот,
Тянется, как нуга.

Что нам извечное постоянство
Цвета в сухом городском убранстве?
Что нам, охочим до дальних странствий,
Рыхлые берега?

Вещи собрав, натянув бейсболки,
Вольнолюбивые, словно волки,
Мы бы ушли далеко, надолго,
Только мы здесь сейчас.

Город ни держит, ни отпускает,
Ветром игривым вихры ласкает
И на барашках реки качает
Маленьких глупых нас.

Вячеслав Миронов

Отрицательное пространство

Окончание. Начало в №5/2017.

Вариант №6

Плотной толпой народ подтягивался на площадку, чтобы загрузиться в клети и отправиться на смену под землю — в угольную шахту.

Кто-то торопливо, озираясь, курит в кулак. Не положено на территории шахты курить. Курить можно только до тридцати метров до ствола шахты. А в забое и подавно запрещено. В советское время всех обыскивали на предмет курева, спичек. Сейчас — периодически устраивают облавы.

Идёт, вываливается из бытового корпуса масса людей. Все в одинаково серой робе. Одинаковые грязные оранжевые каски. Триста человек смена.

Среди шахтёров как ни странно, много курящих. Кто-то бросает, кто-то не может бросить.

Да и чего лёгкие забивать никотиновыми пробками, когда мельчайшая угольная пыль, забьёт бронхи, трахею, лёгкие. И лёгкие усохнут от угольной пыли. Антракоз называется. Лёгкие ссыхаются до маленького комочка. Можно в печку как кусок угля. Круговорот угля в природе.

Немногие шахтёры из забоя доживают до глубокой старости. Оттого и на пенсию раньше выходят. Правда, некоторые умники из правительства хотят и это отменить. Но об этом пока только думают. Пока.

Ивану было поначалу невдомёк, отчего некоторые шахтёры так плохо моют лицо, руки. Вода же, мыло, мочалка есть! А они в точках чёрно-синих. У некоторых даже какой-то рисунок можно угадать.

Узнал после того, как получил первую получку. Проставлялся перед своим звеном, задал вопрос бригадиру Сергею Чупринову, он же Вертолёт, потому что быстро передвигался, быстро думал, казалось, умудрялся оказаться одновременно во многих местах в шахте.

Чупринов окончил вертолётное военное училище, потом служил, воевал где-то на Кавказе, не любил об этом говорить. Попал под сокращение, стал шахтёром.

«Вертолёт» почесал лоб, ответил:

— Понимаешь, Иван, поневоле оцарапаешься, где-то породой посечёт кожу, всякое в шахте бывает, угольной пылью забьётся, и всё. На всю жизнь — татуировка. Я на молодёжь смотрю, они татуировки себе за большие деньги делают. Потом, говорят, всякие там гепатиты цепляют, спид, вич, ещё какую заразу. От безделья это всё. От маеты. С жиру бесятся. Через пять лет мне на пенсию, если мироеды московские не отменят, так вот, думаю устроить конкуренцию всем этим тату-салонам. Салабоны они зелёные против меня. Дети. Приходит новомодный пацан, говорит, мол, хочу такую-то картинку на кожу. А я ему — нет вопросов. От мамки бумажку принеси, что она не против. А потом зубочисткой карябаю кожу по трафарету, по контуру засыпаю угольную пыль. Красота! На всю жизнь, и никакой заразы. И мне на хлеб. Правда, татуировку можно лазером свести, а вот уголь ничем. Только вырезать с мясом.

Присутствующие за столом посмеялись от души. Из Чупринова такой же бизнесмен, что из слона муха. Всегда рвал горло за своих. Обострённое чувство справедливости. Но и подчинённых держал в кулаке. С похмелья на работу не выйдешь — за версту чует. Никаких алкотестеров не нужно. Зато за себя всегда стеснялся просить.

Начальство Вертолёта не любило, всегда пыталось устроить какую-то гадость.

Когда приходит время обедать, Чупринов собирал всех своих в углу, и обедали. Но прибежал гад по фамилии Епохин в шахту, и видит, что наше звено сидит, ест. Начал визжать как свинья на бойне: «Никто не работает!!! Все едят!!! Есть забутовку нужно по очереди!!!» И стучать помчался. Если бы не Чупринов, то всех бы лишили премии. Но он отстоял.

Не принято в звене питаться поодиночке. Как крысы разбредаться и чавкать свой обед — он же «забутовка», на некоторых шахтах «тормозок». Каждый и приносил что-то вкусное и сытное. Кто-то сам делал вкусное сало, от него и требовали, чтобы он носил только это сало. Остальные в общий клали ветчину, колбасу, копчёную курицу. В шахте работа тяжёлая, от того и калории нужны.

Когда принимаешь пищу, то не стелешь скатерть. Грязь кругом. Вот и ешь с рук. Угощаешь товарищей, тебе предлагают. Так вот по кругу и передают еду.

Это раньше были гудки в шахте. Время на обед было отведено. Разные они были эти гудки. И об

окончании смены, обед, тревога. По нынешним временам нет гудков.

Сейчас даже часы запрещено иметь в шахте. Хочешь узнать время — подходишь к горному телефону. Такой большой аппарат с дисковым набором. Трубка увесистая. Набираешь «1-61», а там автомат тебе сообщает время.

В шахте же нет неба. Нет окон. Только тусклые, облепленные вечной пылью, лампочки. Как узнать время. Обедать пора или нет? Часы нельзя. Это если проходит мимо электрослесарь, комбайнёр или кто-то из инженеров, у тех есть АТЕСТ. Это газоанализатор, показывает уровень метана на участке. Там электронное табло с часами. Спрашиваешь.

Поначалу всё было Ивану в диковинку в шахте. Никогда не страдал клаустрофобией, но когда первый раз зашёл в клеть с тридцать шестью другими шахтёрами, на плечо опустилась тяжеленная рука Турбомуфты, он на голову выше не маленького Ивана:

— Добро пожаловать в ад. Сейчас чертей будем гонять. Уголь у них воровать.

У Ивана что-то внутри ухнуло, и он понял выражение «Душа ушла в пятки». Хотелось раскидать всех и с криками распахнуть огромные, тяжёлые двери клети лифта на горизонте, вырваться, выпрыгнуть, остаться наверху.

Только большим усилием воли сдержал себя. Сглотнул слюну, вытер пот, что лился ручьём по лицу из-под каски, через силу обернулся к Турбомуфте и улыбнулся:

— Никогда не был в аду. Всё в первый раз.

Здоровяк продолжил:

— Привыкай! Значит, погоняем чертей, чтобы грешников нечем было жарить. Попадёшь в ад, а там холодно. Весь уголь шахтёры вырубили и на поверхности в топках сожгли. Это как в бородатом анекдоте: «Русский и американец попадают в ад. Им на выбор американское или русское отделение ада. Каждый выбрал по своей национальности. Через полгода встречаются. Русский:

— Как дела?

— Всё хорошо, — отвечает американец. — Два часа на раскалённой сковородке — и целый день свободен. Девки, карты, выпивка. А у тебя?

— Как всегда. То угля не завезут, то сковородок на всех не хватает!»

Все вокруг хохотнули.

— Нормально. Наш парень! — улыбнулся рядом Хитрый, фамилия у него Хитрук. — Обычно новички начинали скулить. Некоторые на ходу выпрыгивали. Ох, и машинистка на «рукоятке» ругалась!

Все, кто был в спускающейся клети, громко смеялись, вспоминая такое «посвящение» молодых.

«Рукоятка» — это дореволюционное название погрузочной площадки в клеть.

Так же как и не шахтёры откатывали-закатывали дверь клети и на горизонтах распахивали двери, а стволовой. В шахте всё строго. Не твоё — не лезь. Инициатива наказуема. Не обучен — не лезь! Слишком много жизней зависит от случайностей. А эту случайность и сама природа подкидывает, и люди тоже немало… Хотя и «стволовых» шахтёры из забоя особо не жаловали никогда. С дореволюционных времён. Шахтёры в лаве уголь рубят, а стволовой прохлаждается, по их мнению, у подъёмника.

Если план выполнили в смену, и досрочно идут на выход, то стволовой не торопится поднимать на гора. Созванивается с начальством. А ты стой перед клетью, переминайся с ноги на ногу. Вот и костерят стволового на чём свет стоит.

Спускались вниз по стволу на двести пятьдесят метров. Второй ствол — на пятьсот метров под землю. Другой горизонт.

Главное — не думать, что над тобой полкилометра земли.

Иван проходил обучение в составе группы. Там рассказывали про одну шутку, которую регулярно проводили над учениками.

Сидит шахтёр, обедает. Разложил свой обед. Слышит голоса. Прислушался. На учёбу молодёжь ведут. Сдёрнул с себя сапоги. Ноги под себя спрятал. Насыпал в сапоги породы, засунул под отвал. Сидит, ест, морда умная. Не видно портянок.

Школяры подошли, вежливо поздоровались. Смотрят, сапоги торчат.

— А это чьи сапоги? — спрашивают школяры.

— Товарища завалило, — вздохнул, перекрестился, откусил кусок хлеба с колбасой. — Сейчас его забутовку освою, ему-то она ни к чему. Потом свою. А затем и откопаю товарища, наверх потащу. Вы, парни, на обратном пути, подходите, как раз поспеете, поможете.

Остолбенели юноши. Один самый смелый, тяжело сглотнул слюну, робко спрашивает:

— И часто у вас такое?

Обманщик сочувственно осмотрел их:

— Сколько вас, ребятки?

— Двенадцать.

— Эх! — тяжело покачал головой старый шахтёр — на неделю, может, и хватит!

Юноши быстро развернулись и бегом на выход. Ох, и песочили потом шутника! Хотели выгнать. Он им резонно заметил:

— А на хрена вам трусы нужны?

Подумали. Оставили. Лишили премии. Но шутка прижилась на шахте. Периодически пытались учеников, стажёров разыграть, но их заранее предупреждали. Не проходило. Но вид жуткий, когда из отвала сапоги торчат. Как будто точно кого-то завалило. Некоторые для правдоподобности ещё и штаны старые породой набивали и в сапоги вставляли.

Шахта работает в четыре смены. По шесть часов смена. Но если ты в проходке, на самом дальнем участке, то уже не шесть, а восемь часов. Час до

места топать, час назад. Комбайн рубит уголь, на сочленённую транспортёрную ленту кидает. А когда уголь перекидывается с ленты на ленту, зачастую забивается на перекидочном стыке. Хоть и нависает одна лента над другой, но всё равно, по закону подлости, или иным неведомым правилам, всегда забивается.

Вот у Ивана и задача — не давать забиться. И должность самая простая. Низовая. Горнорабочий подземный. грп — так сокращённо. Работа тяжёлая, мокрая, грязная, не требующая никакой квалификации, только здоровья и сил. Не давай забиться конвейеру, чтобы уголь перетекал с одной ленты на другую. Что упало — подбери, забрось на ленту.

И так из смены в смену. Муторно. Главное, не думать, что у тебя над головой несколько сотен метров горной породы. И что иногда бывают обвалы, взрывы метана, водяной пласт находит себе дорогу.

Когда Иван приехал в Кемерово, ему показали город. Показали памятник работы Эрнста Неизвестного. Стоит огромный чёрный, страшный памятник на высоте на берегу Томи. Угрожающая фигура, давит психологически вблизи. А там где сердце — красный огонь в виде куска угля. То загорается, то притухает. Пульсирует неспешно. Это сердце шахтёра. На каждые четыре миллиона тонн угля приходится одна шахтёрская жизнь. Так хозяин горы забирает в оплату за свои недра чью-то душу.

Как поработаешь в наклон, потом голову поднимаешь, так по тёмным углам всякая нечисть и мерещится. Старые шахтёры любили пошутить над молодыми, пугая их рассказами о всяких существах, что прячутся в шахте. Есть добрые, но много и злых, которые то инструмент норовят утащить, или оборудование попортить.

От этого много всяких примет у шахтёров. Нельзя ничего крестиком помечать. Духи горы — языческие, а может, и черти это, ад-то рядом. Крестов оттого на дух не переносят. «Галочкой» отметь, что нужно, можешь и окружность нарисовать, но не крест. Пришёл на своё рабочее место — поздоровайся.

Самое поганое — перед сменой женщину в белом повстречать, навстречу идущую. Тут уже и крестись, через плечо плюй, на месте крутись. Женщина в белом — смерть навстречу к тебе спешит. Знак тебе посылает. Много примет у шахтёров. Смешных и не очень. К чему-то Иван прислушивается, к чему-то нет. Голуби над шахтой — к обвалу. От того и не прикармливают сизарей у шахты.

Крысы бегут — беги за ними. Вот в это Иван верил. Подвижки грунта крысы слышат, чувствуют быстрее человека. Оттого и нельзя убивать крыс. Даже если крыса утащила всю твою «забутовку». Сам виноват.

Как есть такая байка, что давным-давно, шахтёр покармливал крысу. Кидал куски своего обеда. Потом как-то прилёг, уснул, пока никто не видит. Чувствует, что кто-то его палец грызёт больно. Вскочил, а это крыса! Он за ней рванул, и на то место, где лежал кусок породы рухнул, как раз за «двухметровый горизонт» сошёл бы. Крест сверху только втыкай.

С тех пор шахтёр увеличил обеденную пайку крысе. И на какой бы участок его не перебрасывали, она всегда находила и приходила за своим куском. Так и обедали они рядом. И никому из звена он не позволял свою спасительницу обижать.

Нельзя в нарядной книге, зарплатной ведомости расписываться красными чернилами, мол, договор с хозяином горы так подписываешь кровью. Сейчас стали деньги перечислять на банковскую карту, отпала необходимость расписываться.

Идёт конвейер, первая лента обрывается, сбрасывая уголь на вторую ленту. И всё вроде продумано, и не должен уголь забиваться. А он забивается! И сваливается, и получается затор. Иван и рад стараться, одновременно разбирая завал и перекидывая уголь с одной ленты на другую. И с пола подбирай тоже. Спина, шея болят. Пот течёт по телу, выедая глаза, смешиваясь с угольной пылью, заливая глаза, выедая глазные яблоки. Постоянно сплёвываешь угольную пыль, останавливаешься, зажав по очереди то одну, то другую ноздрю, высмаркиваешь нос. Вылетают чёрные сгустки угольной пыли в слизи. Говорят, всё по первости сильно раздражает. Потом замечать не будешь, только после смены схаркиваешь чёрную слизь. Работать в респираторе неудобно. Не хватает воздуха, и когда «намордник» на лице, чертовски неудобно трудиться.

Каску назад, отёр лоб, каску на место, чтобы фонарь светил. Коногонкой называют. Это коногоны, когда уголь в шахте на гора на лошадях вывозили, первыми придумали прикрепить фонарь на выступающий козырёк. Оттуда и пошло. Тяжело, сложно. Но Иван уже втянулся и с первого аванса проставился перед своим звеном.

Турбомуфта рассказывал за столом. Выпил, закусил, откинулся, хлопнул по плечу Ивана:
— Я думал, что через неделю убежишь. Сдюжил. Молодец! Год продержишься — шахтёром станешь! Ну а если уж совсем невмоготу станет — кричи: «Старик Шубин, помоги!»
— Шубин? — Иван наморщил лоб, поднял глаза к потолку. — Не помню такого ни в бригаде, ни в смене. Память у меня хорошая.
— Нет у нас в бригаде. — Хитрый усмехнулся. — Легенда такая есть шахтёрская. Байка. Раньше как боролись с газом? Как думаешь?
— Не знаю. — Иван пожал плечами. — Принудительной вентиляции не было. Но вентиляционные шахты были.

— Не говорят в шахте «вентиляционные шахты». Шахта — она одна. А имеются «вентиляционные скважины или стволы», запоминай, студент! Но они у нас тоже имеются. Но где участок проходки, и где та скважина. Вот и раньше, все поднимались наверх. Спускался самый отчаянный или самый бедный. За это платили отдельные деньги. Надевал полушубок овчинный, шапку, лицо тряпкой укутывал, обливали водой, факел в зубы — вперёд! Безумству храбрых поём мы песню. Или венки со скидкой. Одно и то же. Вот он должен был обойти шахту по закоулкам, выжигать газ. Там где газа много, он сгорал легко. А вот где газа мало, смешался с воздухом… Не все поднимались. Вот тогда и стали таких храбрецов называть «Старик Шубин». Говорят, что видят его в шахтах. Прячется по углам. Не любит людей. Иногда пакостит по-мелкому. То инструмент утащит, то цепь на конвейере оборвёт. Но если совсем невмоготу, или какая авария приключилась, то кричи в темноту: «Старик Шубин! Помоги!» Говорят, помогает дед. И силы берутся. Может, внушение, а может, и правда. Под землёй свои законы, свои правила. Не земные. Подземные. Простые, понятные. Не то что на поверхности. Там звери пострашнее и позубастее. Начальством называются.

И разговор плавно перешёл на обсуждение начальства.

Кидает Иван уголь. Перебрасывает. Подбирает. Кидает. Кратковременная остановка для отдыха бывает редко.

Смена в смену. Ивану кажется, что он уже не один год провёл в шахте, кидая уголь. Порой — не одну жизнь.

Обед. Забутовка из тряпицы. Спрашивай, что у соседа. Жди. Предложит. Выбирай, ешь. Работа. Кидай уголёк, не давай остановиться конвейеру. Шабаш на сегодня. Вертолёт устало идёт, машет рукой. Ну, шабаш, так и шабаш.

Клеть медленно поднимается из забоя. Как же хорошо дышится! Баня.

Ремонтируется фасад. Девчонки-штукатуры на лесах.

— Эй, девчонки! Насмотрелись, небось, в окна на голых мужиков-то? И как?

Самая бойкая за словом в карман не лезет, отвечает мгновенно:

— Мужей ищем. Пока ничего интересного. Короткие все какие-то, обрубают вам что ли в шахте?

Мужики посмеялись, покачали головой над острым языком девки, пошли мыться в душ.

Утром смена. Иван неспешно шёл на остановку. Хорошая погода. Лето. Рано. Народу мало. До первого автобуса полчаса. От съёмной квартиры до остановки ходу пятнадцать минут расслабленной походкой.

Ему нравилось вот так ходить. Спокойно. Наслаждаясь погодой. Не сразу пришло это. В Москве иной ритм жизни. Бежать, спешить, рваться вперёд. Остановка — ничего не успеешь, тебя обойдут.

Долго не мог привыкнуть к этому неспешному образу жизни в небольшом шахтёрском городе Кемеровской области. Иногда он заваривал кофе, не выпивал его дома, а шёл и потягивал его из кружки-непроливашки.

Аромат кофе, воздух, пропитанный летними травами. Зноя ещё нет. Горы, что окружали город, были ясно видны. Такой красоты он раньше не видел. Его внимание привлекла девушка лет двадцати пяти, которая гуляла с пуделем в парке.

Большой королевский, белой масти. Намытый, подстриженный, начёсанный. Красавец. Горделивая осанка. Хвост подстриженный, кисточка на конце. Голова с гривой. Лапы с опушкой. Красавец. Он с удовольствием носился по скверу, гоняясь за палкой, которую, несколько неумело, бросала девушка.

Она под стать пуделю была одета в белое платье, перехваченное на талии широкой чёрной лентой. На голове небольшая белая шляпка с чёрной лентой. У девушки был нанесённый макияж. Погуляет с собакой и пойдёт на работу, сумочку только возьмёт.

Иван остановился, засмотрелся на девушку. Как она грациозно кидала палку псу. По-женски, из-за спины доставая палку перед броском, теряя всю потенциальную энергию на замахе. Так могут только женщины кидать.

Но это было мило. Изящно. Грациозно. И девичья фигура… Богиня! Иван помотал головой, усмехнулся своим мыслям. После переезда в этот шахтёрский город между рек, окружённый горами, не общался с девушками. Денег мало. Квартира съёмная. И уже хотелось серьёзных отношений. Вот даже с этой юной блондинкой с волосами до пояса. Посмотрел на часы. Вздохнул.

— Размечтался. Слюни подбери. Ещё пять минут — опоздаешь на смену. Вертолёт тебе пропеллер вставит для ускорения.

Вздохнул. Снял крышку с кружки, выпил остатки кофе. Посмотрел на девушку. На уровне груди помахал ей. Заметит — не заметит? Заметила. Прелестная незнакомка заметила. Широко улыбнулась, помахала рукой с кривой палкой.

— До завтра, дитя прелестное! Завтра увидимся! Будь только на месте. Завтра мне во вторую смену, а утром я познакомлюсь с тобой!

Иван под впечатлением блондинки в белом широким шагом пошёл на остановку. Настроение было приподнятое. Он молчал и улыбался. Даже привычные шуточки его не трогали. Товарищи по работе даже окликнули его, когда он не отвечал на вопросы.

— Эй, паря, ты не заболел часом-то? — похлопал его по плечу Хитрый.

— А? — очнулся Иван. — А. Нет, всё хорошо. Что ты говорил, я прослушал.

— Вижу, что прослушал,— вступил Вертолёт.— Спускайся на землю. Сейчас под землю уйдём, а там рот откроешь — и в моём бюджете дыра.
— Какая дыра — снова не понял Иван, он не мог отделаться от наваждения прелестницы.
— Такая дыра. На похороны тебе скидывайся, и меня премии лишат за несчастный случай в подразделении. А у меня ипотека и кредит. Плюс вакансия образуется. Когда мне ещё ГПРа найдут. Так что хватит считать ворон, собрался — вперёд! Понял?
— Понял. Понял.— Иван снова улыбался своим мыслям.
— Или в карты выиграл, или влюбился,— предположил кто-то из соседнего звена.
— Не-а! — кто-то продолжил,— когда в карты выигрывают, то самодовольно улыбаются, мол, облапошил лопухов за столом, а этот — слишком романтично. Влюбился. По уши!
— Скоро на свадьбе погуляем! — хохотнули рядом.

Иван молчал. Перед глазами стояла изящная фигурка, которая махала ему изогнутой палкой в виде буквы «Г», как бы говоря «до скорого свидания».

Зашли в клеть. Иван посмотрел на ясное синее небо, вздохнул, зачем-то задержал дыхание как перед прыжком в воду. Клеть пошла вниз…

Когда пошли к своим местам, кто-то отметил:
— О! Ё! А что тут?

Большая корзина с ШСС-1 (шахтный самоспасатель) стояла там, где не было на прошлой смене.
— А это умная башка в Москве решила убрать с участков. У каждого же свой есть!
— А, ну да! Зачем они шахтёрам! — кто поддержал разговор.— А то, что он может помяться, пломба покраснеет — это москвичам «фиолетово». Главное — режим экономии!
— Засунуть бы в зад мешок для дыхания, да надуть этим «экономистам»! — плюнул кто-то в темноте.
— Каждое предприятие создаётся лишь для извлечения прибыли. Всё остальное — вторично и побочно!

Иван слушал краем уха. Он ждал завтрашней встречи…

И снова лента конвейера. И снова уголь падает, и снова застревает. Всё как всегда.

Часа через два Иван почувствовал, как что-то его ударило. Не просто, а как ударной волной, но взрыва он не услышал. Уши резко заложило. Пошла пыль, заволакивая окружающее пространство. Свет моргнул, стал тусклым, продолжая гаснуть. Лента конвейера остановилась. С первой всё ещё продолжал сыпаться уголь. Вдалеке было слышно, как произошёл обвал.

Иван запаниковал. Потом взял себя в руки. Оттёр пот со лба. Луч фонаря тусклым светом выхватил коробку горного телефона. Быстро к нему. Набирает «3-33».
— Алло! Диспетчер! Взрыв. Обвал породы. Не знаю точно где, но вниз к проходческому участку. Нет, не ранен. Понял. Идти к стволовому.

Иван вжался в техническую нишу, там стояли редуктора. Рванул крышку ШСС-1, две скобы в стороны, выдернуть чеку старался меньше дышать. Загубник в рот, ухватить зубами, отдельный зажим на нос, очки на глаза, выдох в загубник, дыхательный мешок надулся. Ремень трёт шею, за воротник его. Между телом и самоспасателем прокладку матерчатую, резинку на донышко, тесьму вокруг пояса сзади. На выход, как сказал диспетчер.

«Так, мужик! Без паники! Дыши не часто. Паника съедает кислород! Спокойно. ШСС эффективно работает 60 минут. При нагрузке топать-то в гору — 40 минут. Так? Так. Я успею. Я-то успею, а мужики?! А звено! Они-то не успеют!»

Снова пот прошиб. Уже началась паника. Идти на помощь товарищам или идти на подъём? Куда?! Там завал! Они целы? Ёшкин кот!

Только вышел из ниши, как сзади, из темноты, со стороны завала раздался крик или стон:
— Люся! Люся, как же ты без меня!!!

Иван пошёл на голос, передумал, вернулся, крутя головой, пытаясь найти корзину с ШСС-1. Если кто-то говорит, значит, у него нет самоспасателя. Да, ёлки-палки! Была же вот здесь. Или чуть дальше? Где?!!

Нашёл. Нормально. Схватил один и понёс в темноту. Пыль стояла непроницаемой стеной, очки мешали смотреть, сужая поле зрения. Луч фонаря тонул в стене пыли.

Иван спотыкался о куски породы, что откатились от завала. Голос шёл слева.

Стон. Иван туда, постоянно спотыкаясь о камни. Светит вниз, идёт уже полуприсяде. Мелькнул огонёк. Вот ты где.

Лежит шахтёр, по пояс придавленный, рядом лежит пробитый самоспасатель, каска скатилась, болтается рядом с плечом. Иван рванул второй самоспасатель. Раздвинул рот, загнал загубник, зажим — прищепку на нос, чеку в сторону.

Задышал, задвигался, пытается открыть глаза. Очки в руку. Тот нацепил, каску подобрал. Пытается выбраться из-под завала.

Иван осветил лицо ему. Шаповалов, он же Шпала, шахтёр лет пятидесяти, слесарь с горнопроходческого участка. Мужик с юмором. Всегда любил пошутить и не обижался над шутками в свой адрес.

Мычит, показывает в сторону ног. Иван посмотрел, попытался дёрнуть не сильно. Потом оставил затею. Хоть Шпала и крутится на месте, но вдруг позвоночник у него того… поломан, Иван тогда просто убьёт его.

До своего рабочего места пятнадцать метров. Там лопаты. Штыковая и подборочная. Что такое пятнадцать метров в нормальной обстановке? Тьфу! А после взрыва, когда тебя мотает, мутит,

спереди «рюкзак» в три килограмма, мешок, который, то надуется, то сдуется, пыль кругом. Ни видно ни черта! На ощупь, вытянув руки. Под ногами камни! Мама, роди меня обратно! И какого чёрта лысого, Иван, ты в карты играл?!! Сидел бы сейчас в Москве, собирал бы с арендаторов квартир деньги и в ус бы не дул!

Господи! Помоги вырваться из этого ада! Всё! Исправлюсь!

А чего исправляться-то? Второй голос из глубины сознания. Куришь мало, выпиваешь умеренно, в карты не играешь, женский пол стороной обходишь. Кандидат в монахи.

Девушки!!! И в памяти всплывает девушка в белом… И машет она, машет! В памяти резко всплыла рука с палкой в форме буквы «Г»! Как коса! Вот и не верь после этого в приметы! «До скорой встречи!»

Иван ещё больше вспотел. Так, спокойно! Паника ест кислород. Вот и стык. Вот здесь была лопата. Ага, одна, вторая. Бредёт назад уже более уверенно.

А из головы не выходит уже не сама девушка, а рука её с изогнутой палкой. Неужели с «костлявой» повстречался!!! И примета сработала? Они же не на ровном место рождаются! И пудель! У булгаковского Воланда трость была с головой пуделя!!! Смерть навстречу!

Доковылял до Шпалы, тот смотрел на Ивана и мычал.

При использовании самоспасателя особо не покопаешь, не для этого он предназначен, но и бросить Иван не мог. Он не знал, как его товарищи за завалом, разобрать его он не мог. Иван начал раскидывать землю вокруг Шпалы. Повезло, что порода была мелкая, рыхлая. Пыль мешала. Главное, чтобы ещё не разрубить Шаповалова штыковой лопатой. Тот лежит, снял каску с фонарём, держит, светит на себя, чтобы Ивану было сподручнее спасать его.

Одна нога была очищена, а со второй было сложнее, там была твёрдая порода, скальник, уголь, большой кусок породы придавил, раздавил бедро. Штанина была порвана и мокрая. Иван, как мог, пытался свалить камень. Не получалось. Ему не хватало упора, да, и амуниция спасательная мешалась.

Шпала вынул загубник и заорал в темноту:

— Старик Шубин! Помоги!

Вставил загубник и кивнул Ивану. Тот снова вставил лопату и попытался сдвинуть каменюку. И камень пошёл в сторону отваливаться. Как будто точно старик Шубин пришёл на помощь.

Иван смотрел на Шпалу. Потом схватил его под мышки, и, пятясь задом, пошёл на выход. Тащил по земле. В глазах темнело, кровь пульсировала в голове, в горле, глаза вылазили из орбит.

Он дотащил до своего рабочего места, попятился, выронил тело, обмяк, сел, завалился набок, рот открылся, загубник вывалился изо рта, слетела каска, ударился головой о камень, наступила темнота. Полная. Абсолютная чернота.

В голове только и успело пронестись:

— Всё. Конец. Как жалко. Я такой молодой! Мама!

Последний образ, что мелькнул в голове,—мама. Та самая, когда они с отцом улетали в Сочи, она присела рядом с Иваном и поцеловала его, а потом захлопнулась дверь. Он стоял перед этой дверью и плакал. Мама и папа ушли. Бросили его… Он долго плакал в коридоре, в надежде, что дверь откроется и они вернутся. И тётя долго не могла вернуть его в комнату.

И как в кино, снова закрывается дверь, отсекая его от жизни.

Воздух!!! Свежая струя воздуха льётся в лёгкие! Свет режет глаза. Выедает как пыль. Больно.

Иван застонал. Больно—жив. У мёртвых ничего не болит. Закашлялся, повернув голову в сторону, сплевывая тягучую слюну.

— Очнулся!—голос Шпалы.

— М-м-м!—лишь промычал Иван.

— Лежи, лежи, спаситель!—Шпала похлопал его по плечу, чтобы тот не вздумал встать.

Иван всё-таки открыл глаза. Больничная палата, на лице кислородная маска. Голова забинтована, в локтевом сгибе иголка, поднял глаза—капельница.

— Как?—прохрипел Иван.

— Спасатели нас вытащили. У тебя отравление, ну и голова сзади разбита, когда падал, наверное. А у меня перелом и сдавленная травма. И перелом не сложный. Повезло. Ты и старик Шубин помогли. А так бы я без самоспасателя не долго протянул бы! Спасибо тебе! А то как бы моя Муся без меня-то. А вот сейчас на коляске покатаюсь—и вперёд! Как молодой на танцы! Все девки мои!

Иван жестом остановил его речь, поманил к себе, горло жутко пересохло.

— Как остальные?—просипел он.

— Нормально. Чудо чудное. Всех спасли. Подробностей не знаю. Поднимешься—обойдёшь своё звено. Про тебя спрашивали. Я всем рассказал, что ты—герой.

Иван лишь махнул рукой. Шпала утомил его своим трёпом. Очень хотелось пить.

— Вы опять здесь?—раздался звонкий девичий голос.—Марш в свою палату! Не положено вам находиться в палате интенсивной терапии!

— Всё, всё, доктор, уезжаю. Он в сознание пришёл! Он—герой! Меня спас!

— Не мешайте!—голос строжится.—Мы сейчас осмотрим героя.

Она подходит, наклоняется… Иван открывает глаза. Она! Девушка в белом с изогнутой палкой!!! Смерть! Костлявая! Достала в больнице!!! От ужаса он вжался в подушку. Нет сил пошевелиться, не то чтобы бежать! Паралич. Пот повалил с него.

— Что с вами?

Лицо напряжённо, пытается понять, что происходит.
— Я ваш лечащий врач. Меня зовут Элла Вадимовна. Вы слышите, понимаете меня? Вы понимаете? Ответьте!

Иван с трудом сглотнул, в горле по-прежнему сухо:
— У вас есть собака?
— Какое имеет значение? Вы понимаете, где вы?
— Да, всё я понимаю. У вас есть белый королевский пудель?
— Да,—удивлённо потянула доктор.
— Вы гуляли в парке утром вчера? В белом платье и шляпке?
— Да,—снова удивилась она.
— Я просто вчера шёл и увидел вас. Очень красиво. Любовался.
— Это вы? С кружкой? Вы мне помахали.
— Да.—Иван обратил внимание на правую руку, на безымянный палец, он был без кольца.

В проёме двери стояла коляска со Шпалой, одна нога была в гипсе и выступала спереди как таран, с боку торчали костыли. Он смотрел на доктора, которая наклонилась над Иваном. «Колясочник» поднял большой палец руки вверх, мол, красивая девица!

Через два дня Ивана перевели в обычную палату. Он начал передвигаться. Первым делом навестил своих товарищей. Шаповалов у него был экскурсоводом. Выжили все. Были раскиданы по разным отделениям. Кто-то был на вытяжке, сложный перелом, у кого-то было отравление, как у Ивана, у кого-то сотрясение мозга. Но все живы! И это самое главное. И все шли на поправку.

Прогуливались в больничном дворе со Шпалой, тот рассказал:
— Когда тебя вынесли, ты в бреду постоянно звал маму.
— Перед тем как сознание ушло, я думал, что умру, маму увидел. Я всю жизнь пытался её вспомнить. У меня родители погибли, я тогда маленький был. А вот тогда, в шахте, я увидел. Как она с папой прощается со мной. В последний раз я видел. И так явственно. Как будто в шахте она была со мной. И я снова в детстве. Как бросился к двери и кричал, чтобы она с отцом не уходила. Вот, наверное, сознание или подсознание и звало её. Жаль, конечно. Думал, что умру. Обидно было и страшно.
— Так она, наверное, и вытащила тебя!—Шпала был решителен.
— Ага. Как твой старик Шубин! Ничего умнее не придумал, как в пыли орать. Я-то хоть без сознания был, а ты?—Иван был насмешлив.
— Так помогло же!—Шаповалов был убеждён.— Ты вон сколько мучился, не мог откатить камень. А с Шубиным у тебя на «раз-два» всё проскочило! Так что ты это зря! Тебе и старик подсобил, и душа матушки твоей тебя из-под земли вынула.
— А чего ты тогда Люсю жалел? Жена? Подруга?
— Люсю?—задумался Шпала.
— Люсю! Люсю! Всё сокрушался, как она без тебя будет!
— А! Это! Не Люся, а Муся!
— Жена?
— Э, нет, брат! Это длинная история. У меня была жена Марина. Я когда со смены приходил, и не надо было за руль садиться, то говорил: «Маруся, лизнём?» Она шкалик из морозилки на стол. Я ей по молодости рассказал, что только водкой угольная пыль из лёгких выводится и радиация вымывается, а иначе никак. Она со мной рядом, свою стопочку пригубит, а всё моё, если настрой у организма имеется. А тут она у меня умерла. Рак. Быстро всё случилось. Неожиданно. За два месяца сгорела как свечка… И всё.

Шпала смахнул слезинку с уголков глаз и шмыгнул носом. Проглотил комок.
— Я всегда думал, что первым буду. Шахтёр же. Не вышло так. Получилось иначе. После смерти Маруси как кто закодировал, водка вообще не льётся в горло. И камень на душе такой тяжёлый. Не рассасывается. У меня две дочки. Одна старшая в Кемерово университет заканчивает. Парень есть. Младшая после школы только поступила, но учёба ещё не началась. Вот взял я путёвки в санаторий на Алтай. На машину с дочкой младшей на десять дней. Ей тоже горько, в восемнадцать лет мать схоронить. Едем мы назад. Смотрю, дочь немного отошла. А сам я как был спрессованный—так и остался. Рулю. Трасса пустая. Утро, выехали ещё затемно. Дочь кричит: «Папа! Стой!» Я по тормозам. Она пальцем показывает. На обочине сидит собачушка. Тойтерьер. Это я потом узнал породу. А так. Худая, рёбрышки пересчитать можно. На ушах штук пять клещей. Сидит, и видно, что взгляд уже потерялся. Умирает от обезвоживания и голоду. Остановились. Только дверь открыли, а она набок завалилась. Всё. Кирдык. На глазах ребёнка. Сначала мать, а тут собачка на глазах. Нет, думаю, так дело не пойдёт! Воды в чашку, побрызгал на псинку, смотрю, глаза открыла. Растёр её, миску под нос. Лакает воду. Дочь колбасу, мясо тащит. Она всё это просто всосала не жуя. Пока дочь кормила её, я местность осмотрел. Там отбойник помятый, как будто кто-то с торца на него залетел, потом машину подкинуло, сверху большое замятие. Смотрю в кювет, а там метров десять лететь. Следы падения есть. Трава смята и пожухла, деревца маленькие поломаны и повяли. Видно, что с другой стороны тяжёлая техника подъезжала. Видать, собачка была в машине да вылетела. Пощупал её. Вроде кости целы. Лёгкая она.

Шпала замолчал, заново переживая.
— Там такая круча, что вряд ли кто выжил. Взяли мы эту животинку к себе. Ко мне. Дочка в общежитии в Кемерово, куда там с собакой. Никто

не пустит. Врачам показали. Те клещей вынули, прививок поставили, уколов. И стали мы с Мусей, так назвал я её, поживать. Я со смены прихожу. Она сидит в коридоре, меня ждёт. Сидит, на попе ёрзает. Руки протягиваю к ней: «Ну что, Муся, лизнём?» Так она с места прыгает мне на руки и облизывает меня. Спим вместе. Она на плече или руке засыпает. Как жена так любила засыпать. Ночью уходит на пол. Но засыпаем всегда вместе.
— Да, здорово! — вздохнул Иван.
— Погоди. Это не всё ещё. Семья, что попала в аварию, выжила. Отец, мать, девочки-близняшки в институте учатся. Из Красноярска в дом отдыха на Алтай ехали. Выжили чудом. Все в больницу попали. Когда выздоровели, стали по интернету искать собаку. И вот моя младшая… Увидела это объявление спустя год как мы нашли Мусю. И позвонила в Красноярск. Тьфу! Лучше бы не звонила. Тут же примчались они. Муся как увидела их, завизжала — и к ним. Не поверишь. Когда дверь закрылась за ними, я сел и заплакал. На похоронах жены так не рыдал. Держался. В морозилке у меня шкалик лежал больше года от роду. Я его почти без закуски осушил. Камень, что Муся рассосала, снова вырос в груди, в душе. Утроился в массе и объёме. Аж дышать тяжелее стало. Хоть и ложись и помирай.
— Плохо, — расстроился Иван вслед за Шаповаловым.
— Конечно, плохо. Эти старые хозяева в Красноярске поискали собаку, не нашли, купили новую. Эту волосатую фигню, как её… — от нетерпенья и невозможности вспомнить Шпала щёлкал пальцами. — Ну, ну. Им бантики ещё вяжут. Фифы все такие из себя. Тьфу ты!
— Йоркширский терьер? — подсказал Иван.
— Во-во! Я же говорю, волосатое недоразумение, а не собака! Не разберёшь без бантика, где перёд, а где зад. И вот Муся моя приехала на свою старую квартиру, а она там не хозяйка! Там эта хозяйничает. Она Мусе тоже была не рада. Понаглее оказалась, помоложе, или Муся такая обидчивая. Промаялись все три дня. Муся не ест, не пьёт. В коридоре на пуфик легла — и всё. Хозяева звонят мне, не хотите забрать Мусю взад, а то у нас война. И у нас сердце разрывается. Обеих собак любим, но не будет между ними мира.
— А ты что?
— Я? Только со смены пришёл, похлебал чего, на машину — и по гашетке! Утром на смену! Топнул так, что за ночь назад обернулся. Почитай, две тысячи вёрст по кругу получилось. И ни гвоздя, ни жезла! Траса пустая! Чудо чудное! Бог мне помогал! А когда приехал. Открыли дверь. Сидит моя Мусечка ненаглядная. Никогда не видел, как собаки плачут. А тут огромные слёзы ручейками из глаз бегут по мордочке. Так сердце защемило. Говорю: «Муся, лизнём?» Она как сиганёт на руки. Облизала меня. И голову под руку засунула, не хочет видеть прежних хозяев, не простила предательство. И головой под рукой вверх дёргает, мол, уходим отсюда! Прежние хозяева так и этак хотели с ней попрощаться. А она голову дальше толкает. И сильнее вверх колотит. Вот так мы и вернулись домой с Мусей. Как же она выжила бы без меня-то?
— А сейчас как она дома?
— Дочка младшая отпросилась с учёбы. Авария на шахте. Батя-то в больнице. Уважительная причина! Но я её только ради Муси и вызвал. Они почти каждый день приезжают меня проведать. Собака понять не может, почему я здесь, а не дома.

Через пару дней видел, как Шпала нежно обнимал маленькую собачку, а она вылизывала ему щёки, а потом спрятала голову под его руку. Это было очень трогательно.

А Иван, как стал уверенно передвигаться, начал ухаживать за Эллой Вадимовной.

Она поначалу не принимала, считая за очередной флирт больного. Но когда Иван рассказал про шахтёрскую примету о женщине в белом и его реакции, когда открыл глаза и увидел её. Она всё поняла, расхохоталась. И потом, по прошествии многих лет брака Иван, рассердившись на жену, порой сгоряча говорил, что она его смертельно очаровала и даже в больнице достала!

Ментор

Снова душа Ивана оказалась с Ментором в комнате, откуда нет выхода.
— Ну что, помог тебе старик Шубин при аварии в шахте?

Иван всё ещё не отошёл от непрожитой им жизни. Не верилось, что всё напрасно.
— Эй, самоубийца! Ты меня слышишь?! — Ментор повысил «голос».
— Да. Я всё ещё переживаю.
— Чего-то ты разнюнился? Ты же сам отказался от всего этого. Так помог тебе старик Шубин?

События в шахте «сорокалетней давности» мгновенно пронеслись перед Иваном. Он вспомнил, ощутил, заново пережил, как он отваливал камень с ноги Шпалы. И тут же пронеслось воспоминание о маме. Детские обиды.
— Наверное… Наверное помог, когда я камень отваливал.
— Конечно, помогал! — казалось, что у Ментора хорошее настроение. — У каждого человека есть ангел-хранитель. И где много нежити всякой, то там тоже есть «противовес» — свой охранитель.
— Какая нежить? — Иван был удивлён.
— Обыкновенная. Среда агрессивная для человека. Думаешь, что просто природа убивает в шахте?
— А кто? — Иван возмутился. — Природа. Метан выделяется из всей гниющей органики. Это закон

природы. Деревья падали много тысяч лет, потом заносились пылью, землёй, гниение без доступа кислорода. Вот оттуда и метан.

— Как же туп и глуп! — Ментор рассердился. — За тысячи, миллионы лет, думаешь, метан не вышел бы? Это не нефть с её пустотами! И она образовалась не так, как вы думаете. Самодовольные тупости!

— И как всё образовалось? — Ивану было интересно позлить Ментора.

Впервые завязалась дискуссия. Иван оттягивал время от следующего «варианта».

— Расскажи!

— Вот помер бы нормально, так и всё узнал! А так — не расскажу. Там живёт нежить! Тебе не понять. Можешь называть их бесами. Как вы шахту начинаете, там нежить приходит в движение. Вот и посылают высшие силы охранителей места и людей. Их задача — помогать людям. Они взаимодействуют с ангелами-хранителями шахтёров.

— Если такая мощная защита, то почему люди гибнут, обвалы? Вы же можете всё остановить. Предупредить.

— Вас предупреждают. Ангелы орут вам в ухо. Но вы не слышите. Вы слышите себя. Так же и с «Шубиными». Их ангелы выталкивали из шахты. Но они шли. Кому-то нужно было доказать окружающим, что они могут это сделать — выжечь газ, кто-то за деньгами был готов сунуться в пекло, кому-то просто не хватало острых ощущений, кому-то славы отчаянных смельчаков не хватало. А потом они прибывали сюда. И наверху была дискуссия. За каждую душу битва идёт. Из ада считали, что они самоубийцы, а из рая говорили, что они жертвовали ради других. И по «Шубиным» решили так, пусть снова отправляются в шахты и сами выбирают, на чью сторону им становиться. Снова *выбор!* И тот, с кем ты в шахте был, а он был на твоём месте, выбрал *свет!* И помог он тебе вытащить Шпалу из-под завала.

— То-то я ещё удивился, что так легко камень откатился. Думал, что так хорошо подкопал. Жаль, что не могу сказать «спасибо» ему.

— Он знает.

Казалось, что Ментор радуется за поступок Шубина.

— Теперь, он в рай попадёт?

— До Суда времени много. Но и добрых дел он сделал уже немало в бестелесной оболочке.

Ментор был доволен своим «учеником».

— Вот ты, Иван! — впервые Ментор обратился по имени. — Вспомни, что кричал, кого звал Шаповалов под завалом?

— Мусю. Собаку свою. Мне послышалось, что Люсю.

— Вот! Одинокий мужик звал, переживал за собаку. У него и дочери есть, но они выросли. Не нуждались в его опеке, любви, а вот собака… Тварь бессловесная, любящая ни за деньги, ни за золото и меха, а потому что её любят. А ты, прожив немало, о чём сожалел?

Иван молчал.

— О себе переживал, что молодой умираешь. Вот запущу тебе вариант, когда проживёшь жизнь один. И помрёшь так же, посмотрю, о чём ты жалеть будешь. Вас бесы при жизни учат, что нужно любить только себя. А вы и любите. И когда помираете, то жалеете только себя. Не о детях или родителях печётесь, не о том, что не завершили дело какое-то важное. А то, что не насладились жизнью, греховными делишками своими! Ты хоть о матери вспомнил. Вот и помни о ней.

— Скажи, Ментор… — Иван подыскивал слова. — А они… Родители. Мама и папа, где они? В раю… или… в…

Слово «ад» Иван не мог выдавить из своего сознания.

Ментор молчал. Спустя длительное время:

— В раю. И хоть не нужно тебе об этом говорить, но именно благодаря материнской душе ты и выжил. Помни об этом.

Иван молчал, переваривая услышанное.

— Знаешь, Ментор, я при жизни много раз пытался вспомнить маму. Смотрел на её фотографии, но как-то не мог. Нужно было вспомнить сознанием, подсознанием. Не могу выразить. Мозжечком. Так, чтобы ощутить её. Помню только торт на мой день рождения она сделала. Тогда голод был. Я не помню, понимаю, что родители мне всё самое лучшее отдавали. Но сладкое редко было в доме. А тут торт… Два коржа, между ними какое-то варенье или джем. Обмазанный кремом — масло со сгущёнкой. Кремовый такой цвет получился. Вкусный. Я много раз при жизни просил тётушек делать такой торт. Сам пытался. Потратил кучу денег, заказывая самым лучшим кондитерам такой торт. Но не то. Не тот вкус. У сестёр мамы получалось что-то близкое, но не то. Они и признавали, что мама лучше их с детства готовила. Маму смутно, размыто помню. Отца вообще не помню. Пятно размытое вместо лица. Только на фото. А вот тот торт… Всегда. Ярко. И запах помню, вкус. Я его ел несколько дней. Родители по кусочку маленькому съели. Говорили, что они не хотят сладкого. Это когда я вырос, немного изучил время 90-х, понял, что они от всего отказывались, чтобы меня накормить и вылечить. А я…

Иван замолчал.

— А ты всё промотал и спустил свою жизнь в унитаз, в море, в воду, одним словом. В твоём случае — одно и то же. У тебя даже друзей нет. Повторюсь, ты не о ком не жалел, да и после твоей смерти жалеть о тебе некому. Ты не был интересен партнёрам по игре, только твои деньги. Потом не был интересен кредиторам, только твои деньги, имущество, которое ты не заработал, а досталось

по наследству, твои внутренние органы для продажи. А сам ты не нужен был. Никому. Ты слушал бесов, которые тебе внушили, что любить нужно только самого себя. Вот и полюбился. Сам долго шёл к этому. Упорно. У меня нет эмоций, я не могу злорадствовать, желать, сопереживать, но так тебе и надо. Бог сказал же вам: «Возлюбите ближнего своего как самого себя!» А вы? Лишь для себя. Демоны вам внушили, а вы и поверили. Готовые убивать ради себя любимых. Так скоро и приблизите Страшный суд. Своей ненавистью друг к другу.

Иван молчал, вновь переживая воспоминания о матери, продумывая, что услышал от Ментора. Ему было одиноко, страшно. Он вновь ощутил себя тем маленьким мальчиком, когда за мамой и папой закрылась дверь, а он стоял и плакал в коридоре. И стыд… Волна стыда накрыла его за свою жизнь. Длинную, никчёмную, эгоистичную. Только для себя, только во имя себя, все остальные нужны лишь для удовлетворения собственного эго. Как стыдно!!! Как животное! Хуже! Животные помогают друг другу! А он… Он уже всё осознал, всё понял, но изменить уже ничего невозможно. Ничего! Никогда!

Ментор первым нарушил молчание:

— Молчишь?

Иван помолчал, потом выдавил из себя:

— Мне стыдно, очень стыдно, что жил как… как скотина. Для себя, только ради себя. Если мог вернуться и извиниться… Но это невозможно.

— Быстро до тебя дошло.

Ментор, хоть и говорил, что у него нет эмоций, но было видно, что он удовлетворён. Или у него были всё-таки эмоции? Потом продолжил:

— Некоторые с первого захода раскаивались, ну а некоторым нужно несколько сотен жизней прожить, чтобы понять. Значит, надо закрепить пройденный материал!

— А может, не надо? — с надеждой в голосе спросил Иван.

— Надо, надо. Миллиарды вариантов тебя ожидают впереди. Не я придумал мироустройство, не я придумал такое наказание — истязание для самоубийц. Я всего лишь исполняю то, что предначертано. Вперёд!

Вариант №7

Холодно. Опять холодно. Кажется, что холод никогда не кончается. И темно.

Иван просыпается от холода. Трёт плечи. Дрова догорели в печке-буржуйке. Угли уже подёрнулись пеплом, только красные огоньки пробегали под серым слоем. Иногда порывы ветра хлещут по стене снегом. Тепло ещё быстрее выходит.

Присел на корточки, из стопки газет взял верхнюю, скомкал, сунул в топку, сверху поленья. Пламя резво занялось. В трубе загудела тяга. Ветер на улице, задувая в трубу печи, усиливал процесс горения.

Протянул ладони, потом потёр плечи. Подкинул дрова. Теплее стало. Посмотрел на часы, скоро полночь.

Иван сбежал из Москвы в Сибирь. Сибирь всех примет. Всем места хватит. И живым и мёртвым.

По знакомству на первое время устроили помощником машиниста снегоуборочной машины СДП-М.

Звучит, конечно, гордо — «помощник машиниста»! В перспективе может стать машинистом! Но не локомотива, а снегоуборочной машины. «Снегач» — так называют железнодорожники между собой. Выглядит как вагон с лопатой и крыльями спереди. Не самоходный. Локомотив нужен, чтобы сзади толкать. Но помощник машиниста!

Работа как работа. Она везде работа. Тяжёлая. Снег идёт в Сибири восемь месяцев в году. И засыпает железнодорожные пути. Вот и катается снегоуборочная машина, очищая пути. Толкает её локомотив сзади. И вся жизнь зависит от локомотива. После сцепки подаёт сжатый воздух по магистралям электроэнергия и СДП-М оживает. Готов к подвигам!

Прожектор ярко освещает путь, с помощью пневматики опускается основная «лопата», она может поворачиваться немного вправо-влево, а если и этого мало, то по бокам сложенные «крылья» могут встать в боевое положение, и тогда площадь захвата снега увеличивается. Пять метров, без малого! И можно не только путь очищать, но и между путями, обочину. Снег сваливается в одну сторону. До семидесяти километров можно разгоняться. Зверь!

Когда стоишь у пульта управления, двигаешь рычаги золотников, поднимая «лопату» или расправляя «крылья», снег в лобовое стекло штрихпунктирными линиями, прожектор пробивается через снеговую пелену, ночь. Кажется, что летишь на каком-то корабле сквозь снеговую пелену.

Порой теряется связь с реальностью, подсознание рисует невероятные фантасмагорические картины, схожие с фильмами про космические приключения.

Но это всё при движении. А вот когда в режиме ожидания… Холод. Печка-буржуйка. Аккумуляторы старые, не держат толком заряд. Надолго не хватает. Оттого и темно внутри «снегача».

Хочешь не замёрзнуть — успевай, подкидывай дровишки в нутро печки. Хоть и обшит корпус теплоизоляцией, но Сибирь, она и есть Сибирь. Чем холоднее на улице — больше расход.

А дрова надо ещё заготовить. Не принесут тебе в кабину на блюдечке с голубой каёмочкой. Техника хоть и старая, но надёжная. Точно так же, как и пути, уложенные в девяностых на деревянных шпалах. Гниют шпалы — выбивай да меняй их, а рельсы стоят, не выкрашиваются, нет им сносу.

Зато новые «плети» по восемьсот метров современные… Рельсы из кузнецкого края по соседству выкрашиваются, ведёт их при различных температурах, вот путейцы и маслаются по морозу и в жару, меняя их.

Жара, металл расширяется, зазора не хватает, вырезай, вырубай быстро. Зимой — делай вставку. Хоть и по документам всё хорошо. И пишут претензии на завод. Зато все при работе, при деле. И завод загружен заказами на десятки лет вперёд. И путейцев не сократят сильно.

Иван закурил, выдувая дым в печку. Дым уносило вверх, в трубу. Лицо грело от открытого огня. От огня и светлее. Скоро начнётся работа. Хоть и март на дворе, но это вам не юг, а Сибирь.

Потеплело. Не минус сорок на трассе с ветром, всего минус двадцать. Но ветер как с цепи сорвался. Снег, ветер быстро переметают пути. Снега столько, что, кажется, «зелёная зима» никогда не наступит.

Старые работники рассказывали. Как-то приезжали иностранцы. Какой-то клуб любителей железных дорог. Всё фотографировали. Всю технику. Особенно их интересовала старая. Паровозы, тепловозы. Летали на Север. При Сталине строили дорогу на Норильск. Сталин помер, не достроили. Но среди вечной мерзлоты стоят паровозы, которые остались в единственном экземпляре в мире.

Контрразведка рядом с ними крутилась. Всех застращали, чтобы лишнего не болтали. Только улыбались и предлагали им своё гостеприимство. Водки побольше! Но не на рабочем месте!

А июнь в Сибири — как апрель в Москве. В тайге местами ещё можно и снег встретить.

Вот тогда от иностранцев и услышали выражение «зелёная зима». Всем понравилось и запомнилось. Особенно, когда на 9 Мая валит снег. Лето в Сибири короткое, но малоснежное!

Поставил на печь чайник, загнал нож и одним движением вскрыл банку каши с мясом. Тоже на печь.

Продолжил курить, глядя на огонь. Усмехнулся. Кажется, что уже несколько лет он работает на железной дороге в Сибири. И ему нравится. И тех денег, что он зарабатывает, ему стало хватать на жизнь. Оказывается, что можно жить и строить планы на будущее. В том числе и поступить учиться дальше. Есть же у него одно техническое образование.

Недавно вызывали в кадры, предложили подумать о карьерном росте. Можно в институт поступать на третий курс, можно на курсы машинистов, пока снегоуборочной техники. Включили в план. Поживём-увидим.

Растёр лицо, разгоняя остатки сна. Послышались шаги, голоса. Открылась дверь, вошёл первым машинист Иван Викторович.

— Тёзка! Не спишь? Гостей встречай!

Следом поднялись ещё двое. Он их знал. Один бывший машинист, сейчас на пенсии, работал в депо, Сергей Алексеевич. И Лёха. Он работал сцепщиком вагонов.

Пенсионер был высок, жилист. Лицо прорезано глубокими морщинами. Кожа как будто дублёная. Большие очки частично залеплены снегом. Была у него привычка смотреть поверх головы собеседника. Сам был высокий. Годы его немного ссутулили. Но по-прежнему осталась гордая посадка головы. Смотрит куда-то вперёд. Резкий взгляд вниз, в глаза собеседнику, и снова поверх головы — вдаль, как будто что-то там видит.

Говорят, что у многих старых машинистов такая привычка, она часто выдаёт. Постоянно смотреть вперёд, что-то высматривая.

Сергей Алексеевич нёс что-то укутанное в полотенце. Мысли, что там алкоголь, даже не было. На работе сухой закон. Строжайший. Если, как рассказывали, лет пятнадцать назад ещё употребляли, то теперь, ни-ни. И врачи, прежде чем допустить к смене, только в желудок не залазят. Да и постоянно контролирует начальство.

Пришедшие разместились вокруг печки. Бывший машинист снял очки, достал смятый в комок носовой платок, протёр очки, глядя на огонь через них, выискивая пятнышки.

Сергей Алексеевич открыл контейнер, что был в полотенце.

— Блины, мужики, блины. У моего бати сегодня был бы день рожденья. Вот жена и испекла, чтобы помянуть его. Угощайтесь. Тёплые ещё.

— Ого! Ничего она у тебя постаралась!

Стопка блинов была солидная.

— Жена умеет. Дочери выросли, замуж вышли, а готовить она любит, и привычка готовить много осталась. Вот и блины она на двух сковородах делает. Быстро. Перед сменой для нас приготовила. Одну стопку в депо оставил, ну и вам принёс. Налегай, Иван! Семьи-то нет у тебя, вот и питаешься как попало, поди. Для мужика же что главное?

— Что? — Иван втягивал ноздрями запах свежих блинов.

Закипел чайник.

— Семья. Чтобы оставить после себя след. Детей вырастить, на «крыло» поставить. Жена нужна, которая тебя кормить будет добротно. А то мужик на сухомятке и не мужик. Я со своей сорок с лишним лет прожил. Бог даст, и золотую свадьбу справим. Налегай, не стесняйся.

Заварили чай. Стали есть. Иван соскучился по домашней еде. С удовольствием ел. Мужики ему подкладывали. Все были семейные, не сильно голодные.

Блины съедены, кашу с печи Иван тоже умял, гости налили по второй кружке чая. Закурили, выдувая дым в печку. Нельзя курить на рабочем месте. А выходить холодно. Ветрено.

— Викторович. — Сергей Алексеевич обратился к «шефу» Ивана. — С кем сегодня работаешь? Кто машинистом?
— С Тимохой!
— С Шифровальщиком, что ли?
— Ага. С ним.
— А почему Шифровальщик? В армии шифровальщиком служил? — поинтересовался Иван.
— Так он закодировался от пьянки. Давно уже. Его то Кодировщиком, то Шифровальщиком кличут. Он уже и сам привык, откликается.
— Он ещё в 90-х закодировался. Пил по-чёрному, но не на работе. Как отгулы — так в запой. Правда, без белой горячки. Но жена поставила вопрос ребром. Или кодируется, или топает на все четыре стороны. Теперь только чай, и то не крепкий. Но ходит на праздники, шутит, подливает всем, себе только чай. Тосты хорошие говорит. Кто не знает, думает, что наравне со всеми употребляет.
— С ним история ещё была с гаишниками. Помните? — усмехнулся Сергей Алексеевич, выпуская дым.
— Я не знаю. — Иван пожал плечами.
— Давно дело было. Но было. Два часа ночи. Сидим, пьём чай. Дежурный врывается. Всем по коням! Примчались мы по вызову на переезд. На переезде ЧП! ДТП! Товарняк с милицией дорогу не поделил. Транссиб на запад перекрыли, заперли. И вот картина маслом. Локомотив врезался в милицейскую «шестёрку». Она на «скотоотбойнике» — передней решётке локомотива — повисла. Пьяный в хлам гаишник скачет вокруг кабины, пистолетом всем грозя, палкой полосатой размахивая. Шифровальщик с помощником заперся в кабине.

Милиционер орёт на них:
— Я тебе, скотине железнодорожной, жезлом же махал, чтобы ты объезжал! Ты что, мерзавец мазутный, объехать не мог?

А дело было так. Выпили гаишники. Много. Решили денег подзаработать. Поехали на переезд. Думают, вот сейчас кто поедет на красный, того мы и сцапаем. Только выехали они на пути, чтобы лучше видеть. А как локомотив увидали, то один стал махать, из-за руля вышел. Второй в кустах малую нужду справлял. А третий на заднем сиденье вырубился. Так ничего и не понял, когда его автогеном вырезали из машины. И ни царапины. Он ещё что-то руками махал.
— Да врёте вы всё! — рассмеялся Иван.
— Нет. Не врут. — Иван Викторович покачал головой. — Был такой случай.
— Да чего только в поездках не было. После некоторых придёшь домой, стакан махнёшь, чтобы забыть.
— Главное, чтобы голова на месте осталась. И на стакан не падать. А то с ума сойдёшь.
— Отчего так? — Ивану стало интересно.
— Всяко бывает. Например, препятствия… мягкие.
— Это какие?
— Животные. Люди тоже встречаются.
— Свят, свят, свят! — Иван перекрестился.

Машинист Иван Викторович подключился к разговору:
— Так что, Иван, подумай, стоит ли идти учиться на машиниста, — он явно подначивал.
— Да зачем учиться! — Алексей. — Сделай, как машинист Каменев.
— А кто это? — удивился Иван. — Конечно, я всех ещё не знаю из подвижного состава, но такую фамилию не слышал.
— Ты не слышал про Чёрного машиниста? — Сергей Алексеевич искренне удивился. — Это же легенда! Классика железной дороги! Машинист Каменев!
— Только про Чёрного дембеля из фильма «ДМБ». — Иван приготовился, что его сейчас начнут разыгрывать, был готов даже немного подыграть.
— Не на нашей дороге дело было. — Сергей Алексеевич неспешно отхлебнул чаю из кружки. — На Октябрьской. Лет десять назад, а может, и все пятнадцать. Появился машинист. Документы все чин-чинарём. Аккуратно ведёт состав. Помощника гоняет по инструкции, от начальства подальше. На рожон не лезет. Вперёд не лезет, сзади не отстаёт. Как праздник, так со всеми, больше слушает, чем говорит. Только как выпьет лишку, так голову терял. Напрочь. Рассказывал какие-то небылицы. Все понимают, что чушь несёт. Наутро извиняется, говорит, что перебрал. Бывает. Мужики посмеются, сплюнут да пойдут по рабочим местам. Вышел он как-то на линию в рейс. Смурной весь какой-то. Всё с себя какие-то пылинки смахивал. То с волос что-то стряхивал. Глаза тёр. Когда помощник машиниста его спрашивает, мол, в чём дело. Тот и отвечает, что не выспался. Ну что, бывает. Случается всякое. Может, со своей бабой поругался или с чужой миловался всю ночь. По молодости всю ночь куролесили, а поутру в поездку. И всё в порядке. Помощник Каменева пожал плечами, пошёл осматривать локомотив. Не впервой. В поездке ясная погода. Лето. Хорошо. Состав товарный. На втором семафоре красный сигнал. Каменев врубает дворники на полную мощность. Они машут по стеклу. Он руками машет. Помощник к нему, что случилось? А тот орёт в ответ:
— Ты что не видишь? Зелёные насекомые в кабине!!! Вот они! Смотри!

И как даст пощёчину помощнику, тот свалился. Не ожидал. А Каменев хватает его за шиворот, распахивает дверь кабины и пинком прилаживает, вслед кричит:
— Спасайся!

Хлопнул дверью — и ходу! На красный! На всех парах. Помощник бежать, там до переезда было километров пять. Дежурные сразу по панике ударили. Проход на красный! Не шутка же! ЧП!

Иван внимательно рассматривал в полутьме лица присутствующих, ожидая увидеть сдерживаемый смех.

Но все были серьёзны. Сосредоточены. Иногда слабо кивали головой, подтверждая, мол, так оно и было. Было видно, что они знают историю.

Сергей Алексеевич продолжал:

— Вызывают по рации Каменева. Тот молчит, только скорость набирает. По ходу удалённо врубают тормоза. Не получается. Каменев не лыком шит. Он отключил автоматику. Дистанционное управление, автоматику машинист отключил. Второе чп! Впереди стрелка!

Рассказчик неторопливо прикурил от уголька из печки, забросил назад. Затянулся, выпустил дым в нутро «буржуйки», пригубил чай.

— Так вот. Локомотив несётся под всеми парами. Помощник добежал по путям до переезда, доложил, что Каменев «слетел с катушек», борется с насекомыми зелёного цвета в кабине, которых только он и видит. Следом за ним отправляют дежурный локомотив, милиционеров с собой, всех свободных тоже забивают. Чёрт его знает, какая помощь понадобится. И ходу, ходу, милые, ходу, следом. Аллюр три креста! Сарынь на кичку! Состав хоть и гружёный, но Каменев — машинист опытный, скорость набрал, сбрасывать не собирается. И стрелка впереди…

Сергей Алексеевич сделал паузу на затяжку и глоток. Напряжение нарастало. Иван обратился в слух. Он понимал, что история подлинная. Ветер сильно снегом ударил в борт машины. Она качнулась. Иван вздрогнул от неожиданности. Он давно превратился в слух, боясь пропустить хоть одно слово.

— Стрелка. Каменев взрезал стрелку. Пошёрстная была. И то чудо, что схода не было. И дальше. Ходу, ходу. И тут подъём. Благо, что дежурные догадались обесточить путь. Состав почти поднялся в горку. Но начал скользить назад. Каменев стал притормаживать. Ну и локомотив с нашими догнал его. Мужики выскочили, тормозными башмаками заблокировали его сход назад. Вот и представь, Иван, как оно блокировать состав? Будешь подкладывать башмаки под задние только колёсные пары крайнего вагона, так остальные напирают. Гармошкой сложатся и свалятся. Скорость небольшая была, но всё равно, под такую махину на ходу подкладывать башмак? Каково оно? А?! Башмак семь килограмм весит. Вот и подсовывай при движении состава! То ли руку отрежет колесом или голову снесёт подножкой вагона. Выбор невелик. Но сумели! Остановили, заблокировали. Теперь и машинистом можно заняться. Он сам открыл дверь. Невменяем. Пена вокруг губ. Руками машет, отгоняет кого-то невидимого от головы. Орёт невразумительно. Повязали. Милиции отдали. Те его санитарам сдали по описи.

— И что у него? — Ивану стало интересно.

— «Белочка». Белая горячка. Вот и допился до зелёных насекомых. Кто-то до чертей зелёных допивается, а этот… Вот так бывает. Но это ещё не самое интересное.

— Куда же интереснее?! — Иван подался вперёд. — У меня шерсть на спине встала.

— Когда стали разбираться, то выяснилось, что у Каменева диплом об образовании и трудовая книжка — все поддельные!

— Как поддельные?! — ахнул от удивления Иван.

— Вот так! — торжествовал Сергей Алексеевич. — Никто не узнал. Подделка была. Но высокого качества. С ходу не отличишь.

— А где же он научился управлять локомотивом?! У него же масса допусков должна была быть!

— Сумел как-то.

— А сам-то, что он рассказал? — Иван не унимался.

При той системе контроля на железной дороге, с которой он столкнулся, такое ему казалось невозможным.

— А он ничего не рассказал. Так и не закончил общаться с чертями или насекомыми, или с кем он там воевал. С бесами. Так в лечебнице и преставился вскорости. — Сергей Алексеевич переложил окурок в левую руку, широко перекрестился. — Не к ночи будет помянут.

— Вот оттуда пошёл Чёрный машинист. Некоторые шутники потом на пыли локомотива писали «Локомотив им. товарища Каменева»!

— Так что, Иван, вертайся в Москву, в переходе купи диплом машиниста и возвращайся. Будешь гонять по перегонам! Денег — вагон, забитый доверху! — Иван Викторович шутил.

— Я уж как-то сам, по старинке выучусь.

Алексей, тот, что сцепщик вагонов, небольшого роста, крепыш, кожа на лице задубела от непогоды, испещрена множеством мелких морщин. Молчалив, слушает, ухмыляется.

— Был такой ещё Рогожкин на Октябрьской дороге. Тот на инструктаж припёрся в рясе и на роликах.

— Полно врать-то! — машинист на пенсии повысил голос. — Сам-то посуди. Его бы сразу в рубашку с длинными рукавами упаковали и отвезли на цугундер.

— Но икону-то продал? — не унимался сцепщик.

— А вот это, говорят, что было, — кивнул Сергей Алексеевич.

— Опять сумасшедший? — Иван рассмеялся. — И снова с Октябрьской дороги? Чего у них там такое? Коллекционируют дураков?

— Экология там плохая, — голос Ивана Викторовича был сух. — Когда строили первую дорогу Москва — Санкт-Петербург, говорят, что под каждой десятой шпалой труп укладывали работяги. Откуда там порядок будет, если духи мстят.

— Так вот, Рогожкин этот был опытным машинистом, и документы были настоящими. Но тоже

то пил, то кодировался. Вот и сорвался в очередной раз. Жена отобрала все деньги, ушла из дома, а он семейную икону старинную на бутылку водки поменял. И через два дня в рейс. Инструктаж прошёл с помощником, на медосмотре сестра формально их осмотрела, давление не померила. Алкотестер ничего не показал.
— А что, давление высокое? — спросил Иван.
— Конечно. Когда человек из запоя или с похмелья, то давление зашкаливает. — Сергей Алексеевич кивнул. — И вот поехали они. Товарный состав. На перегоне красный сигнал семафора, у диспетчера запросили, сколько стоять. Полчаса. Помощника на улицу — локомотив и состав осматривать. Сам по «гашетке» — и ходу!
— На красный? — охнул Иван.
— Именно. На него. Я по молодости настолько привык, что на красный сигнал стоять надо, что ночью в туалет иду, а в выключателях красные светодиоды установлены. Вот до туалета добрёл, стою, жду, когда красный на зелёный поменяется. Двигаться же нельзя! Потом сообразил что к чему, с получки все диоды на зелёные заменил во всей квартире. Не надо ночью тормозить перед туалетом! — хохотнул Сергей Алексеевич.

Посмотрел на Ивана. Тот смеялся, понял, что шутит старый машинист.
— Зря зубы сушишь. Так оно и было как-то. Поработаешь с пяток годков, сам поймёшь. И поменяешь. Лучше сразу ставь зелёные. Так вот, — продолжил он своё повествование про Рогожкина. — Рванул он вперёд. Помощник как раз локомотив осматривал, еле отпрыгнул. Дежурные сразу на уши встали. Рогожкин, как и Каменев, автоматику отрубил. По ходу установили тормозные башмаки, думали, что остановит его. Ага! Чёрта лысого. Махина, скорость, раскидал он их. Хотели уже опрокидывающие башмаки установить. Чтобы локомотив опрокинуть. Передумали. В погоню снарядили локомотив. Кино, одним словом, снимать можно. Про сумасшедшего машиниста и неуправляемый поезд.
— А чего не обесточили ветку, как с Каменевым? — Иван внимательно слушал.
— Пёс его знает! — пожал плечами Сергей Алексеевич. — Нас там не было, только, что в телеграмме было написано, да по слухам, что бродят вдоль рельсов с подробностями там, где нас не было.
— И как его остановили? — Иван был уже в нетерпении.
— Весь его путь был расцвечен красными семафорами. И вот он сам и остановился. Станцию включил, орёт на дежурную, мол, отчего держат, он же литерный ведёт. Потом сам и помчался к ней. Вот тогда его и приняли и сопроводили сначала в милицию, а затем и жёлтый дом на лечение. Головы, конечно, полетели. Так что пить, ежели и придётся, надо так, чтобы головы не терять.

Иван смотрел на огонь в печурке, и было ему не по себе от услышанного. Вот так и не знаешь, а вдруг на сумасшедшего машиниста нарвёшься.
— Так это хорошо, что они грузовые составы вели, — молвил Иван, чтобы как-то разрядить напряжённую атмосферу.
— Бог отвёл, — коротко бросил Сергей Алексеевич.

Перекрестился, глядя в потолок машины.

В кармане у машиниста Ивана Викторовича зашипела радиостанция, он схватил её:
— Я. На связи.
— Сейчас подойдём, будем цеплять. Готовы?
— Давно готовы. — Иван Викторович ответил.

Потом уже обращаясь к Ивану:
— Давай, на выход, организуй сцепку.
— Я помогу! — сцепщик Алексей пошёл на выход.
— Да и я побреду тоже, — засобирался пенсионер.
— Супружнице поклон за блины! — Иван Викторович попрощался за руку. — Посмотрел на наручные часы. Давно пора уже работать.
— Так локомотив ремонтировали, — ответствовал Сергей Алексеевич.

Сергей Алексеевич, Алексей, Иван вышли в темноту, в снег. Фонари с трудом пробивались сквозь метель.

Старик пошёл в сторону депо, Иван с Алексеем наблюдали, как локомотив, выйдя из огромных ворот локомотивного депо, неспешно полз в их сторону. Прошёл одну стрелку, слегка покачиваясь с боку на бок, вторую, третью. Вот и подкрался к запасному пути, где стояла СДП-М. Иван помахал рукой, машинист ответил ему.

Огромная махина сбросила скорость и уже буквально по сантиметрам приближалась к ним. Тихо, мягко, как кошка утыкается лбом в руку хозяина, сцепное устройство сработало. С лёгким лязгом захлопнулось. Иван с Алексеем быстро подошли, проверили сцепку. Соединили пневмошланги, электрические кабели.

Сразу в машине зажёгся свет, было слышно, как воздух заполняет пустые баллоны — ресиверы снегоуборочной машины.

Алексей подёргал, чтобы убедиться в надёжности соединений: шланги, электрические кабели, хлопнул по плечу Ивана:
— Порядок! Бывай!
— Спасибо! Счастливо! — ответил Иван уже на бегу к двери своей машины.

Быстро забрался внутрь, закрыл дверь.

Машинист уже колдовал возле пульта управления.

Задача Ивана — быстро проверить давление воздуха в системе, в ресиверах.

Иван посмотрел показания приборов, прокричал Ивану Викторовичу.
— Принял.

Начал проверять, как опускается, поднимается, поворачивается «лопата», как боковые «крылья» становятся в рабочее положение, возвращаются в исходное.

Затем проверил, как работает освещение. На специальной панели имеется ряд штоков, как на старых «Жигулях» «подсос». Только каждое положение соответствует включению определённой лампы.

А золотники, которыми управляют «лопатой с крыльями», тоже расположены спереди. Сверху их прикрывают полусферы, очень похожие на такие, где были расположены в школах звонки. Если по ним ударить, то тоже немного звенят. А под ними — рычаги. Вот они выпускают или запирают воздух, и механизмы опускают, поднимают, поворачивают. Просто, надёжно.

Калориферы начали нагревать воздух. Иван остатками воды залил угли в печке.

Машинист по радиостанции сообщил:

— Готовы к работе! Поехали!

— Ну, с Богом! Держитесь! — прошелестела рация.

Пол под ногами дёрнулся. Машина тронулась вперёд.

Скорость нарастала. Иван Викторович смотрел на часы и качал головой.

Из-за поздней подачи локомотива уже на полтора часа выбились из графика. Ночью Транссиб меньше загружен, но всё равно ходят поезда. И вот в «окна» прохода между ними нужно очистить пути от снега для составов.

Снег в окно. Прожектор над кабиной машиниста машины бьёт вперёд. Сверху добавляет освещённости прожектор локомотива.

— Иван! Прибываем на участок очистки! Начали!

Потом продублировал на локомотив:

— Приготовились! Начинаем!

— Давай! — был ответ.

Иван вцепился в выступающую из стены рукоять.

Машинист плавно двигает рукояти воздушных золотников, лопата опустилась вниз.

Тут же почувствовали мягкий толчок, как будто машина въехала в тюк ваты. Первый раз Иван не удержался, упал. Вроде и мягко, но ощутимо. Скорость упала, перед стеклом поднялся снег с путей, видимость ухудшилась. И сверху снег и снизу снег. Как будто что-то изменилось на Земле. Мозг моментами путает картинку окружающего мира, с непривычки, по первости голова кружится. Где верх, где низ — непонятно.

Скорость снова стала нарастать. Иван встал рядом с машинистом. Он отвечал сейчас за боковые крылья.

Иван Викторович покрутил лопатой, пытаясь найти оптимальный угол сваливания снега с пути.

— Открывай правое, будем подбирать.

— Есть правое! — Иван двинул рукоятку золотника.

Правое крыло плавно вышло. Скорость снова упала. Снег заклубился справа. Машинист напряжённо всматривался вперёд.

— Есть контакт. Пошла родимая. — Иван Викторович удовлетворённо кивнул.

Снег сваливался на обочину.

— Нормально. Сейчас выпускай левое, будем между путями чистить.

— Понял! Левое пошло! — Иван уверенно двинул рукоять.

Пошире расставил ноги. Снова толчок и снижение скорости.

Какое-то время впереди не было видно ничего. Казалось, что за стеклом нет ничего, кроме снега. Весь мир превратился в снег.

Через несколько минут удалось вырваться из снежного облака, и понеслись вперёд. Снег срезался и сваливался на обочину справа ровной стеной.

Машинист кивнул Ивану:

— Становись, помощник, к рулям. Я покурю.

Присел на корточки, раскрыл дверцу печки, закурил, стал пускать дым. Скорость нарастала, из печки уже задувало внутрь, выбросило горсть пепла.

Машинист отскочил, захлопнул дверцу.

— Тьфу, — отплевался от сажи, пепла. — Он чего там сдурел, Шифровальщик! Что за новости!

А скорость стала резко увеличиваться. Иван вцепился в панель:

— Викторович, мне кажется, или так оно и есть, но скорость больше семидесяти километров?

— Мне тоже так кажется.

Широко расставляя ноги, машинист подошёл к пульту. Вцепился в обшивку.

— Гораздо больше, — схватил рацию, заорал. — Локомотив! Сбрось скорость! Притормози!

В ответ не было ничего, только шипение радиопомех.

— Эй! Алё! Вы слышите? — заорал Иван Викторович, постучал по ладони рацией. — Эй! Живые есть? Локомотив?!

— Машинист! — Иван всматривался в стекло. Семафор. Красный!

— Где? — Викторович подскочил к стеклу.

Схватил радиостанцию и уже заорал:

— Красный! Сигнал красный! Тормози!!!

— Может, не видят? — с надеждой спросил Иван.

— Нет. Здесь что-то другое, — машинист смотрел вперёд, в надежде, что локомотив сейчас применит экстренное торможение.

— Может, лопату поднять? А то на такой скорости сковырнёмся с пути? А? — у Ивана вспотели руки.

— Тогда он такую скорость наберёт, что мы с тобой с пути слетим точно. К гадалке не ходи. Так его снег тормозит. Иван! Тормози!

— Есть тормозить!

Иван бросился к тормозу, рванул его. Воздух с шипением рванулся к колодкам. Резкий удар.

Машинист и помощник упали на пол. Скорость немного упала. Противный скрежет металла, но движение продолжалось вперёд.

Поднялись на ноги. Теперь машину стало сильнее болтать из стороны в сторону.

Машинист смотрел в окно.

— Ёлки-палки! Лес густой, нам с тобой на гроб пустой!

— Чего?— не понял Иван.

— Стрелка!!!— заорал машинист.

Они смотрели друг на друга широко распахнутыми от ужаса глазами. На такой скорости на красный сигнал либо на отбойник отправит дежурный, или под откос, если взрежут стрелку. А махина сзади массой больше ста восьмидесяти тонн об отбойник превратит в пачку сигарет их «снегач». «Килька в томате». Только вместо кильки машинист с помощником. Но размером с кильку.

Иван бросился снова к тормозу.

— Тормози!— заорал машинист.

— Торможу!— Иван снова давил на рукоять клапана воздушного управления тормозами.— Не тормозится!

— Тормози!

— Торможу!— Иван давил, что было мочи.

Снова скрежет металла о металл. Рывок, но скорость не сильно упала. Потом снова пошёл набор скорости.

— Нельзя в рейс о всяких гадостях говорить! Чёрного машиниста вспомнили! И на тебе! У Шифра «башню и сорвало»!— орал в стекло Иван Викторович.

Иван бросился к экстренному тормозу. В хвосте машины в пол вмонтирован типа большого винта с рукоятью наверху. Крутить надо. Только долго.

— Всё. Конец!— заорал машинист.— Вот-вот стрелка!

— Прыгай!— в ответ закричал Иван, яростно крутя ручку тормоза.

— А ты?

— Попробую остановить! Прыгай, Викторович! Прыгай!

— Так ты убьёшься!— машинист был в растерянности.

— Прыгай! У тебя семья, дети! Один покойник лучше, чем два! Расскажешь всё! Прыгай! А то поздно будет! Давай! А я тормозить буду! Вдруг да чего выйдет!

Казалось, что кожа на ладонях задымится.

Машинист распахнул дверь, она сбоку. Выглянул, пропустил один столб линии электропередачи и сиганул тут же на улицу.

Иван Викторович поднял голову. Его мутило. Увидел, как его машина стала падать, сходя с путей.

В голове сами собой всплыли строки из известного стихотворения «Баллада о прокуренном вагоне» Кочеткова. Эти слова знали все жители бывшего Советского Союза:

Когда состав на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном,
Когда состав на скользком склоне
От рельс колёса оторвал.
Нечеловеческая сила,
В одной давильне всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.
И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.

Снова раздался скрежет металла о металл при торможении. Снова рывок, запах раскалённого металла. Рывок спереди… Машина стала крениться на правый бок. Правое крыло с хрустом сломалось. Лопата располосовала несколько шпал и с противным звуком вспорола рельс. Сцепка с локомотивом разошлась, шланги отстегнулись. Свет погас, машина легла на правый бок и заскользила вниз по обочине. Левое крыло болталось, воздух вышел, и по инерции его то било по корпусу машины, то просто мотало. Как раненная птица пытается взлететь на одном крыле. Не взлетел.

Иван вцепился изо всех сил в ручку аварийного тормоза. Последнее, что видел, это как срывает печку, распахивается дверца, вылетает сажа, пепел.

— Это хорошо, что я огонь погасил, а то бы сгорел,— последняя мысль перед тем, как потерял сознание, сильно ударившись головой.

Начальнику Красноярской железной дороги на стол положили пухлую папку служебного расследования по ЧП с СДП-М и локомотивом.

Почти все заместители присутствовали на совещании. Сидели молча, пока Рейнгольд изучит заключение служебного расследования.

Тот внимательно читал. Иногда доставал то или иное объяснение из пухлой папки. Читал, сравнивал. Заключение экспертизы по техническому состоянию локомотива он чуть ли не на просвет изучал.

Закончил, посмотрел на присутствующих:

— Ну и в чём вы видите вину машиниста локомотива? А?

— Так ЧП же произошло по его вине,— подал голос заместитель— главный ревизор по безопасности движения поездов.

— Он тормозил?— голос начальника повысился.

— Тормозил,— кивнул главный инженер.

— Экстренное торможение применял?— продолжал давить Рейнгольд.

— Применял.

— Докладывал об аварийной обстановке?

— Докладывал.

— Так при чём здесь машинист, если локомотив из депо не отремонтированный вышел? Ему, что,

нужно было выскочить из кабины и фуфайку под колесо пихать, как вы мне сейчас пытаетесь её в ухо затолкать?
— Зам. по кадрам!
— Слушаю вас! — сама любезность.
— В приказ. Машиниста локомотива и его помощника не наказывать! Ни под каким соусом! Понятно? Люди сделали всё, что от них зависит! Понятно?
— Да, Владимир Гарольдович, понятно.
— Машиниста сдп-м не наказывать. Это тоже понятно?
— Да.
— Помощника машиниста сдп-м… Как у него здоровье? Жить, работать сможет?
— Сможет. Уже выписали из больницы. Недельку ещё дома отлежится, на медкомиссию. Врачи говорят, что всё в порядке. И сам парень хочет вернуться на работу.
— Не трус парень. Не трус, — начальник дороги покачал своей большой головой. — Давай так. Премию в размере двух… Нет, трёх окладов. Вы там написали, что рассматриваете кандидатом на учёбу на машиниста?
— Да.
— Отправить вне очереди.
— Но, там…
— А вот те, кто там вне очереди и по звонку — пусть подвиг совершат! Я всё сказал! Главному инженеру — разобраться и доложить по факту выхода на линию неисправного электровоза из депо!
— Есть!
— Переходим ко второму вопросу.

Иван выучился на машиниста локомотива. После незабываемой поездки к нему прилипла кличка на всю жизнь Бешеный снегач.

Он до самой пенсии проработал на Красноярской железной дороге. Женился. Родилось двое детей, которые тоже связали свою жизнь с железной дорогой.

Ментор

И снова эта страшная, надоевшая комната. Когда Иван в очередной раз мысленно оглянулся назад, то понял, что прожитая жизнь такая крошечная, такая стремительная. Она как песчинка в огромном информационном массиве — Вселенной под названием «Жизнь». И так обидно, что она быстро прошла. Пролетела.

И самое светлое — это не деньги, которые он заработал. Где честно, а где «левак» возил. Или солярку покупал для своей машины у машинистов тепловозов. А то, как он общался с семьёй, с детьми. Первые шаги детей. Первые слова. Первый раз в первый класс с огромным букетом дети идут. Первые пятёрки, с какой гордостью они показывали в дневнике. Как общался с друзьями. Как собирались на пикники семьями.

Иван молчал, заново переживая то, что было в очередной жизни, в очередном «варианте».

Ментор ярким пятном висел рядом. Молчал.

Ивану некуда было спешить. Он прокручивал в сознании те жизни, которые уже мог прожить или прожил. Он уже сам запутался. Было это или не было. Но вспоминал женщин, которых любил, детей, которые у него были, их детство, взросление. Радость за их победы и огорчение, когда что-то не получалось. Вспоминал друзей. Как получалось на работе сделать дело.

Впечатления о победах, память об общении с близкими людьми, вот, пожалуй, и есть главное богатство. А не деньги, которые он так любил. Глупо так просадить свои чуть больше двадцати лет. Обидно.
— Чего молчишь? Время тянешь перед очередным вариантом? — первым нарушил молчание Ментор.
— У меня впереди Вечность. Именно с большой буквы. Поэтому буду я тянуть время или не буду, не изменится ничего. Просто вспоминал эту жизнь и те, которые я уже прожил. Глупо я жил до… — Ивану было трудно выговорить.
— До какого момента? — подталкивал его Ментор.

Помолчав, Иван выдавил:
— До самоубийства, — выпалил Иван. — Глупо, нелепо, бестолково, преступно по отношению к себе и к тем, кто меня любил, растил, помогал, оберегал. Дурак я.

Ментор помолчал, потом спросил:
— А почему ты остался, а не спрыгнул вместе с машинистом? Ты же понимал, что не остановить локомотив?
— Как бы тебе сказать, чтобы ты понял. Я люблю машины. И полюбил свою снегоуборочную. И пытался сбросить скорость, чтобы максимально сберечь машину. Она же мне почти родной стала. А вот так… всмятку её. Я не смог. Потом отслеживал её судьбу. Её же подняли, отремонтировали, отреставрировали. Через несколько лет я сам сзади толкал локомотивом её. Это как встреча с первой любовью из детства. Снова дыхание от волнения перебивается. С любовью и нежностью отработал смену. Сам вёл, помощник рядом сидел. А когда машина отработала своё, отправили на разбраковку и утилизацию, то выпросил у мужиков приборную панель. Поставил в гараже. И часто двигал рукояти золотников. А управление прожекторами завязал на освещение в гараже. — помолчал. — Эх. Да, что говорить.
— Ты понимал, что мог погибнуть, когда остался в машине?
— Не знаю. Я хотел машину спасти. Тогда я никого не любил. Иван Викторович мне нравился,

он помогал мне. Поэтому я его спас. Но машину тогда любил больше. Глупо, конечно. Людей надо любить. Но машины я люблю тоже.
— Понятно. Готов?
— А что моё мнение кого-то интересует?—Иван спросил отрешённо.
— Это был риторический вопрос. Сарказм.—Ментор был сух.

Вариант №8

Иван ехал в метро. Машины нет давно, деньги тают. В метро хорошо, прохладно. Наверху над Москвой висело, медленно колыхалось марево жары. Воздух стоял. Липкий смог от выхлопных газов облеплял тело, заползал с каждым вздохом внутрь. Голова была тяжёлая, организм искал тень, прохладу. В метрополитене можно было спастись от обволакивающего зноя.

Примерно год назад Иван хотел познакомиться с известной девушкой. Известна она была тем, что бесшабашно гоняла по всей Москве, наплевав на все правила и законы. Недавно она попала в аварию. Что-то пошло не так, и на повороте машину занесло, и она врезалась в угол дома. Кроме водительницы, никто не пострадал. Сложный перелом ноги. Папа лечил её в Швейцарии. И девушка вернулась в Москву. И вновь начала устраивать безумные гонки по Москве.

Отец у неё был известный, в определённых кругах, Максим Максимович Пешков. Он никогда не говорил напрямую, но любил вкрутить в разговор фразу:
— Как говорил мой предок.

И произносил цитату из книг Максима Горького. Был ли он на самом деле потомком советского писателя или нет—неведомо. Знал Максим Максимович творчество Горького, как рассказывали, великолепно. По памяти мог цитировать, рассказывать в лицах большие куски из произведений.

Когда он приходил к кому-то, предлагая продать бизнес, то всегда приводил отрывок из «Песни о буревестнике»:
— Чайки стонут перед бурей,—стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей. И гагары тоже стонут,—им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни: гром ударов их пугает. Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утёсах… Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем! Всё мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому. Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятьем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утёсы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

В его устах всё это звучало двусмысленно и страшно. Речь шла об угрозе.

Максим Максимовичу приписывали, что он руководил многими компаниями, которые принадлежали тем, кто не мог открыто владеть бизнесом, вести дела. И что Пешков выполнял «отдельные деликатные» поручения сильных мира сего. Как из России, так и из-за рубежа.

Про него говорили, что он делает только один раз предложение. Но справедливое.

Если он хотел приобрести дело, то предлагал цену, равную прошлогоднему годовому обороту, в качестве подарка—вишенки на торте—пять процентов в виде перевода на любой счёт в любом банке мира неучтённых денег. Давал неделю на раздумье.

После его ухода приходили уведомления, что через неделю начинаются проверки со стороны всех контролирующих организаций, что имеются у нас в стране. Нередко зарубежные партнёры звонили, сообщали, что извиняются, но не могут более вести дела с имяреком. Извините, но возникли обстоятельства непреодолимой силы.

Сопротивляться не имело смысла. Те, кто пытался взбунтоваться, были вынуждены либо бежать из страны без копейки денег, или примерять одежду каторжанина на много лет.

Максим Максимович любил повторять:
— У человека всегда должен быть выбор. Человек волен распоряжаться своей судьбой по-своему. И никто не вправе неволить человека в его выборе!

Не давал интервью Максим Максимович. Не ходил с гордо выпяченной грудью с депутатским значком на лацкане. Высокий, поджарый, жилистый с шикарной шевелюрой «под Горького», тонкие очки в дорогой титановой оправе, тонкие черты лица. Всегда предельно эмоционально сдержан. Учтивые манеры. Высоко посаженная голова, прямая спина, развёрнутые плечи. Он отличался от нуворишей, которые любили пошуметь, выставлять напоказ золотые часы последней модели, перстни. Пешков сторонился толпы. Любил уединение своего особняка почти в центре Москвы. Там он работал и жил.

В Москве-сити у него был свой кабинет, несколько центральных офисов крупных компаний. Но туда он наведывался редко, предпочитая управлять дистанционно. И ещё был у него пунктик. Он всегда говорил правду и требовал от других того же. Ложь не терпел физически. Если неудобно было говорить правду, он молчал или говорил, что ответит на этот вопрос позже, надо подумать.

По Москве о нём говорили, что он—страшный человек. И крови на нём—хватит заменить воду в Москве-реке. Но всё это полушёпотом, тыча пальцем вверх, показывая, какие у него могущественные покровители.

И за глаза его называли Упырём.

Знакомым он ссуживал деньги под немалый процент. Любую сумму. Составлялся нотариальный

договор. И ни дня просрочки, ни на копейку не отступится от своего. Если гражданин имел глупость и пытался избежать выплату бегством, то просто пропадал. Навсегда. Бесследно. В любой точке земного шара.

Только не было у него сына. От двух браков пять дочерей. И искусственно пытался, но получались девочки.

Младшая — его любимица Марфа Пешкова. Он пытался её воспитать как наследницу своей империи. Но из мужского начала она взяла лишь неистребимую любовь к неистовой гонке на машине. Она делала это с дьявольским упорством, не щадя машину.

Отец назвал её Марфой. Марфа Пешкова. Но она ненавидела своё имя и представлялась как Маша, иногда — Мара.

Марфа, в отличие от отца, любила выставлять свою жизнь, своё отношение к жизни, богатство напоказ. Словно дразня общество и судьбу. Лихо гоняла по городу, выкладывая в интернет своё безумие на дорогах. Свои дорогие туалеты. Каждый день она сообщала, где будет ужинать, у кого в гостях, на следующий день появлялось фото или видеоотчёт, где она блистала. Поэтому узнать, где и когда она будет, не составляло большого труда.

Когда Марфа год назад сообщила в своём блоге, что будет ужинать в ресторане «Soluxe Club» на Кутузовском проспекте, Иван забронировал себе место. Прочитал меню, усмехнулся: «Девочка умеет жить». Цены на некоторые блюда переваливали за пятьсот долларов. Блюда из морепродуктов.

Выпил, закусил, стал ждать. Часто выходил курить. Официант забеспокоился, что Иван сбежит, рассчитался по счёту, сообщил, что чаевые после окончания вечера.

И вот послышался рёв прямоточной выхлопной трубы машины. Японский спортивный автомобиль ярко-красного цвета. Стёкла затонированы в цвет машины, такого цвета и диски на низкопрофильной резине, даже противотуманные фары светили розовым светом. Снизу красная подсветка днища и номеров.

И Марфа была вся в красном. Платье чуть ниже зада, туфли на огромных каблуках, сумочка. Всё в цвет машины. Или машина в цвет вечернего туалета.

Иван сошёл с тротуара и открыл дверь, подал руку, помогая выбраться девушке из автомобиля.

Она снисходительно посмотрела на него снизу вверх, а Иван постарался надеть самую лучшую одежду известных производителей.

Марфа была выпившая, покачнулась на каблуках, раскрыла сумочку и подала Ивану тысячную купюру.

— На! На чай! Молодец, мальчик! Стараешься!

Иван улыбнулся:

— Я — посетитель ресторана. Вы меня перепутали с кем-то.

Марфа заинтересованно посмотрела на него:

— А зачем тогда открыл дверь? Не поняла.

— Просто решил помочь красивой девушке выйти. Не более того.

— М-да?! — она пьяно, озадаченно посмотрела на него, задумалась на секунду. — А откуда ты знал, что там красивая девушка? Ничего же снаружи не видно! — она широким жестом показала на рядом стоявшую машину.

— Я люблю машины, понимаю их. А также понимаю, что на такой красивой машине может передвигаться только очень красивая девушка с сильным характером. С очень азартным характером. Я бы так лучше сказал, мадам.

Пешкова уже заинтересованно рассматривала Ивана.

— Мадмуазель!

— Такая умная, обаятельная, красавица с азартным характером и не замужем?

— Не хочу! — она вздёрнула носик.

— А как вас зовут, мадмуазель?

— Маша! — кокетливо повела глазами плутовка, накручивая прядь волос на палец, щекоча свою щёку. — А тебя?

— Иван.

— Шутишь?

— Нет. А зачем? Есть права, могу показать.

— Не надо! — царственным жестом она остановила его. — Верю. Но забавно. Прямо как в сказке — Иван да Марья!

После недолгого молчания добавила с вызовом:

— Пешкова моя фамилия! Слышал?

Иван наморщил лоб, делая вид, что вспоминая:

— Нет. Не знаю. А должен?

— Меня вся Москва знает! — уже с вызовом Марфа. — Так ты не местный! Приезжий? — сморщила носик.

— Родился здесь, вырос, выучился, — с достоинством сказал Иван.

Из ресторана вышла группа парней и девушек, они сидели неподалёку от Ивана.

— О! Мара!

— Ты приехала!

— Какая молодец!

— Пошли, пошли!

— Штрафную ей!

— Именинница уже заждалась!

Марфа уже сделала шаг навстречу компании, но остановилась.

— Иван, помоги, достань пакет из машины. Подарок оставила.

Она нажала на брелок, дверь разблокировалась. Иван залез в салон, достал приготовленные монетки и быстро засунул в щель рукоятки ручного тормоза и в селектор переключения передач.

Отдал пакет из модного магазина.

— Маша, чуть не забыл тебе сказать, когда ты подъезжала, мне показалось, что у тебя с коробкой передач проблемы, или скоро возникнут.
— У меня всё в порядке с машиной! — вспыхнула Пешкова. — Я только сегодня забрала с обслуживания её!
— Я просто сказал, — сама скромность. — Дай телефон. Созвонимся, поболтаем.
— Нет. Давай свой! Я не даю его. — Марфа достала смартфон последней модели, его только на прошлой недели стали продавать в США, в Россию ещё не поступали.

Иван продиктовал номер.

Пешкова длинными пальцами с гигантскими наращёнными ногтями быстро, умело набирала номер.

Потягивая свой виски, Иван пару раз ловил взгляд Марфы на себе. Он поднимал бокал, говоря, что за неё. Она в ответ поднимала бокал с вином.

Два столика чуть поодаль занимала охрана гуляющих молодых людей.

Компания всё больше пьянела, вела себя шумно. Иван понял, что дальше уже не имеет смысла сидеть, если только не до самого окончания отмечания дня рождения. Подошёл к столику. Марфа обернулась.

Пьяные молодые люди из коллекции «золотая молодёжь», считающие себя хозяевами жизни, пьяно стали отгонять его. Охранники поднялись.
— Он со мной. Сядьте! — резко осадила Марфа и собеседников и охрану.
— До свиданья, дева юная, прелестная! — взяв за кончики пальцев, нежно поцеловал ручку Марфы Пешковой.

Развернулся и пошёл на выход.
— Я позвоню! — крикнула ему вслед Марфа.

Через неделю ему позвонила не Марфа, а её отец:
— Добрый день, Иван! — он назвал его фамилию, хотя телефон был зарегистрирован на другое лицо.
— Добрый день!
— Меня зовут Максим Максимович Пешков. Я — отец Марфы Пешковой. Вы познакомились с моей дочерью и предупредили о возможной поломке коробки передач. Благодарю вас. Информация подтвердилась. Прошу более не искать встреч с ней. Вы не её круга. И ещё. Скоро у вас возникнут проблемы, или, скажем, могут возникнуть проблемы. Можете обратиться ко мне. До свиданья.

И тут же связь прервалась.

Сухой голос. Вообще без эмоций. Как будто автомат голосовой. От этого ещё страшнее. Ни одной угрозы. Но она присутствовала. До дрожи в коленях.

Иван озадаченно посмотрел на телефон. Какие проблемы? От кого? Меньше всего хотелось их получить от Упыря.

Карабас-Барабас страшен, но в сравнении с Пешковым он — пешка. Мелкий хулиган из соседнего двора.

Иван, недолго раздумывая, записал номер телефона Пешкова в смартфон. На всякий случай переписал в блокнот. Телефоны он менял часто. И в блокнот он выписывал только самые нужные телефоны. Пешкова он записал в категорию «нужные».

Прежде чем сделать звонок, он собирал информацию о нём. В интернете было очень мало. Почти ничего. Пешков явно предпринимал много усилий, чтобы оставаться в тени. Если бы не его дочь, то его фотографий не было бы вообще. Даже статья в Википедии была удалена. В журналах о бизнесе предприятия, которыми он управлял, появлялись часто. Но о самой личности, не было ничего.

Пришлось встречаться с людьми, которые знают, слышали, догадываются о Пешкове. Пришлось добывать информацию опросом своих знакомых.

Картина складывалась мрачная. Акула капитализма, которая не гнушается ничем. Про таких говорят: «За копейку воробья в чистом поле на коленях насмерть загоняет».

Шёпотом, в ухо рассказывали, что он помогает с пересадкой органов влиятельным клиентам как отечественным, так и импортным.

Иван лишь усмехнулся, но принял к сведению. Не поверил. Мало ли что болтают. Зачем такому олигарху попутный криминальный бизнес.

И вот вчера, выпив для храбрости, он набрал номер Пешкова. Сказать, что не волновался — ничего не сказать. Щелчок пальцами Упыря — и от Ивана бы мокрого места не осталось. Лёгкое воспоминание. Ивану удавалось успешно скрываться от людей Карабаса. «Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл…» — постоянно крутилось у Ивана в голове. Ему казалось, что волна Удачи вновь с ним. И капризная мадам Фортуна повернулась к нему лицом. Хотя в подсознании в затылке билась мысль: «Если тебе кажется, что у тебя всё хорошо, значит, всё летит к чёртовой матери!»
— Семь бед — один ответ! — сказал тост Иван самому себе.

Выпил виски, перекрестился, три раза сплюнул через левое плечо, закурил. Взял колоду карт. Одной рукой перетасовал её. Положил на стол, снял колоду, из середины вынул карту. Туз червей.
— И это очень хорошо! — Иван улыбнулся.

Взял телефон, нажал на номер Пешкова.

После второго гудка ответил молодой женский голос:
— Личный номер Максима Максимовича. Чем могу помочь? — голос женский молодой, но без эмоций.

«Он их там специально дрессирует, чтобы так говорить?! Собаки перенимают привычки хозяев!» — подумал Иван.

Проглотил комок, вставший в горле внезапно от волнения.
— Добрый день! Это Иван… — он представился. — Максим Максимович сказал, что я могу к нему

обратиться, если наступят проблемы,— снова проглотил очередной комок.— Мне нужна личная встреча.
— Я передам. Вам можно перезвонить на этот телефон или на другой?
— Звоните на этот.
— Спасибо! Хорошего вам дня! — милый голос повесил трубку.

Иван от волнения выпил почти всю бутылку. Выкурил много сигарет, но хмель так и не взял. Вскипятил чайник, налил кофе. Курил, пил обжигающий кофе, смотрел в окно съёмной квартиры в Южном Бутово.

Через два часа зазвонил телефон.

С опаской, как будто с гранатой без чеки, он посмотрел на номер, кто звонил. Это был номер Пешкова.

Ответил:
— Слушаю.

Тот же голос:
— Максим Максимович готов завтра с вами встретиться в 14:00. Вам подходит?
— Да. Конечно,— голос предательски сел, в горле сухо, как в песках пустыни Каракумы.
— Записывайте адрес,— голос продиктовал адрес.

Иван на обоях записал адрес. Центр города. Это дорого. Очень дорого. Тот самый особняк, про который ему рассказывали.
— Передайте, что обязательно буду.
— Максим Максимович выдвинул одно условие встречи.

В груди что-то начало падать вниз, прошло через живот, остановилось в ступнях:
— Какое?
— Не пить алкоголь и не употреблять наркотики, ни сегодня, ни перед встречей. Вам понятно? Вас устраивает?
— Да-да, конечно. Я вообще не пью. И тем более не употребляю наркотическую гадость. Так и передайте Максиму Максимовичу.
— Спасибо, что поняли,— в голосе проскочила нотка иронии с запахом сарказма.— До встречи. Удачного вам дня! — отбой.

Иван аккуратно положил телефон на стол. Руки отчего-то предательски дрожали. Вытер пот со лба. Поёжился. Спина мокрая. Пот струйкой бежал между лопаток в трусы. Сигарету в зубы. Упёрся лбом в оконное стекло, невидящим взглядом смотрел во двор. Лоб охлаждался. Мысли приходили в порядок.

Прошёл в комнату, открыл сумку. Достал пакет. Вынул оттуда старую книгу. Погладил её. Дунул на обложку, сдувая невидимую пылинку. Улыбнулся. Это тот самый «джокер» в рукаве.

Первое издание «На дне» 1903 года. С посвящением художнику МХАТа Виктору Симову.

Иван достал второй телефон, который он приобрёл сегодня, позвонил:
— Это я. Привет. Встреча завтра в два. Да. В том самом особняке. Конечно, потом позвоню.

Снова поставил кофе. Коль, нельзя пить, значит, кофе! Вспомнил предысторию «джокера».

Когда Иван понял, что загнан людьми Карабаса в угол, начал искать выход, куда сбежать. Ему предлагали уехать в Сибирь, обещали устроить и на судно, что грузы таскает по Енисею, в шахту, на железную дорогу, он всё откинул. Из Москвы в Сибирь? Разве он похож на декабриста?! Если уж бежать, так за границу!

Но на пограничных переходах Ивана уже занесли в «чёрный список». Не выпускать! Задержать! Немедленно сообщить! Это всё равно, что прийти к Карабасу.

Иван сидел за столом со своим знакомым по институту Андреем, думали, как помочь вырваться Ивану. Андрей получил грин-карту в США. И уже сидел на чемоданах.
— Против лома нет приёма, если нет другого лома.— Иван был хмур.
— Значит, надо найти союзника, кто может сказать Барабасу, чтобы тот не рыпался. ФСБ, ФСО?
— У меня нет выхода на такие связи. Так, пару оперов знакомых. Когда спросил у них, они отмахнулись. Нет таких связей.— Иван тяжело вздохнул.
— Можешь перейти границу с Казахстаном. У меня есть знакомые контрабандисты. Водку, коньяк таскают оттуда, потом здесь по красивым бутылкам разливают, по всей стране в модные магазины и рестораны пристраивают. Качество хорошее, прибыль тоже приличная. Из Астаны улетай по всему миру. Можно в Монголию. Также козьими тропами.
— Не хочу. Можно попасться. Потом ещё и посадят. Надо иначе.
— Значит, надо искать более весомую фигуру.

Долго перебирали известных и не очень людей, кто мог бы помочь в переходе. Вспомнили и про Пешкова.

В голове у Ивана забрезжила мысль.
— А знаешь, Андрюха, а ведь с ним может и всё получиться!

Андрей внимательно посмотрел на Ивана:
— Ты головой сегодня не ударялся?

Иван улыбнулся:
— Всё в порядке. Но мне понадобится твоя помощь.
— Нет времени. Мне в Нью-Йорк лететь надо. Билеты на руках.
— Ничего страшного. Билеты сдашь, полетишь с Ираклиона или Афин.
— И чего я в этой дыре забыл?!
— За тобой должок есть. Напомнить, если забыл? — Иван стал серьёзен.
— И какой это?
— Курс второй. Ты продавал первокурсникам таблетки кофеина под видом экстази.

— Ну они же потом в ночных клубах скакали, как молодые козлики.— Андрей самодовольно улыбнулся, вспомнив этот случай.
— Когда тебя повязал наркоконтроль, то хотели возбудить дело по мошенничеству. Кто тебя вытащил? Кто договорился? Напомнить?
— Ну ты,— вздохнул Андрей.
— Курс третий. Ты подрядился поработать «мулом». Деньги забирал в банке по подложным документам. В определённом месте менял на валюту, относил хозяину. Почувствовал слежку. Тебе в голову приходит гениальная идея. Коль мы с тобой со спины похожи, то сходили в парикмахерскую, одинаковая одежда, одинаковые рюкзаки. Сработало. Я получил ушиб головного мозга и всего организма. Три недели в больнице, а ты сбежал на пару месяцев на Украину, где трескал горилку с галушками, пампушками, варениками, салом, снимая стресс, щупал грудастых хохлушек. Было такое? Меня убить могли за нарезанную газету в рюкзаке. Но я тебя не сдал. Так как?
— Ладно. Убедил.— Андрей вздохнул, поняв, что от Ивана не отделаться.
— Курс пятый,— продолжил Иван.— Твоя первая жена — дочка олигарха, и ты умело залез в карман к тестю…
— Всё! Хватит! Говори! Я же сказал, что помогу!— Андрей вспыхнул.
Иван почесал лоб.
— Помнится, ты говорил, что у тебя есть первое издание «На дне» Горького.
— Ну есть, и что? Тебе-то какое дело?— Андрей напрягся.
— Отдай мне!
— С какого перепуга? Я его на интернет-аукцион выставлю. Штуку баксов «срублю» по любому.
— Андрюха! «Буревестник революции» — это не актуально! Посуди сам, кому он нужен. Тем более про нищих до революции! А у меня будет бонус. Расскажи, как книжка тебе досталась? Предмет же с историей!
— Горький написал эту пьесу в 1902 году. В том же году поставили на сцене МХАТа. И был там художник Симов. Это он придумал лестницу наверх и прочее. Символизм. Реалистично. В следующем году вышла книга. Горький подарил Симову. В 1935 году Симов умирает. В 1937 году его дальнюю родственницу репрессируют и отправляют в Красноярский край. Она с собой берёт эту книгу. Преподаёт в деревенской школе. В семидесятых возвращается в Москву. Умирает. Книга переходит моей тёте. А она мне.
— Сам-то читал?
— Э-э-э! Так. По диагонали.— Андрей махнул рукой.— Сейчас всё жёстче.
Иван что-то чертил на бумаге.
— А теперь расскажи, что ты хочешь делать? Ну придёшь ты к Пешкову. Подаришь или продашь книгу. А дальше? Скажешь, чтобы тот сделал «окно» в Домодедово или Шереметьево? Ему какой резон это делать для тебя?
— Хорошо мыслишь, Андрюха! Очень хорошо! Я у него денег попрошу в долг.
— С дуба рухнул? Пол-Москвы знает, что ты должен вагон денег. И зачем ему тебе давать в долг?
— Для игры в покер. Турнир на Крите будет. Все известные игроки бывшего СССР туда едут. Вот и я хочу попытать счастья.
— Я бы не дал!— Андрей смотрел на Ивана как на идиота.
— Я бы тоже не дал.— Иван криво ухмыльнулся.— Но! Есть залог в случае проигрыша.
— Какой? У церковной мыши больше, чем у тебя.
— Я сам.— Иван закончил вычерчивать на бумаге, откинулся на спинку стула.
— Не понял.
— Я пообщался с народом. Все утверждают одно, что Пешков — очень серьёзный игрок на рынке чёрной трансплантологии. Он получает заказы, очень много из-за рубежа, и ищет. На него много врачей работает.
— И?
— Вот и я готов ему в залог почку предложить. Четвёртая группа крови с отрицательным резусфактором.
Андрей на него внимательно смотрел.
— Ты точно с ума сошёл. Окончательно.
— Нет. Не сошёл.— Иван улыбался.— Ты не игрок. Не умеешь блефовать и ходить ва-банк. Смотри!
Иван пододвинул листок, на котором он чертил.
— Первое. Мне нужно вырваться за границу. Пешков может помочь. Легенда — покер.
— Ему нужны гарантии, что ты не смотаешься.— Андрей недоверчиво смотрел то на листок, то на Ивана.
— И он отправляет со мной одного из своих громил «Быка из лички»,— перехватив взгляд Андрея, пояснил.— Телохранителя из личной охраны. Летим на Крит. Там он отбирает у меня паспорт, чтобы я не сбежал. Твоя задача, пока я буду отвлекать — найти паспорт. Мы с тобой сделаем одинаковые причёски. Я же говорю, что со спины очень похожи. Одинаковая одежда, одинаковые плавки. Пока ты будешь в море затылком отвлекать, я сматываюсь. Как тебе?
Андрей молчал, рассматривал графики и пошаговые алгоритмы. Там были указаны боковые ответвления от основной линии, но затем все возвращались к основному плану.
— Чистой воды безумие. Если даже убежишь, то Упырь тебя в любой точке достанет, с его-то возможностями.
— А мне нечего терять. Или в Сибирь ехать, в забой шахтёром, или на пароход. Романтика! Кругом тайга, клещи, комары. Ты вообще можешь представить меня в шахте?

Андрей внимательно посмотрел на Ивана. Покачал головой.
— Не могу представить.
— Вот и я не могу. Ты ничем не рискуешь. Главное, чтобы близко не отсвечивал до поры до времени. И тут я разработал целую систему.

И Иван начал рассказывать, как они будут поддерживать связь. Андрей был против авантюры, Но друг настаивал.

Они сходили в парикмахерскую. Их одинаково подстригли. Андрею чуть волосы подкрасили. Добавили той седины, что у Ивана появилась за последний год. Затем был поход в магазин. Одинаковая пляжная и верхняя одежда, включая кепки, очки, тапочки, полотенца.

Разошлись по домам. Иван позвонил Пешкову.

Вот и ехал Иван на встречу к Пешкову. Наглажен, побрит. Чистая поглаженная одежда. Рожа постная, благостная.

На воротах особняка охрана. Представился. Сверились со списком. Взгляд тяжёлый, сверлит. Всё молча. Кивнул, проходи через рамку металлоискателя. Что-то зазвенело. Ручным металлодетектором поводил вдоль тела Ивана. Звенело что-то в кармане. Иван достал, показал телефон.

Охранник сначала удовлетворённо кивнул, потом мотнул головой — проходи. Ни звука, ни слова.

На входе в особняк ещё один пост. Представился. Сверились со списком. Теперь просто ручным детектором прошлись. Иван сразу достал телефон, положил на стойку. Когда досмотр был окончен. Охранник кивнул ему:
— Следуйте за мной.

Особняк был дореволюционной постройки. И этот дух был сохранён. Было видно, что его ремонтировали, но максимально старались избежать современного стиля. Мраморная лестница была покрыта красной дорожкой. Двери в помещения были массивными, из цельного куска древесины. Даже окна были не пластиковыми, а с деревянными рамами. Никаких жалюзи — только тяжёлые шторы-портьеры. За дверями слышались приглушённые голоса, но никого в коридоре не встретили.

Приёмная. Большая, светлая. И тоже всё выдержано в старинном стиле. Даже лампа на столе у секретаря, как из кино — с зелёным абажуром.
— Добрый день! — приветствовала она.

Тот самый голос, из телефона. Молодая, лет двадцати. Модельная внешность. Но одета… Блуза белая с рюшами, рукава такие же. Волосы белые в хвост сзади. Соответствует интерьеру особняка. Тоже, как барышня из начала прошлого века. За полуоткрытой дверью сидит охранник. По размеру — как платяной шкаф. И с такими же эмоциями на лице.
— Вы исполнили просьбу Максима Максимовича? — девушка внимательно смотрит на Ивана.
— Да-да. Конечно. Я всё сделал, как вы сказали, — руки предательски вспотели.
— Очень хорошо. Проходите. Вас ожидают, — она показала на дверь.

Иван на ватных ногах пошёл, открыл массивную дверь. Большой кабинет. Стены не покрашены, а в панелях из ткани. Тёмно-зелёная с золотыми коронами. Всё в стиле двадцатых-тридцатых годов прошлого века. Слева большой длинный стол со стульями. Хозяин сидит за старинным двухтумбовым столом. Резной орнамент. За его спиной большая фотография на стене. Горький работает за… этим столом. Сомнений нет. Это один стол.

И сам Пешков внимательно смотрит на Ивана поверх очков. Долгий, тяжёлый взгляд.

Иван остановился на середине кабинета. Внутри всё дрожало, он был готов развернуться и выйти.

Пешков встал, вышел из-за стола, пошёл навстречу. Первым протянул руку:
— Здравствуйте, здравствуйте! Вы без опозданий, — он посмотрел на свои наручные часы.

Старые «Командирские» на металлическом браслете — ровеснике часов. И часы, и браслет в мелких царапинах. Было видно, что старые часы. На циферблате какая-то гравировка.
— Присаживайтесь. — Пешков показал на отдельно стоящий небольшой приставной столик у стены.

Иван расположился. Стул тяжёлый, подушка как будто набита конским волосом. Плотная, упругая, не продавишь. Хозяин напротив.
— Прежде чем мы начнём разговор, позвольте задать вам один вопрос. Прошу отвечать честно. От этого зависит, как дальше сложится разговор и отношения.
— Конечно. — Иван тяжело сглотнул слюну.
— Когда вы встретились с Марфой и сказали, что у неё неисправна кпп, вы её испортили?

Иван вздохнул, задержал на секунду дыхание, как перед прыжком в воду:
— Да. Я. Бросил несколько монеток в селектор и в ручной тормоз, — выдавил из себя Иван.
— Зачем? Позвольте полюбопытствовать. — Пешков смотрел заинтересованно и чуть насмешливо.
— Хотел привлечь внимание вашей дочери к себе.
— Понятно. Спасибо за правду. Значит, сервис наказывать я не буду. Люблю правду. И также спасибо за понимание, когда я попросил вас не приближаться к дочери. Вы — игрок, но с головой дружите. Вернее, дружили.
— Что вы имели в виду, когда сказали, что у меня начнутся проблемы? — Иван взял себя в руки и напустил бесстрастное выражение лица, как при игре в покер.

Только ладони потели, и спина была уже мокрой от волнения.
— А то и имел в виду, что вы всё проиграете. И мне не хотелось, чтобы моя дочь в вас влюбилась. И вы промотали все её и мои деньги. Это зависимость.

Болезнь. Так, я вас слушаю.—Пешков смотрел в глаза.
— Ну, для начала я бы хотел вам вручить небольшой презент.—Иван достал из рюкзака книгу.

Аккуратно вынул из тряпицы. Передал Пешкову. Тот заинтересованно смотрел. Но когда увидел обложку, покраснел. Открыл книгу, прочитал посвящение. Снял очки, они повисли на шнурке. Поднёс поближе к глазам. Потом порывисто встал, перешёл за рабочий стол. Из выдвижного ящика достал увеличительное стекло, внимательно рассматривал надпись. Потом полистал книгу. На некоторых страницах через линзу что-то рассматривал. Возбуждённо потирал подбородок.

Иван тоже встал и подошёл к столу. Ещё раз посмотрел на фото за спиной:
— Это тот самый стол, что на фотографии?—кивнул он на стену.
— Да. Тот самый.—Пешков не отвлекался от изучения книги.—С Капри привёз. За этим столом Максим Горький закончил свой роман «Мать» и написал «Исповедь» и итальянские рассказы. Тот самый. И в этом особняке он бывал неоднократно.—Пешков не отрывался от изучения книги.

Закончив, Максим Максимович убрал увеличительное стекло в стол. Бережно закрыл книгу, положил на неё руку:
— Сколько за неё хотите?
— Ни сколько.—Иван продолжал стоять перед ним.—Для меня она не представляет никакой ценности. Только материальную. Вам она нужнее. Было предложение отправить её за границу. Но я отказался.

Пешков молчал, рассматривая Ивана.
— И всё-таки, чего вы желаете? Для чего пришли?
— Пришёл одолжить у вас некоторую сумму денег.
— Какую?
— Пятьдесят килобаксов.
— Конечно!

Пешков взял старинную ручку с пером, обмакнул в чернильницу, вмонтированную в стол, написал на кусочке бумаги и передал Ивану.

Бумага для заметок, плотная, почти как тонкий картон, мелованная. Каллиграфическим почерком, с завитушками было написано «50 килобаксов».

Иван усмехнулся.
— Молодой человек, русский язык очень богат, а вы его коверкаете. Ещё раз. О какой сумме идёт речь?
— Максим Максимович,—выговаривая каждый звук чётко,—прошу вас одолжить мне пятьдесят тысяч долларов США.
— Вот теперь мне предельно понятна суть вашей просьбы. Но позвольте узнать, для чего вам такая немалая сумма? Уж не для игры ли?
— Для игры.—Иван кивнул.—На Крите будет неофициальный турнир по покеру. Есть желание принять там участие. Деньги мне понадобятся на две недели.
— Понятно.—Пешков задумался.—Чем будете рассчитываться в случае проигрыша? Я не ваш прежний кредитор, от которого вы бегаете по всей Москве.
— Почку. У меня редкая группа крови.
— Я в курсе, какая у вас группа крови, чем вы болели, какие у вас прививки и какой образ жизни вы ведёте. Про вас мне известно всё. Ну, или почти всё. Но почка стоит десять, максимум, пятнадцать тысяч. Остальные?
— Не знаю.—Иван пожал плечами.
— Давайте поступим следующим образом. Сейчас вы проедете с моим человеком в медицинский центр. Там вас обследуют.

Перехватив взгляд Ивана, улыбнулся:
— Нет, никто не собирается у вас отнимать почку или иной орган. Просто всестороннее обследование. Бесплатно. Оборудование новейшее, специалисты прекрасные. Заодно и сами узнаете про себя многое. Обследование займёт пару дней. Так что давайте с вами встретимся через два дня, скажем, часов в шестнадцать. Вы согласны?

Иван пожал плечами.
— Конечно.
— Ну и хорошо.

Нажал на кнопку селектора:
— Слушаю, Максим Максимович,—голос секретаря.
— Свинцова ко мне. Пометь, что через два дня на шестнадцать часов у меня встреча с Иваном… (назвал полностью фамилию, имя, отчество), и пригласите Игоря Юрьевича на эту встречу. Стандартный договор. На пятьдесят тысяч долларов США.

Открылась дверь, вошёл тот самый «шкаф», которого видел Иван в приёмной.
— Всё поняла, Максим Максимович, записала.
— Вот и всё, юноша. Мой сотрудник вас проводит на обследование.—Пешков встал, чтобы попрощаться.
— Ещё один нюанс, если позволите.—Иван оглянулся на Свинцова.
— Обожди в приёмной, он сейчас выйдет.—Пешков кивнул охраннику.

Тот бесшумно вышел. Удивительно, что при таких внушительных габаритах тот мог бесшумно ходить.
— Дело в том, что я должен некоторую сумму…—начал Иван.
— Знаю.
— И в связи с этим мне закрыт выезд за рубеж. Но знаю, насколько вы влиятельный человек,—польстил Иван Пешкову,—вы можете снять блокировку.

Пешков на мгновение задумался, будто прикидывая, кто сможет это устроить:

— Да. Полагаю, что можно устроить. Но, как вы сами понимаете, я не смогу вас отпустить без сопровождающего.
— Конечно, — кивнул Иван.
— Вот он, — указал пальцем на дверь. — Свинцов и присмотрит за вами, и соблазнов заодно вас лишит, иллюзий сбежать за границу не рассчитавшись. Это понятно?
— Разумеется. — Иван подал руку.

Пешков вышел. Пожал её. Обернулся, посмотрел на книгу:
— За книгу — отдельная благодарность. Я вам потом озвучу. Удивили. Я о ней слышал, но думал, что пропала, сгинула в лихолетье. Ан, нет. Нашлась. Спасибо. Тронут! — сильно сжал и тряхнул кисть Ивана.

В приёмной Ивана ждал Свинцов.
— Следуйте за мной, — и пошёл вперёд.
— До свиданья, юная прелесть! — Иван расшаркался перед секретарём.
— До свиданья! Удачного вам дня! — она улыбнулась, голос по-прежнему без эмоций.

Иван вышел вслед за охранником. Догнал его.
— Меня Иван зовут. А тебя как? — протянул руку.

Свинцов остановился, тяжёлым взглядом сверху вниз посмотрел на Ивана:
— Свинцов.
— Имя-то у тебя есть, Свинцов? — Иван держал руку в надежде, что он пожмёт её.
— Имя есть. Но для тебя — Свинцов, — он посмотрел на протянутую руку Ивана, развернулся и пошёл по коридору. Иван следом. Вышли через запасную дверь особняка, на задний двор. Сели в машину, поехали. Иван сел сзади. Свинцов молчал всю дорогу.
— Свинцов, тебе бы в покер играть с таким лицом. Никто не поймёт, какие у тебя карты на руках. Блефуешь или поднимаешь ставки правильно. Не играешь?

Молчит Свинцов. Ноль реакции.
— Хочешь, научу.

Снова молчит.

Через полчаса добрались до медицинского центра. Последнее время о нём постоянно крутили рекламу.

О прибытии знали. Ивана сразу взяли в оборот. мрт, кт, брали кровь, флюорография лёгких, каждый шрам, родинку фотографировали, рассматривали в большом увеличении на компьютере. Кардиограмма обыкновенная, с нагрузкой на беговой дорожке. Давали пить какие-то таблетки. Через полчаса забор крови. Всё молча, сосредоточенно, очень технично. Свинцов стоял рядом. Было видно, что он здесь не впервые. И так несколько часов.

Свинцов отвёз его домой. Адрес даже не спрашивал. Молча. Даже радио в машине не включал.

Когда Иван выходил, тот, не поворачивая головы, бросил:
— Завтра в семь ноль-ноль я приеду. Натощак быть. Сегодня алкоголь и наркотики не употреблять. Воздержаться от курения.

Иван сел у подъезда, закурил. После того как он вошёл в особняк, он не курил. Из тени подошёл Андрей:
— Ну и как прошло?
— Нормально. Пока нормально. Через два дня подписываю договор и под конвоем гориллы Свинцова улетаю на Крит. Ты там должен быть. Отель «Мирамар». Там будет турнир.

Иван растёр шею. Покрутил головой.
— Что, чует шея, в какую петлю ты голову засунул? — Андрей был серьёзен.
— Чует, чует, брат Андрюха. Судя по тому, как они меня обследовали, то в случае неудачи я лишусь не только почки, но и всего организма. Поэтому, Андрей, как брата прошу — помоги.
— Я же здесь. Значит, помогу. — Андрей был серьёзен.

Помолчал.
— Ты точно уверен, Иван, что другого выхода нет? Может, всё к чёрту — и в Сибирь, а? Живут же там люди, не умирают. Не обязательно в забой, если у тебя клаустрофобия.

Иван устало улыбнулся. Вынул колоду карт, одной рукой перетасовал, вынул карту из середины.
— Джокер. Значит, всё в моих руках. Всё будет хорошо! — удовлетворённо улыбнулся. — Я же говорю, чувствую, что удача вновь со мной.
— Ну да, я помню, когда ты мне в три часа ночи звонил и просил перехватить штуку баксов. Не было у меня тогда. И каков у тебя тогда итог был? В пух и прах, в ноль! — Андрей был мрачен.

Иван молчал, крутил, тасовал колоду карт.
— Ладно, Андрюха. Помоги. Один раз. В первый и последний.
— Помогу, Иван. Помогу!

Они попрощались. Андрей ушёл, Иван поднялся к себе.

Утром Ивана забрал Свинцов и отвёз в медицинский центр, где до обеда продолжилось его интенсивное обследование. На все вопросы о состоянии своего организма врачи лишь молчали, когда Иван настаивал, отвечали как под копирку:
— Вам потом всё расскажут. А сейчас помолчите, не мешайте работать.

Свинцов по-прежнему молчал. Отвёз домой.

Иван прибыл в назначенное время в знакомый особняк. Его сразу провели к Пешкову, уже безо всяких досмотров.

В кабинете были Максим Максимович, Свинцов, незнакомый мужчина в дорогом костюме. Часы у него были швейцарские, в золотом корпусе из последней коллекции. Пик моды в богатых кругах Москвы. Их стоимость начиналась от ста тысяч евро. Но как незнакомец держался подчёркнуто зависимо от Пешкова, его весь внешний лоск

и дорогие часы меркли перед потёртыми «Командирскими».
— О! Здравствуйте, здравствуйте, Иван! — Пешков первым шагнул к Ивану.

Улыбается. Жмёт руку.
— Знакомьтесь. Нотариус Игорь Юрьевич. Очень. Очень грамотный специалист. Если что понадобится — поможет. Так вот. Обследование вы прошли. Абсолютно здоровы. С чем вас и поздравляю. Редко, знаете ли, в наше время встретишь здорового молодого человека. Я подготовил договор займа. И тот самый подарок вам. Скажем, алаверды за книгу! — он выдержал паузу. — Я занимаю вам деньги без процентов. Вот так! — он сам гордился своим поступком, ждал от Ивана реакции.
— Спасибо! Спасибо вам! — Иван тряс руку благодетеля.
— Читайте договор.

Иван начал читать. Все пункты. В случае невозврата денег Иван обязан передать одну свою почку, выступить донором костного мозга и передать роговицу глаза. Пот холодный побежал по спине.
— А деньги? — оторвался он от «увлекательного» чтения.
— Вот платёжные документы о перечислении пятидесяти тысяч долларов в фонд турнира. Код доступа и подтверждения вашего участия находится у вашего телохранителя. — Пешков кивнул на Свинцова.

Тот лишь наклонил голову в знак согласия.
— И помните про мою просьбу насчёт перехода, — напомнил Иван.
— О! Об этом не беспокойтесь. При отлёте завтра ночью из Домодедово к вам не будет никаких претензий, равно как и при возвращении на Родину, — заверил его Пешков. — Если вдруг пойдёт какой-то сбой, то Свинцов всё решит.

Свинцов снова чуть наклонил голову в знак согласия.

Иван вздохнул, выдохнул и начал подписывать каждую страницу договора займа.
— Ну и в качестве ещё одного бонуса за книгу я оплатил вам дорогу. Билеты у Свинцова. Вылет сегодня ночью. Надеюсь, с визами у вас всё в порядке?
— Конечно. Шенген на два года ещё.
— Вот и прекрасно. Желаю удачи на турнире! — Пешков простился с Иваном.

Нотариус не сказал за всю встречу ни слова.

Со Свинцовым вышли из кабинета. Тот бросил:
— В двадцать ноль-ноль стоять на улице, я заеду. Паспорт не забудь! Не пить! Сделал дело — бухай смело! Сейчас — ни капли!

Сумка у Ивана уже собрана. Пообедал. Нервы были взвинчены. Кофе, сигарета. Сигарета, кофе. Взял колоду карт, стал тасовать, периодически вытаскивал карту. Постоянно выпадала червовая масть. Всё к удаче, всё к успеху. Кусочек тонкого картона с красным сердцем действовал успокаивающе. Отпускало внутри груди. Комок рассасывался.

Посмотрел на часы. Пора. На пороге оглядел комнату. Ему сюда больше не возвращаться. Что-то вдруг защемило, заныло, потянуло за ложечкой. Стало так тоскливо. Он же и на Родину тоже не вернётся. Никогда.

Помотал головой, отгоняя мрачные мысли. Присел на пуфик в коридоре на дорожку. Перекрестился:
— С Богом!

Вышел на улицу. Там стоял уже автомобиль. На переднем пассажирском сиденье восседал Свинцов. Водителем был похожий «шкаф». Сел в машину, двери заблокировались. Ни слова приветствия, ни слова за всю дорогу. Даже Свинцов с водителем не переговаривались. Молча. Без радио. Свинцов только всю дорогу крутил головой, отслеживая дорожную обстановку. Был настороже.

Вот и аэропорт «Домодедово». Свинцов молча пожал руку водителю, забрал свою сумку из багажника. И снова бросил Ивану:
— За мной. Не отставай. Все очереди на погранконтроле и таможне за мной.

У Ивана опять вспотели ладони. Вот он — шаг к Свободе!!!

Пограничник взял паспорт, полистал, посмотрел по базе. Снова посмотрел на Ивана, на Свинцова, что стоял рядом. Никаких эмоций. Молча отдал паспорт. На таможне тоже не было никаких проблем.

У Ивана бешено колотилось сердце, а вдруг… Вдруг не получится!!! Прошли!!! В горле от волнения пересохло. Захотелось выпить.

Свинцов будто прочитал мысли Ивана, обернулся и отрицательно помотал головой.

Иван думал про себя:

«Фу! Успокойся! Первый шаг сделан! Всё по плану. Чего дёргаешься! Тебе сейчас самому трезвая голова нужна! Спокойствие! Тихо! Не вызывай подозрение!»

Нашёл место, достал планшетник, стал играть в покер. Тренировка! Свинцов безразлично скользнул взглядом по Ивану, отошёл, кому-то позвонил. Вернулся, сел рядом с Иваном.

Иван смотрел в иллюминатор, когда самолёт делал разворот над ночным городом. Казалось, что хотел запомнить навечно этот город. Холодная тоска заполняла его. Понимал, что всё. Уезжает навсегда. Глупо. В карты проиграл свою судьбу.

Откинулся, закрыл глаза. С другой стороны, он убегает от кредиторов и Карабаса-Барабаса! Адьос, амиго! Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл! И от тебя, Упырь, тоже уйду!

В самолёте люди начали праздновать свой отпуск. Весело, непринуждённо! Год назад он тоже точно так же, как все, гулял бы со всем самолётом.

Но всё изменилось. И теперь этот шум мешал ему. Отвлекал от мыслей, от шлифовки плана. И надо спать. Надо спать!

Уснул. Надо беречь силы. Не отдыхать же он едет, в конце-то концов!Свинцов толкнул больно в бок, когда самолёт пошёл на снижение. Просыпайся. Ранее утро. Безоблачное небо. Лазурная гладь моря от горизонта до горизонта, и только остров приближается. Эх! Красиво!

В аэропорту многие пассажиры из их самолёта побежали в дьюти фри за алкоголем. Свинцов шёл рядом с Иваном, не отпуская от себя на дистанцию больше двух шагов. Было видно, что он очень напряжён в толпе пассажиров, предвкушающих отдых. Боялся, что подопечный убежит. Автобус. Гостиница. Номер на двоих.

Иван опасался, что им дадут одну большую кровать. Нет. Две нормальные кровати, стоящие поодаль друг от друга.

Только вошли в номер, Свинцов резко выпалил:

— Отдай паспорт!

— Мне ещё на турнире нужно зарегистрироваться!— возразил Иван.

— Я сам тебя зарегистрирую. Код активации счёта у меня!— Свинцов протянул огромную ладонь.

Иван помялся и отдал паспорт.

— А если полиция остановит? Что делать?— поинтересовался на всякий случай Иван.

— Не быкуй. У тебя ваучер из отеля есть. Я буду рядом — объясню полицейским.

Паспорт Ивана убрал в маленькую сумку, рядом со своим.

Иван посмотрел:

— Ну всё! Я на пляж!

— Какой пляж?— грозно спросил Свинцов.

— На каменистый! Завтра турнир начинается. Надо хоть позагорать, покупаться!

— Никуда ты не пойдёшь!

— Свинцов! У тебя голова на плечах не только, чтобы в неё есть! Там есть мозг. Подумай. Остров. Паспорт мой у тебя. Куда я денусь? Плаваю я неплохо, но не смогу уплыть. Не смогу. Даже если сильно постараюсь. И тебе место займу. С полотенцами там бесплатно. Лежаки денег стоят. Иди. Регистрируй меня. Пить не буду. Мне завтра играть!

Свинцов задумался.

Иван пошёл в ванную комнату, переоделся. Взял два пляжных полотенца, перекинул через плечо, пошёл на выход.

Вышли вместе. На лифте спустились вниз. Иван пошёл на выход, а Свинцов направился к стойке, где на многих языках было написано: «Регистрация на турнир по спортивному покеру».

Рядом с входом сидел в тени Андрей. Пошли рядом. Иван быстро обрисовал ему диспозицию. Задача была простая у Андрея. Смотреть за Свинцовым. Если он выйдет из номера без сумки с паспортами, то проникнуть в номер и забрать паспорт Ивана. Если с сумкой, то на пляже, пока Иван будет отвлекать внимание карточными фокусами или утащит купаться Свинцова, изъять паспорт Ивана.

Настроение у Ивана было прекрасное. Он сумел просчитать пока все ходы противника. И это хорошо!

Море, остров, красивые девушки вокруг! Эх! Хорошо! Вдохнул полной грудью морской воздух. Прекрасно! Всё идёт замечательно!

Занял места. Расстелил два полотенца. И в воду! Плавал долго. Пока не обратил внимание на стоящего у воды Свинцова. Тот, как глыба, возвышался, привлекая к себе внимание.

Иван вышел из воды. В руках у Свинцова была сумка. Понятно. Паспорта при нём.

Иван показал ему места, которые он занял. Свинцов поднял полотенце, внимательно его осмотрел с двух сторон, потом камни под ним, встряхнул и постелил.

— Расслабься, Свинцов! Смотри, какая красота кругом!— Иван широким жестом обвёл море.— Пошли купаться!

— Не пойду!— буркнул Свинцов.

— Ну и зря! Значит, ты плавать не умеешь! А я пойду!

И снова пошёл купаться. Когда проходил через толпу отдыхающих у кромки воды, сказал Андрею:

— Сумка при нём. Подбирайся ближе. Но он как пёс цепной. Осторожно!

И пошёл плавать. Плавал всласть. И на спине и брасом, «саженками». До усталости. До ломоты в мышцах. Но не так, чтобы устать. Если всё получится, то ему предстоит большой ночной пеший переход. Разминался от долгого сидения в квартире, в самолёте, выгонял из себя стресс и страх, который копился в нём последние месяцы.

Упал на полотенце! Хорошо!

Свинцов, похоже, тоже немного расслабился. Понял, что Ивану нужно только купаться. Поза не такая напряжённая. Через солнцезащитные очки рассматривает девушек.

Со стороны моря раздался звук скутеров и лодок. Иван приподнялся. Многие отдыхающие смотрели на море. Мало развлечений. А тут несколько быстроходных резиновых лодок с людьми, два скутера. Все неслись, не сбавляя хода, хотя рядом плавали самые отчаянные одиночки, рискнувшие заплыть прилично далеко от берега.

— Свинцов, посмотри!

Иван хотел отвлечь внимание конвоира, чтобы тот отвлёкся, а Андрей стянул паспорт.

Свинцов уже всматривался. Снял очки, приложил руку козырьком.

— Не знаю, но я бы, на всякий случай, ушёл в отель. Там стены есть. Охрана, какая-никакая, присутствует.

Тем временем лодки и скутера врезались в толпу отдыхающих, что стояли у берега. Тут же со стороны отеля по пляжу раздались автоматные очереди. Прибывшие с воды, также открыли огонь из автоматического оружия.

— Ложись!

Свинцов упал на живот, прикрывая голову руками. Иван упал рядом, отследил, что Андрей утащил сумку с паспортами. Ну и правильно. Нет времени вытаскивать паспорта. Потом разберёмся. Андрей лежал, сумка была под ним. Он встретился глазами с Иваном и поднял большой палец вверх. Со стороны не видно.

Волна адреналина захлестнула Ивана. Это было так похоже, когда он в покер отчаянно блефовал. Поднимал ставку и выиграл! Но сейчас это было ещё сильнее!

Люди в просторных чёрных одеждах, с обмотанными лицами шли по пляжу, расстреливая людей. Первыми, кто бежал, а потом и как на убой, в тире — лежащих на земле. Крик, вой, стон, визг вперемешку с грохотом очередей. Самый последний шёл знаменосец. Чёрный флаг с белой арабской вязью.

Свинцов подобрал руки под себя, подтянул колени.

— Свинцов, ты что, бежать собрался? — удивился Иван.

— Я — голый. Волыны нет. А с голыми руками на автомат не попрёшь! Пока на нас не смотрят! Ходу!

Иван наугад вытащил карту из колоды. Джокер!

К ним приближался стрелок. В руках у него была американская автоматическая винтовка M16. Он явно наслаждался стрельбой. Что-то кричал на восточном языке.

— Так убьют же! Камни есть! — Иван подтянул под себя большой камень, почти в человеческую голову.

— Сам воюй камнями! И беги за мной! Это приказ!

Иван молча наблюдал за стрелком. Вот он пошёл вправо от него, заметив крупного мужчину в купальных шортах, расписанных под американский флаг, что-то крича ему.

Иван схватил камень, вскочил, пролетел несколько метров, за грохотом, царящим на пляже, не было слышно, и со всей силы ударил по голове.

Раздался неприятный хруст. Голова лопнула. Иван схватил винтовку, упёр в бок поверженного противника и выстрелил. Тело дёрнулось и замерло.

Поначалу никто и не обратил внимание на произошедшее. Казалось, что время растянулось. Иван понимал, что это лишь секундная заминка. Вскинул винтовку, нашёл цель и выстрелил. Боевик завалился на бок. Какой-то мужик, схватил камень и ударил лежащего фанатика камнем по голове. Схватил оружие мёртвого и сильно матерясь по-русски, начал стрелять в нападавших. Иван выцелил ещё одного и выстрелил. Тот упал.

Что-то большое, сильное, колючее толкнуло его в спину. Падая, он видел, как винтовка вылетает из его рук и какая-то девчонка подбирает её.

«Красивая!» — подумал Иван, теряя сознание. В одном самолёте летели. Тогда он приметил её. Одна летела.

Последнее, что увидел Иван, как девушка с колена стала стрелять.

Ментор

Иван был ещё в пылу схватки, когда очутился в своей «темнице». Первым делом заорал:

— Ментор! Ты видел?! А! Как я троих уложил! Ты видел?! Чего ты меня так рано забрал-то? Я бы столько жизней спас! А потом бы и в покер сыграл! А ты?! Эх! Не знаешь, не чувствовал ты никогда вкуса победы!

Замолчал. Огляделся. Он был один. Неужели всё? Неужели ушёл он? И я вот так один? Навсегда?

Боевой запал кончился враз. Осёкся Иван. Ему стало страшно. И очень холодно внутри себя.

Он вспомнил слова Ментора:

— В аду есть компания. Ты страдаешь не один. Можно с кем-то поговорить. Обсудить свои и чужие страдания с соседями. Поговорить с теми, кто причиняет боль твоей душе. А здесь… ты один. Навеки.

Иван просто молчал, ожидая дальнейшего. Его, наверное, сейчас снова закинут проживать очередной «вариант жизни», от которой он добровольно отказался.

Безнадёжность охватила его. Откуда-то сбоку появилось небольшое облачко. На Ментора не похож. Оно висело чуть сбоку от Ивана. Потом стало расти, приобретая расплывчатые черты. Знакомые черты!

— Мама?! — осторожно воскликнул Иван, словно боясь, что облако мамы улетит, испугается.

— Да, Ваня, да! Это я! — ответило облако.

Слёзы душили его. Он рванулся, но пролетел сквозь маму.

— Нельзя тебя обнять, — мама смотрела на него печально.

— Мама! Мама! Как много мне надо тебе рассказать!

— Подожди, Ванечка. Очень мало времени.

— Очередной «вариант»? — тяжело, обречённо вздохнул Иван.

— Не вариант. Я долго просила. И меня услышали. Ты постоянно обманывал людей. Так нельзя! Никогда! Вот и сейчас…

— Да, я бы убежал…

— Никуда бы ты не убежал! — прервала его мать. — На следующий день Свинцов бы отвёз тебя в клинику на острове. Там уже семь человек ждали твоих органов. Ты бы не вышел. И деньги Свинцов вернул Пешкову, вычеркнув тебя из заявленных игроков. И на пляже, если бы побежал, то спасся бы. Но ты сделал иной выбор. Сражаться. Вот

и всегда так веди себя, как мужчина! Защищай людей! И не лги! И не играй! Обещай!
— Хорошо мама.— Иван почувствовал себя ребёнком, которого мама отчитывает.

Как в детстве. Ивану хотелось заплакать. Но он не мог. Так хорошо с мамой. Так бы сидеть и разговаривать вечность.
— Ванечка! Пообещай мне, что завтра придёшь ко мне!
— Мама! Конечно! Ты, главное, будь здесь вместо Ментора или с ним.
— Нет! Ты придёшь к нам с отцом завтра! Иди!

Вариант №?

Иван пришёл в сознание на берегу. Лежал на колене, из носа, рта толчками выходила вода. Он сделал судорожный вздох и закашлялся.

Карабас-Барабас усадил его на камни, похлопал по щекам.
— Живой? Ты чего это топиться удумал? А?

Иван долго кашлял, выплёвывая воду.
— Нормально всё. Спасибо. Поскользнулся,— поднял глаза, сфокусировал взгляд, узнал.— Срочно поехали к вам домой. С Ингой, кажется, беда.

Карабас вскипел:
— Какая беда?! Откуда ты Ингу знаешь?! Говори!— схватил за грудки, приподнял.

Иван лишь вяло махнул у него перед лицом.
— Потом. Всё потом. И убьёте меня, если захотите. Всё потом. Сейчас к дому! Дорогой расскажу, что успею.

Карабас быстро бросил в машину своё имущество, вещи, что Иван оставил на берегу. Его в охапку, ноги плохо шли. В мокрой одежде, с него ручьями стекала вода, плюхнулся на кожаное сиденье машины.

Карабас сунул в руки Ивана его же початую бутылку виски. Ивана начала колотить сильная дрожь, она волнами прокатывалась по телу.
— На— пей! Замёрзнешь.
— Не пью,— помотал головой Иван.— Бросил.
— Давно?— насмешливо поинтересовался Карабас.
— Две минуты назад пил, а тут бросил?
— Да!— кивнул Иван.— Теперь слушайте и не перебивайте. Я— тот самый Иван, который вам должен много, очень много денег.

Иван начал рассказывать ему про то, как он покончил жизнь самоубийством. Про Ментора и его «отрицательное пространство», варианты. Он помнил всё. И не был уверен, что ему всё это привиделось под водой. Но он обещал матери не лгать людям. И сердце щемило, что Инга в беде. Иван рассказывал. Карабас его слушал молча, вёл на высокой скорости, не отвлекаясь от дороги.

Когда он рассказал историю про перстень и прикоснулся пальцем к перстню, который был у Карабаса на пальце, тот самый, Карабас притопил ещё сильнее.

Вот и дом. Карабас жал на клаксон. Степаныч буквально перед носом хозяина распахнул ворота. Резко затормозив, Карабас вылетел из машины.
— Ты этого знаешь?— прорычал он, показывая на Ивана.
— Никак нет. Первый раз вижу,— спокойно, глядя в глаза, ответил Степаныч.
— Где Инга?— снова заорал Карабас, уже на бегу к крыльцу дома.
— У себя в комнате!— уже вслед ответил ему смотритель.

Карабас в грязной обуви, Иван следом в одежде, которая оставляла за собой мокрую дорожку, поднялись в комнату Инги.

Она сидела спиной к двери, рядом валялась разорванная пачка от снотворного. Инга мешала ложкой их в стакане. Рядом на столе лежала записка: «Прости, мама!».

Отец одним взглядом оценил, что хотела сделать дочь. Выбил стакан. Обхватил её и заплакал.

Огромный мужчина, беспощадный ко всему миру, враз состарился, опал и плакал, гладя дочь по волосам.

Потом обернулся к Ивану, сквозь всхлипы в голосе:
— Спасибо! Спасибо! Не знаю, кто ты— ангел или демон, но спасибо!

Инга внимательно смотрела на Ивана, потом сказала:
— А я тебя знаю. Тебя Иваном зовут. Ты мне снился много раз. Я даже влюбилась в тебя. И мы ждали ребёнка. Сон такой странный. Как телесериал многосерийный. Каждую ночь новую серию во сне показывали. Как наяву. У тебя ещё вот здесь родинка есть!— она ткнула пальцем в грудь Ивана.— Она как звёздочка. И я называла тебя своим мужчиной со звезды.

Иван кивнул. У него там действительно была такая родинка.
— Только он оборвался, тот сон. Я ложилась спать и ждала продолжения. А его всё нет.

Иван стоял у входа, топтался на месте. Ему было неудобно наблюдать за отцом и дочерью. Вроде и уходить надо, а некуда. Пошёл вниз по лестнице.
— Эй! Ты куда?! Стоять!— закричал вслед ему Карабас.— Степаныч! В ванну его! Сухую одежду. Пока моется— камин затопи, да пожарче. А то замёрзнет совсем спаситель! Я— спасатель! Он— спаситель!

Ивана после ванны завернули в хозяйский, большой, не по размеру махровый халат, посадили возле камина, от которого пыхало жаром, вручили литровую кружку с горячим чаем с малиной, заставили рассказывать.

Иван начал повествование. Как погибли его родители. Как жил, как проиграл всё, что имел, в карты и казино подпольные.

Все слушали не перебивая. Он рассказывал те жизни, которые прожил. Ничего не приукрашивая,

ничего не скрывая. Всё как есть. Инга пересела на мягкий подлокотник его кресла и гладила по волосам Ивана, когда тот рассказал про их встречу. Поведал о её привычках, как они любили друг друга и как он обманул её.

Разговор переместился за стол. Иван отказался от алкоголя. Бросил. Так же, как и курить бросил.

А наутро поехали на кладбище, навестить могилу матери Инги. А рядом были могилы матери и отца Ивана. Он встал на колени перед ними. Что-то тихо говорил. Задирал голову. Ему казалось, что среди ветвей деревьев, что росли рядом, он видит два небольших облачка — души его родителей. Он смотрел на них и говорил, разговаривал.

Карабас с Ингой стояли рядом, смотрели молча. Потом поехали домой.

Иван с Ингой поженились. Родился сын. По протекции тестя он стал руководителем крупного дилерского центра. Играть перестал.

Ментор

Иван снова оказался в комнате. Она была уже не такая яркая. Тусклая, холодная. И не было никого. Ни Ментора, ни матери.

— Неужели… Я думал, что всё! Это новая жизнь! Шанс!!! Мама!!! Ментор!!! Папа!!! За что мне такие муки?! Зачем мне этот миллион жизней, когда вот так… Я снова возвращаюсь сюда!!! За что?!! Да убейте вы меня уже окончательно!!! Отправьте куда угодно! В ад, в самое пекло! К чёрту на рога, на вилы!!! Ну не нужны мне эти варианты упущенных возможностей! Это не вечная жизнь! Это вечная мука! И все ушли!!! Господи!!! За что?!! Прости меня!!! Прости! Я виноват дальше некуда! Я понял, что нет безвыходных ситуаций, что смерть бывает разная. Глупая, бессмысленная, героическая. Я понял, что надо ради жизни, ради людей! Не жалеть себя ради людей! Если надо, то и жертвовать собой ради твоих близких! Ценить то, что у тебя есть. Радоваться каждому дню, каждому вздоху, беречь родных, друзей, близких! Понял я всё это!!! Понял!!! Я с ума сойду после каждого возвращения сюда! Помоги!

Вариант «Жизнь»

От нахлынувшей волны Иван проснулся, очнулся. Он сидел на берегу на камнях, прислонившись спиной к бетонной стене волнореза.

Рядом ходил мужик потрёпанного вида с самодельным металлодетектором. Он периодически опускался на одно колено, переворачивал камни, что-то доставал, укладывал в карман и шёл дальше. Периодически бросал короткий быстрый, скользящий взгляд на Ивана.

Иван сфокусировал взгляд на кладоискателе. Пот прошиб. Но быстро успокоился. Это был не Карабас-Барабас.

Незнакомец двигался в сторону Ивана. Не доходя до него, остановился, опёрся на металлоискатель, закурил, посмотрел на Ивана:

— Слышь, пацан, ты бы топал отсюда. Не ровён час — простудишься.

— Да, конечно. — Иван встал, отряхнул пальто, брюки от налипшего песка.

Посмотрел на собеседника:

— Мужик, можно я тебе один вопрос задам. Ответь только честно! Обещаешь?

Тот неопределённо пожал плечами, мол, валяй.

— Если у тебя была бы возможность прожить миллион жизней, ты бы попробовал? Только честно!

— Честно? А зачем? Там столько грехов наберёшь, в каждой жизни-то. Ты же будешь знать, что у тебя впереди несколько сотен тысяч жизней, можно безобразничать, грешить, не по совести жить. Так там, — мужик показал зажжённой сигаретой в небо, — спросят с тебя за твой миллион жизней. Есть такой анекдот, может, слыхал. Жизнь надо прожить так, что если попадёшь в ад, то черти сами отворят перед тобой врата ада и скажут: «Добро пожаловать, наш повелитель!» Ну а ежели попал в рай, то чтобы ангелы спросили: «А слабо повторить?!» И в каждой жизни у тебя будет новая семья? Новые дети? — он глубоко затянулся, задумался, выдохнул. — Нет, юноша, не хочу. И никто в здравом уме не захочет этого. Это не жизни будут, а мучение сплошное.

Иван молча смотрел на мужчину:

— Понял. Спасибо. Я тоже так думаю. Просто сон странный привиделся, — он махнул перед глазами, как будто отгоняя какое-то видение. — Вот и спросил.

Оглянулся, будто вспоминая дорогу, которой он пришёл:

— Слушай, а где Сочи? Как попасть туда?

— Вон туда, — мужчина показал направление. Метров через триста будет остановка на той стороне дороги. Топай туда.

— Понял. Спасибо. — Иван подумал. — А где старое городское сочинское кладбище?

Мужик подумал:

— В Сочи, — снова махнул рукой в сторону города.

— Хм. Логично. — Иван усмехнулся.

Иван покрутил в руке недопитую бутылку виски, пошёл навстречу:

— Возьми, — протянул бутылку.

— И что это за ополоски? — мужчина не двинулся с места.

— Хороший виски. Бери, — снова протянул бутылку.

— А сам чего?

Иван улыбнулся:

— Завязал. Хватит. Всякая чертовщина примерекалась. Да и дел у меня много. А их нужно на трезвую голову делать. Бери. Не стесняйся.

Мужик пожал плечами:

— Дают — бери, бьют — беги! Спасибо!

Открыл бутылку, понюхал:

— Хороший самогон, — прочитал этикетку. — Выдержанный.

— Спасибо тебе, мужик! — Иван протянул руку для рукопожатия.

— За что? — удивился.

— За ответ честный. Спасибо. Бывай!

Развернулся, пошёл к склону.

— И тебе не кашлять! — крикнул тот вслед.

Иван поднялся на дорогу, обернулся, посмотрел на море, на место, где только что сидел. Покачал головой, вспоминая какую глупость он чуть не сотворил. Кладоискатель по-прежнему бродил по берегу, выискивая драгоценности, когда он повернулся спиной, Иван прочитал крупную надпись белой краской на старой потёртой куртке на спине: «Учебный центр „Ментор“ г. Сочи».

Ниже более мелко адрес. Иван задрал голову в небо, перекрестился:

— Спасибо, Господи! Спасибо, Ментор! Спасибо, мама!

И Иван пошёл на автобусную остановку.

ДиН ревю

Дверь в ловушку

Стихи французских поэтов в переводах Николая Переяслова

Калуга: «Золотая Русь», 2016

Рене де Обальдиа

Боязнь сквозняков

Ах, мама, мама, погляди
на кенаря скорей —
где песня, что в его груди
всегда звенела? Разбуди
его и отогрей!

Смотри — упал он и лежит,
судьбе своей покорный.
Ни хвостик мелко не дрожит,
ни глаз не блещет чёрный…
А был — такой проворный!

Потрогай, мама, он — как лёд,
мне страшно сунуть пальчик.
Неужто он — не запоёт?..
— Увы! Он умер, мальчик.

Ты помнишь, бабушку твою
мы хоронили в мае?
Её душа теперь — в раю…
Там есть и птичьи стаи.

— Ты про бабулю? Вот уж кто
умел трепать мне нервы!
Какой там рай? Она за то —
давно в аду, наверно.

— О, Гектор! Бога не гневи!..
— А ты мне — птичку оживи,
она ведь не болела…
— Сквозняк продул ей тело.

— А что такое — смерть? Игра?
Уменье притвориться
уснувшим с ночи до утра?..
Скажи ему: вставать пора!
Пускай проснётся птица!

— Увы, малыш. Тут нет игры.
Мы все поём лишь до поры,
мой мальчик златоглавый,
румяный и кудрявый.
Расти себе со славой!

— Ах, мама, двери все запри!
Плотнее окна затвори!
Пускай сквозняк незримо
проносит гибель мимо.

От ветра, мама, в теле — дрожь,
сквозняк продует — ты умрёшь
и, словно птичка Божья,
летать не сможешь больше.

Закроешь клювик — и на нас
твой не посмотрит больше глаз,
ты ляжешь с птичкой рядом…
Ах, мамочка, не надо!

Виктор Буланичев

Крестьянский поэт Спиридон Дрожжин

Кругом поля раздольные,
Широкие поля,
Где Волга многоводная—
Там родина моя…

С. Дрожжин. «Родина»

Во время путешествий по Волге мне посчастливилось побывать во многих старинных русских сёлах и деревнях, больших и малых, красивых и не очень. У всех у них своя многовековая история—частица нашей, общей, российской. Некоторые поселения так потрепала жизнь, что они до сих пор не восстановились и представляют печальное зрелище, но большинство имеют вполне достойный облик. На улицах стоят крепкие красивые дома. На центральной площади села обязательно возвышается белокаменная церковь. Старинные здания достойно гармонируют с современной архитектурой. Палисадники ухожены, в каждом дворе плодоносящий сад, крепкие хозяйственные постройки. Видно, уважают жители себя и любят своё село. Удивительная чистота, порядок и умиротворение во всём. Особенно красивы волжские селения вечером, когда при закате солнца остывает день и всё погружается в полумрак. Появившиеся на небе звёзды освещают ровным светом волшебную гладь Волги. Хорошо в это время сидеть на берегу реки, у костерка, в хорошей компании. Пить душистый, заваренный на травах чай, неспешно беседовать, вспоминать историю, даты, имена людей, прославивших эти места. Вспомнили мы и русского поэта Спиридона Дмитриевича Дрожжина, уроженца этих мест, читали стихи и восхищались его природным талантом.

Не всем русским поселениям везло в истории. Многие канули в лету во время войн, некоторые из-за вымирания населения или административных преобразований. Есть в России небольшая река Шоша—правый приток Волги, в устье которой находится знаменитый комплекс отдыха руководителей нашего государства «Завидово». Комплекс расположен на месте старинного русского села Шоша, где Юрием Долгоруким была построена крепость Городок, запиравшая вход в Шошу—путь к Волоколамску. Позже, но ещё до нашествия Батыя, здесь возникли два монастыря: Богородский и Воскресенский. Потом Воскресенский монастырь был преобразован в приходской храм, давший второе имя селу—Воскресенское. В 1937 году при строительстве Иваньковской плотины монастырские постройки и село Шоша были затоплены.

На другом берегу Шоши, напротив бывшего села, располагалась деревня Низовка, через которую когда-то, пролегал тракт Москва—Петербург. В деревне Низовка родился крестьянский поэт Спиридон Дмитриевич Дрожжин, здесь же он прожил большую часть своей жизни и умер.

Родился он в 6 декабря (18) декабря 1848 года в семье крепостных крестьян. В школе учился неполные две зимы, потом одиннадцатилетнего сына мать отправила на заработки в Санкт-Петербург. Следующие годы жизни Дрожжина прошли в скитаниях по России. Он сменил множество профессий. С 1860 по 1871 год жил в Петербурге, упорно занимался самообразованием. Здесь он познакомился с произведениями Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова, И. С. Никитина, Л. Н. Толстого и других известных русских писателей. В шестнадцать лет написал первое стихотворение. В 1867 году начал дневник, который вёл до конца своей жизни.

Первая публикация Дрожжина появилась в журнале «Грамотей» в 1873 году. С этого времени Дрожжина стали печатать во многих изданиях: «Дело», «Слово», «Семейные вечера», «Русское богатство» и других. Его стихи печатали и на родине в журнале «Тверской вестник» и альманахе «Зарницы».

Из-за бедственного материального положения и под влиянием встреч с Львом Николаевичем Толстым в 1896 году возвращается на родину. Здесь он полностью посвящает себя литературному труду. В 1903 году участники «Кружка писателей из народа» организовали вечер, посвящённый 30-летию поэтической деятельности С. Д. Дрожжина. Одним из организаторов вечера был Иван Алексеевич Бунин. В своём приветственном слове он назвал Дрожжина «самым даровитым поэтом-самоучкой».

В этом же году Академия наук назначила Дрожжину пожизненную пенсию, а в 1910 году присудила премию за сборники «Заветные песни», «Новые русские песни», «Баян». В 1915 году получает почётный отзыв имени А. С. Пушкина за сборник «Песни старого пахаря».

К концу XIX века С. Д. Дрожжин становится самым известным русским крестьянским поэтом. Летом 1900 года его посетил австрийский поэт Райнер Мария Рильке, переводивший его стихи на немецкий язык.

В первое десятилетие XX века одна за другой выходили книги поэта. В 1905 году Дрожжин был избран почётным членом «Общества любителей российской словесности», получил несколько литературных премий.

Октябрьский переворот Дрожжин встретил в Низовке, вскоре покинул её, занявшись общественной работой. В 1919 году он был избран председателем съезда пролетарских писателей Тверской губернии, а в 1924-м — почётным членом «Всероссийского союза поэтов».

Умер поэт 24 декабря 1930 года и похоронен в селе Шоша. В 1937 году, после заполнения Иваньковского водохранилища, его прах и дом были перенесены в посёлок Новозавидовский, где был открыт дом-музей.

Дрожжин — один самых плодовитых крестьянских поэтов, выпустивший более тридцати поэтических сборников. Для стихов раннего периода характерно воспевание красоты и грусти сельской жизни. Дрожжин-поэт испытывал разнообразные влияния, но его неповторимую поэтическую индивидуальность, его голос мы чувствуем и узнаём сразу.

Многие стихи дооктябрьского периода пользовались огромной популярностью в народе, стали песнями, записывались для граммофонов, проникли в фольклор. Известные в то время композиторы А. С. Чернявский, В. И. Ребиков, В. Р. Бакалейников, Ф. О. Лашек, В. А. Зиринг писали на его стихи песни, которые с успехом исполняли Ф. И. Шаляпин, Н. В. Плевицкая, А. Д. Вяльцева и другие.

В конце жизни в его стихах повторяются прежние мотивы, которые пересекаются с новым пафосом социалистического утверждения.

Творчество самобытного русского крестьянского поэта мало известно, и многие, кто соприкоснулся с ним, проявляют неподдельный интерес к его поэзии. К сожалению, в настоящее время довольно сложно найти произведения поэта и больше узнать о его жизни и судьбе. Мало известно и о его личной жизни, но его творчество по-прежнему остаётся актуальным.

Стихи Спиридона Дрожжина

Родина

Кругом поля раздольные,
Широкие поля,
Где Волга многоводная —
Там родина моя.

Покрытые соломою
Избушки у реки,
Идут-бредут знакомые,
И едут мужики.

Ребята загорелые
На улице шумят.
И, словно вишни спелые,
Их личики горят.

Вдали село, и сельский храм
Приветливо глядит,
А там опять к родным полям
Широкий путь лежит.

Идёшь, идёшь — и края нет
Далёкого пути,
И хочется мне белый свет
Обнять и обойти.

1871 г.

Летний вечер в деревне

В деревне, чуть заря вечерняя займётся,
Играет молодёжь, сплетаясь в хоровод,
Звучит гармоника, и песня раздаётся
Такая грустная, что за сердце берёт.
Но грусть сроднилася с крестьянскою душою,
Она всегда в груди измученной живёт
И разгоняется лишь песнею родною.
Отпряжен от сохи, средь поля конь усталый
Пасётся в табуне; вхожу я тихо в дом,
Чтоб за ночь отдохнуть — и чтоб на зорьке алой
Проснуться и опять с товарищем-конём
На поле целый день трудиться с силой новой,
Взрывая борозды, иль, срезав рожь серпом,
Душистые снопы возить на ток готовый.
А тёплый вечер так порой душист и ясен,
Когда разносится народной песни стих,
О, как её язык и звучен и прекрасен,
Как много слышится в ней мук пережитых.

1906 г.

Сельская идиллия

Пришла пора весенняя,
Цветут цветы душистые,
Слетаются-сбираются
Все пташки голосистые.
Поют в полях, поют в лесах,
С куста на куст порхаючи:
Заслушалась красавица,
Про друга вспоминаючи.
Стоит, глядит задумчиво
Куда-то в даль незримую
И звонким колокольчиком
Заводит песнь любимую;
Далёко эта песенка
В родных полях разносится,
Звенит, душой согретая,
В другую душу просится.

Всё в этой песне слышится:
Любовь, глубоко скрытая,
И счастие далёкое,
И горе пережитое.
Под вечер добрый молодец,
Окончив пашню чёрную,
Пустил коня и к девице
Пошёл дорогой торною.

Никто не знал, что сделали
С красавицей девицею
Певуньи-пташки вольные
С весною-чаровницею.
А ночка, ночь весенняя
Все тайны, что проведала,
Хранить и ясну месяцу
И звёздам заповедала!

1875 г.

Родине

Как не гордиться мне тобой,
О, Родина моя!
Когда над Волгою родной
Стою недвижим я,

Когда молитвенно свой взор
Бросаю в небеса,
На твой чарующий простор,
На тёмные леса.

Как хороша ты в тёплый день
На празднике весны,
Среди приветных деревень
Родимой стороны!

Как бодро дышится, когда
На поле весь народ
Среди свободного труда
Все силы отдаёт!

Каким восторгом мою грудь
Ты наполняешь мне,
Когда хочу я отдохнуть
С тобой наедине!…

Я в каждом шелесте листов
Твой голос узнаю.
Хожу среди твоих лугов,
Мечтаю и пою.

Во всём в тебе и мощь видна,
И сила с красотой,
Недаром ты и названа
Великой и святой.

1904 г.

Евсей Цейтлин

Один из сюжетов возвращения

Из цикла «Одинокие среди идущих»

Когда в середине восьмидесятых я познакомился с литовским поэтом Альфонсасом Буконтасом, я не догадывался: та встреча заставит меня многое в жизни переосмыслить.

Наверное, это показалось бы странным и самому Буконтасу. Повлиять на ход чужой жизни? А он избегал даже резких движений, морщился, услышав громкие голоса. Долгие десятилетия существовал, словно не выходя из тени. Конечно, читатели Литвы знали Буконтаса как своеобычного лирика, блистательного переводчика древней и современной поэзии. Но примечательно: он никогда не участвовал в дискуссиях, чурался споров, месяцами не заходил в Союз писателей, а порой вообще исчезал из поля зрения, даже друзья гадали—то ли Альфонсас уехал в родную деревню, то ли не хочет отвечать на звонки.

Я нарисовал портрет типичного чудака? Всё, однако, не так просто. С юности Буконтас научился легко отбрасывать суету жизни, потому что привык ежедневно ждать смерть. Она могла прийти в любую минуту.

Серьёзная болезнь сердца во многом определила его характер, быт, но—одновременно—обострила восприятие мира. Разумеется, характер остался прежним и после того, как произошло чудо: немецкая журналистка Marianna Butenschön написала об Альфонсасе серию статей, собрала деньги для того, чтобы он смог приехать в Германию, нашла хирурга, который бесплатно сделал операцию. Буконтас однажды написал мне: «После моей операции прошло десять лет, все эти годы были мне подарком».

Но я, кажется, забежал вперёд? Помню, тогда, в восьмидесятые, прекрасная украинская поэтесса София Майданская, с которой мы часто говорили о сочленении космического и национального в творчестве, не уставая, твердила мне:

— Вы обязательно должны познакомиться с Альфонсасом Буконтасом…

Я не понимал причину такой настойчивости. А София не отвечала. Может быть, как большинство поэтов, она просто обладала даром предвидения.

В те годы я всё глубже погружался в иудаизм, начал записывать устные рассказы советских евреев. Несколько поколений (миллионы людей), думал я, уйдут в небытие, так и не рассказав горькую правду о себе и своём времени, когда само слово «еврей» было, по сути, непроизносимым на языках народов СССР. Мне казалось: история «евреев молчания» (так назвал своих соплеменников в СССР нобелевский лауреат Эли Визель) скрывает в себе множество тайн.

Пора уже сказать: с тайны началась жизнь Альфонсаса Буконтаса. Многие годы тайна оставалась неразгаданной.

1.

В иудаизме есть такое понятие—«украденные дети». Это словосочетание сразу отзывается в сознании резкой болью. Суть не меняется оттого, что внутри понятия—метафора: речь—о людях, воспитывавшихся в отрыве от национальной традиции. Увы, большинство евреев, родившихся в СССР, были именно «украденными детьми».

Так бывает не часто: «случай Буконтаса» типичен и уникален—одновременно. Альфонсас не раз рассказывал мне свою историю, однажды я записал её на магнитную плёнку. История эта вполне может стать сюжетом большого романа, однако попытаюсь передать её коротко.

В его документах очень долго значилось: родился 11 сентября 1941 года в деревне Дапшяй Мажейкяйского района Литовской Республики в семье Яронимаса и Марии Буконтасов. Скажу сразу: это были святые люди—они спасли ребёнку жизнь. Тем не менее документы лгали. Правду Альфонсас начал узнавать подростком—постепенно, мучительно: его настоящими родителями были евреи. Когда в 54-м году он приехал продолжать учёбу в соседнее местечко Жидикай, здесь многие помнили его отца-адвоката и мать-зубного врача, его шестилетнего брата (их всех уничтожили в годы войны). Альфонсас уже был влюблён в литературу, почти каждый день приходил в библиотеку: оказалось, там до войны жила его семья.

В этой истории потрясает не только трагический сюжет, *заметный* всем; поражает то, что казалось людям обычным, *само собой разумеющимся*. Так естественно для себя местный ксёндз Вацловас Мартинкус разрабатывает и осуществляет план спасения еврейского малыша: отправляет

его на дальний хутор, там крестит, потом стойко выдерживает допросы в полиции. Литовские фашисты грозят сёстрам Марии Буконтене и Елене Лаурайтене расстрелять их семьи, но те, не колеблясь, отказываются отдать ребёнка. Сложную игру несколько лет ведёт Яронимас Буконтас: он задабривает немцев и полицаев деньгами, водкой, бесконечными застольями… В конце концов это и становится причиной его гибели: когда в Литву вернулись Советы, Яронимаса арестовали по обвинению «в сотрудничестве с немцами». Из лагеря он не вернулся.

Не забудем однако: тут есть ещё один сюжет — «история души» еврейского мальчика. Этот сюжет в основном разворачивался уже после войны.

Еврейский мудрец ребе Рашаб сказал когда-то: люди состоят из трёх слоёв. Есть «внешний человек». Есть «средний человек». Есть «внутренний человек». Сколько бы ни испытывала, сколько бы ни ломала нас среда, лишь первые два слоя могут быть повреждены. Внутренний же человек никогда и ничем не может быть исковеркан. В рассказе, который я записал на магнитофон, Альфонсас на редкость точно реконструирует жизнь своего «внутреннего человека». Вот несколько фрагментов оттуда.

> «Реальный мир моего детства — это большой деревенский дом. Я ощущал его почти как живое существо. Хорошо знал все его звуки, помнил запахи. Мне казалось, он был огромным и — при необходимости — мог вместить очень многих людей. Когда в деревню приезжали командированные — ветеринар, трактористы, учителя, инженеры — председатель колхоза всегда направлял их к нам. И чистые, светлые комнаты дома открывались навстречу новым и новым людям… Дом был добрым».

Тепло добра согревало душу:

> «Я помню те первые дни, когда с нами жил отец… Игры с ним, прогулки по саду, среди полей… Помню, как сказочно цвёл горох… Неподалёку был большой пруд, где водилась рыба».

Однако мир сразу оказался расколотым, в душе жила не только любовь — очень рано поселился страх:

> «Я всегда чувствовал, что чего-то должен избежать. Мне было хорошо среди близких, но когда в доме появлялись чужие, знал: нужно уйти, спрятаться».

Дело не только в таящейся — почти всюду — опасности. «Украденный ребёнок» безошибочно фиксирует свою чужеродность окружающему миру. Точно лакмусовая бумажка, это проявляли праздники:

> «…В большой комнате собиралось очень много людей, накрывали праздничный стол, пели… Я опять уходил: мне становилось так одиноко, что я плакал. Даже сами песни казались чужими. Я чувствовал, что отделён от всех большой стеной… В дни массовых национальных гуляний всё повторялось. Я ощущал, как остаюсь в стороне… И никак не мог себе этого объяснить. Наверное, то было что-то глубинное, какая-то — совсем другая, чем моя, — эстетическая волна подхватывала всех, кроме меня».

Самонаблюдения «украденного ребёнка» погружают нас в глубины человеческой психики:

> «Бывали минуты, когда для меня начинали странно звучать литовские слова. А их смысл как бы не совпадал со звучанием. Этот язык, его жемайтийский диалект, казался грубым для моего уха».

И ещё одно слово царапало слух. Слово, значение которого он долго не понимал:

> «В школе, на переменах, дети, пробегая мимо, дразнили меня: жид, жид!
>
> Бывало тоже: играем и кто-то вдруг вымолвит это словцо.
>
> Вроде бы всё выглядело почти невинно. Но я чувствовал: тут — какой-то знак, который понимают все, кроме меня.
>
> А случалось, ребята окружат меня, выговаривая каждый по одной букве: ж-и-д. Стоят и громко так повторяют. Причём опять-таки на их лицах я часто не замечал никакой злобы. Но в моих ушах, не переставая, звучал тот беззлобный смех…
>
> Когда я был первоклассником, меня однажды взял на руки мальчик, учившийся в четвёртом. Он долго и, я бы сказал, нежно носил меня по коридору. Потом о чём-то вдруг вспомнил и — резко отбросил меня. Я упал, сильно ударившись о скамейку».

Альфонсас подчёркивает: то были своего рода сигналы; они заставляли работать мысль. Но мысли наслаивались, перебивали одна другую:

> «Почему я так не похож на родных? У меня лицо смуглое, а у них — светлые. И — волосы, конечно: все мои двоюродные братья и сёстры — блондины. Мама, правда, имела тёмные волосы, но всё равно, убеждался я, сравнивая: они — совсем не такие, как у меня…
>
> Всё было окутано тайной. В тайну — как конфета в фантик — было завёрнуто моё детство.
>
> Я часто думал о том, что появился в этой литовской деревне случайно — ненатурально, неестественно, если можно так выразиться.
>
> Тогда кто я? Откуда?
>
> Повторяю, я боялся этой тайны, очень не хотел к ней приближаться».

Он рано стал задавать себе и другой вопрос: кто такие евреи?

«Взрослые (нет, конечно, не мои родные) рассказывали о евреях анекдоты. Рассказывали также истории, от которых всё внутри холодело. Например, говорили: евреи пьют христианскую кровь…

Мне было семь или восемь лет, когда я понял, что имею какое-то отношение к евреям. Стало страшно. Ведь евреи — плохие люди: убийцы, спекулянты… С тех пор это чувство годами не покидало меня. Чувство страха из-за сопричастности к грязному, нехорошему. И — по той же причине — одиночество».

Он мучительно искал выход, но всюду видел тупик:

«Время от времени всё как бы отдалялось от меня — природа, близкие люди… И казалось: никто мне не в силах помочь. Будто я остался один на маленьком-маленьком острове».

Состояние души странным образом перекликалось с жизнью природы:

«Ощущение, что мир враждебен мне, повторялось при смене времён года.

Я вдруг слабел. Тишина начинала звенеть. И мир опять отодвигался от меня всё дальше и дальше.

И опять я был на маленьком острове. Совсем один».

А ещё он видел сны:

«В снах моих за мной гнались звери, чужие люди… Скакали, скакали кони».

2.

Совсем по-другому, но так же обнажённо и резко «история души» представала в стихах Буконтаса.

Он уже вырос, уже поступил в Вильнюсский университет — изучал литовский язык и литературу. Мир рядом с ним был чужим и холодным? Однако творчество, как всегда, преодолевало одиночество. Мир сузился до размеров маленького острова, куда его забросила пучина человеческой ненависти? Может быть, потому Альфонсас так упорно раздвигал пределы земного — настойчиво пытался открыть для себя Вселенную:

Хочу соединить
птицу и камень,
темноту и свет,
утрату и надежду…

Берега несоединимые,
начало и конец
хочу соединить.

Раздул
в долине костёр
после долгого ливня.

Слышал ли мой голос?
Видел ли, как кружатся
мельницы звёзд?

Приходи по мостику,
который я тебе строю,
приходи, потому что я должен уйти.

Горячим углем на воде
напиши моё имя.

*(Цитирую переводы
с литовского Сергея Карнеева.)*

Здесь было не просто обращение поэта к современнику, собрату по Вселенной. Здесь была не только творческая программа. Здесь звучал голос «украденного ребёнка», который наконец выходил на дорогу духовной свободы. Как и все евреи, начинал свой путь по «пустыне».

Конечно, я легко расслышал у литовского автора перекличку с гениальным американцем Уолтом Уитменом. Стихотворение «Мосток» написано в давнюю уже пору юности. Молодой поэт по-уитменовски остро воспринимал вечность, перед её лицом ощущал себя почти демиургом. Он стремился разглядеть космос в душах людей, а в звёздах — человеческое. Отсюда столь органичное для поэзии Буконтаса доверие к каждому встречному:

«Пойду с тобой погулять по дню, в котором уже никто не живёт. Неужели тебе чего-то жалко? Неужели хочешь бросить слово на мостовую? Опирайся, опирайся на меня и смотри в пустоту. И вот мы оба свободны от уз, без ветвей, без стволов — семена и звёзды. Из наших плеч, из глаз и из губ вылетают птицы рассвета».

Читая эти строки, я опять представлял юношу из обычной литовской деревушки. «Украденного» еврейского ребёнка, самостоятельно пытающегося обрести почву и корни. Нашедшего их во Вселенной. Потрясшие его уитменовские «Листья травы» надолго определили направление творческих поисков. Здесь, впрочем, не могу удержаться от одного замечания «по поводу». В то время наша критика нередко вульгарно трактовала проблему традиций в литературе. Помните? Заметив в чьих-то стихах влияние Маяковского, критики говорили об этом, точно награждая автора орденом. Иные традиции считались опасными, вредными для «растущего дарования». А порой «вопрос о традиции» сводился к эпигонству, подражательству. Между тем речь (если перед нами подлинный талант) — о единстве мироощущения, подчеркну: речь о направлении поисков…

Уходя в беспредельность пространства и времени, А. Буконтасу было порой легче, чем его литературным сверстникам, задавать резкие, порой беспощадные вопросы. Вот когда оценишь преимущества подобного, «космического», взгляда! Только в космосе впору попробовать отодвинуть мысленно в сторону ценности цивилизации. И задуматься: что есть человек? В чём его сокровенная суть? В чём его неповторимая миссия? Именно об

этом были многие стихи Буконтаса, в том числе — «Снежный человек»:

«…Я — голый: возраста нет, фамилии нет. Днём прикрыться стараюсь, но — тщетно: молния между будущим и прошлым — это стыд мой. Как подумаешь: то же самое все теряют, ищут того же. Истина ходит — на белой равнине следы босых ног. Кто ушёл, впопыхах не обувшись? Чьи следы на снегу? Чьи — на бесстрашной бумаге?..»

Законы космоса можно постичь по-разному. Можно вычитать их в священных книгах древности. Можно открыть самому, прислушиваясь к ритмам Вселенной. Это и делал лирический герой Буконтаса. Разумеется, он видел равновеликость живой и неживой природы, равнозначность взаимоисключающих, кажется, начал бытия. Понимал (может быть, вспоминая детство), как опасно раз и навсегда давать имена — «перелескам, камню, шмелю, тому человеку из зеркала». Может быть, это и есть главная ошибка на нашем пути, главная ошибка человечества — дробить единый мир, наклеивать повсюду этикетки:

Чувствую, как только вернутся названия,
мы ударимся друг в друга,
и будет небо сплавлять
бесконечная река по бесконечной равнине.

Поэзия Буконтаса многократно фиксирует, что происходит, когда вечные законы нарушаются. В стихотворении «Песня Хорста Весселя» мы встретим солдат, словно ослепших от силы и оружия. Потом «открытыми ртами они продолжают песню уже под корнями». А о чём стихотворение «Памятник»? О защите гибнущей природы? Нет, о самоубийстве человечества, коль все мы есть «природа» — раз превращаемся однажды «в землю, в воздух или в звенящие реки».

Сознание художника не губка: оно вбирает в себя только то, что может и должно вобрать. Только то, что отвечает внутренней логике развития творческой индивидуальности. Я говорю об этом, припоминая, как Буконтас воспринял опыт многих предшественников. Вот Тадеуш Ружевич: его стихи и рассказы Буконтас открыл литовскому читателю. Ружевич утверждает: поэзию надо создавать из «ничего», из самых простых слов. Альфонсасу Буконтасу была близка эта творческая установка. Но для него важно и другое — вглядеться: *что* за словом? Вглядеться даже не в глубь явлений, событий, поступков — в глубь образов, предощущений. Обычный сюжет его стихотворений. Одно так и называется: «По ту сторону слов». Опять перед нами работа поэта, который «из удивлений» ткёт «то дерево, то сон, то жар прикосновений, то тварь живую, то страданий дрожь». Замечу: концовка стихотворения не точно переведена С. Карнеевым.

У Буконтаса:

Твои слова уже не обозначают ничего…
Только пространство и тишина… Только полёт остаётся…

У переводчика:

Подобна взлётной полосе строка.
Вот взреял. Полетел. А цель так далека…

«Только полёт остаётся…» Вот что прежде всего открывается поэту «по ту сторону слов».

Разумеется, космическая традиция в мировой лирике началась не с «Листьев травы». Это подчеркнул ещё Г. Торо, читая книгу Уитмена: «Странно, что он так похож на индийских пророков…» К древнему Востоку, не имея других ориентиров, закономерно пришёл в своих исканиях и Буконтас. В семидесятые годы он начал изучать «Упанишады». Тогда же надолго перестал писать собственные стихи. Это с тревогой отметили критики и читатели. А я (конечно, задним числом) не удивился. На Востоке, когда художник или поэт уходил в монастырь, он на десятилетия, если не навсегда, отказывался от творчества, давал своего рода обет молчания. Цель? Прислушаться к своему «я», обрести связь с Богом — может быть, потом обрести и собственный голос.

Правда, в те трудные, но, как оказалось теперь, плодотворные для него годы Альфонсас Буконтас продолжал заниматься переводами. Это была не только серьёзная, важная для литовской культуры работа. Тут был и давно замеченный парадокс: путь в чужую культуру иногда тоже приводит художника к самому себе. Переводя философскую лирику Пушкина, он снова задумывался о призвании поэта. Блоковский цикл, посвящённый Кармен, привлёк музыкальностью, хотелось попробовать: как это прозвучит по-литовски? Буконтас воссоздал на родном языке стихи многих поэтов, которые когда-то жили в его крае, — поляка К. Галчиньского, немца Ф. Брауна, белоруса М. Танка, караима С. Фирковича… Я мог бы перечислить немало имён и произведений, но упомяну ещё сейчас только сонеты и терцины русского философа Льва Карсавина: тот слагал их незадолго до смерти в сталинском лагере, прозорливо не сомневаясь — его голос расслышат. Так и оказалось: А. Буконтас разыскал произведения Карсавина в одном из вильнюсских архивов.

И, конечно, он переводил тех, с кем вёл — через десятилетия или века — беспрестанные мысленные диалоги. В этом сокровенном ряду была и поэма Н. Рериха «Наставление ловцу, входящему в лес», и знаменитая «Бхагавадгита». Пожалуй, здесь имелся даже свой символ: с переводом великой Гиты, в которой, как в фокусе, сходятся главные философские идеи Индии, закончился период «молчания» поэта Альфонсаса Буконтаса.

3.

…Не забудем: «украденный ребёнок» постепенно возвращался в семью.

> «Всё это время,—рассказывал Альфонсас,—я ощущал себя человеком, идущим по пустыне. Причём мой путь длился не сорок лет—гораздо дольше. Однажды я понял, что не сумею выйти из пустыни, если сам не осознаю: ради чего мне дано такое испытание?»

Еврейской семье несколько тысяч лет, её родоначальником был наш праотец Авраам. Это звучит выспренно, кажется сказкой? Не сразу, но очевидно Буконтас пришёл к пониманию концепции времени в иудаизме. Очень конкретными оказались слова мудреца наших дней, каббалиста Адина Штейнзальца: «События не тонут в реке времени, подобно камням, просто течение относит нас от них».

Из намёков, обмолвок, случайных разговоров, внезапных признаний он воссоздавал для себя историю своего спасения, историю жизни и смерти родителей—приближался к ним.

Опять—неожиданно—помог ксёндз Вацловас Мартинкус. В конце войны ему удалось эмигрировать на Запад, теперь он жил в США, иногда писал в Литву. Мартинкус спрашивал о судьбе спасённого им ребёнка, потом стал переписываться с самим Альфонсасом (увы, письма читали и в КГБ, затем шантажировали ими Буконтаса и его друзей). Мартинкус присылал подарки, одежду. Рассказал о местечке Жидикай: перед войной там было около 230 евреев; поведал о событиях лета 41-го. Один раз Мартинкус сумел спасти евреев Жидикай от расстрела—он остановил намечающуюся акцию, решительно потребовав от офицеров германской армии предъявить решение суда. Однако несколько месяцев спустя, когда через местечко шла уже другая часть, ксёндза никто не стал слушать: ему пригрозили расстрелом—вместе с евреями, которых он так защищал…

(Конечно, Мартинкус рассказывал и о своей сегодняшней жизни—это был для Альфонсаса невольный урок: кроме участия в религиозной и благотворительной деятельности, ксёндз пел песни под гитару, много путешествовал, постоянно открывая для себя мир и людей,—в Израиле, например, увлечённо беседовал с Бен-Гурионом. Мартинкус был по-прежнему заботлив: показал стихи Альфонсаса литературному кумиру литовской эмиграции Бернардасу Браздженису, и тот высоко отозвался о поэзии Буконтаса.)

Время стало для него живым: прошлое, настоящее и будущее существовали в одном измерении. Об этом говорит Каббала. Но это знал и Рерих. Это великолепно чувствовал Чюрлёнис; Альфонсас не мог оторваться от его картины «Прошлое»: там изображены ворота, через отверстия в которых ярко светит солнце, точнее, множество солнц.

Лучи прошлого стали согревать «украденного ребёнка»:

> «Когда я был студентом, я снова пришёл к тёте Котрине Шульцене, у которой жил когда-то, учась в Жидикай… Мы пошли с ней гулять на луг, она рассказала всё, что знала сама. Многое рассказала… Даже открыла моё настоящее имя… Оказывается, до войны она была соседкой родителей, помогала маме по хозяйству. Оказывается, это тётя Котрина отвозила меня по заданию ксёндза Мартинкуса в Дапшяй…»

Историю Альфонсаса узнал выдающийся еврейский поэт Гирш Ошерович, после войны живший в Вильнюсе.

> «Он сам когда-то окончил юридический факультет Каунасского университета. Ошерович отыскал адвокатов—коллег отца, помог найти других людей, помнивших моих родителей. Тогда я узнал и подробности их последних дней: они попали в Каунасское гетто; отца расстреляли в 42-м, маму вывезли в 44-м в Штуттгоф—она погибла в марте 45-го при побеге из лагеря… А братика и сестру отца убили под Мажейкяй, в сосновом бору… Я держал в руках фотографии. Удивлялся: вот это мама (наверное, она так хотела сбежать из Штуттгофа и потому, что, находясь в гетто, узнала: меня удалось спасти), а это отец, учившийся в Сорбонне… это брат… неужели тот младенец—я?»

Тайна была разгадана. Правда оказалась нелёгкой.

> «Я редко говорю с кем-нибудь о своём прошлом. Бывает, человек сам спросит, а потом пугается: перед ним открывается такая бездна, что хочется быстрее отойти в сторону… Тогда мой собеседник переводит разговор на другую тему. Я понимаю: это инстинкт самосохранения…»

Точно сбросив пелену лет, а на самом деле осознав суть и связь событий, Альфонсас припомнил: в 1947-м к ним приехал из Каунаса «высокий лысоватый человек в кожаном пальто». У него была необычная миссия: найти в литовских сёлах спасённых еврейских детей. Говорят, потом тех мальчиков и девочек тайно переправляли в Палестину…

> «Мужчина угостил меня конфетой, подарил какую-то монету. Мама говорила с ним при закрытых дверях. Он переночевал у нас. Утром я видел, как человек уходил через наш сад… Мне было странно и страшно. Я не хотел покидать дом. Я упорно верил в то, что здесь, как в старинном замке, смогу спрятаться от всех опасностей».

То, что «украденному ребёнку» очень важно обрести семью, понимали не только еврейские Учителя, об этом заботились не только активисты послевоенного сионистского подполья. О том же думала простая литовская крестьянка Мария Буконтене.

«Ты же всё знаешь, ты уже не маленький,—говорила она. И спрашивала:—Может, я неправильно поступила, не дав тогда тебе уйти к людям, близким по крови?» Мне было уже лет девятнадцать. А она всё страдала: тебе тяжело жить—ведь ты остался один… Она плакала. Я объяснял, что мне у них очень хорошо, что я им благодарен за всё… Впрочем, это был наш единственный подобный разговор. Больше к той теме мы никогда не возвращались. Но мне кажется, мама часто размышляла об этом. Думала: можно ли взять дитя из одной нации и пересадить, как растение, в другую? Она чувствовала: это противоречит каким-то божественным законам…»

Наконец изломанные линии его жизни сходятся вместе.

22 декабря 1994 года в Вильнюсе состоялся суд, который на основании многочисленных свидетельств (и в присутствии живых свидетелей) установил: Альфонсас Буконтас является Мордехелем Михницким, сыном Нехамы Гурвичайте-Михницкене (1907–1945) и Янкелиса Михницкого (1907–1942).

4.

…Я надеюсь когда-нибудь опубликовать хронику этого возвращения. Здесь—только фрагменты. Всё же представлю читателям ещё один. Это самое начало исповеди Альфонсаса—по сути, небольшая новелла, которую я назвал (для себя) «Мягкое *л*». Новелла эта насыщена одиночеством, тоской, ожиданием. Смутным ещё стремлением разгадать тайну собственной судьбы.

«…*Придя в первый класс, я встретил там мальчика* из соседнего дома.

Он был повыше меня и покрупнее. Звали его Альфредас.

Я на всю жизнь запомнил, как странно он произносил слова, точнее даже, только один звук: „л“… Мягко, чересчур мягко. Так в деревне не говорил никто. И весь наш класс дружно смеялся над ним!

Домой из школы мы с Альфредасом возвращались вместе. Путь был долгим: узкая, кажется, бесконечная тропа, потом мостик через речку, снова тропа…

Никого вокруг не было.

Постепенно мы сдружились, не могли не подружиться. Даже ходили друг к другу в гости.

Альфредас появился в нашем селе недавно. Попал сюда из Кёнигсберга. Этот город в конце войны сильно бомбили. Если не ошибаюсь, во время бомбёжки и погибли его родители. Многие дети спаслись тогда из Кёнигсберга бегством: чаще всего забирались на крыши поездов. Ходили потом по деревням, выпрашивая подаяние. Выучивали торопливо по несколько литовских слов: duonas, valgyti… Но всё равно их легко было узнать: немцы.

Наш сосед работал адвокатом в райцентре. Однажды он увидел Альфредаса, и тот понравился соседу. Его единственная дочь умерла. Адвокат предложил мальчику остаться в их семье. Потом он отправил Альфредаса в деревню, к своей жене. Вскоре они усыновили мальчика, который стал носить литовскую фамилию.

Альфредас всё время рисовал самолёты и танки. Вообще все его игры были связаны с войной. Как-то он рассказал мне: его настоящий отец был лётчиком.

Уже спустя полгода Альфредас хорошо говорил по-литовски.

Но странное, чересчур мягкое „л“ так навсегда и осталось в его речи.

Мы с Альфредасом проучились вместе семь лет, пока не окончили сельскую школу. И всё это время я чувствовал двойственность в отношении к нам окружающих.

Реальность вовсе не была простой, но была такой очевидной. Есть наши близкие, которые нас любят. И есть все остальные, которые нас не принимают.

Да, мы с Альфредасом были чужими здесь. Хотя, наверное, невозможно было сказать, чем именно мы выделялись. И—кстати—мы так не походили друг на друга.

Альфредас был очень сильным. Ощущая неприятие среды, он то и дело затевал драки.

Я же был слабым, в драку никогда не лез…

Когда потасовки кончались, мы с Альфредасом, как ни в чём ни бывало, отправлялись домой. Напряжение, кажется, затухало. Но реальность по-прежнему была разорвана, раздвоена… И, как ни странно, именно это нас объединяло. Наша учительница говорила назидательно взрослым:
—Вот видите, еврейский и немецкий мальчики дружат между собой, а мы так не умеем…

Но об этих её словах я узнал совсем недавно. А тогда не знал, что я—еврей. Может быть, инстинктивно, и не хотел узнавать».

Конечно, я не раз думал: почему Альфонсас начал свою исповедь с воспоминания о друге детства?

В чужой судьбе он однажды, как в зеркале, увидел себя. Но, по сути, сходство было лишь в одном: Альфредас и Альфонсас были *другими* в литовской деревне.

У каждого народа и у каждого человека, понял Буконтас потом,—свой путь, своё предназначение. А миссия некоторых людей состоит как раз в том, чтобы стать своеобразным мостом между народами и культурами.

5.

Говоря о возвращении «украденного ребёнка» в семью, добавлю: возвращение не было идиллическим. Приходя в юности в еврейские компании, Альфонсас порой вздрагивал:

«…новые знакомые смеялись над моими рассуждениями, как когда-то дети в деревне».

Конечно, он идеализировал евреев, недоумевал: неужели возможны у потомков Авраама национальная апатия, цинизм, равнодушие к чужому горю? Однако, пожалуй, ещё драматичнее была ситуация, в которую вдруг попал опытный литератор.

«Одно время казалось: я стал чужим в той культуре, что была родной с детства. При этом мне было очень трудно войти в культуру, родную по крови».

Мы с Альфонсасом много говорили об этом. Я вспоминал слова, которые написал в начале восьмидесятых, работая над книгой об основоположнике литовской литературы Кристионасе Донелайтисе: «У разных культур—разные корни, но одно небо». Жизнь, однако, сложнее любых формул. На мой взгляд, Буконтасу помогло то, что он почувствовал сам *воздух* еврейской истории, смело вошёл в её *особое время*.

«…Река истории образует кольцо,—писал Адин Штейнзальц.—Она вливается сама в себя, и в её водах мы не заметим ни необратимых изменений, ни новизны». Но вечное возвращение в иудаизме—это и вечное наше обновление. «Например, исход из Египта…—продолжал Штейнзальц.—Его значение выходит за сугубо исторические рамки, ибо он реализуется в духовной биографии каждого человека. Еврей в каждом поколении не просто должен считать, что он сам вышел из Египта. История исхода становится и историей его собственного духовного развития. Рабство и избавление от него, переход через море, война с Амалеком и получение Торы—вот этапы развития человеческой личности».

Путь «украденного ребёнка»—это один вариантов вечного нашего возвращения.

Разумеется, Буконтас не перечеркнул своё прошлое: десятилетия жизни нельзя отбросить, точно ненужный черновик. Тем более что у евреев ушедшее органично сливается с настоящим. Альфонсас признавался:

«…мама и папа приходят ко мне из небытия и поддерживают—заполняют пустоту в душе, которую я ощущал так долго».

Одновременно он по-прежнему

«шепчет, словно молитву, имена приёмных родителей—как и имена других своих спасителей».

Буконтас не отказался от собственных литературных поисков—нет, не случайно они были так созвучны его *божественной* душе: «космическое» начало он потом легко обнаружил в Торе. А то, что он органично вошёл «*в культуру, близкую генетически*», свидетельствуют, как всегда, переводы Альфонсаса.

С идиша, иврита, русского он перевёл на литовский произведения таких ярко не похожих друг на друга еврейских поэтов, как Йошуа Лацман, Гирш Ошерович, Моше Кульбак, Авраам Суцкевер, Шмуель Качергинский, Герман Крук, Иехуда Амихай, Леонид Школьник, Ефрем Баух (стихи и роман «Солнце самоубийц»)… Он опять убеждался в старой истине: для еврейского литератора родина—это наша история. Творец живёт в истории, а потом навсегда растворяется в ней. Как поэт Гирш Глик, написавший знаменитое: «Никогда не говори, что это твой последний путь…» Стихотворение стало гимном еврейских партизан. А сам Глик, чья фамилия на идиш означает «счастье», погиб.

6.

Здесь и простимся с ним, оставив за скобками многое: я пишу не очерк «жизни и творчества» поэта Альфонсаса Буконтаса—я вглядываюсь в его «путь по пустыне».

Признаюсь: думая о судьбе моего друга, не раз возвращался к строкам, принципиальным для него (не зря они дали название единственному московскому сборнику поэта: *Альфонсас Буконтас. Пока летит стрела. Стихи. Перевёл с литовского Сергей Карнеев. М.: «Советский писатель», 1990*).

Автор ведёт не сразу угадываемый спор с известным стихотворением Осипа Мандельштама «Раковина». Спор—опять о человеке. Что и говорить, концепция, которую Мандельштам так пронзительно выразил в 1911 году, получила распространение в искусстве (прежде всего—западном) второй половины двадцатого века. И не раз уже было доказано: человек—только одинокая песчинка на ветру времени, только (по Мандельштаму) «ненужная раковина», вынесенная «из пучины мировой» на брег жизни. Вроде бы это полностью подтвердил минувший век: судьбы, жизни, любовь, надежды, проявившиеся и не открывшиеся таланты были безжалостно сломаны, искорёжены революциями, диктатурами, войнами. Но вот аргументы Альфонсаса Буконтаса:

Нет, не раковина потерянная: плачет она,
прилив умоляет
вернуть в глубину. Бесплодна. Одни песчинки
жужжат в ней. Назад—это всё, что осталось,—
назад зовёт её память…
Ты—семья! Ты—пробившая время стрела!
Звон натянутой тетивы бунтует в тебе.

Надо ли что-то добавлять к этим словам? Разве что из Торы: мы все—семья, и каждый ответственен за другого. Разве что из Агни-Йоги: «Удача не покинет стремящихся, ибо трудно попасть в стрелу на полёте».

Владимир Яранцев

На разнице потенциалов[1]

1. Не Пастернаком единым

Книга «Крестьяне о писателях» — это ещё и, как ни странно, проблема авторства. Роль и миссия Адриана Топорова в книге двоится: он и автор, и соавтор, и автор только отчасти — в примечаниях и предисловиях / послесловиях. В этой мобильности, подвижности критической функции, когда он и направляет своих «низовых» критиков, формирует их и формулирует и скрывается за ними, как за масками, можно увидеть особый феномен. Он состоит в попытке избежать «неправильную» критику, которая постоянно «не угадывает», ей не верят, перестают верить. Избегает вплоть до самоустранения или минимального присутствия «Я» критика. Оно, это «Я» тяготеет здесь над «Мы», а критерии литературы измеряются больше социальными ценностями, нежели художественными. Социумом, а не индивидуумом, всегда склонным к перевесу «художественного» над социальным.

Социалистический реализм, призванный такую социальную «Мы»-критику оправдать и канонизировать, увы, быстро омертвел. «Я»-критика вернула себе свои права и легитимность, а после возвращения страны в капитализм повысила градус и степень своего «Я» до предела. Тот же процесс уплотнения и сжатия пережила и литература, сосредоточившись в одной географической точке — городе Москве. Естественно, что и литературная критика у нас теперь исключительно московская, по месту проживания и по духу. И это не провинциальное брюзжание, а констатация свершившегося: только там есть литературный процесс, обеспеченный большим количеством писателей, толстые журналы в каноническом смысле слова, многочисленные и разнообразные издательства, от «олигархов» до «миноритариев», узкоспецифических, «на любителя» и, наконец, читатели — самые образованные и продвинутые, с устойчивой привычкой к чтению. Каждый из них потенциальный критик, но уже не в топоровском смысле, а в интернетовском.

Но есть критики и печатные, с точки зрения долголетней работы в том или ином издании, элитные, к чьему мнению не просто прислушиваются, а сверяют свои, критики-«олигархи», определяющие пути развития литературы, недосягаемые, как боги-олимпийцы, вещающие с высот своего имени, авторитета. *Наталья Иванова*, за почти сорокалетнюю работу в литературной критике, приобрела репутацию критика определённого лагеря — «либерального». То есть противостоящего другому лагерю — «патриотов», «почвенников», реалистов, «топоровцев», как сказали бы мы. Эхо тех литературных боёв, которые шли наиболее рьяно в годы «перестройки», до сих пор отзывается в её статьях 2010-х годов. Объединённые в книги, они приобретают характер манифестов, давно и стойко исповедуемой религии литературы, свободной от диктата власти и идеологии, особенно тоталитарной. С другой стороны, это оборачивается тем «олимпийством», которое ограничивается вниманием только к лучшим образцам, а за неимением их в современной литературе обращается к классике предшествующего времени, что характерно, лишь для 20 века. А ещё точнее, «сталинского» периода отечественной литературы, где противостояние литературы и жёстко её регулирующей власти было наиболее сильным, для многих с трагическим исходом.

На долю же современной литературы остаётся только освещение литературной жизни страдающей избытком писателей Москвы и околопремиальных дел. Из-за чего даже встала проблема — и Н. Иванова в этом откровенно признаётся! — коррумпированности отношений в столичном литературном мире: «К рекомендациям критиков и литературных журналов, — пишет она, — надо относиться с большой осторожностью — повторяю, коррупция давно проникла в наши ряды». Обо всём этом автор недавней книги *«Феникс поёт перед солнцем»* (М.: Время, 2015), она писала в предыдущей — «Русский крест» (М.: Время, 2011), от которой осталось впечатление «антипровинциальной», то есть отзывающейся о немосковской литературе как заведомо отсталой, без блеска столичной жизни, её премиальных тусовок. В современной словесности, переживающей эпоху эклектики и всеобщего смешения, близкого к хаосу при отсутствии чётких направленческих и жанровых границ и канонов, лит. критика эпохи лит. гибридных (полу-, недо-, около-, квази-)

1. Продолжение темы, начатой в «ДиН» №2, 2017 г.

текстов невозможна. То есть «обычная», «толстожурнальная», вместо которой сейчас практикуются 2–3-страничные заметки «рекламного» типа. И в то же время Н. Ивановой выдвигается требование «сложнонаписанной, с «огромным и живым лексическим запасом и идеями текстом», с «глубокоэшелонированным идеями текстом», «полифоническим сочетанием времён и мест», «всемерным расширением хронотопа» как подлинно современной литературы.

Всем этим требованиям отвечал для Н. Ивановой в 2010 году только Михаил Шишкин. В новой книге такого фаворита нет. Ознакомьтесь со списком претензий. В. Маканин со своим романом «Две сестры и Кандинский» слишком запутан (театральная декоративность, карикатурность, отвлекающие от главного). М. Степнова в «Женщинах Лазаря» использует рецепт Л. Улицкой. В. Левенталь в «Маше Регине» голословно приписывает своей героине высокое творчество. А. Терехов в «Немцах» «переслаивает жгучую современность… с мелодрамой». О. Славникова в «Лёгкой голове» слишком упрощает свою прозу. Тем более уж это не Р. Сенчин со своей «бедной прозой» или А. Понизовский с «Обращением в слух» в попытке «преодолеть условного Достоевского», но не сумевший преодолеть жизненный материал своих историй. Остаётся диагностировать симптомы. Существует, например, вопрос литературной территории и захвата её «спецназом» «неореалистов», точнее, «прилепинцев» (сборник «Десятка»), у которых есть необходимая для этого «варварская энергия», отсутствующая в прозе молодых писателей «усиленной литературности». Или проблема «высокого чтива» как «стратегии литературного выживания» в попытке совместить сложное с простым, «высокое с массовым» у М. Степновой, В. Левенталя, А. Терехова и как тоска по литературному буму 70–90-х годов у читателя и у писателя. Кто-то «напрямую продолжает пролетарскую линию Горького», кто-то пытается наследовать «аристократам» Ходасевичу и Набокову, Добычину и Вагинову, Хармсу и Платонову, параллельно друг другу сосуществуя в молчаливом противостоянии, в том числе и поэтик—«социального реализма» и той, кто «восстанавливает утраченное» (модернизм).

Проблема «ответственности писателя перед литературой» Н. Ивановой ставится так же под нужным ей углом. Это когда «государство ушло вслед за читателем», а «эстетики» выталкиваются маргиналами». В этом случае, пишет она, «литературная задача ставится ярче», «на небольших пространствах» повести и рассказа, которые легче усваиваются читателем, Языку и Стилю тут «любезнее», как любезнее и самой Н. Ивановой. Ибо в противном случае возможна подмена стиля «важной социальной темой и общественной проблемой», когда «отлетает доверие к книге», которую написал писатель и о которой пишет критик. Но тут на помощь приходит внешний фактор, влияющий больше на стиль, чем на социопоэтику,—расширение географии в изображении жизни (А. Дмитриев, Г. Шульпяков, М. Гиголашвили) и места жительства писателей (М. Петросян, С. Афлатуни, А. Макушинский, М. Палей, Б. Хазанов, И. Вишневецкий, А. Ханцис). Возникает «эффект диффузии»: как в волнующемся море, в литературе перемешиваются разные течения, создавая особый климат присутствия разных времён на «омытых волной территориях». Похоже, Н. Ивановой эти процессы по душе: «Попытки закрепить русскую современную словесность на государственной территории, оберегаемой стеной с бдительными часовыми, могут привести только к застойным явлениям. А значит, к эпигонству—гниению и вырождению». И далее: «Госпропаганда тщетно пытается настроить публику против чуждых, отвратить от чужой культуры, изолировать, посадить на подножный корм». Но «новая всемирная отзывчивость» нашей литературы «вступает в спор» с этой госпропагандой, пишет Н. Иванова, будто не замечая своей «пропаганды», либеральной.

Вступает в спор Н. Иванова и с возвращением советской власти, ностальгией по СССР. Этому «умилению перед советским прошлым» надо противопоставить реальную картину жизни в СССР, приводя в пример небесспорные мемуары А. Подрабинека «Диссиденты». О возможности другой жизни в СССР—не советской, говорит книга Н. Громовой «Ключ» о людях, ушедших в сталинскую эпоху в «параллельное существование» в том, оказывается, многослойном времени («возможности сопротивления были разными»). Ей-то Н. Иванова и уподобляется в этой книге, когда пишет о «другой жизни» русской литературы в советское время в первом разделе «Феникса…», в три раза большем, чем второй, посвящённый нынешней литературе. О ней писать интереснее и поучительней, и сразу две задачи решается: 1) даётся картина вроде бы подлинной литературы советского времени (а не советской литературы) и как приходилось выдающимся писателям и поэтам выживать в условиях жёсткой цензуры, искажая свой талант, заодно представляя ту власть и то время в безусловно чёрных красках; 2) даётся урок современной литературе о том, что нельзя поддаваться соблазну приоритета социально-идеологической тематики над Языком и Стилем и что из советской литературы интересны только «диссиденты», те, кто, не уступая режиму, проводили свою линию, пытались сохранить своё, неповторимое.

Далее Н. Иванова показывает, условно говоря, степени такой сопротивляемости писателя. Во-первых, это Борис Пастернак, которому был свойствен «самообман», компромисс, но не как конформизм, а «дипломатия, ведущая к консенсусу». В отличие

от А. Ахматовой, для которой была характерна «особая трезвость взгляда». Б. Пастернак самая интересная для Н. Ивановой фигура именно с точки зрения сложности взаимоотношений с властью, когда поэт испытал иллюзию очарования Сталиным как чего-то «сопоставимого с космосом, со стихиями». Таковым он предстаёт в «Докторе Живаго» под именем Евграфа, брата героя. В этом смысле удобно сопоставить Б. Пастернака с М. Булгаковым — новатора в поэтике и «консерватора»-архаиста. Их сближает «точность тайн» христианства: Б. Пастернак в части 17-й романа и в стихах Юрия Живаго, М. Булгаков — в романе о Христе, включённом в роман о Мастере. Юрий Живаго в конце жизни получает явные черты юродивого. Сопоставление Б. Пастернака с Осипом Мандельштамом Н. Иванова основывает на «квартирном вопросе»: О. Мандельштам был обречён на безбытность, скитания, Б. Пастернак придавал большое значение «почве» — «дому, саду, огороду», хотя к вещам, предметам быта был равнодушен. Варлам Шаламов (в главе «Шаламов и Пастернак») говорит и пишет Пастернаку о ГУЛАГе и правде войны, но каждый остаётся при своей правде. Прежде всего художественной, как он её понимает, и правде художества как документа — Шаламов, у которого «невероятное сжатие, сгущение своего трагического опыта как опыта всей страны, и одновременно детализации, страшная, почти галлюцинаторно ясная конкретика, которая Пастернака, слава Богу, миновала».

Как для Н. Ивановой Б. Пастернак — идеал писательско-диссидентской сопротивляемости, так В. Шаламов почти антипод. Он уж точно понравился бы коммунарам-«топоровцам» больше. Ибо первый — это одно большое «Я», «небожитель», неслучайно назвавший своё главное произведение единолично: «Доктор Живаго». А второй, Шаламов, это «Мы» — лагерное, коллективное, вопреки тому, что ГУЛАГовский, колымский опыт был для него «отрицательной школой». Ведь его «Колымские рассказы» — это коллективный портрет лагерного социума, его обратная, по отношению к «Ивану Денисовичу» А. Солженицына, сторона. Он всё-таки понял, что в лагере сидят не преступники, а «люди, которые были рядом с тобой (и завтра будут), которые пойманы за чертой, а не те, что преступили черту закона», пишет уже не Н. Иванова, а сам писатель. И потому, читая Шаламова, мы держим в уме Солженицына, Е. Гинзбург и даже А. Подрабинека, не говоря уже о З. Прилепине и его «Обители». Коммуна «Майское утро» А. Топорова, будучи не лагерем, тем не менее схожа с ним «хоровым» началом. Но уже не в критике, а в отношении к власти, жизни, личности. Лагеря ведь изначально так и были задуманы на Соловках — коммунами, со своими газетами, театрами, оркестрами и т. д. Здесь человек ещё не боится (не стесняется или презирает) быть частью социума, в котором ей легче самоидентифицироваться, чем наедине с собой, что чревато диссидентством.

Н. Иванова выбирает «антихоровое» начало времён коммуны, деградировавшей в ГУЛАГ и потому её последующие за блоком «пастернаковских» главки — герметичны, узки и достаточно предсказуемы, однотипны: художник (обязательно с большой буквы) и власть (обязательно с маленькой). Таковы и выбранные автором книги писатели: Е. Замятин и А. Платонов («Андрей Платонов и Евгений Замятин: Предсказатели»), М. Зощенко и Ю. Домбровский, Ю. Трифонов и В. Тендряков — писатели, по складу своего таланта склонные к самоуглублению, но вынужденные играть роль советского писателя. Быть одновременно и в себе, и в социуме. Отсюда и кричащие противоречия. Особенно у А. Платонова, который совмещал «уездное» и «цивилизаторское», пишет Н. Иванова, и потому «личностнее» как создатель антиутопий. Хотя, например, «Котлован», всё же не столько уж антиколлективен, как нас убеждали в годы «перестройки». А. Платонов, видимо, страдал от своей же навязчивой сатиричности, превращавшей его произведения в памфлеты. Возьмите раннего Платонова, завзятого коллективиста-коммуниста.

Другой сложный случай — Ю. Трифонов («Юрий Трифонов: Забвение или память?»). Он «долго и упорно» разрабатывал, пишет Н. Иванова, тему компромисса, пытаясь быть одновременно историком и летописцем современности. А проблема-то всё та же: «Я» и «Мы», личность и социум, и настолько дилемма эта остра для писателя, что он вынужден прибегнуть к компромиссу. Но так всё у него хрупко и тонко, что компромисс этот трифоновский смахивает на соблазн предательства, трусости, но с крепким тылом оправдательной базы. «Подсоединяется», как пишет Н. Иванова, писатель к Глебову из «Дома на набережной» или присоединяется — велика ли разница? Достаточно мелочи, микрособытия, нюанса, чтобы «под-» перешло в «при-» у Глебова, а вместе с ним и у Трифонова. А это всегда боль, терзания, тем большие, чем уединеннее, личностнее их переносить.

Такие, «писательские» компромиссы» всегда болезненны и мучительны, как внутренний ГУЛАГ. Одному ему, А. Фадееву («Александр Фадеев: Жизнь на „Титанике“»), ведомо, сколько таких компромиссов он испытал и как функционер, глава писателей при Сталине, и как писатель, не закончивший, по сути, ни одного своего произведения, кроме первого («Разгром»). Н. Иванова, однако, уверена, что это были не компромиссы — удел сложных натур, вроде Платонова или Трифонова, а самообманы и самопредательство, граничащие с «обманом и предательством самой литературы». Отсюда одиночество и самоубийство. У него ведь

не было той трифоновской «причастности к истории», способной «вывести человека за пределы единоличного, замкнутого на себе существования». Он сам, пишет Н. Иванова, был «историческим персонажем драмы советской культуры, развязавшей свой внутренний конфликт самоказнью» и потому «заслуживает пристального внимания».

И тут мы замечаем, насколько автор «Феникса…», предпочитающая писателей-попутчиков, «параллельных» советской власти, так или иначе сопротивлявшихся ей, невольно становится А. Топоровым. Только слушает и записывает она голоса не коммунаров, а членов писательской «коммуны», типы которой поражают разнообразием. Все рекорды такой типажности бьёт В. Катаев («Валентин Катаев: Соло на фаготе»). Какие там компромиссы и самоказни! Приспособленчество самое откровенное, цинизм самый явный, отвращавший от него коллег по «цеху». И в то же время — «позитивное сознание и отношение к обстоятельствам: если они против тебя, надо им подчиниться, чтобы выиграть жизнь, успех, комфорт, дачу…». Н. Иванова зорко усматривает в этом циничном «позитиве» «невероятную пластичность», обладание «сверхчувством живой жизни». Он «мощно втягивал в себя эту жизнь, чтобы выдохнуть её преображённой», «обладал особым вкусом гурмана жизни». Словом, Н. Иванова проявляет чудеса двойного зрения, способность сразу видеть обе стороны луны. Что же тогда мешает увидеть в писателях-соцреалистах, честно шедших в ногу с советской властью, а не прятавшихся в параллельные жизни, достойных внимания и изучения — в Ф. Панфёрове, А. Серафимовиче, Е. Пермитине, А. Неверове, Л. Сейфуллиной? А в «попутчиках» И. Бабеле, Ю. Олеше, Б. Пастернаке — запутавшихся в словах и собственном «художестве» интеллигентов, согласно А. Топорову?

Бесспорен их талант, но ведь Чехов, Толстой, Некрасов, Горький и другие хорошие писатели — не интеллигенты? А мы их понимаем, — дружно говорят коммунары-топоровцы. Но ведь тяготели же писатели советского времени и писатели советские к такой классичности и понятности. Тот же К. Симонов («Константин Симонов, глазами человека моего поколения») был невероятно популярен до «перестройки»: «Его любовные стихи миллионы людей знали наизусть», «за романами охотились „толстые“ журналы», «пьесы ставились на лучших сценах страны». И вот теперь его «тексты омертвели в 10-томном собрании сочинений», «и произошло это накануне новой эпохи, их поглотившей уже навсегда». Видимо, всё же не навсегда, если либерал и трубадур «сопротивляемости» советской эпохе пишет о нём 37-страничный очерк. Оказывается, одними Пастернаком, Платоновым, Зощенко не обойтись — картина выходит неполной, неправильной. Зато попутчики тоже, очевидно, навсегда, приобрели статус подлинного мерила и отношений с властью, и «художества», а непопутчики — навсегда же пребывать в их тени.

2. «Мутон» на заклание

Как будто бы, правильно всё, верно: только талант и своё «Я», допускающие компромиссы, но не «самообман», как К. Симонов, пытавшийся сохранить себя, «оставшись на войне» (т. е. оставшись верным военной теме), является единственным критерием подлинности и читательского успеха. Но до конца ли это верно? Увы, но такая литература до сих пор остаётся, со времён топоровцев, «интеллигентской». Она для тех, кто поднаторел в распутывании словесной вязи «сложнонаписанной» и «глубокоэшелонированной идеями» текстов. А критик, отдающий ей первое место, сам приобретает синдром «попутчика». То есть прежде всего самоуглублённого «Я»-критика, вольно или невольно, ограничивающего себя кругом писателей и произведений, основанных на сопротивляемости власти и среде, а также реализму. Не зря самым важным, ключевым для автора «Феникса…» является Б. Пастернак. Кстати, всеми силами пытавшийся преодолеть эти самые «сложноподчинённость» и «глубокоэшелонированность». Итогом борьбы с самим собой стал роман «Доктор Живаго» со всеми следами этого героического самопреодоления. Мнения о романе оказались самыми разными, большинство склонялось к громкой неудаче. Правда, если судить о «Докторе…» с точки зрения Л. Толстого и современников-писателей автора — М. Булгакова, А. Платонова, Е. Замятина, Ю. Олеши и др. И наверняка разобрались бы с критериями толкования этой необычной прозы, если бы не «нобелевская история» конца 50-х годов, буквально заставившая читать роман всех, от диссидентов до эмигрантов.

Иван Толстой, автор книги *«Отмытый роман Пастернака: „Доктор Живаго“ между КГБ и ЦРУ»* (М.: Время, 2009), написанной давненько, но для нас весьма уместной, тщательно прослеживает все перипетии «путешествия рукописи «Доктора Живаго»» и количество людей, вовлечённых в её публикацию. Честно говоря, разобраться во всех хитросплетениях с ходу читателю трудно. Зато можно позавидовать автору книги, столь лихо путешествующему вместе с рукописью романа Пастернака в Италию к Дж. Фельтринелли, во Францию к Ж. де Пруайяр, в США с композитором Н. Набоковым, Ф. Морроу и др., а также в Чехословакию с Р. Якобсоном, а ещё в Швецию, Голландию. А в общем, везде, где роман с жадностью читали и оценивали. Для этого надо перечислить все европейские страны и «другую» Россию, конечно. И. Толстой явно рассчитывал увлечь детективной стороной публикации романа, который появился сначала по-итальянски и только

потом — срочно! — по-русски. Якобы без этого Пастернаку не присвоили бы Нобелевскую премию. Загадочна история вмешательства ЦРУ, будто бы стремившегося насолить СССР с помощью «Доктора…», и контрмеры КГБ, зорко следившего за тем, чтобы гонорары за издание романа не попали в руки Пастернака и его близких.

Интересно ли нам всё это, околопастернаковское, если больше всё-таки должно волновать само произведение и столь сильная привязанность к нему, как к родному дитя, самого писателя? Верил он в свой роман бесконечно, к критике оставался глух, давая читать рукопись всем желающим, охотно устраивая чтения вслух. Отсюда понятно, почему столь легко он отдал «Доктора…» едва ли не первому встречному — итальянцу С. д'Анджело, тотчас переправившему роман издателю Фельтринелли в Италию. А потом столь же пылко — француженке Ж. де Пруайяр. И путешествие началось. Пересказывать книгу и все её лабиринты нет смысла. Куда интереснее осмыслить феномен пастернаковского произведения, рассчитанного на отзывчивость буквально, по-пушкински-достоевски — всемирную. Началась ли эта «всемирность» у Пастернака с Парижского конгресса 1935 года или в 1945-м, когда настала послевоенная «оттепель», несмотря на быструю заморозку, оставившую неувядаемое «чувство обновления» (И. Толстой), «просветления и освобождения» (Пастернак). Или чуть раньше, когда начал много переводить-сотворчествовать с Шекспиром и Шелли, Гёте и Шиллером. Из книги (а не из слов автора) вытекает, что именно тогда, когда появились первые наброски будущего «Доктора Живаго». Тогда-то, предполагаем мы, в писателе и пробудилось, вместе с чувством «освобождения», свободы и чувство «всемирности». Он и его герой не могли существовать в замкнутой оболочке своего «Я». Они изначально были открыты всем — всему социуму и универсуму. Отсюда, видимо, и сюжет, в расчёте на «низового» читателя, отчасти по Достоевскому (Лара, Комаровский, Антипов, Живаго), отчасти по Толстому (опрощение Живаго на Урале, в партизанском отряде, и особенно в Москве 20-х гг.), отчасти в духе авантюрных романов (линия брата Евграфа). Отсюда и любовная магистраль романа с Ларой Гишар-Антиповой. Отсюда и лирика с историософией и стихи в «Приложении». Отсюда и антисоветизм Юрия Живаго, в первую очередь замеченный литературными держимордами, а на самом деле это была усталость героя, и не от революции, но и от жизни вообще.

Каждый может найти в романе близкое его сердцу и уму, в том числе и восхитившие всех описания природы. Оказывается, в «Докторе Живаго» не один, а много Пастернаков. Вернее, один, но в единстве многих ипостасей. Выходит, это роман столько же от «Я», сколько и от «Мы», написал он произведение и от себя, и от всех, оно и его и не его. А это и есть то самое «топоровское» начало, полифония голосов, требующих произведения народного: ясного, понятного, не «интеллигентского», но и не благостно-соцреалистического. Пастернак и не скрывал этой направленности своего творчества. Так, в письме к И. Берлину он признавался: «Сейчас я пишу совершенно по-другому: нечто новое, совсем новое, светлое, изящное, гармоничное, стройное, классически чистое и простое…». «Топоровцы», правда, требовали, чтобы проза была жёсткой, зачастую жестокой, беспощадной к читателю. Но разве Пастернак пощадил своего героя, в конце романа абсолютно юродивого на положении «опустившегося и сознающего своё падение человека», живущего среди «грязи и беспорядка». И разве сам Пастернак не был близок к тому же в конце 50-х, после присуждения ему Нобелевской премии, когда писатели дружно проголосовали за его исключение из Союза писателей, не переча злобным речам и статьям, унижающим и растаптывающим его достоинство («сорняк», «овца», «свинья»)?

И. Толстой назвал одну из главок книги «Мутон на заклание» о тёмной истории с интригами ЦРУ при печатании на русском языке романа в скромном голландском издательстве «Мутон». Очевидно, сам Пастернак был таким «мутоном» (в переводе с французского «баран»), пошедшим на жертву, на Голгофу ради своего романа. Ещё И. Толстой, утверждая, что «Пастернак сам, сознательно заварил эту кашу, не упустил ни одной возможности подтолкнуть и поторопить западных издателей и посредников, пытался мирить и сводить людей, от которых зависели его публикации, радовался далёким удачам и расстраивался от далёких неуспехов», делает вывод, что и здесь Пастернак выступает автором. Только уже «издательской истории рукописи, ставшей ещё одним произведением Пастернака — чем-то вроде пьесы».

Странная это, однако, пьеса получилась. Пьесой, «поставленной режиссёром, разлучённым со своей труппой, которая, в отсутствии руководителя, начинает играть по собственному усмотрению и разумению», но не отходя от общего замысла». Но если посмотреть шире, «поверх барьеров» этой не во всём чистоплотной «истории», то Пастернак был автором и героем не пьесы, а трагедии, под стать шекспировской. Не зря он переводил только трагедии: «Отелло», «Король Лир», «Гамлет», «Ромео и Джульетта» и, наконец, «Макбет», самую мрачную из них. Роль своеобразной леди Макбет сыграла здесь Ольга Ивинская. Поначалу она вдохновила Пастернака на Ларису Гишар («она есть Лара моего произведения, которое я в это время начал писать», — 7 мая 1958 г., Р. Швейцер). Хотя и оказался этот образ «лишённым характерности» (Д. Лихачёв), «персонажем условным,

искусственным, составным» (И. Толстой). Но затем дух авантюрности, порода человека, «у которых постоянно что-то свербит и которые до самой старости не могут отказаться от мечты отыграть жизнь, сорвать куш», пишет автор книги, стал в ней всё очевиднее. Так что заметил это и сам Пастернак: «Упрямица, сумасбродка, шалая, боготворимая, с вечно величественными и гибельными выходками, которых нельзя предвидеть», цитирует И. Толстой Пастернака. А. Ахматова, например, едва ли не всерьёз полагала, что «Доктор…» написан О. Ивинской, по крайней мере, «страницы совершенно непрофессиональные».

И это было на неё похоже, не зря Ахматова просила не смеяться над её словами. Она и «контролировала его (Пастернака) почту»,—письма Пастернака «то и дело не доходили до западных друзей, а оседали в бумагах Ивинской»,—замечает И. Толстой. Она и «всё больше входила в права второй супруги», представляясь иногда «женой Пастернака». В. Шаламов и вовсе писал, что «Пастернак был её (Ивинской) ставкой, и она ставку использовала, как могла» («Знамя», 1992. №2). Неужто «Доктор Живаго» и О. Ивинскую можно отождествить? Можно: «Отношение к своему роману у Пастернака было во многом схоже с отношениями к Ольге Ивинской. Как только ни предостерегали его от общения с нею, чего только ни выслушал в свой адрес, но всё либо преодолел, либо вытеснил из сознания. Такую же верность он проявил и к роману: как только его ни ругали, какой провал ни сулили, какие кары за публикацию ни пророчили, Пастернак гнул свою линию, слушая только хвалящих и отворачивался от хулителей», пишет автор книги. Но ведь Лары Гишар-Антиповой из неё не получилось и не могло получиться. О. Ивинская быстро вошла в сотрудничество с властями, на протяжении всей истории с романом продолжала активно посредничать между властями и Пастернаком: сначала при запрете публикации книги в Италии, потом при возврате рукописи назад, а после присуждения Нобелевской премии пишет покаянные письма в «Правду» от имени Пастернака.. И, наконец, ещё более горячее участие она принимала в контрабандном получении гонораров из-за границы за публикацию «Доктора…» (около 800 тыс. долларов). А после смерти писателя «объявила, что теперь именно она будет распоряжаться средствами Пастернака и распределять их между наследниками» (Е. Пастернак). Однако «пьеса» длиной в три года закончилась печально: летом 1960 года её арестовали в том числе и за «организацию валютной контрабанды в целях личной выгоды за спиной» Пастернака. Но к тому времени сам он уже умер. Ивинская же нашла новые жертвы: в своих воспоминаниях она так «припечатала узниц политического лагеря 60-х гг.» («нелюди»), особенно А. Баркову («карнавальная рожа»), что вызвала гнев других лагерниц.

Итак, «Доктор Живаго», рождённый и Б. Пастернаком, и целой эпохой, прославился не столько своими литературными качествами, сколько обстоятельствами, его сформировавшими. И в этом смысле он подлинно реалистический», «жертвенный», «голгофский». Отныне, читая его, мы будем держать в уме судьбу Пастернака с середины 30-х по середину 50-х, Ивинскую, Ахматову, И. Берлина, Фельтринелли, Р. Якобсона, Ж. де Пруайяр и ещё десятки и десятки имён. Целый хор голосов и лиц, полифонию жизни и творчества! Не зря книга И. Толстого так и пестрит цитатами из писем и мемуаров, напоминая подчас компиляцию. Таков ведь и сам многогранный роман Пастернака, реалистический по пафосу, но «интеллигентский» по исполнению. «Топоровцам» он, несомненно, понравился бы, если бы они дожили до «оттепели» и раскрепостились бы от навязываемой идеологичности. А. Топоров смог бы продолжить свой эксперимент с «низовой», «хоровой» критикой на новых началах.

3. «Московский пленник»

Но разве не может и отдельный критик быть «низовым» и «интеллигентским» одновременно, угадывая тех писателей и те произведения, которые будут действительно читаемы и «внизу» и «наверху», где были бы и народ, и отдельные личности? Такой критик должен, безусловно, происходить из провинции, но быть москвичом, стоять за литературу, понятную народу, нравственную, реалистическую, и быть при этом хорошо осведомлённым и в литературе другого рода и толка. В то же время он не должен быть крайним «патриотом» и «почвенником», но иммунитетом от либерализма и постмодернизма обладающим. Правильно, это, конечно же, *Павел Басинский*, той же Н. Ивановой воспринимаемый как литературный оппонент, но с мнением которого вольно или невольно надо считаться. Его новая книга «*Скрипач не нужен*» (М.: АСТ, редакция Е. Шубиной, 2015) построена так, что читательские догадки о провинциальном происхождении П. Басинского с последующим омосквичиванием, о его приверженности реализму не в силу невежества, как обычно говорят либералы, а как раз наоборот, от настоящей эрудиции, о его демократизме, включающем в свой круг общения «волгоградского дядю Колю», любителя рыбалки, и крутого критика-постмодерниста В. Курицына, подтверждается в конце книги, перевалив за четвёртую сотню её страниц. А именно в повести «Московский пленник»—настолько же автобиографии, насколько и оправдании: не кори меня, читатель, что я стал москвичом, изменив более чистой и честной провинции, но в душе я останусь им

навсегда. «Простите, православные!» — завершает он повесть рыдающей сценой в храме.

Но это всё, повторяем, в конце книги, где автор решился на исповедь и даже на плач. Тогда как вся книга рисует нам облик критика без компромиссов, знающего, что и кого защищать и отстаивать, кого из классиков и современников предпочесть другим. Список лит. портретов, из которых состоит первая часть книги, выглядит вполне естественно и предсказуемо для антилиберала-реалиста: Пушкин, Тургенев, Некрасов; 20 век — Горький, Платонов, Шаламов, Солженицын, Трифонов, Астафьев. И никакого Пастернака, как в книге Н. Ивановой. Характерная разница, ибо тут что ни писатель, то эталон русскости мысли, чувства, слова. И даже Моцарт в очерке о «Моцарте и Сальери» Пушкина кажется настоящим русаком: «Он великодушен», «в его гибели… есть неслыханная щедрость. Да убивай, чёрт с тобой! Только не нуди!» — говорит Сальери этот Моцарт П. Басинского. Тургенев тут и вовсе «почвенный» писатель, на русском языке которого «держится» русская цивилизация. П. Басинский не чужд пафоса, например, в «портрете» А. Солженицына, у которого «было исключительное чувство драгоценности времени», который был феноменом «самого по себе великого жизненного произведения», «был необъятного размера русский человек», «окном в Божий мир».

Но даже здесь, в жанре некролога, П. Басинский не избежал двояковыпуклой полемики с недоброжелателями, упомянув об уязвимых чертах его личности («диктатор»-«аятолла», необщительный, гордый и т. д.). И в этом весь П. Басинский — в чуждости формальному, схематичному рассказу о писателе и его произведении. Если это М. Горький, то «странный Горький», если Л. Толстой, то первое эссе в дилогии о нём тоже взывает к странному: «Почему не встретились Толстой и Достоевский?» А А. Чехов у него неожиданно — «гражданин», к тому же «свободный». Говоря о А. Платонове, вспоминает скрипача из фильма «Кин-дза-дза», который инопланетянам не нужен, как Платонов — нынешнему «спящему» времени. В очерке о В. Шаламове главной становится бабочка, которую он в лагере хотел съесть и которая так не похожа на бабочку из сытой фантастики Р. Брэдбери.

Тут-то наконец понимаешь, что эти короткие тексты-эссе — что-то среднее между очерком и лит. портретом — явно газетного происхождения. Отсюда и рассчитанные на заинтересованность читателя неожиданные посылы, сравнения, образы. П. Басинский в них настолько органичен и свободен, как «гражданин» Чехов, что, кажется, будто журнализм и есть его настоящая стихия. Пусть даже долгие годы работал он не в простой газете, а «Литературной». Но это только внешнее впечатление. Потенциал П. Басинского настолько широк, что он в любой момент может развернуть миниатюру в немалую статью, мини-эссе в макси-очерк. И если два эссе о Толстом уложились в десять страниц, то тема «Грядущего Хама» по следам известной статьи Д. Мережковского, в три раза больше. Чуть-чуть добавить академичности — и это уже вполне научная статья для серьёзного журнала: тут есть и систематика («грядущий мещанин», «грядущий китаец», «грядущий босяк», «изобретатель», «онтологическая обречённость») и цитаты и ссылки (например, целый список литературы о Ное и Хаме, сноски с И. Ильиным, В. Набоковым, Г. Адамовичем и др.) и, конечно, концептуальность («сама культура производит Хама», там, где «намечается ослабление, потеря чёткой ориентации в духовном мире»). Одна из составляющих этой концепции Хама — «изобретательность», по П. Басинскому, предполагает различие между «естественностью» и «простодушием». Первая — принадлежность Хама, который свою выгоду ни за что не упустит, а второе, т. е. «простодушие», критик представляет в образе деревенского мужика в столице. Для него мир очень сложен, запутан и противоречив, поскольку он нутром чует, «как это всё непросто».

Таковым вот мужицким «простодушием», кажется нам, обладает и сам П. Басинский. Вроде бы давно уже не провинциал, не «мужик», закончивший Литературный институт, аспирантуру, ставший специалистом по творчеству М. Горького, выдвинувшийся в топ-список российских критиков, он словно бы до сих пор доказывает своими текстами свой столичный статус. Отсюда «журнализм» его стиля с почти устным, разговорным языком, неотразимая краткость, заряженность на полемику с неприятелем. И неприязнь к «филологической», «университетской» критике, похожей на «рефераты». Может быть, в этой неприязни бывшего аспиранта (кстати, стал он им почти случайно, судя по «Московскому пленнику») и скрыто это «мужицкое» начало в П. Басинском, когда он больше доверяет здравому смыслу, природной (самородной) смекалке, чем «науке». А эрудиция пригодится для полемики с неверующими в «патриотов-эрудитов» либералами и неожиданной, часто парадоксальной эффектно образной постановки темы, её ракурса.

Особенно явно такой «мужицкий» взгляд заметен в откликах на современных писателей. Так, литературный портрет Б. Акунина, творчество которого сравнивается с мнимым штилем в стакане воды и в целом, как будто им приветствуется, далее изображается всё в более тёмных тонах, пока герой писателя Фандорин не называется таким же «шпионом-японцем», как герой «Штабс-капитана Рыбникова» А. Куприна. Другой образ из классики, правда, слегка обыгранный — «человек в фуляре», а не в футляре, — предназначен прозе А. Кабакова, неизменно убегающей от жизни в «киношные

боевички». И, наконец, верх парадокса: В. Пелевина, автора романа «Generation П» П. Басинский сравнивает с... Чернышевским и его «Что делать?» При этом характеризуя В. Пелевина, он не боится стилистического казуса, нагромождая в одной короткой фразе три слова на «-изм»: «Эдакий агностицизм, переходящий в эмпиризм и своего рода разумный эгоизм». До красот ли стиля здесь, если главное — точно и ясно сформулировать мысль. В этом смысле сам П. Басинский похож на Н. Чернышевского, идеолога «мужицкой» революции.

С этой странной (любимое слово П. Басинского) точки зрения неслучайным кажется внушительных размеров эссе («реферат») «Мужики и баре», откуда видно, насколько волнует его эта «мужицкая» тема в литературе. По П. Басинскому, «мужик», его быт и бытие — это не просто крестьянин, простолюдин, а особая «порода», «нация», «мир», который ещё предстоит разгадать. И потому долго ещё будут разгадывать тургеневских Хоря и Калиныча, его же Лукерью из «Живых мощей», солженицынскую Марфу, пушкинского Пугачёва, героев «деревенской прозы». Тогда как с паразитирующим на нём малокультурным «барством» всё ясно. При этом барство нельзя путать с благородным дворянством, понятием не сословным, а нравственным. Понятно поэтому, почему критик назвал поэта Ю. Кублановского, у которого «безупречна не форма, а содержание», «стихотворным аристократом». А А. Проханова — «титулярным советником», возомнившем стать (в своих романах) графом или генералом. Или «испанским королём»: П. Басинский, мы знаем, не может без классических сравнений.

Немало, однако, у П. Басинского и несводимых противоречий, неясностей. Так осталось непонятно, есть ли у Е. Гришковца свой стиль. Свой стиль у него определённо есть, рассуждает критик. Ну, может быть, не совсем свой и даже совсем не стиль, но своя манера существует. «Правда, не без манерности», — заключает он. Об А. Кабакове П. Басинский пишет, что «в его прозе начисто отсутствует творец», и в то же время «это явление. И при том — весьма значительное». Тем не менее и тут П. Басинского можно понять: такая уж проза сейчас на дворе, что критике поддаётся с трудом. Это что-то уже за гранью такой привычной нам литературы 19–20 веков, до 90-х годов — нечто неопознано-летающее. Проза и поэзия «индиго», если применить известный паранормальный термин к литературным делам. П. Басинский эту «нло»-литературу не терпит. Он может, превозмогая тошноту, лишь полистать В. Сорокина или Д. Пригова, а для рецензии на новый роман В. Пелевина ему достаточно отрывка, «кусочка». Что же тогда остаётся советовать читателю — ведь это входит в обязанности критика? Горький, Солженицын, Астафьев, В. Распутин — так ли уж читаемы они ныне, легко ли уговорить, убедить нашего современника раскрыть их книги? Не говоря уже о Ю. Трифонове, Б. Екимове, А. Варламове, о которых знают сейчас, пожалуй, только критики. Тогда как большинство из них перешли на собственное текстотворчество о чужих текстах, а не собственно критику. Так, процитировав пассаж из «рецензии» Л. Данилкина на новый роман И. Сахновского, П. Басинский пишет: «И как во всём этом разобраться обычным читателям, которые ждут не критических парадоксов, а просто советов прочитать ту или иную книгу?» П. Басинский, конечно, не Л. Данилкин. Но не использует ли и сам он этот приём «критических парадоксов» во имя читательского интереса к своим статьям? След этого мы уже обнаружили у автора «Скрипача...». И с этим, видимо, придётся мириться.

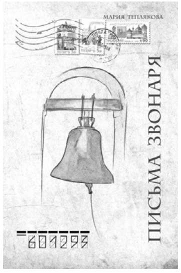
Критик теперь часто сам превращается в писателя, мини-прозаика, переходя от жанра «толстожурнальных» обзорных статей к коротким газетным миниатюрам эссеистического толка. Вот и П. Басинский включил в книгу целым разделом свои тексты из постоянной колонки «Игра слов» в «Российской газете». После литературных портретов и концептуальных эссе, вроде «Грядущего Хама», на них отдыхаешь. Да и сам критик, сокрушавшийся, что за рассказы не дают престижных литературных премий, чувствует себя в этом краткотекстии весьма комфортно. Так что проблемы очередного обязательного списка «100 книг», молчания В. Маканина и В. Распутина, к стыду нашему, забытых А. Суворина и К. Победоносцева и даже А. Герцена кажутся решаемыми, рождается ощущение, что, как бы то ни было, а литература существует. Пусть и в таком, проблемном виде. И куда-нибудь да вынесет всех нас.

Невольно сравниваешь эти почти четыре десятка «коротышек» с голосами рядовых читателей. С теми же топоровскими коммунарми, которых тоже почти столько же. Словно И. Стекачёв или Т. Ломакин, П. Титов или И. Корляков, а может, и А. Бочарова, Т. Блинова, А. Пушкина и т. д. говорят тут о наболевшем, вопреки желающему комфортного чтива нынешнему читателю. Который заметил уже, что нет в книге П. Басинского ни Ю. Олеши, ни И. Бабеля, ни Б. Пастернака. Это значит, что ум и слог у П. Басинского, в лучшем смысле слова, «мужицкий». А значит, дело А. Топорова и его «Крестьян о писателях» продолжается. Так или иначе. Пусть для этого новому А. Топорову приходится дробиться на мелочёвку эссе, газетных «коротышек». «И странно: эти образы каким-то чудом не противоречат», — как писал П. Басинский о единстве образов-ликов Ю. Кублановского, аристократа и смиренника, послушника, сторожа или служки «в поэтическом храме».

Как будто бы о себе писал. Во всяком случае, к П. Басинскому, служителю «критического храма»,

эти слова очень подходят. Но и такие, как «глубокоэшелонированная» Н. Иванова, «большой» критике тоже нужны. Хотя бы для демонстрации того, что и у «либералов» позиции не твердокаменны и их тексты и книги далеко не монолитны. Если уж сам кумир и опора «высоколобых» Б. Пастернак оказался далёк от благостной картины «сопротивленца» и «небожителя», то что уж говорить о его интерпретаторах. Критике явно сейчас не хватает чего-то свежего, может быть, как раз этого «хорового» начала. Она ведь всегда работала на разнице полюсов и потенциалов «лагерей» и групп, на разномыслии, но не центробежном. И это не призыв вернуться в «топоровские» времена, просто надо ещё раз оценить, а может, использовать накопленный опыт. Во многом ценный и нужный.

*Ди*Н ревю



Мария Теплякова

Письма звонаря

Москва: «Ниаландо», 2017

В книгу Марии Тепляковой вошли короткие рассказы и миниатюры. Читатель вслед за автором сможет подняться на колокольни древнего Суздаля, увидеть мир с высоты птичьего полёта, отправиться во Псков и старый Изборск, совершить путешествие на Байкал и на родину автора—в призрачный Кёнигсберг-Калининград на Балтийском море.

Эта книга о любви. Автор рассказывает нам о любимых людях, о детях, о птицах и деревьях, и его бережному взгляду открывается подлинная красота человеческого сердца и всего мира. Автор приглашает нас увидеть красоту в обыденном, приподняться над суетой, прислушаться к жизни, услышать её колокола. Эта поэтическая проза написана хорошим русским языком, читается легко и неспешно, это и в самом деле письма звонаря, несущие каждому сердцу благую весть.

Мама

Солнце клонится к закату, я сижу на тёплом полу в большой комнате и снизу смотрю на мамины руки. Мама играет Шопена, и это единственное, что я твёрдо знаю в своей жизни. Себя помню ещё нетвёрдо, но Шопена—отчётливо. В одних и тех же местах мама останавливается, проигрывает каждой рукой отдельно, а мне страшно сказать слово. Но слово рвётся: не останавливайся, мама, играй; играй, что бы ни случилось… Молюсь за Шопена, чтобы не кончался.

Пирамидальный тополь почти до окна. Девчонки зовут гулять во двор, но надо делать уроки. Сажусь за фортепиано. Пальцы короткие, ноты скучные, басовый ключ ухмыляется и не даётся. Начинаю обречённое аллегро-ковырято. Мама из кухни кричит: «Опять не тем пальцем играешь!» Хитро улыбается Арво Пярт, но сердце моё принадлежит только Шопену.

Круглое лицо моей мамы вытягивается, когда она вечером ложится в кровать. Там ожидает её щётка или детская игрушка-пищалка, мама смешно сердится. Я в темноте коридора ликую.

Помню, как захотелось остановить мгновение, когда я впервые в жизни подумала о смерти. Мама развешивала бельё на балконе, а я смотрела сквозь стекло на её руки. Простыни шелестели на ветру Шопеном, и смерть была далёкой белой птицей, которая, возможно, и не прилетит к нам. А вот так, вдруг она не любит чёрный хлеб? Хлеб состарился, засох, потому что лежал на столе. Надо было убрать его в хлебницу, но там спит кот. Развалился, а когда открыли крышку, сощурился на свет.

Мама, никакой смерти нет, есть только вечное море. Прислушайся: море шумит. Прибой плетёт кружева, из них мы сошьём себе платья. Вода не холодная, не бойся и плыви, чувствуй себя пеной, янтарём, рыбой-флёндрой. Флёндра смешная, у неё глаза на спине, она бегает по мелководью, как будто у неё есть ноги. Но это у нас, когда мы плавали в темноте до рождения, постепенно вырастали ноги. Вырастали они для того, чтобы ходить босиком по земле; вырастали руки, чтобы обнимать любимых, чтобы кормить деток с ложки, чтобы играть Шопена; вырастало и начинало биться сердце, чтобы мы могли жить и дышать.

Давай жить и дышать, мама. Белая птица не любит чёрный хлеб.

Нина Ягодинцева

Рассказать историю

Молчанов В. М. Фрески. Стихотворения и поэмы.—М.: ИПО «У Никитских ворот»

Это было всегда. Это будет, несмотря на Интернет и умопомрачительные гаджеты, на информационные потоки, лавины и сели, обрушивающиеся на головы современников, на телевизионные истерики ток-шоу и чудовищное хладнокровие новостей. Это будет всегда: желание услышать историю—из прошлого ли, настоящего ли, будущего—так, как будто происходит она здесь и сейчас и требует для себя живого сочувствия. Слушая её, ты вдруг непостижимо ощущаешь себя живым и настоящим, и всю глубину времени в себе, в своей крови—чувствуешь абсолютно реально, как будто только так могло и может быть.

Рассказчиков ценят именно за это. История сохранила факт, что издавна на Урале, в котле народов, в междоусобных схватках, среди попавших в плен к чужакам у хорошего рассказчика было больше шансов выжить, потому что долгими зимними вечерами он уводил за собой слушателей то в быль, то в сказку. Где что когда услышал—заплетал он в причудливый сюжет, непременно с «переживательными» подробностями, памятными приговорками. Плясал огонь в очаге, таили дыхание слушатели, и всё многоцветное узорочье жизни, и суровая школа её, и промысел Божий в судьбах становились понятнее, ближе, постижимее.

Прошли века, накопились библиотеки, размножились сайты—но в человеке-то ничего не изменилось. И, открывая книгу, буквально с первых страниц понимаешь: вот он, рассказчик—азартный, увлечённый, ради красного словца ничего не жалеющий, любящий жизнь и живущий поэтически азартно, знающий свою силу и умеющий «показать товар лицом»:

Весна-дворняга солнечным оскалом
Зиме грозила: «Береги бока!»
Пригожий лик под ледяным забралом
Таить устала стольная река,
И лопнула морозная тесёмка.
Шлем по теченью сбросив за спиной,
Приподнялась Москва. С утра позёмка
Котлы проталин сдобрила крупой…
<…>
Материя разложена по штукам,
Бери любую—не жадись, плати.
Моченья и соленья, связки лука,
Бочонки мёда, пирогов ломти…
Глаз маслится от снеди изобильной!
Весна-дворняга, изойдя слюной,
На жарких лапах кралась мимо мыльни
С окошками из плёнки слюдяной.

Живая речь, соединяющая в целое рассказываемой истории самые разные пласты—исторические, культурные, не брезгующая, а порой буквально блистающая просторечиями, перехлёстывающая за условности поэтической формы—что может быть увлекательнее для благодарного слушателя? Ведь тут вам не простак-балагур, а философ, выбирающий сюжеты со смыслом, превосходящим привычное обыденное разумение. Вот смерть младенца от «родимчика»:

<…>
Как бисером расшитая дорожка—
Небесный самотканый рушничок,
Чтоб по нему прошли босые ножки,
Не обморозясь, в облачный чертог.
<…>

Не чахнуть внуку в царской каталажке
Не гнить в окопах Первой мировой…
У Марьюшки родился сын в рубашке
И умер в ночь под самый выходной.

Где от полозьев чёрные полоски
Морщинами легли на ровный снег,
Метель морозно-ветряной двухвосткой
С плеча хлестала уходящий век.

Увидеть и вплести крохотную младенческую судьбу в судьбу гигантской штормовой эпохи—для этого надо быть творцом в чистом, исконном смысле слова, замахнуться мыслью на таинственный Божий замысел о нас… Это очень по-русски, немногословно, но многоцветно и безмерно.

Вообще Виталий Молчанов—наш, русский рассказчик. Он не будет плести прихотливые восточные орнаменты говорения—даже в «восточных» своих стихах, не стремится вывести прямой однозначный вывод из жизненного сюжета—просто

рассказывает, просто даёт уму и сердцу цельную картину мира, не всегда всем понятную логически. В ней ценно другое: вот эти самые связи, соединяющие человека со звёздами, умершего младенца — с грядущим веком, да и сама словесная ткань, в которой все эти соединяющие нити-смыслы вспыхивают мгновенно, в каждой строке:

Помню, ведомый отцовской рукой, — где та рука —
Шёл я по лестнице вверх винтовой мять облака,
Скатывать в комья ребячьей мечты небо, как снег.
Звёзды свои занимали посты, чуя набег
Тьмы, пожирающей солнечный диск. В эти часы
Вспыхивал факел — сонм пляшущих искр Гыз галасы.

А если это так — становятся понятными и пристрастность поэта к историческим, фольклорным, библейским сюжетам — сюжетам на все времена, и необычайная плотность стиха, когда привычная для современника ритмическая сетка гудит и качается под тяжестью плотных метафор:

Встретилась мне у подъезда тоска в рваном ботинке.
К сахарной пудре седого виска липли снежинки,
Белыми мухами лезли под плащ эры застоя.
Мёртвый поэт был согбен и дрожащ, взгляд беспокоен.
Мерно качался фонарь на столбе, ветром влекомый,
Словно адепт в непрерывной божбе. — Выйти из комы
Ты не сумел, хоронили тебя с миру по нитке,
Как и сейчас, в первый день декабря — снежный и липкий.
Лезвием в небо нацелен был нос, в пальцах — иконки,
Пением батюшка — бывший матрос — рвал перепонки.
Комья ронялись на гроб тяжело в паре морозном,
Сверху ткачиха швыряла назло зимнее кросно,
Видно решила земле сгоношить кипенный саван.
Мать причитала: «Эх, бросил бы пить горькую сам он».
После поминок родне и гостям выдала ложки,
Нам же — по книжке, как старым друзьям,
в мягкой обложке,
Чтобы читали твои стихири денно и нощно.
Книжку забросил я… Брат, извини, если возможно.

И кто же поставит в вину рассказчику его упоение речью и сюжетом, его вживание в чужие судьбы — и виденье сквозь них судьбы своей? Ведь нельзя не увлечься этой стихией, невозможно втиснуть её в сугубые филологические рамки, не стоит выверять строчки по ритмической линеечке, потому что речь — живая, пульс у неё — живой, и логика — собственная, пусть порой и угловатая, но ведь в этой угловатости и таится — жизнь!

Как размашисто крут дирижёр! Это шторма прекрасное престо —
Перелом, поворот-оверштаг, лязг запора, распяливший дверь,
И надежда в глазах у щенка на концерте для флейты с оркестром,
Что любовь нереально жива в череде бесконечных потерь.
В океане земной суеты нас Вивальди выводит из дрейфа —
Одинокий с рыжинкой старик, в нищете скоротавший свой век.
Пусть поёт и вибрирует в такт вместе с сердцем чудесная флейта
Так, что хочется всё изменить, и слезинки ползут из-под век.

Русскому рассказчику равно дороги все поводы для душевного разговора, дабы скоротать — вечер ли, век… Вот печальный, но счастливо разрешившийся дорожный анекдот про случайный фингал от упавшего с полки баула:

Непруха, братцы, одна не ходит:
Семь лет по зонам. Обидно. Больно.
Не крал, не дрался, ну, выпил, вроде, —
В двенадцать завтра сходить в Раздольном.
Там встретит Катя, а я побитый.
— Такое, — спросит, — твоё «с начала»?
Забился в угол несчастный мытарь.
Земля на рельсах состав качала,
<…>
Сейчас заметит позорный штемпель —
Фингал проклятый — пошлёт подальше.
Вороны лают про быль и небыль,
И в этом лае так много фальши.
Но встали рядом сосед с соседкой
И проводница, и полвагона.
Сказали, мол, чемоданы метко
Влетают в скулы — без лжи и гона,
Что ты в дороге не пил, не дрался…
И взгляд смягчился, стал тёплым, прежним.
С плаката рядом вам улыбался,
Нахохлив брови, геройский Брежнев.

Но есть и другой, масштабный поэтический сюжет, где оренбургская святыня — Табынская икона Божьей Матери — проводит оренбуржцев через смуту Гражданской войны. Утрата и обретение — испытания, открывающие смысл русской жизни, в которой всегда спасает вера:

Трижды с матушкой-Иконой
Обошли весь град вокруг:
Прекратились смерти, стоны,
Вытер слёзы Оренбург…

Но что такое вера? Ведь это то самое тайное, интуитивное знание о единстве и неразрывности мира, о его сквозных законах воздаяния и прощения. А в основе цельности — понимание, что человек един со своей землёй, кровно соединён с её историей, и чтобы ничего не забыть, истории нужно, рассказывая, проживать так, как будто они произошли не вчера или несколько веков назад, а так, как будто они живут всегда, здесь и сейчас.

Интересна технология создания фресок — со сквозным видением будущего сюжета, с волевой решимостью творца и азартом созидательного порыва — по сырой штукатурке, без возможности что-то подправить после… Но разве не так мы проживаем всю свою жизнь, без черновиков, набело? Разве не так рассказывает нам автор нашу собственную историю — дальнюю

и недавнюю, говорит о своих собственных переживаниях и сомнениях?

Книга Виталия Молчанова «Фрески» объединяет очень разные стихи. Это разнообразие, тематическое и формальное, эта плотность и порывистость метафор создают узнаваемый авторский язык, притягательный образ рассказчика, философа от жизни, от её непростых исторических и душевных коллизий. И, думается, время таких рассказчиков — сегодня и всегда, пока человеку интересен человек и Божий мир вокруг нас.

Литературное Красноярье ∴ ДиН стихи

Николай Вдовин

Цвет календулы

Нарисуй мне, мой друг, мой волшебник, мой гость крылоокий,
непрочтённую книжицу с пористой медью страниц,
на которых начертаны линии, буквы и строки
ученическим почерком, искренним взмахом ресниц.

Ибо чем вдохновеннее музыка, тем виртуозней
надо вычитать звукопись ею рождённых речей.
Это так же божественно, как свежий хлеб на морозе,
и незримо, как горная сила глубинных ключей.

Стёкла красят лазурь, и песок в лоно прошлого льётся,
и вода, растопившая лёд, величаво течёт,
время медленно спит, но во сне оно вот-вот проснётся,
и календула пахнет ранетками, как в Новый год.

В равноденствие возле костра собираются дети,
только кто они? Мудрый закат растворил их черты:
то ли мы, то ли те, кем мы были на белой планете
бесконечного клевера и беззащитной мечты.

А в руках у них женственной ржи недозрелые злаки,
и на детских качелях качается солнечный свет,
и колышутся возле песочницы алые маки,
эти скромные символы скорых торжественных лет.

А песок за стеклом чертит линии, буквы и точки,
и речная вода очищает кристаллы солей, —
это летнее время течёт сквозь набухшие почки,
и календула пахнет влюблённостью в шелест дождей.

В белоснежных одеждах идут в воскресение люди,
босиком по воде, по литым зеркалам серебра,
это может быть мы, или может быть те, кем мы будем
в мире дарственных лестниц, лампад и молитвы добра.

И туманною дымкой подёрнулись их силуэты,
и играют на лирах ансамбли церквей и дворцов.
Чьим-то светом хранимые, чьей-то любовью согреты…
А в отзывчивом воздухе шёлк и трезвучья скворцов.

По страницам Красноярской городской газеты «Детский район»

Ярослава Пекшева

школа №10, 4 класс

Как моя бабуля научилась читать

В нашей семье кто-то из далёких предков когда-то завёл сложную традицию очень хорошо учиться, поэтому все хорошо учатся.

Моя бабуля была четвёртым и самым младшим ребёнком в семье, и когда она пошла в школу, учителя знали, что пришёл ребёнок, который будет получать отличные оценки, как её старший брат и сёстры. Бабуля была ребёнком с прилежным характером, поэтому, когда проходили алфавит и задавали выучить букву, она её запоминала назубок, но понять, как соединить буквы в слова, никак не могла. А когда пришла пора складывать и читать слоги, то маленькая бабуля поняла, что играть и бегать на улице гораздо интереснее, чем учиться тому, что не получается.

Вы хотите спросить, куда смотрела её мама? Моя прабабушка была замечательной женщиной, но растила детей одна, поэтому, чтобы всех прокормить, она много работала продавцом в магазине на перроне. Сейчас я удивляюсь, но оказывается, в те времена это было очень ценное место работы, поэтому она соглашалась на тяжёлый график с 6 утра до 12 ночи четыре дня подряд, а потом было четыре дня выходных. И вот надо же было так совпасть, что именно в те дни, когда моя прабабушка работала, тогда и стали задавать и спрашивать чтение по букварю.

Анастасия Дмитриевна, первая учительница моей бабушки, поставила ей кол за то, что она не прочитала в классе слоги. Бабуля очень испугалась, что её будут ругать за отметку, а также за то, что она не призналась маме, что у неё не получается читать. На второй, третий и четвёртый день маленькая бабуля тоже получила по колу за чтение и в конце концов решила, что получать колы не так уж и страшно.

Анастасии Дмитриевне это порядком надоело, и она, когда шла со школы домой, зашла в магазин к моей прабабушке и всё ей рассказала.

Прабабушка вернулась с работы в тот день в час ночи и громко позвала:

— Нинк! — потому что мою бабулю зовут Нина. Маленькая бабуля проснулась и сразу поняла, в чём дело. Она очень сильно испугалась и посильнее зажмурила глаза, чтобы мама решила, что она крепко спит. Но прабабушка подошла к кровати и строго сказала:

— Я же вижу, что ты не спишь. Вставай! Будем учиться читать!

Маленькая бабуля очень обрадовалась, что её не наказывают, а только будут учить и быстренько подскочила. Прабабушка спросила:

— Алфавит знаешь?

Бабуля ответила утвердительно.

— А петь любишь? — спросила прабабушка.

Тут бабуля совсем обрадовалась, так как это было её любимым занятием.

— Тогда смотри, — поясняла её мама. — Это буква Б, а это А. Вместе поём БА. Понятно?

— Понятно, — со вздохом ответила маленькая бабуля, так как она не очень была уверена в том, что петь слоги так же легко, как песни.

— Вот и пой. А чтобы лучше пелось, я возьму вожжи. Как споткнёшься — получишь. Один раз споткнёшься — один раз получишь, второй раз споткнёшься — два раза получишь, и так далее. Заодно проверим, как ты умеешь считать.

Вот оно! Маленькая бабуля почувствовала досаду от того, что зря обрадовалась. Ей было очень страшно, потому что прабабушка всегда держала слово. Моя бабуля споткнулась четыре раза, а потом в ней открылись способности к беглому чтению. Она сидела с букварём на кровати. Тёмную комнату освещала только свечка. Светилось от счастья и лицо моей бабули, ведь она поняла, что может читать!

А на следующий день Анастасия Дмитриевна поставила маленькой бабуле «отлично». Правда, она сначала не поверила, что та научилась читать, а подумала, что бабуля выучила домашнее задание наизусть. Но бабуля бегло и уверенно читала любой текст лучше всех в классе! Анастасия Дмитриевна была очень удивлена и восхищена педагогическим талантом моей прабабушки!

Вот так моя маленькая бабуля научилась читать и открыла в себе наследственный талант учиться на отлично! Потом она открыла его в моей маме, а теперь эта почётная обязанность перешла ко мне.

Александра Герасимова

школа №6, 8 класс

Кошкин дом

*Как котёнок научил хозяйку ходить,
и теперь хозяйка спасает котят.*

Екатерина (она просила не называть её фамилии)— волонтёр и зоозащитник. С ней знакомы многие кураторы группы «Хатико», и все знают, что есть такая Катя, которая берёт котят на передержку.

В 2014 Екатерина перенесла тяжёлую спинномозговую операцию. Приговор врачей—инвалидная коляска и памперсы на всю жизнь! И это в 33 года, когда, казалось, что всё ещё впереди. Она лежала в постели и не могла самостоятельно даже перевернуться на другой бок. И вот тогда её мама принесла домой котёнка—Мыша. Просто принесла и оставила. Екатерина помнит, как уходя и закрывая дверь, мама плакала. Мыш был ещё маленьким, не приучен к лотку, сам не мог достать корм. А ещё ему было весело-развесело: хулиганил, обдирал обои. Екатерине пришлось ползать, чтобы убирать за ним, кормить, воспитывать.

Вот так постепенно Мыш научил свою хозяйку ходить. Именно забота об этом маленьком существе помогла Екатерине справиться с болезнью. Теперь она ходит сама, не пользуясь костылями или инвалидной коляской, ведёт активную жизнь и помогает животным.

— Я задумалась, что было бы со мной, не принеси мне мама котёнка и не оставь меня с ним один на один. Я поняла, что животные тоже могут помогать человеку, не только мы им. В Одноклассниках я абсолютно случайно увидела группу «Хатико», внимательно читала, рассматривала фотографии, потом познакомилась с девушкой из этой группы и от неё узнала, что такое передержка. Теперь я беру на передержку молодых особей или котят. Моего кота у нас в волонтёрской группе прозвали Папа Мыш. Он нянчится с малышами, он их лижет, он их приучает к лотку. Иногда Мыш даже сигнализирует мне: «Смотри, мама, что там творят! Непорядок какой!»

—Как вообще работает волонтёрская команда «Хатико»?

—В группе появляется животное, сначала его обследуют в ветеринарной клинике, стерилизуют, а потом уже привозят на передержку ко мне или к кому-то другому. Я не беру больше двух животных плюс к своему Мышу—я уверена, что массовое хорошим быть не может: это рассадник инфекций, это разные животные, это драки… Они, как дети, только хуже, с детьми хоть как-то можно поговорить, с животными—нет (смеётся).

—Вообще люди охотно помогают «Хатико»?

—Да. Отзывчивых людей много! Долгов, конечно, меньше не становится, потому что животных, которым нужна помощь, на сегодняшний день больше, чем людей, желающих им помочь.

—А породистые животные появляются в группе?

—Да. Но их быстро забирают, на них обычно большой ажиотаж. Даже пытаются забрать для перепродажи! Мы стараемся пресекать такие факты. Конечно, всё предугадать сложно, я же не могу залезть в черепную коробку другому человеку и узнать, о чём он думает! Как мы вообще договариваемся с «ручками»—не даём животное неизвестно куда, привозим сами. Мы хотим посмотреть, где животное будет жить, в каких условиях. Просим копию паспорта, составляем договор. Если человек реагирует адекватно, задаёт разумные вопросы, хочет предварительно ознакомиться с договором, мы с ним сотрудничаем. Если же человека всё это смущает, то животное мы ему не отдаём. Если бы я раздавала котов, которые были у меня на передержке, они бы не сидели у меня по полгода. На самом деле люди неохотно идут на контакт: не хотят делать фотоотчеты, рассказывать о питомце, они не понимают, что нас интересует не их личная жизнь, а только питомец и то, что связано с ним! Чего-то побаиваются, расценивают наш официальный контакт как вмешательство в их жизнь. Достучаться до каждого, к сожалению, не получается. Прямо так и говорят: «Это вообще-то моя личная жизнь!» Простите, меня ваша жизнь не интересует, про личную жизнь кота! (Смеётся.)

—Как вы относитесь к законодательству РФ о бездомных животных?

—А оно у нас есть? (Смеётся.) Во-первых, за жестокое обращение с животным и предусмотрен только штраф. Во-вторых, насколько мне известно, чтобы возбудить уголовное дело, необходимо найти свидетелей, собрать такую доказательную базу… Привлечь за жестокое обращение с людьми гораздо проще, там достаточно заключения судебно-медицинской экспертизы.

—Какие предложения Вы бы внесли в закон о животных?

—Во-первых, животное должно перестать быть имуществом. Сейчас в рамках нашего законодательства животные—это вещь, равносильно чайнику. Соответственно за разбитый чайник никому ничего не будет. Даже если дело доходит до суда, грамотный юрист разворачивает дело в то русло, что якобы вред нанесён вещи, а не одушевлённому существу, которое способно испытывать боль и страдать. Животные должны быть признаны живыми существами, которые способны чувствовать.

На мой взгляд, это первый и очень важный этап, пока он не пройден, говорить о чём-либо дальше нет смысла…

— Отличаются ли животные, родившиеся на улице, от животных, которые выросли в квартире, но потом оказались на улице?

— Безусловно! У меня перед Новым годом был котик Рыська, там очевидно, что он бывший домашний. Почему? Потому что знает лоток, сразу понял, где еда, был приучен не лазить на диван. Ну вот почему-то его выгнали из дома в самые морозы! А он, чтобы погреться, залез под капот машины, машину завели и каким-то механизмом ему повредили пальчики на лапках, потом ещё и выбросили в лесу. Он теперь прихрамывает, ему не хватает равновесия. Инвалид. Думала, что такому котику хозяина найти будет сложно. Но вот забрали перед Новым годом его, ещё быстрее, чем некоторых здоровых забирают! Видимо, судьба такая, кошачья. А вот перед этим котяток мне привозили, не от домашней кошки. Они безумно грязные, мыла их, обрабатывала. Для них было всё одинаково: что лоток, что подстилка для сна. Это явные бездомыши, для них закон не писан! За три дня они мне так всё уделали… *(Смеётся.)* Сейчас они уже пристроены, у них есть дом.

А ещё Екатерина призналась, что хочет летом взять на передержку щеночка:

— С ним надо будет гулять, он заставит меня чаще выходить на улицу, а мне надо ноги разрабатывать.

Вот так человек и животные помогают друг другу. Человек спасает их от неминуемой голодной смерти на улице, а они помогают человеку выжить. Такая судьба: человеческая и кошачья.

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Из архива «Синей тетради»

Семиклассники. 2011 г.

Александра Радионова

• • •

На снежной вершине Монблана,
Где солнце приходит с востока,
Мне было так тихо и странно…
И, Господи, так одиноко!..

На снежной вершине Монблана,
Где в скалах беснуются тролли
И эльфы, как сгустки тумана,
Резвятся, играя на воле…

На снежной вершине Монблана
Я радости их не замечу.
Я кружево тку из печали—
Предчувствуя с вечностью встречу…

Лидия Ка Ю Тин

• • •

Я в чаще густой, словно нищий, бродил.
Людей незнакомых я там находил.
Они—будто я—потерялись в судьбе.
Никто не поможет ни мне, ни тебе.
Ты сам выбирал этот путь непростой.
Ты сам оказался в той чаще густой.
Ты бродишь один средь высоких берёз.
Тюрьмой показалась палатка из грёз…
Но, видно, вдали бирюзовых небес
Темнее и чаще становится лес.
Тропинки не видно, не видно пути,
И повода нет, чтобы дальше идти.

Турнир сочинителей

Красноярский Литературный лицей, мастерская Елены Тимченко

Эликсир хороших оценок

Володя Петров

Жил один школьник Тима Курлыкин. Жизнь шла так себе, но однажды…

Однажды он нашёл в гараже инструкцию «Как стать алхимиком». Тима внимательно прочитал книгу и стал готовить эликсир хороших оценок, чтобы хорошо учиться. Но постойте! Тот ли это эликсир? Оказалось, что не тот, а эликсир уменьшения веса! Но Тима не знал и выпил всё! Он совсем потерял вес и теперь летал под окнами учёных и подслушивал умные вещи и мысли. Через восемь месяцев действие эликсира прекратилось, но Тима за это время успел стать умным. Сейчас он работает над настоящим эликсиром, хочет сделать огромный опрыскиватель, которым окропит всю Землю.

Даша Гардт

Уже второй день я нахожусь в лаборатории, чтобы создать эликсир шестёрок по литературе, семёрок по русскому языку и восьмёрок по математике. Но вот только все мои эликсиры быстро испаряются: только сделаю — на следующий день его уже нет. Я решил поставить камеру в лаборатории перед тем, как пойти домой. На следующий день я обнаружил, что это двоечник Васька Комаров мои эликсиры выпивает! Ну ладно, я-то всё равно отличник, пусть и он будет.

Соня Куприянова

Сначала гении изобрели оценки, а потом эликсир. Они всё никак не могли смешать их вместе. Однажды случилось непоправимое: приборы начали греметь, стулья качаться и вдруг — вспых! Всё сгорело, лишь какая-то маленькая капелька вытекла из-под стола. Один гений попробовал её на вкус, вроде остался жив. Тогда попросили ученика 1-го класса попробовать эликсир. После этого его спросили, сколько будет 89x98? Тот быстро ответил: 8722. И это был правильный ответ! Так был изобретён эликсир хороших оценок.

Марьяна Сидорова

Один ученик был ужасным двоечником — что ни день, то двойка! Тогда решил он изобрести эликсир хороших оценок. Ученик залил в колбу чернила красной ручки, кислоту, виноградное вино и мыло. Потом перемешал всё хорошенько и капнул раствор на оценку «два». Подождал немного, и вот тут начались чудеса! Цифра «два» изогнулась, уменьшилась, потом снова увеличилась и… лопнула! А на месте двойки стала увеличиваться, расти и наливаться красной краской, а потом сжалась до нормальных размеров «пятёрка»!

Эликсир получился!

У разбитого корыта

Вика Валова

Девочка Нина была очень доброй. У неё дома было много красивых вещей, и она со всеми делилась этими вещами. Это были сумочки, резиночки, разные заколочки и многое другое. Нина приносила в школу каждый день по нескольку предметов. Каждый день вещи у неё всё убывали и убывали. В конце концов однажды они совсем закончились. Вот и осталась она у разбитого корыта.

Полина Антоненко

У Марии Васильевны порвалась сумка. Подруги посоветовали, как правильно зашивать дырки в таких случаях, но это показалось для Марии Васильевны слишком долгим и трудным. Она набросила несколько небрежных стежков, положила в сумку подарок и отправилась на день рождения к подруге. На середине пути сумка снова порвалась и содержимое выпало прямо в протекающий мимо ручей.Когда Мария Васильевна это заметила, то с горечью подумала, что лучше бы она чуть-чуть опоздала на праздник, ремонтируя сумку, чем вот так — остаться у разбитого корыта…

Из сочинений

Соня Злочевская

«Жил-был маг, но не обычный маг, а эликсированный. Он создавал эликсир вечных пятёрок. В это снадобье он добавлял кориандр знаний, муку наук, зелень извилин и яблоко учителя».

Ира Ускова

«Жила-была старуха, встретила она золотую рыбку. Выпросила у неё дом, машину, очки виртуальной реальности и начала выпрашивать гироскутер».

«За всё благодарите! Всему радуйтесь!»

Сочинения победителей литературного конкурса имени И. Шмелёва «Лето Господне»

Алибек Максудов

10 класс, г. Саратов

Этюды русской православной жизни

Тот вечер оставил в моей душе глубокий след: я задумался над вопросом, который, как казалось, меня не касался. Я полагал, что это проблема взрослых, и мне рано думать о ней…

Как всегда, я ждал с работы маму. Раздался звонок, и я побежал к двери, чтобы взять её сумки. Но, взглянув на её лицо, замер: что-то было в нём такое незнакомое, хотелось её обнять и прижать к себе. На мой вопрос, что случилось, она просто разрыдалась и произнесла: «Как же я устала от этой жизни!» Отведя в сторону глаза, сказала: «Идём ужинать!» После ужина мы разошлись по комнатам. В комнате мамы было тихо. Я прислушивался, в душе было волнение. Её дверь была приоткрыта, в щель падал тусклый свет. Я заглянул: она стояла в платочке перед комодом, на полке которого были иконы. Горели лампадка и свеча. Я впервые увидел, что мама молилась, а по её щекам текли слёзы. Я тихо вернулся в свою комнату. Почему она «устала от этой жизни»?

Мысли, как пчёлы, роились в моей голове. Сердце сжималось от боли и беспомощности. Я подошёл к окну и задел нечаянно плечом книжную полку, с который упал семейный альбом с фотографиями. Из альбома что-то выпало. Я наклонился: это была старая фотография прабабушки и прадедушки моей мамы. Как будто кто-то невидимый дал мне ответ на волнующий меня вопрос. На фотографии я увидел мужчину и женщину с пронзительным взглядом. И я вдруг понял, чего не хватает моей маме. Она была одна… А на снимке — полная счастливая семья, и мама мне рассказывала историю их жизни.

Бабушка Лена и дедушка Степан были из крестьянских зажиточных семей. После революции их раскулачили. Как рассказывала бабушка маме, у «тятеньки» было крепкое хозяйство, мужики нанимались к нему охотно, так как семьи его работников жили исправно, ходили в крепкой одежде и чистые. Даже в неурожайные годы не голодали. Тятенька сам вставал до зари, ложился поздно! А голытьбой были только нищие мужики, и на работу их никто брать не хотел. Всю неделю, — вспоминала бабушка, — тятенька с наёмными мужиками работали, а по воскресеньям они надевали лучшие рубахи, матушка с детьми наряжались. И все шли в церковь. Тятенька приговаривал: «Шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — Господу Богу твоему». Бабуля вспоминала, как она познакомилась со своим Степаном. Их тятеньки сговорились поженить, так как у обоих хозяйства были крепкие, а дети здоровые. Первый раз она увидела своего Степана на сватовстве. А второй раз на свадьбе. Там же первый раз поцеловались. После свадьбы Степан взял на руки свою Елену и унёс к себе в хату. Детей было много. Моя мама часто спрашивала бабушку Лену: «А ты любила дедушку?». На это бабушка отвечала: «Родители благословили, а в церкви повенчали». Заботой своей, чуткостью, трудолюбием заслужил Степан любви. Тогда разводов не было. И всегда она повторяла слова из Библии: «Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт. 2:22–24). Станут они одним целым.

Жили бы они, если бы не 1941… Ушёл Степан, как и многие мужики, на войну. Оттуда не вернулся. Получила бабушка извещение, что пропал её муж без вести. Всю оставшуюся жизнь она ждала своего Степана. Детей нескольких схоронила, доживала с двумя сыновьями. К ней сватались, и не раз… Но она всем отказывала, говорила только, что перед Богом у неё один муж.

Я вложил фотографию обратно в альбом. Из головы не выходили слова бабушки… «И станут они одним целым». Я вдруг понял, почему мама, молясь, плакала… За своими ребяческими делами я не замечал того, что она часто смотрела на меня усталыми глазами. Она одна, у неё не было того «целого», о котором говорила бабушка. Она жила без половинки. Папа давно живёт в другой семье. Я почти его забыл, иногда он переводом присылает небольшие деньги. Большинство моих одноклассников живут только с матерями. Наверное, их мамы тоже «устали» от жизни, как и моя мама? Мне стало страшно! В нашей семье разорвалась нить, связывающая нас с нравственными корнями предков. Наша страна не будет крепкой

и счастливой, пока не будут крепкими и счастливыми семьи. На память пришли слова бабушки Лены: «Мы венчаны перед Богом». Вот! Вот где ответ на вопрос: мы отошли от Бога, перестали жить по его заповедям. И как актуально звучат слова, написанные на плакатах в нашем городе, которые я не понимал раньше: «Русь Святая, храни веру православную!».

Я начал ходить в Воскресную школу при храме «Трёх Святителей», принял Православие. Теперь моё православное имя — Алексей. По благословлению отца Сергия я стал алтарником. В моей и маминой жизни произошли изменения. Она подарила мне «Молитвослов», мы ходим вместе с ней в церковь. Её глаза, кажется, стали веселее, она стала не такой одинокой. Каждое утро я смотрю по-другому на этот мир, как встаёт рассвет, как зажигаются звёзды. Мои одноклассники стали мне ближе и понятнее, расхотелось подшучивать над рыжей конопатой соседкой по парте. Раньше я брезгливо смотрел на бомжей, а теперь мне их стало жалко.

На моей полке появились православные книги. Прочитав книги «Житие и чудеса Блаженной старицы Матроны» Зинаиды Ждановой, я был потрясён её глубоким духовным зрением и тем смирением, с которым она переносила гонения власти. Затем я прочитал книгу Архимандрита Тихона (Шевчукова) «Несвятые святые», и предо мной предстали яркие образы насельников Псково-Печерской Лавры, такие выразительные, любящие Бога. Но самое глубокое впечатление на меня произвела книга «Поучение преподобных Оптинских старцев христианам, живущим в миру». Сколько живой мудрости и любви к нашему Творцу и к людям в каждом слове этих прославленных старцев! Сколько мудрых советов я получил из этой книги, хочется читать, перечитывать и выписывать из неё цитаты. Поистине дивен Бог во Святых Своих!

А как я зачитывался книгой Елены Неволиной «Золотой святыни свет»! Вот пример для подражания истинной семьи и верности, нравственных устоев семьи православной, живущей с Богом в душе. Как и моя бабушка, Великая Княгиня Елисавета Фёдоровна даже после смерти супруга Великого Князя Сергея Александровича Романова сохраняла верность своему мужу. И смерть не разлучила их!

Но настольной книгой моей стало Святое Евангелие. Я понял, почему мама молилась: она просила через молитву духовной силы.

Не случайно в тот далёкий вечер я увидел старую фотографию. Я знаю, что и волос не упал бы с моей головы без воли Божьей. По промыслу Божьему мои дедушка и бабушка, которых я никогда не видел, через фотографию дали ответ на волнующий вопрос. Теперь я точно знаю, что мне нужно, чтобы создать счастливую семью…

Алина Сидорова

10 класс, г. Донецк

Всесильная любовь в творчестве русского классика Куприна

Литература нравилась мне всегда. А если там с особой душевностью повествовали о любви, то можно было заполучить моё внимание за долю секунды. Есть большое количество книг, которые запомнились, но мне бы хотелось уделить внимание именно Александру Ивановичу Куприну и его рассказу «Суламифь», написанному в 1908 году. По моему мнению, это произведение писателя выделяется среди других, ведь оно является его интерпретацией любимой мною темы — темы любви. К тому же «Суламифь» приоткрывает нам смысл библейской книги «Песнь Песней Соломона», с которой они связаны, более того, «Суламифь» не может существовать без «Песни песней».

Классическая русская литература — это необъятный, глубинный мир, который со всех сторон окольцован верой, её истоками, духовностью. И речь не просто о том, что главные герои и центральные персонажи прибегают к молитвам в тягостные моменты их жизни, переломы и сложные моменты судьбы. На самом же деле проза, которую я рассматриваю на данный момент, уходит своими корнями в Ветхий Завет. Проводя параллели между «Песнью Песней Соломона» и «Суламифью», сразу приходит на ум интертекстуальность. Несмотря на то, что тексты однозначно связаны между собою, при этом они мало похожи. У них в некоторой степени отличаются даже идеи, главные мысли.

Куприн описывает эту историю так, будто бы это обыкновенный рассказ, за оболочкой которого не скрываются великие основы, будто бы это такое же повествование о любви наряду с «Олесей». Да и за композицией библейской истории писатель не следует, ведь «Песнь песней» делится на главы, которых всего восемь. Мне бы не хотелось сравнивать то и другое произведение, так как они по-своему своеобразны. Каждое нужно характеризовать по отдельности, но я знаю точно: чтобы понять их, нужно прочитать оба.

Сначала в мои руки попала «Песнь песней Соломона» и, честно говоря, мне было трудно воспринимать текст. Использованные там библеизмы немного сбивали с толку, хоть и были у меня на слуху до этого, а какая-то обрывистость повествования, форма диалога не позволяли собрать все моменты воедино. Не хватало какого-то рассказчика, слов, исходящих от самого автора, но его, к сожалению, не было. Но, обратившись к Александру Ивановичу Куприну, его рассказу, всё прояснилось, туманная пелена сошла, а детали,

которые я уже встречала в предании, были точно такими же. Например, те нежные слова, которыми обменивались двое возлюбленных — царь Соломон и хрупкая девушка Суламифь (у Куприна, а в «Песне…» её именуют как Суламиту), последовательность событий. Стоит отметить и то, что даже углубляясь в связь с библейским текстом, русский классик сумел сохранить особенность своей прозы, в которой главенствует триединство «жизнь — любовь — смерть», не отходя от библейского сюжета. Поэтому очень интересно рассмотреть в дальнейшем то, как два персонажа, стоящие в центре повествования, проходят сквозь это триединство. А также то, как их жизнь лавирует, трансформируясь из равномерного существования в истинное, полное наслаждения, бытие, наполненное любовью, страстью и бесконечно пылающим сердцем, пока то не блекнет от горечи утраты.

Что самое главное, мне удалось понять «Песнь песней Соломона» лишь благодаря Александру Куприну, который смог развернуть свой рассказ так, что предание засияло новыми чертами, а тема любви выдвинулась на передний план, привлекая меня. По моему мнению, классик работал, словно скульптор, которому доверили реставрировать изделие. И позволил посмотреть по-новому на то, что уже не видно для нас сквозь толщу веков. Он рассказал библейский сюжет по-своему, не уходя от основы и, конечно, обратив внимание на выдающуюся линию романтических отношений в рассказе, выделение которых характерно для Александра Ивановича.

Я считаю, что главные персонажи придают произведению «Суламифь» особенную мощь и энергию, вокруг них кружится сам сюжет и в Библии, и у Куприна в рассказе.

Соломон — величайший царь, которому предвещено сделать ещё очень и очень много дел. Никогда раньше народ не видел кого-то настолько великолепного, богатого духовно, сильного. Вопреки тому, что он не преодолел и порога сорока пяти лет, о его мудрости уже слагали легенды, а о красоте знали все вокруг — и ближние пригороды дворца, и далёкие от Палестины страны.

Суламифь — юная, прелестная девушка, которая отличается совершенным телом, но смуглой, тёмной кожей, оттого что ей долгое время приходилось ухаживать за виноградниками и беречь их. Эти самые виноградники оказались судьбоносными, ведь если бы не они, то Соломон, приходящий поразмыслить в те края, так и не повстречал свою возлюбленную, которая тогда же и завлекла его своим тонким голосом во время исполнения песни о милом. Хотя мне кажется, что назвать её прелестные мотивы исполнением нельзя: девушка и сама не замечала в суете, как увлекается этим, но, по моему мнению, именно эта искренность в голосе и её глубокая красота завлекли царя.

Жизнь Суламифь значительно отличается от того, как живёт царь: его дворец роскошный, он получает всё, что захочет, буквально в щелчок пальцев, а она одаряется скромным жалованьем за то, что стережёт виноградники по указанию братьев. Меня удивляет, что ни одной меркантильной мысли не мелькает в голове бедной и, как казалось, простой девушки, у которой не было никогда замысловатых богатств. Для покупки мирры (ароматных капель во флаконе) она продаёт единственные украшения ювелиру, чтобы благоухать для Соломона, достойного самых прекрасных запахов. Смотря на этот сюжет современными глазами, я с жалостью признаю, что с трудом можно отыскать ту женщину, которая устоит перед алчностью и чужими богатствами, а отдаст себя единому возвышенному чувству, появившемуся взаимно.

Задумываясь, я прихожу к выводу, что любовь — та тема, о которой можно писать вечно. Она живёт спустя многие годы, что и отображается и в «Суламифе», и в «Песне Песней Соломона». Сравнивая даты их создания, понимаешь, что волнующая тема брачной любви, духовного соединения остаётся такой же востребованной. Хочется толковать об этом снова и снова, открывать новые грани и изучать чувства жениха и невесты, достигающие апогея, но при этом так ловко и плавно сплетающиеся между собой в размеренности. Основная тема рассказа «Суламифь» — это любовь. Но не просто любовь между полами, между мужчиной и женщиной, а любовь, выходящая на её самый высокий уровень — необыкновенная любовь, которая будет и тогда, когда за кем-то из возлюбленных придёт смерть. Сам царь говорит, что «всё в мире повторяется… Повторимся и мы с тобою, моя возлюбленная». Такая любовь вечная не просто по своей памяти, а по существованию. Сквозь долгие годы и эпохи она будет жить и процветать, но, возможно, уже в каких-то других вариациях, с другими людьми.

Самое важное и, как мне кажется, ценное в любви Соломона и Суламиты (Суламифи) — это не прочность их уз, страсть и желание друг друга, а то, что любовь благословлена Богом. Предание тем самым и указывает всем читателям, что такие чувства невозможно умертвить — вопреки любым трудностям, препятствиям, они будут разгораться с новой силой с каждым приходящим днём. Поразительно то, что Соломон — это прообраз Христа. Он также мудр, также владеет силой исцеления, умением рассудить, сострадать и, конечно же, любить, разделять свою жизненную силу с близкими, быть бескорыстным. Иисус Христос — это сын Божий, при этом я не могу не отметить тот момент, что Соломон тоже в какой-то

мере является посланником Бога, будто бы его преемником, ведь сам Бог подарил ему «сердце мудрое и разумное…», вручил ему то, чего никогда нельзя было отыскать в других, сделал его особенным. Как известно, царь всегда являлся помазанником Всевышнего. А превзошёл царя из предания только Сын Божий, перенявший от естества человеческого всё, кроме греха.

Особенно мне бы хотелось выделить авторское отношение к тому, как расцветает Суламифь. Она не просто становится краше с годами, не просто растёт, она, по моему мнению, распускается, будто цветок, вдохновлённый жизнью, который находился на грани гибели. Нужно только вспомнить облик бедной девушки—сторожа виноградник, её кожа была смуглой, «опалённой солнцем», а только в объятиях великого царя, в его дворце, ей удалось обрести тот великолепный белоснежный цвет кожных покровов, она засияла, как самый неоценимый камень при ярких лучах. Мне кажется, что здесь нужно проследить очень тонкую истину, которая говорит: следуя за Христом, сбрасывая с себя тьму грехов, можно очиститься и достичь внутреннего и внешнего совершенства, стать Человеком, а не его подобием.

Осмысление Любви—это то, к чему можно однажды и не прийти. Люди проживают всю жизнь, но так и не понимают, почему им всего один раз даётся такой дар, который очень хрупок. Особое осмысление любви через смерть приходит к самому Соломону, когда он теряет свою возлюбленную, проводя с ней последние минуты.

До прочтения «Суламифи» и «Песни Песней Соломона» я не знала, что любовь может так поворачиваться. Я всегда думала несколько поверхностно, считая, что любовь кроется только в межполовых отношениях. Хотя на самом деле за Любовью может стоять сам Бог. И это отчётливо видно тогда, когда за образами в обоих произведениях с библейским сюжетом становится видно, что Невеста—это Церковь, а Жених—Христос. Вся суть в том, что Любовь не ограничивается браком. Есть не менее сильная духовная любовь—любовь к Богу.

Я считаю, что Куприн, как никто другой, чувствовал ту самую связь русской литературы и христианства, находил нужные точки и умел с ними работать, черпал вдохновение в нём.

Писать так, чтобы не терялась связь произведения с его библейскими источниками, удаётся немногим, но это получилось у Александра Ивановича, учитывая то, что он преподносил сплетение собственной интерпретации «Песни Песней Соломона» с тем триединством, присущим лишь ему. Также мне бы хотелось отметить то, что в «Суламифи» Куприна перекликаются ещё и другие предания, например, «III Книга Царств», «Книга Паралипоменон». Автор проводит параллели для того, чтобы сделать образы наиболее точными и с успехом протянуть сквозь всё повествование линию любви Соломона и Суламифи.

Связь истинной «Песни…» с «Суламифью» русского классика также отчётливо видна в том, что сохраняются диалоги между возлюбленными и другими персонажами, практически не видоизменяются собственные имена, а также антропонимы. Могущественный Соломон остаётся Соломоном, знойная царица Астис—царицей, а влюблённый в неё Элиав—Элиавом.

Образ Соломона и у Куприна, и в «Песне…» является скорее собирательным. Он представлен одним человеком, но в каждой главе о нём можно извлечь те характерные черты, наиболее точно отражающие его мудрость и рассудительность.

Рассматривая великую любовь, которая опоясывает «Суламифь» и «Песнь песней Соломона», нельзя позади неё не увидеть и трагедию, боль, злость и ненависть, жгучую ревность со стороны человека. Стоит рассматривать не просто отдельную личность, а в общем бытийное понятие Человека. Всем известно, что человек—это существо, обладающее такими дарами, как мышление, речь, свободный выбор и так далее. Человечество не однобоко, именно поэтому несчастье настигает и любовь, связывающую Соломона и Суламифь. А именно гнев разъярённой женщины, царицы Астис. Те слухи, которые ходили о ней вокруг, пугали и страшили даже самых стойких воинов: говорили, что она была человеком очень развратным. Гнев был оправдан, но повелительница не могла отпустить царя, изгнать из своего сердца. Царь охладел к царице, он был полностью увлечён любовью всей своей жизни, Суламифью, зная, что теперь она—его судьба и больше ему не нужно делить ложе с иными женщинами, дарить им нежность своих боготворящих и сильных рук.

Здесь я вижу иронию: властная и жгучая царица полюбила лишь одного Соломона за всю свою жизнь, который, в свою очередь, не испытывал к ней глубокого внутреннего влечения, а обрёл счастье с другой. Пережить это пламенной Астис не удалось—она воспользовалась наивным Элиавом, направив того к убийству двоих влюблённых. Этот кульминационный момент стоит выделить согласно триединству прозы Куприна, где сохранятся последовательность жизни, любви и смерти. Жизнь, но не любовь Суламифи закончилась тогда, когда лёгкий шорох из-за двери принёс ей невыносимый удар: «тёмная фигура человека с блестящим мечом в руке» решила её судьбу. Бедная девушка пришла к кончине только к утру. Весь отрезок времени Соломон был рядом с возлюбленной, ведь его умертвить юноша Элиав не смог—лишь один взор царя заставил его застыть в ужасе и побледнеть, тотчас «выползая» из комнаты. Вынести Соломону этот момент было нелегко,

с невестой они благодарили друг друга, совсем не замечая того, что кровь сочится из раны на тонком обнажённом теле, пачкая багряным цветом руки и колени великого царя, который ни на миг не хотел оставлять свою погибающую невесту.

Соломон приходит в себя. Здесь интересно подчеркнуть то, что он не уподобляется жестокости царицы, не взымает плату за кровь такою же кровью — он просто отправляет из дворца Астис в гавань в Иаффе, чтобы больше никогда она не смогла увидеть то лицо, которое любит своим пламенным, но недобрым сердцем. Глубокая тоска по любимой охватывает царя. Он до позднего вечера, до «первых вечерний теней» остаётся один. Да так, что ни одна живая душа не заглядывает к нему: громадное судилище пустует практически полностью, ведь там только разбитый горем Соломон.

Я думаю, что смерть Суламифи — это далеко не конец. Ведь стоит только вспомнить то, как её в страхе утешает царь. Он говорит, что она — «избранная Богом», а смерть её не коснётся. Я убеждена, что в какой-то мере так и есть: смерть обошла горячее сердце девушки, её искреннюю душу и необъятную любовь, которая теплилась там, по отношению к Соломону. Такие вещи не могут стереться с лица Земли, пропасть разом. Мне кажется, что они живут вечно. Они могут принимать разные формы, видоизменяться, но никогда не мертветь. Царь говорит: «Жизнь человеческая коротка, но время бесконечно…»

В заключение я могу сказать, что рассказ «Суламифь» Александра Куприна позволил мне не только увидеть чистую и высокую брачную любовь между мужчиной и женщиной и понять её, но ещё и задуматься о любови между Богом и человеком. Мне удалось осознать, что межполовые отношения — это не предел для сильных и ярких чувств, а духовность стоит наравне с ними и иногда даже превозмогает. Я понимаю, что любовь находится на ступень выше, чем мудрость, слава и богатство. Человек несчастен, когда сердце его пустует, и некому подарить всё то, что бережёт душа: добро, нежность, заботу.

Мне кажется, что «Суламифь» можно считать неким воспеванием настоящей Любви. Такой любви, какой она должна быть. Именно в Ней люди, связавшие себя узами брака, венчаются перед Богом и остаются друг с другом даже тогда, когда приходит гибель. «Любовь крепка, как смерть!»

Древняя библейская легенда и её интерпретация, получившаяся у Куприна, позволили мне прочувствовать неразрывность русской классической литературы с христианством и его библейскими образами, увидеть Любовь как высокое чувство, которое даётся немногим и только один раз в жизни.

Кристина Боровкова

11 класс, Смоленская область, г. Десногорск

Слава Богу за всё

1.

Не страшны бури житейские тому, у кого в сердце сияет светильник Твоего огня. Кругом непогода и тьма, ужас и завывание ветра. А в душе у него тишина и свет. Там Христос! И сердце поёт: «Аллилуйя!»

Акафист Благодарственный «Мужайтесь: Я победил мир» (Ин.16:33)

Перед моими глазами на музейной витрине старая, пожелтевшая фотография. Я не могу отойти от неё, долго рассматриваю и задаю себе вопрос: «Неужели это было?!»

«Это документальное свидетельство эпохи», — гласит маленькая табличка под фотографией. Иссохшие, худые тела в фуфайках с номерами, бледные лица, изуродованные от ран руки и ноги. Это узники ГУЛАГа. Люди, которые день изо дня строили новое социалистическое государство. Лесоповалы в тайге, Беломор-канал, заводы на Урале, прииски на Колыме. Тайга кругом, километры колючей проволоки, длинные бараки…

Суровый, жестокий и беспощадный XX век… Век, выбросивший этих людей на растерзание, назвавший их врагами народа; век, обрёкший на нечеловеческие муки, обезличивший их (ведь у этих людей не было имён, только номера!). Это не страшные выдумки. Об этом нам поведали писатели, прошедшие через ГУЛАГ, сохранившие человеческое достоинство, любовь к жизни и веру в силу добра. Варлам Тихонович Шаламов, Александр Исаевич Солженицын… Вы стали бытописателями лагерной жизни. Я всматриваюсь в пожелтевшую от времени фотографию. И знаете, что замечаю? У людей под номерами истерзано тело, отняты физические силы. Но ярко, лучисто светятся глаза. Что это за искры Божии? Варлам Тихонович Шаламов в «Колымских рассказах» поведал читателям о том, что почти каждый узник ГУЛАГа знал наизусть молитвы ко Господу, Богородице и особенно Благодарственный Акафист «Слава Богу за всё» митрополита Трифона. Почему же в безбожные тридцатые, пятидесятые годы люди, оказавшиеся на грани между жизнью и смертью, пришли к Богу, к Вере? Господь ведь никого не заставляет верить в Себя, но кротко зовёт человека к Себе. И в молитве, обращённой к Нему, рождается живая вера в то, что Господь всегда рядом, Он всё видит и знает, и только в Нём — спасение от всякой беды. Он поможет, Он утешит, надо только верить в Него, просить благословения.

Добрый ангел, научи!
И твоим благоуханьем
Чувства чёрствые смягчи!
Да во глубь души проникнут
Солнца вечного лучи,
Да в груди моей забьются
Благодатных слёз ключи!
Дай моей молитве крылья,
Дай полёт мне в высоту;
Дай мне веры беспредельной
Чистоту и теплоту!

2.

Все мы читали о духовном пути и опыте Русской Православной Церкви во время самых жестоких гонений, когда-либо переносимых Церковью Христовой. «Слава Богу за всё»,—такими словами закончил своё выступление на суде митрополит Петроградский Вениамин, невинно осуждённый и приговорённый к расстрелу на процессе по делу об изъятии церковных ценностей. Церковь была распята, а людей её безжалостно убивали. Но народ продолжал хранить в душе надежду: сила Божия всегда побеждает. Вера помогала людям выжить в тяжёлые и печальные события земной истории. И даже те, кто погиб за веру, стали победителями—они оказались в жизни вечной, нескончаемой, радостной.

«Слава Богу за всё»—благодарственный акафист, который написал в послереволюционные годы митрополит Трифон. Слово владыки Трифона было законом для тех, кто сохранил истинную веру и духовный разум в ужасах российской жизни: народ верил, что его устами говорил сам Господь. Незадолго до своей кончины митрополит Трифон написал этот удивительный акафист, который стал его духовным завещанием. Акафист помогал людям быть благодарными за каждый пережитый день, принимать любые невзгоды и тяготы как данные свыше испытания и благодарить за них. «Слава Тебе, страданиями отрезвляющему нас от угара страстей».

Свет, искрящийся в глазах худых, полуживых узников ГУЛАГа—это свет душевной святости, бесконечной благодарности, веры. Многие заключённые знали Благодарственный акафист митрополита Трифона. Они переписывали его текст на клочках бумаги, и славословящий Творца гимн помогал людям выжить в нечеловеческих условиях лагерей.

«Я видел много раз отражение славы Твоей на лицах умерших. Какой неземной красотой и радостью светились они, как воздушны, нематериальны были их черты, это было торжество достигнутого счастья, покоя; молчанием они взывали к Тебе. В час кончины моей просвети и мою душу, зовущую: „Аллилуйя!“»

Несмотря на невыносимые притеснения, именно Православная Церковь помогала русским людям сохранить чистоту помыслов, веру, надежду и человечность в великий, грозный и безжалостный XX век.

3.

Старец в тёмной рясе в монашеской келье выводит на листке бумаги строки, обращённые в вечность. Отблески свечи играют золотыми бликами на листке. «Господи, благодарю Тебя за то, что ты ввёл меня в эту жизнь, как в чарующий рай. Мы увидели небо, как глубокую синюю чашу, в лазури которой звенят птицы, мы услышали умиротворяющий шум леса и сладкозвучную музыку вод. Хорошо у Тебя на земле… Слава Тебе за праздник жизни; слава Тебе за благоухание ландышей и роз…»

Худой, измождённый человек медленно бредёт вдоль длинного барака. Откуда-то доносятся грозный лай овчарок, хриплые голоса охранников, стоны заключённых. Всё вокруг оцеплено колючей проволокой. Узник лагеря уже почти забыл своё имя «Варлам». Да и зачем врагу народа имя? Достаточно номера: Щ-739. Хочется хотя бы крошки хлеба. Но… «Слава Богу за всё. Окрыляет и живёт молитва к Тебе; каким трепетом наполняется тогда сердце и как величава и разумна становится тогда природа и жизнь! Где нет Тебя—там пустота. Где ты—там богатство души. Не оставляй меня, Боже!»

Полина Алисова

8 класс, Тульская область, г. Ефремов

Господи, благослови!
Младенец же возрастал
и укреплялся духом,
исполняясь премудрости,
и благодать Божия была на Нём.
Евангелие от Луки, гл. 2

Первое детское воспоминание Наташи—большая чёрная корова, которая останавливалась посередине двора, а рядом с ней, на маленьком деревянном стульчике—худая старуха в длинном платье, подпоясанном фартуком, и платке, завязанном концами назад. Старуха тянула за сосцы коровье вымя, и в ведро летели упругие белые струйки. Наташа впервые увидела, откуда берётся молоко. Но тогда это были ещё безмятежные наблюдения за миром.

После той картинки в сознание встроилась ещё одна: как умирала мама. Ей было плохо, она металась по кровати, волосы были растрёпаны и сползали по подушке, как извивающиеся змеи. Мама кричала: «Позовите ребятишек!» А когда детей приводили, тут же говорила: «Уведите!» В душе трёхлетней Наташки застыл ужас, но потом маму увезли, и привезли уже причёсанную,

одетую, в бархатном гробу. В комнатах занавесили зеркала, гроб поставили в центре большой комнаты. Наташку удивляло, что какой-то дядя бегал с фотоаппаратом и командовал всеми: кто как должен сидеть, куда смотреть. Зачем? Во всех комнатах толпились чужие чёрные люди, над гробом читали Псалтирь. Потом детей увели, а когда они вернулись, уже не было ни гроба, ни мамы. Наташа спросила у брата: «А когда мама вернётся?» Брат был старше и всё понимал. Он горько ответил: «Она не вернётся. Её увезли на кладбище».

Так появилось новое для неё неведомое слово, она пыталась разложить его на слоги, долго тянула «клад-би-ще», и получалось, будто кто-то ищет клад, и это её успокаивало. Мама там ищет клад. Наташа упрямо не хотела верить в то, что исчезновение мамы безвозвратно, хотя и не знала тогда о воскресении и вечной жизни.

И потекла Наташкина жизнь, в которую незримо вошла бабушка. Как та появилась—и не помнилось. В каком-то водовороте событий появилась её маленькая морщинистая рука, которая погладила по голове. От руки пахло нафталином и парным молоком. Она установила в доме свой порядок, чинный и строгий. Дети называли её просто «бабой», она не любила, если к ней обращались по-другому. «Баба» была мамой отца, она вырастила десятерых детей, сама рано-рано потеряла родителей. Жизнь её была горькой, сиротской. Вот о своей жизни, о предках, о детстве она частенько рассказывала Наташке, когда выдавалась свободная минутка. О том, как дедушка учил их молитвам, а по воскресеньям они всей семьёй, нарядные, шли в Храм. Их было трое, сироток. Дедушка Ермил жалел их, с ярмарки всегда привозил гостинец—печатный пряник. Его раскулачили в 1933 году, отобрали всё, что заработал он честным и порой непосильным трудом. Но сумел своим внучатам-сиротам оставить по десять царских золотых на чёрный день. И эти дни совсем скоро наступили. Во время войны «баба» осталась одна с двумя детьми. Муж на фронте, а из родных—никого. Купила она на дедовы золотые корову Красулю, которая и выкормила ребятишек. Такая горечь и нежность копилась в Наташкиной душе в эти минуты. Она любила свою «бабу», любила, как от неё пахнет, всё её прибауточки, трепетное отношение к соблюдению церковных праздников и обычаев: всю неделю трудилась бабушка, хлопотала по дому, обихаживала огород, по субботам топила баню, чтобы перемыть всех, перестирать одежду, вечером вязала носки и варежки, а в воскресенье все дела откладывала. «Нельзя,—говорит,—грех! В воскресенье нужно отдыхать и Бога славить».

И как-то стала налаживаться Наташина жизнь, но отец задумал жениться. Ему дали квартиру в доме на Красной горке. Так называлась улица. Находилась она далеко, за кладбищем.

Кладбищенские кресты были видны из окон их нового дома. И Наташка постепенно привыкла к кладбищу как к чему-то обыденному, повседневному. Оно плотно вошло в её жизнь как неотъемлемая часть. «Добежать до кладбища», «пройти через кладбище», «добросить мяч до кладбища». И всё время помнилось, что на этом кладбище есть могилка, которая так роднит это скорбное место с её жизнью. Одна она никогда не ходила на могилу, но издали, когда шла мимо, пыталась усмотреть маленький крестик на памятнике. Ей казалось, что там, в сиянии, смотрят на неё мамины глаза, которых она совсем уже не помнила.

Новая мама не прижилась в их доме, и вскоре «баба» переехала к ним. Прошло уже два года после смерти мамы. И вот этот момент, когда вернулась к ним «баба», запомнился как самый счастливый в жизни Наташи. К сожалению, это счастье длилось всего три года. Но в них, таких недолгих, и заключалось настоящее Наташкино детство. Когда дома ждут и любят, там тепло и уютно. Когда можно рассказать обо всём и наслушаться вдоволь, Когда вместе трудишься и отдыхаешь, смеёшься и плачешь, а главное—бесконечно любишь не только людей, но и вот эту скрипучую половицу, берёзку за огородом, пушистые сугробы, снегирей, бескрайние поля за деревней, а вечером можно прижаться к тёплому боку бабушки, которая мурлычет своё «Господи, благослови!». И думается, именно она, «баба», была тем благом, Ангелом-хранителем, посланным Богом, чтобы помочь, наставить, поддержать.

Тогда Наташке казалось, что это будет вечно. Она, отец, братья и «баба». Наверное, Господь благословил! И всегда будет тепло и светло от его благословенья!

Эпилог

История эта не выдумана, а произошла в моей семье.

Наташа—моя мама, «баба»—её бабушка, моя прабабушка, которую никогда я не видела, но всё светлое и мудрое, исходящее от моей мамы,—от неё, неведомой, но такой близкой «бабы».

Я учусь, занимаюсь спортом, музыкой. И когда вечером возвращаюсь домой и вижу свет в окне, ко мне приходит спокойствие и любовь. Я спешу окунуться в этот свет, чтобы пропитаться им на долгую и трудную жизнь.

Все живы, здоровы, и никогда больше Господь не допустит сиротства в нашей семье. Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы ни один ребёнок никогда не испытал всего, о чём я написала.

«Господи, помилуй!»

«Господи, благослови!»

стр. 30
Аференко Виктор Александрович
Железногорск, 1935 г. р.

Родился в селе Атаманово Сухобузимского района Красноярского края. В 1956-м окончил физико-математический факультет Красноярского педагогического института. Работал первым секретарём Даурского РК ВЛКСМ, директором сельской и городских школ, преподавал физику. Стихи пишет со школьной скамьи, печататься начал в 50-е годы. Очерки, статьи и стихи публиковались в различных районных и краевых газетах, альманахе «Енисей», коллективных сборниках «Потомки Ермака», «Енисейский меридиан» (1967), «Антология поэзии закрытых городов» (1999), «На Прижиме» (2009), «Антология поэзии закрытых городов Росатома» (2011) и др. Автор многих краеведческих книг и поэтических сборников. Краевед и публицист, поэт, заслуженный учитель Российской Федерации, член Союза журналистов России, заслуженный педагог Красноярского края, почётный гражданин Сухобузимского района. Неоднократный победитель различных педагогических и творческих конкурсов.

стр. 68
Беликов Юрий Александрович
Пермь, 1958 г. р.

Родился в городе Чусовом Пермской области. Окончил Пермский государственный университет имени А. М. Горького. В конце 80-х—начале 90-х его стихи публикуются в журналах «Юность», «Огонёк», «Знамя». На всесоюзном фестивале поэтических искусств «Цветущий посох» (Алтай, 1989), куда прибыли авторы отечественного подполья, удостоен Гран-при и титула «Махатма российских поэтов». В 1991-м принят в Союз российских писателей, в том числе по устной рекомендации Андрея Вознесенского. В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность», где учредил рубрики «Письма государственного человека» и «Русская провинция». Работал собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». В 88-м и 90-м выходят две первые книги: «Пульс птицы»—в издательстве «Современник» (Москва) и «Прости, Леонардо!»—в Пермском книжном издательстве. В 2005 году за «утверждение идеалов великой русской литературы» творцы Великих Лук награждают Юрия орденом-знаком Велимира «Крест поэта». Третья книга «Не такой» выходит в 2007 году в московском издательстве «Вест-Консалтинг». Она отмечена всероссийской литературной премией имени Павла Бажова. В 2013 году увидела свет четвёртая книга стихотворений «Я скоро из облака выйду», получившая две престижных награды—премию имени Алексея Решетова и всероссийскую общенациональную премию «За верность Слову и Отечеству» имени Антона Дельвига. Входит в редколлегии двух отечественных журналов: «Дети Ра» и «День и ночь». Член Русского ПЕН-центра и Высшего творческого совета Союза писателей XXI века. Награждён орденом общественного признания Достоевского I степени.

стр. 108
Берязев Владимир Алексеевич
Новосибирск, 1959 г. р.

Родился на юге Кузбасса в шахтёрском городе Прокопьевске. Поэт, эссеист, переводчик, публицист. Работал фининспектором в Барабинской степи, журналистом в городской прокопьевской газете «Шахтёрская правда» и в «Рабочей трибуне» приборостроительного завода г. Новосибирска. В 1989 году заочно окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор книг: «Окоём» (1986), «Золотой Кол» (1989), «Могила Великого Скифа» (1996), «Тобук» (2003), «Кочевник» (2004), «Золотоносная мгла» (2008), «Ангел расстояния» (2009), «Чаша и пояс» (2013), «Знамя Чингиса» (2013), «Могота» (2017), «Моя Ойкумена» (2017). Публиковался во многих журналах, альманахах и антологиях России и за рубежом. Стихи автора входят в школьную хрестоматию «Шедевры русской поэзии второй половины XX века» (издательство «Внеклассное чтение», 2011). В настоящее время секретарь правления Союза писателей России. По итогам 2002 года лауреат первой премии МА «Сибирское соглашение» в номинации публицистика—«Сибирь—территория надежд». В 2007-м награждён премией журнала «Аманат» и Международного клуба Абая за роман в стихах «Могота». В 2008-м—в Ханты-Мансийске был признан лучшим поэтом Урала и Сибири по итогам регионального конкурса. В 2009 награждён медалью и премией имени Константина Симонова за поэму «Псковский десант», в 2010-м получил медаль и премию «Белуха» (Алтай), а также специальный приз международной премии Максимилиана Волошина за книгу «Ангел расстояния» (Крым, Украина). В 2013 году получил

«Серебряного Дельвига» — премию «Литературной газеты» имени Антона Дельвига за издание антологии «Поэты „Сибирских огней“, век XXI».

стр. 161 **Буланичев Виктор Васильевич**
Бийск, 1951 г. р.

Родился в городе Рубцовске Алтайского края. Музыкант, филолог, журналист, издатель, общественный деятель. Окончил Рубцовское музыкальное училище (1970), филологический факультет Бийского педагогического института (1981) и аспирантуру Бийского педагогического государственного университета имени В. М. Шукшина по специальности «Общая педагогика». Работал в учебных заведениях края. С 1996 г. — исполнительный директор Бийского отделения Алтайской краевой общественной организации «Демидовский Фонд», а затем директор АКНИОО «Демидовский фонд». Инициатор и разработчик ряда программ историко-краеведческого и культурно-просветительского содержания, организатор исследовательских экспедиций, руководитель и редактор издательской программы Бийского отделения Демидовского фонда, создатель и главный редактор альманаха «Бийский вестник». Академик Петровской академии наук и искусств, член Союза журналистов России. Лауреат премии Алтайского края в области литературы, искусства, архитектуры и народного творчества, премий имени митрополита Иоанна, Демидовской, Петровской, муниципальной премии г. Бийска. Лауреат нескольких литературных премий. Награждён медалью Г. К. Жукова, золотой медалью «За вклад в наследие народов России», медалью Алтайского края «За заслуги перед обществом», Почётным знаком Международного Демидовского фонда, Патриаршей Грамотой и медалями русской православной церкви.

стр. 182 **Вдовин Николай Геннадьевич**
Качулька Красноярского края, 1971 г. р.

Поэт, драматург. Родился в городе Темиртау (Казахстан). Несколько лет жил в Санкт-Петербурге, где учился в кораблестроительном институте. С 1994 года живёт на юге Красноярского края, в селе Качулька Каратузского района. Автор одного поэтического сборника. Публиковался в небольших газетах, журнале Homo legens (Москва), «День и ночь» (Красноярск). Лауреат премии Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 2012 года.

стр. 128 **Горошкина Оксана**
Красноярск, 1982 г. р.

Выпускница Красноярской аэрокосмической академии. Публикации в журналах и альманахах Омска, Ленинск-Кузнецка, Красноярска. Приз зрительских симпатий на конкурсе «Король поэтов» (2012).

стр. 83 **Граменицкая Елена Владимировна**
Москва, 1964 г. р.

Окончила Московский авиационный институт и Высшую школу по туризму и гостиничному хозяйству. Автор трилогии романов-сказок для взрослых: «Хроника Торнбери», «Сказка Шварцвальда», «Игры Стражей». Публикации в журналах «Новый Свет», «Этажи», «Эдита». Финалист литературного конкурса «Русский Гофман» в номинации «Проза».

стр. 59 **Иванов Константин Константинович**
Новосибирск, 1949 г. р.

Родился на Кузбассе, в городе Прокопьевске. Окончил гуманитарный факультет Новосибирского университета в 1972 году. В 70-е годы был редактором издательства «Наука», армейским репортёром, корреспондентом еженедельника Сибирского отделения Академии наук. В дальнейшем пережил пёструю смену множества различных работ и более чем десятилетнее пребывание в сторожах-дворниках. Со времён перестройки в местной периодике появляются его стихи и эссе, в 1993 году отдельной книгой издаётся публицистика «Интелефобия». В 1996–1997 годах выпускает принтерный литературный журнал «Верхняя Зона». В 1998 году в Новосибирске выходят «Избранные стихотворения», в 2000-м — книга прозы «Примечания к вечности». «Дикоросс первого призыва» — участник проекта Юрия Беликова и одноимённой антологии «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)», увидевшей свет в московском издательстве «Грааль» в 2002 году. В 2000-е стихи и эссе публикуются в газете «Трибуна», журнале «День и ночь», альманахах «Иркутское время» и «Илья», членом редколлегии которого он становится. В 2008 году в издательстве «Вест-Консалтинг» выходит книга избранных стихотворений и поэм «Третье дыхание». Живёт в новосибирском Академгородке.

обл. **Карбушев Сергей Семёнович**
Железногорск, 1957 г. р.

Художник-живописец, преподаватель МБУ ДО «Детская художественная школа» в Железногорске с 1982 года. Участник художественных выставок с 1976 года. В своём творчестве художник стремится к открытым выразительным решениям в различных жанрах — пейзаже, портрете, натюрморте.

стр. 125 **Кацов Геннадий Наумович**
Нью-Йорк, 1956 г. р.

Родился в Евпатории. Окончил Николаевский кораблестроительный институт. Поэт, писатель, журналист. Один из создателей легендарного московского клуба «Поэзия» (1986) и участник литературной группы «Эпсилон-Салон». Вернулся к поэтической деятельности после 18-летнего

перерыва в 2011 году. Автор восьми книг, включая экфрастический поэтический проект «Словосфера», в который вошли 180 поэтических текстов, инспирированных шедеврами мирового изобразительного искусства, от Треченто до наших дней. Поэтический сборник автора «Меж потолком и полом» вошёл в лонг-лист «Русской Премии» по итогам 2013 года. Подборка стихов «Четыре слова на прощанье» вошла в шорт-лист по разделу «Поэзия» Волошинского конкурса 2014 года. В том же году вошёл в состав редакции международного литературного альманаха «Время и место». Обладатель Приза симпатий портала Stihi.lv в номинации «Неконкурсные стихи» (2016). Публикации в «Митином журнале», журналах «Крещатик», «Слово/Word», «Новый журнал», «Интерпоэзия», «Дети Ра», «Дружба народов», «Знамя» и др.

стр. 66

Колыма (Черепахин) Игорь

Москва, 1964 г. р.

Родился в Магадане в семье военного. Большая часть детства прошла в Уфе, на Урале. Затем перебрался в Москву, где окончил сначала среднюю школу, а затем инженерно-строительный институт. Работал в Московском уголовном розыске, где в 1991 году получил тяжёлое ранение, впоследствии, группу инвалидности. В настоящее время работает в сфере бизнеса. Автор поэтических сборников: «Метаморфозы среднего возраста», «Товарищ Генеральный Секретарь» (в соавторстве с кировским поэтом Максимом Разиным). Публиковался в ряде журналов и газет.

стр. 75

Кузнечихин Сергей Данилович

Красноярск, 1946 г. р.

Родился в посёлке Космынино под Костромой. После окончания химфака Калининского политехнического института уехал в Свирск, потом перебрался в Красноярск. За 20 лет работы инженером-наладчиком изъездил Сибирь от Урала до Дальнего Востока, от Тувы до Чукотки. Печатался в журналах «Предлог», «Коростель», «Арион», «Дальний Восток», «Литературная учёба», «Сибирские огни», «День и ночь», «Огни Кузбасса», в альманахе «День поэзии 1986», в коллективных сборниках. Автор книг стихов «Жёсткий вагон» (1979), «Соседи» (1984), «Поиски брода» (1991), «Похмелье» (1996), «Ненужные стихи» (2002), «Местное время» (2006), «Дополнительное время» (2010), «С точностью до шага» (2012), «Уходящее время» (2016). Выпустил книги прозы «Аварийная ситуация» (Москва, «Советский писатель», 1990), «Омулёвая бочка» (Красноярск, 1994), «Где наша не пропадала» (Красноярск, 2005), «Забавный народ» (Красноярск, 2007), «Бич-рыба» (Москва, «Эксмо», 2014). Член Союза российских писателей.

стр. 74, 127

Минин Евгений Аронович

Иерусалим, Израиль, 1949 г. р.

Поэт, пародист, организатор литературного процесса. Стихи и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах. Издатель альманаха «Иерусалимские голоса», приложений к альманаху «Литературный Иерусалим», издатель и редактор множества поэтических сборников. Автор текстов песен для шести музыкальных альбомов, выпущенных российскими студиями грамзаписи. Председатель Иерусалимского отделения СП Израиля, член Союзов писателей Израиля и Москвы, директор Международного союза литераторов и журналистов (APIA) по Израилю, литературный представитель за рубежом газеты «Информпространство» (Москва). Лауреат нескольких литературных премий. Член судейского корпуса Международной литературной премии «Серебряный стрелец» (2008, 2009, 2010).

стр. 68

Миронов Борис Сергеевич

Москва, 1951 г. р.

Журналист, издатель, общественный деятель. Окончил Московский государственный университет иени М. В. Ломоносова, Академию общественных наук при ЦК КПСС. Служил в Советской Армии. Работал журналистом в различных изданиях. Был первым главным редактором «Российской газеты», возглавлял крупнейшее издательство «Советская Россия», преобразованное им в «Русскую книгу». В 1993 году был назначен председателем Комитета РФ по делам печати и информации. Один из инициаторов учредительного съезда Национально-Державной партии России (НДПР), сопредседатель партии с 2002 года. Член Союза писателей России, в ноябре 1999 года был избран членом правления Союза писателей.

стр. 130

Миронов (Лазарев) Вячеслав Николаевич

Красноярск, 1966 г. р.

Родился в городе Кемерово в семье военнослужащего. С родителями объездил половину Советского Союза. В 1988 году окончил Кемеровское высшее военное командное училище связи, в 1992 — Высшие курсы военной контрразведки МБ РФ, в 2004 — СибЮИ МВД РФ. В различных должностях принимал участие в некоторых вооружённых конфликтах на территории СССР и РФ. Имеет ранения, награждён Орденом «Мужества». Лауреат различных литературных премий. Полковник полиции в отставке. Член Союза российских писателей. Автор книг: «Я был на этой войне. Чечня, год 1995», «Не моя война» (совместно с Олегом Маковым), «Капище», «Глаза войны» («Охота на Шейха»), «Война 2017. Мы не рабы!».

стр. 62
Молчанов Виталий Митрофанович
Оренбург, 1967 г. р.

Родился в Баку. Выпускник Московской академии нефти и газа. Председатель Оренбургского регионального отделения «Союза российских писателей», член «Союза писателей XXI века» и Координационного совета «Ассоциации писателей Урала». Лауреат международного фестиваля литературы и искусства «Славянские традиции—2010», лауреат малой международной литературной премии «Серебряный стрелец», победитель IV Международного поэтического конкурса имени С. И. Петрова, дипломант V Международного конкурса памяти Владимира Добина («Русское литературное эхо», Израиль), победитель литконкурса интернет-журнала «Лексикон» (Чикаго) в 2010 году, победитель литконкурса фестиваля «Гоголь-фэнтези—2009» (Украина), обладатель звания «Стильное перо—2009» по результатам литконкурса фестиваля «Русский стиль—2009» (ФРГ). Публиковался в еженедельнике «Обзор» («Континент», Чикаго), в журналах «Русское литературное эхо» (Израиль), «Дети Ра», «Зинзивер», «День и ночь», «Живой звук» (Москва), «Окна» (ФРГ), в альманахах «ЛитЭра» (Москва), «Гостиный двор» (Оренбург), «Чаша круговая» (Екатеринбург), в газетах «Зарубежные задворки» (ФРГ), «Южный Урал», «На Юго-Восточных рубежах (Челябинск), «Литературная гостиная» (Тверь), «Молодой Дальневосточник» (Владивосток), в сборнике «Обретённый голос», в «Антологии русской поэзии XXI века» и др.

стр. 86
Нифонтова Юлия Анатольевна
Барнаул, 1968 г. р.

Родилась в Барнауле, окончила живописно-педагогическое отделение Новоалтайского художественного училища, затем в 1996 году получила диплом с отличием Алтайского государственного института культуры и искусств. Работала преподавателем живописи и графики. Член Союза писателей России. С 2009 по 2015 год возглавляла Алтайский дом литераторов. Произведения печатались в литературно-художественных журналах «Алтай» (Барнаул), «Бийский вестник» (Бийск), «Русское эхо» (Самара), «Луч» (Ижевск), «Балтика» (Калининград), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Север» (Петрозаводск), в альманахах «Литературные знакомства», «Московский вестник», «Коростель», «Роман-журнал XXI век», «Наш современник» (Москва), во многих коллективных сборниках и периодической печати. Лауреат VIII Артиады народов России в лиге мастеров (Москва, 2006). В 2007 году завоевала премию имени А С. Пушкина. Лауреат литературных премий: имени А. П. Соболева, имени В. В. Бианки (2011), литературной премии Сбербанка России «Золотое перо» (2012) и др. Лауреат премии Алтайского края в области литературы, искусства, архитектуры и народного творчества в номинации «Просветительская деятельность в области литературы и искусства (литературоведение, искусствоведение)» за реализацию проекта «Краевые литературные чтения на Алтае» (2014). В 2016 году в должности заведующей отделом литературных и издательских проектов АКУНБ имени В. Я. Шишкова была награждена медалью оргкомитета по проведению Года литературы в России. Автор книг: «Провода гудящих строчек» (2006), «Шиза. История одной клички» (2009), «Осколки Матриархата» (2010), «Предчувствие» (2011), «Не хочу в Нормандию!» (2012), «Шиза в квадрате» (2013), «12 самых страшных тайн» (2016).

стр. 65
Орлов Александр Владимирович
Москва, 1975 г. р.

Окончил Московское медицинское училище №1 имени И. П. Павлова, Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работал ортопедом в челюстно-лицевом госпитале для ветеранов Великой Отечественной войны, разнорабочим, начальником отдела и заместителем генерального директора в частной компании, последние годы работает учителем истории в столичной школе. Автор нескольких книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийского конкурса малой прозы имени А. П. Платонова (2011), Всероссийского конкурса малой прозы и поэзии имени Ф. Н. Глинки (2012), Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014). Публиковался в широком круге изданий: «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учёба», «Сибирские огни», «Южное сияние», «Юность», в сборниках и антологиях.

стр. 3
Петров Борис Михайлович
Красноярск, 1932–2011

Сибирский писатель. Родился в Туле в семье потомственных оружейников. Окончил исторический факультет Куйбышевского педагогического института. Недолгое время вёл историю в школе, затем занялся журналистикой. Работал редактором Куйбышевской областной газеты. Служил в армии, где начал писать рассказы. После демобилизации работал учителем истории в селе Покровском Тюменской области. Вскоре очерки Бориса Петрова стали появляться в местных газетах. Позднее работал редактором районной газеты. Первой книжкой стала «Корзина цветов», изданная Куйбышевским издательством в 1966 году. В 1968 году приехал жить и работать в Красноярск в качестве собкора газеты «Известия». Итогом открытия новой земли явились очерковые книги «Солнцепоклонники» (1977) и «Мой край Сибирский» (1978), изданные в Москве

и Красноярске. Вторая художественная книга — «Кружка берёзового сока» вышла в 1973-м. После этого появились художественные книги для детей и взрослых — «Почему — карась?» (1977), «Тёплая земля» (1982). В 1978 году был принят в Союз писателей СССР. Затем были изданы: «Звёздный камень», «Сполохи», «Моя охота», «Старые, добрые вещи», «С полным коробом из леса», «Жизненный круг» и др. Долгие годы был главным редактором старейшего сибирского журнала «Енисей», литературным редактором и членом редколлегии журнала «Сибирский промысел». Последняя книга «Жизнь — житуха — житие» была издана в 2012 году, уже после смерти Бориса Михайловича. Скончался 10 декабря 2011 года в Красноярске.

стр. 49

Саввиных Марина Олеговна

Красноярск, 1956 г. р.

Выпускница филологического факультета Красноярского педагогического института. Публикации в литературной периодике с 1973 года: журналы «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Москва», «Дети Ра», «Северная Аврора», «LiteraruS» (Хельсинки), «Побережье» (Нью-Йорк), «Образы жизни» (Сан-Франциско), в еженедельнике «Обзор» (Чикаго), в коллективных сборниках и антологиях. Автор десяти книг стихов, прозы, художественной публицистики. Первый лауреат премии Фонда имени В. П. Астафьева (1994). Лауреат Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014). Лауреат X Всероссийского поэтического конкурса «Мечети — Божьи храмы» (2016). Член Союза российских писателей, Международного Союза писателей Иерусалима, Международного ПЕН-клуба, Гильдии межэтнической журналистики. Член Президиума Международного «Союза писателей XXI века». Автор проекта, организатор и первый директор Красноярского литературного лицея. Заслуженный работник культуры Красноярского края. Награждена орденом общественного признания имени Достоевского I степени. Главный редактор литературного журнала «День и ночь».

стр. 103

Сергеева Екатерина Юрьевна

Красноярск, 1970 г. р.

Родилась в Душанбе (Таджикистан) в семье военнослужащих. Окончила Красноярский государственный медицинский институт, лечебный факультет; Красноярский государственный педагогический университет, факультет иностранных языков. Доктор биологических наук, профессор кафедры патологической физиологии Красноярского государственного медицинского университета. Публиковалась в журнале «День и ночь», альманахе «Енисей», в нескольких коллективных сборниках, изданных в Красноярске и Санкт-Петербурге. В 2008 году вышла книга стихотворений «Маленькие кошки». Победитель конкурса «Пушкин. Лето. Красноярск» (2008) в номинации «Лучшее литературное произведение».

стр. 183

Синяя тетрадь

Красноярск

Ярослава Пекшева, Александра Герасимова, Владимир Петров, Дарья Гардт, Софья Куприянова, Марьяна Сидорова, Виктория Валова, Полина Антоненко, Софья Злочевская, Ирина Ускова — ученики школ Красноярска.

стр. 91

Стасевич Олеся

Иркутск, 1963 г. р.

Родилась в Иркутске. Прозаик, сценарист, архитектор, дизайнер. С 1989 года член Союза архитекторов России. Автор проектов жилых и общественных комплексов. Лауреат премии «Лучший проект России» (номинация «Реставрация», 2000) за проект «Реконструкция Иркутского железнодорожного вокзала». Автор образовательного инфопроекта «Сегодня Я — Дизайнер». С 2007 года ведущая рубрик «Рациональное использование пространства» и «Школа ландшафтного дизайна» журнала «Правила строительства». Сотрудничала с белорусским телеканалом Белсат ТВ, газетами «МК Иркутск» и «Союзное Вече». Автор документального фильма «Крыніцы душы маёй», отмеченного жюри Восьмого Всероссийского фестиваля по народному творчеству, традиционной культуре и этнографии «От чистого истока» специальной номинацией «За сохранение народных традиций белорусов». Публиковалась в литературном журнале «Автограф» (Донецк).

стр. 106

Хведченя (Бурлаковская) Тамара Михайловна

Шарыпово, 1953 г. р.

Родилась в Ачинске. В 1974 году с красным дипломом окончила Енисейский педагогический институт. Учитель-филолог с 30-летним стажем работы. Большую часть жизни прожила на Ангаре, в таёжном посёлке Хребтовый Богучанского района. Публиковалась в краевой и районной периодике. Увлекалась краеведением, этнографией, диалектологией. Автор сборников стихов: «Золотая канва», «Всё это жизнью зовётся». В настоящее время — руководитель шарыповского литературно-поэтического клуба «Вдохновение».

стр. 164

Цейтлин Евсей

Чикаго, 1948 г. р.

Культуролог, литературовед, критик, прозаик. Родился в Омске. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета имени А. М. Горького (1969), Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького (1989). Кандидат филологических

наук (1978), доцент (1980). Преподавал в вузах историю русской литературы и культуры. Автор литературно-критических статей и эссе, монографий, рассказов и повестей о людях искусства. Начиная с 1968 года публиковался во многих литературно-художественных журналах. Составил четыре сборника прозы русских и зарубежных писателей. Был главным редактором альманаха «Еврейский музей» (Вильнюс). С 1996 года живёт в США, редактирует чикагский ежемесячник «Шалом». Был членом Союза писателей СССР (1978), является членом Союзов писателей Москвы, Литвы, Союза российских писателей, членом Международного ПЕН-клуба («Writers in Exile»).

стр. 27 **Щербаков Александр Илларионович**
Красноярск, 1939 г. р.

Родился в селе Таскино Красноярского края в старообрядческой крестьянской семье. Образование: история и филология, экономика и журналистика. Работал учителем, корреспондентом краевых и центральных изданий, ныне возглавляет Красноярское отделение Союза писателей России. Автор двух десятков книг стихотворений, прозы, публицистики, повести «Свет всю ночь», сборников рассказов «Деревянный всадник», «Лазоревая бабка», «Змеи оживают ночью», поэтических книг «Трубачи весны», «Глубинка», «Горлица», «Жалейка», «Дар любви». Печатался в журналах: «Наш современник», «Молодая гвардия», «Уральский следопыт», «Сибирские огни», «Огонёк» и др. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Академик Петровской академии наук и искусств.

стр. 180 **Ягодинцева Нина Александровна**
Челябинск, 1962 г. р.

Родилась в Магнитогорске. Выпускница Литературного института имени А. М. Горького, член Союза писателей России с 1994 года. Кандидат культурологии, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинской государственной академии культуры и искусств. Автор поэтических книг, цикла учебников «Поэтика», монографий, электронной книги литературной критики, переводов с азербайджанского и башкирского языков, а также более 500 публикаций в литературной и научной периодике. Стихи автора вошли в антологии: русской женской поэзии «Вечерний альбом» (Москва, «Современник», 1991), «Современная уральская поэзия» (Челябинск, фонд «Галерея», 1996, 2003, 2011), «Антология русского лиризма. XX век» (Москва, «Студия», 2000), «Русская сибирская поэзия, XX век» (Кемерово, 2008), «Наше время: антология современной поэзии» (Москва, Нижний Новгород, 2009), «Русская поэзия. XXI век» (Москва, 2009). Лауреат Всероссийских литературных премий имени П. П. Бажова (2001, за книгу «На высоте метели»), имени К. Нефедьева (2002, за рукопись книги «Теченье донных трав»), имеени Д. Мамина-Сибиряка (2008, за книгу «Поэтика: принципы безопасности творческого развития»), Сибирско-Уральской литературной премии в номинации «Поэзия» (2011, за рукопись книги «Листая пламя»), лауреат Всероссийского конкурса «Лучшая научная книга — 2007» (за монографию «Русская поэтическая культура: сохранение целостности личности), литературной премии Уральского федерального округа (2012, за электронную книгу литературной критики «Жажда речи», в соавторстве с А. П. Расторгуевым). Член жюри Всероссийской литературной премии имени П. П. Бажова, председатель жюри Южно-Уральской литературной премии.

стр. 21 **Яловецкая Рена**
Москва

Родилась в Сибири. Киновед, кинокритик, член Союза писателей России. Работала журналистом в газетах и на телевидении. Печаталась в журналах «Советский экран», «Искусство кино». Читала лекции по проблемам кино, работала проректором Высших курсов сценаристов и режиссёров. Работала в Красноярске.

стр. 171 **Яранцев Владимир Николаевич**
Новосибирск, 1958 г. р.

Родился в Калинине (Тверь). Критик, литературовед. Окончил гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета. Кандидат филологических наук. Автор книги «Ещё предстоит открыть» (2008). Публиковался в журналах «Гуманитарные науки Сибири», «Сибирские огни», «День и ночь», «Алтай», «Складчина», «Огни Кузбасса» и др. Член Союза писателей России.

главный редактор

М. О. Наумова

редакторы

отдел прозы

Александр Астраханцев
Евгений Мамонтов

отдел поэзии

Сергей Кузнечихин

отдел публицистики

Геннадий Васильев

дизайнер-верстальщик

Олег Наумов

корректор

Дарья Романова

секретариат

Юлия Вятчина
Артём Яковлев

Учредитель: Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края. Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

редакционная коллегия

Николай Алешков
Набережные Челны

Сергей Арутюнов
Москва

Юрий Беликов
Пермь

Светлана Василенко
Москва

Вера Зубарева
Филадельфия

Анатолий Кирилин
Барнаул

Валентин Курбатов
Псков

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Евгений Минин
Иерусалим

Виталий Молчанов
Оренбург

Дмитрий Мурзин
Кемерово

Миясат Муслимова
Махачкала

Анна Сафонова
Южно-Сахалинск

Евгений Степанов
Москва

Михаил Тарковский
Бахта

Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург

Нина Ягодинцева
Челябинск

Журнал издаётся с 1993 года.

16+

В оформлении обложки использованы картины Сергея Карбушева.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Журнал выходит 1 раз в 2 месяца.

издатель
ООО «День и ночь».
ИНН 246 304 2749
Расчётный счёт
4070 2810 8006 0000 0186
в «Сибирском» филиале
банка ВТБ ПАО
в г. Новосибирске
БИК 045 004 788

Корреспондентский счёт
3010 1810 8500 4000 0788

Рукописи принимаются
по электронной почте:
dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск, пр. Мира, д. 3.
т. +7 923 571 4936

Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 7.11.2017
Дата выхода в свет: 20.11.2017
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная.

Отпечатано ИП Азарова Н. Н.
в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова,
д. 6, офис 0-10; т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

Сергей Карбушев | На Енисее. Серый день | 70 × 90 | 2011

Сергей Карбушев | На краю поля | 60 × 70 | 2009

Сергей Карбушев

Первая осень | 75 × 70 | 2004–2012

На обложке:

Зимнее солнце (фрагмент) | 80 × 70 | 2011